

**АМЕРИКАНСКИЕ
ПРОСВЕТИТЕЛИ**

ФИЛОСОФСКОЕ **Н**АСЛЕДИЕ

АМЕРИКАНСКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ

**ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ДВУХ ТОМАХ.**

ТОМ 2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ

ЛИТЕРАТУРЫ

« МЫСЛЬ »

МОСКВА — 1969

1Ф
А61

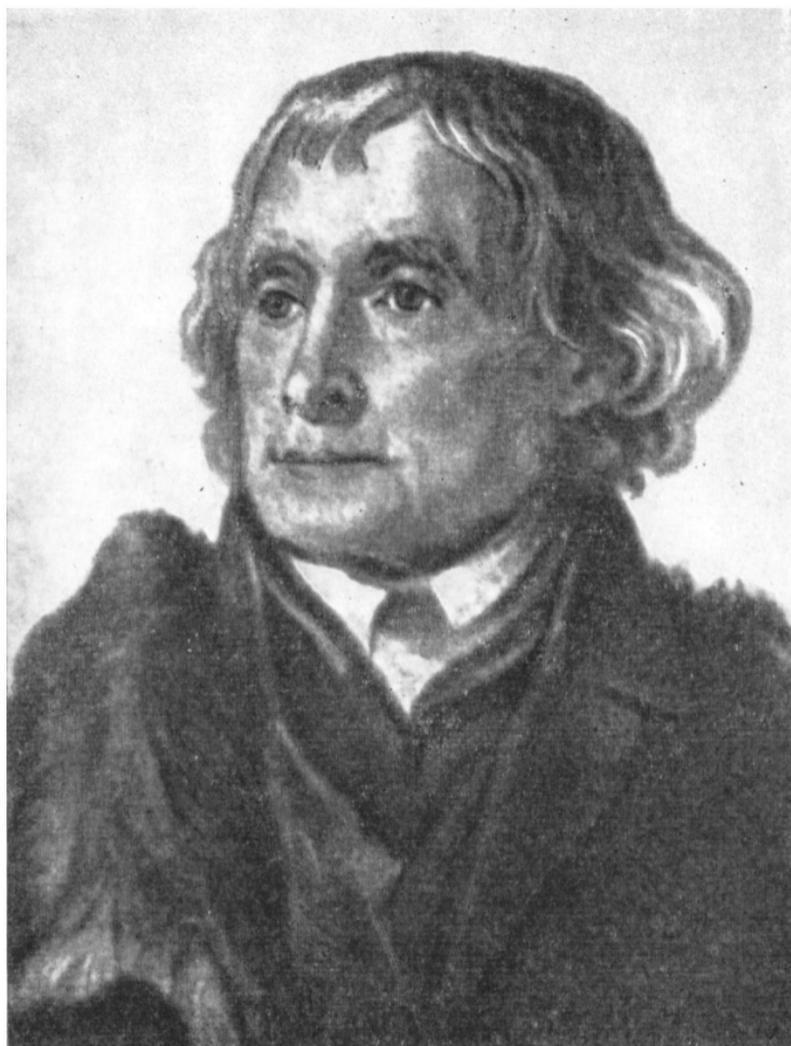
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СОСТАВЛЕНИЕ И ПРИМЕЧАНИЯ
Н. М. ГОЛЬДБЕРГА

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
Б. Э. БЫХОВСКОГО

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

ТОМАС ДЖЕФФЕРСОН

ОБЩИЙ ОБЗОР ПРАВ БРИТАНСКОЙ АМЕРИКИ

[июль 1774]

...Было решено, что будет дан наказ вышеупомянутым депутатам [Вирджинии], когда те соберутся в Генеральном конгрессе вместе с депутатами от других штатов Британской Америки, предложить конгрессу обратиться с простым и исполненным сознанием долга посланием к его величеству, прося разрешения изложить ему, как высшей власти Британской империи, все жалобы подданных его величества в Америке; жалобы, вызванные многочисленными, ничем не оправданными вторжениями и незаконными захватами, которые пыталась производить законодательная власть одной части империи в отношении прав, данных богом и законом всем, в равной мере и независимо ни от чего. Укажем его величеству, что его штаты часто смиренно обращались к его королевскому трону, дабы восстановить с помощью его вмешательства их попорченные права; однако ни разу они не удостоивались даже какого-нибудь ответа. Выражается робкая надежда, что это совместное обращение, которое написано языком правды и лишено выражений раболепия, должно убедить его величество, что мы просим не милости, а прав, и встретит у его величества более почтительный прием; его величество поймет, что у нас есть основания ожидать этого, если он задумается над тем, что он не больше как главный чиновник (chief officer) своего народа, назначенный законом и наделенный из-

вестной властью, чтобы помочь работе сложной государственной машины, поставленной для того, чтобы приносить пользу народу, и, следовательно, подверженный контролю народа; пусть эти права, как и посягательства на них, будут наиболее полно изложены его величеству с целью их рассмотрения, начиная от истории происхождения и первых поселений жителей этих мест.

Напомним ему, что наши предки до эмиграции в Америку были свободными жителями британских владений в Европе и владели правом, которое природа дала всем, покидать страну, когда не остается другого выбора, в поисках нового местожительства и основывать там новые общества в соответствии с законами и порядками, больше всего содействующими, по их мнению, счастью народа. Их саксонские предки, следуя этому всеобщему закону, подобным образом покинули свои родные места и леса на севере Европы, овладели островом Британия, менее заселенным в ту пору, и учредили там систему законов, которая так долго была славой и защитой этой страны. Родина, которую они покинули при переселении, также никогда не предъявляла им никаких претензий на превосходство или зависимость; а если бы такие претензии и предъявлялись, то, как полагают, подданные его величества в Великобритании слишком твердо убеждены в своих правах, переданных им их предками, чтобы подчинить суверенитет своей страны таким необоснованным претензиям. И надо думать, что нет причины делать существенные различия между британской и саксонской эмиграцией. Америка была завоевана и в ней были созданы и упрочены поселения за счет отдельных лиц, а не британского народа. Их собственная кровь была пролита ради овладения землями для своих поселений, их собственное состояние тратилось во имя того, чтобы эти поселения были жизнеспособными. Они боролись за себя, сами побеждали и только на себя могли полагаться. Ни один шиллинг никогда не выдавался из государственной казны его величества или его предков в помощь им до самого последнего времени, когда колонии получили твердую и постоян-

ную опору. И только когда они действительно начали приобретать цену для Великобритании, для торговых целей, парламент охотно стал оказывать им помощь в борьбе с врагом; враг также охотно извлек бы для себя пользу от их торговли ради увеличения своей мощи и угрозы Великобритании. Такую помощь и при таких обстоятельствах прежде часто оказывали Португалии и другим союзническим государствам, с которыми поддерживались торговые отношения. Тем не менее эти государства никогда не считали, что, призывая на помощь, они тем самым подчиняются власти соответствующей страны. Если бы ставились такие условия, они с презрением отвергли бы их в надежде на лучшее, на то, что они сами сдержат своих врагов и энергично проявят собственную силу. Мы не хотим, однако, недооценивать той помощи, которая, несомненно, была для нас ценной, по какой бы причине ее ни оказывали; но мы хотели бы показать, что она не может предоставить право на власть над нами, на которое претендует британский парламент, и что [эта помощь] может полностью быть оплачена тем, что мы предоставим населению Великобритании такие исключительные привилегии в торговле, какие могут быть выгодны для него и в то же время не станут слишком ограничивать нас. Колонии были созданы в необитаемой части Америки, так что эмигранты сочли целесообразным принять ту систему законов, при которой они до этого жили у себя на родине, и продолжать свою связь с ней, подчиняясь тому же общему повелителю, ставшему вследствие этого центральным звеном, соединяющим различные части империи, недавно приумноженные таким путем.

Но хотя эмигранты и считали, что освободились от угнетения, им недолго было разрешено сохранять нерушимыми права, приобретенные с риском для жизни и ценой потери состояния. Тогда на британском троне восседала династия королей¹, изменнические преступления которых против своего народа привели впоследствии к использованию тех священных и суверенных прав наказания, оставшихся в руках народа на случай крайней необходимости, которые по конституции счи-

тались небезопасными и которые поэтому нельзя было передавать в какой-либо другой суд. В то время как каждый день приносил какое-нибудь новое и не имеющее оправданий проявление власти над своими подданными по ту сторону океана, нельзя было ожидать, чтобы подданные, находящиеся здесь, значительно менее способные в то время противостоять деспотическим замыслам, были бы избавлены от несправедливостей. Поэтому страна, которую завоевали ценой жизни, трудом и состоянием отдельных искателей приключений, несколько раз делилась этими королями и распределялась между их фаворитами и приверженцами; и только вследствие мнимого права короны были созданы отдельные независимые области; мудрость и понимание его величества, как полагают, не позволят ему повторить такую меру в настоящее время, поскольку в королевстве его величества в Англии власть никогда не проявлялась в разделе и расчленении страны, хотя Англия и имеет долгую историю; это не может быть оправдано и с этим нельзя будет согласиться здесь или в любой другой части империи его величества.

Другой несправедливостью было покушение на право свободной торговли со всеми странами света, находившееся в руках американских колонистов, — естественное право, которого не отнимал и не ограничивал никакой из их законов. Когда некоторые колонии сочли правильным продолжать свое управление от имени и под властью его величества короля Карла I, которому, несмотря на то что он недавно был свергнут английской республикой, они продолжали подчиняться как верховной власти своего государства, парламент республики счел это за крайнее оскорбление в свой адрес и присвоил себе право запрещения торговли колонистов со всеми странами мира, кроме острова Великобритания. Вскоре, однако, он отменил этот деспотический акт, и 12 марта 1651 г. было заключено торжественное соглашение между упомянутой республикой в лице уполномоченных и колонией Вирджиния через ее палату городских представителей; восьмой статьей этого соглашения было ясно оговорено, что колонисты

должны получить право «свободной торговли, каким пользуются англичане, со всеми странами и со всеми народами в соответствии с законами республики». Но после реставрации монархии его величества короля Карла II право колонистов на свободную торговлю снова стало жертвой деспотической власти; и несколькими актами, подписанными его рукой, а также некоторыми актами его преемников на торговлю в колониях были наложены ограничения, показывающие, какие надежды можно было бы возложить на справедливость британского парламента, если бы его неконтролируемая власть распространялась на эти штаты. История учит нас, что группы людей, как и отдельные личности, способны поддаваться духу тирании. Рассмотрение этих парламентских актов по регулированию, как их лицемерно называли, американской торговли даже при отсутствии всех других доказательств неопровержимо убедит нас в правильности такого наблюдения. Помимо пошлин, которыми они облагают наши предметы экспорта и импорта, они запрещают нам заходить на рынки севернее мыса Финистерра в испанское королевство для продажи товаров, которые Великобритания не желает у нас покупать, и для покупки других, которых она не может нам предложить; только ради деспотической цели — покупки для себя, жертвуя нашими правами и интересами, Великобритания предоставила некоторые привилегии союзным государствам, которые, будучи уверены в том, что [право] исключительной торговли с Америкой сохранится, пока законы и власть британского парламента остаются без изменения, позволили себе всякие крайности, которые могла продиктовать их жадность или вызвать наша нужда: они подняли цены на свои товары, ввозимые в Америку, в два и три раза по сравнению с той ценой, по которой эти товары продавались до того, как им были предоставлены эти привилегии, и по сравнению с тем, что стоили бы такие товары лучшего качества, ввозимые нами из других стран; в то же время они дают нам значительно меньше за то, что мы ввозим в их страны, по сравнению с тем, что мы могли бы иметь в более удобных для нас портах. Упомяну-

тые законы запрещают нам доставлять в какие-либо государства в поисках других покупателей избыток нашего табака, остающийся после удовлетворения потребности в нем Великобритании, так что мы вынуждены оставлять его британскому купцу по той цене, которую он соизволит назначить нам за переправку на иностранные рынки, где он извлечет прибыль, продавая их так, чтобы получить их полную стоимость. Для того чтобы еще более возвысить идею парламентской справедливости и показать, с какой умеренностью парламент проявляет свою власть там, где сам не может ощутить и части ее бремени, мы берем на себя смелость упомянуть его величеству некоторые другие законы британского парламента, на основании которых нам могут запретить производить для собственного потребления предметы торговли, которые мы получаем, возделывая собственные земли собственным трудом. По закону, изданному в 5-й год правления его величества, короля Георга II, американскому подданному запрещается шить себе шляпу из меха, добытого им, возможно, на его родной земле. Это пример деспотизма, которому нельзя найти равного на протяжении самых деспотических веков истории Британии. По другому закону, изданному в 23-й год правления того же короля, нам запрещается обрабатывать черный металл, который мы добываем, и мы вынуждены оплачивать Великобритании помимо комиссионных и страховки фрахт за этот тяжелый и необходимый для любой отрасли сельского хозяйства товар, а также фрахт за его обратную доставку с целью поддержки не людей, а машин на острове Великобритания. В том же духе равного и справедливого законодательства следует рассматривать парламентский акт, изданный в 5-й год того же правления, по которому американские земли делаются подвластными требованиям британских кредиторов, в то время как на землях последних не лежит никакой ответственности за их долги; отсюда непременно вытекает один из следующих выводов: либо справедливость неодинакова в Америке и Англии, либо британский парламент обращает на нее здесь меньше внимания, чем там. Но мы указываем его величе-

ству на несправедливость этих актов не с намерением объяснить причину их недействительности, а с целью показать, что опыт подтверждает правильность тех политических принципов, которые освобождают нас от юрисдикции британского парламента. Истинным основанием, по которому мы считаем эти акты недействительными, является то, что британский парламент не имеет права проявлять свою власть над нами.

Проявление незаконно захваченной власти не ограничивалось только теми случаями, в которых Англия сама была заинтересована; эта власть вмешивалась также в управление внутренними делами колоний. Акт 9-го года правления Анны об учреждении почтового ведомства в Америке, кажется, мало был связан с интересами Британии, если не считать таковыми предоставление министрам и фаворитам его величества [права] продажи прибыльных и легких должностей.

Мы бегло проследили правления, предшествовавшие вступлению на престол его величества, при которых нарушения наших прав вызывали меньшую тревогу, поскольку они повторялись реже, чем та цепь быстро следующих одна за другой и бесстыдных несправедливостей, отличающая настоящий период американской истории от всех других. Едва наше сознание смогло прийти в себя от удивления, которое вызвал у нас один удар парламентского грома, как на нас обрушился другой, более тяжелый и тревожный. Единичные акты тирании можно приписать случайному решению одного дня, но длинный ряд притеснений, начатый в известный период и неизменно продолжающийся при всех сменах министров, слишком ясно доказывает преднамеренный, систематический план нашего порабощения. Изданные в 4-й год правления его величества «Закон об установлении некоторых пошлин», в 5-й год — «Закон о гербовом сборе», в 6-й год — «Закон, провозглашающий право распространения власти парламента на колонии» и в 7-й год — «Закон об установлении пошлин на бумагу, чай и пр.» представляют одну цепь парламентской узурпации, что было уже предметом неоднократных обращений к его величеству, палате лордов и палате общин Великобри-

таних; поскольку нас еще не удостоили никаким ответом, мы не будем беспокоить его величество повторением содержащихся в них вопросов.

Но другой закон, изданный также в 7-й год его правления и содержащий особые притязания, требует особого упоминания. Это «Закон о временном прекращении законодательной власти Нью-Йорка».

Одно свободное и независимое законодательное учреждение тем самым берет на себя право временно отстранять от власти другое, такое же свободное и независимое, как оно само. Таким образом, наблюдается невиданное в природе явление: создатель и создание своей собственной власти. Надо отказаться не только от принципов здравого смысла, но и от здравых чувств человеческой природы, прежде чем подданных его величества в этой стране можно будет заставить поверить, что их политическое существование зависит от воли британского парламента. Если эти правительства распустить, их собственность упразднить и их народ довести до естественного состояния, подчинить всем велениям власти группы людей, которых он никогда не видел, на которых никогда не полагался и которых не имеет права ни наказывать, ни перемещать, будут ли преступления против американского народа когда-либо столь велики? Разве можно привести какое-нибудь разумное основание, в силу которого сто шестьдесят тысяч избирателей острова Великобритания должны навязывать свою волю четырем миллионам² людей, живущим в штатах Америки, каждый из которых равен англичанину по своим добродетелям, рассудку и физической силе? Если бы можно было это допустить, то вместо того, чтобы быть свободным народом, каким мы себя до сих пор считали и хотим продолжать считать, мы внезапно оказались бы рабами не одного, а ста шестидесяти тысяч тиранов, отличающихся от всех других тем исключительным обстоятельством, что они свободны от страха, который является единственным сдерживающим мотивом, способным отвести руку тирана.

По «...закону, прекращающему указанным образом и на установленное в нем время высадку на берег, выгрузку и погрузку различных товаров, а также торгов-

лю в городе и в пределах порта Бостон в районе залива Массачусетс в Северной Америке», утвержденному на последней сессии британского парламента, большой и населенный город, в котором торговля была единственным источником существования, был лишен права торговли и обречен на явное разорение. Чтобы рассмотреть этот закон с позиций справедливости, предположим на минуту, что вопрос о праве снят. Был принят акт парламента, устанавливающий пошлину на чай, которую должны были выплачивать в Америке. Американцы опротестовали этот акт как незаконный. Ост-индийская компания, до того времени никогда не отправлявшая на свой страх и риск и фунта чаю в Америку, в данном случае как защитник парламентского права делает шаг вперед и посылает сюда множество судов, груженных этим товаром, таящим в себе опасность. Однако по прибытии в Америку судовладельцы мудро прислушались к предостережениям и вернулись со своим грузом назад. Только в провинции Новая Англия не придали значения протестам народа, и после многих дней ожидания ему было наотрез отказано в уступке. Руководствовался ли при этом судовладелец своим упрямством или своими соображениями, пусть скажет тот, кто знает. Бывают исключительные ситуации, требующие исключительного вмешательства. Разгневанный народ, сознающий, что он обладает силой, нелегко сдержать в строгих рамках закона. Многие люди собрались в г. Бостоне, выбросили чай в океан и разошлись, не совершив никакого другого акта насилия³. Если при этом люди причинили зло, их могли заставить отвечать по законам страны, так как их знали; [но] нельзя было заявить, что были случаи, когда они сбивались с правильного пути в угоду обидчикам народа. Поэтому в данном случае им нельзя было не верить. Но эта злополучная колония прежде была смела в своей вражде к династии Стюартов, а теперь обречена на разорение от невидимой руки, управляющей важными делами этой великой империи. При частичном представительстве нескольких никчемных подчиненных лиц министерств, постоянным занятием которых было оставлять дела правительства

запутанными, лиц, которые благодаря своему вероломству надеялись получить британские звания титулованных дворян, не предъявляя обвинений, не спрашивая доказательств, не пытаясь делать различий между виновными и невиновными, весь этот древний и зажиточный город вмиг переходит от богатства к нищете. Люди, потратившие жизнь на расширение британской торговли, вложившие {в это дело} состояние, добытое честным трудом и усердием, сразу же оказались выброшенными на улицу со своими семьями и могли существовать только благодаря милосердию. В упомянутом деле не была замешана даже сотая часть жителей Бостона; многие из них находились в Великобритании и других местах за океаном; но, несмотря на это, все, без всяких различий, были разорены новой исполнительной властью, о которой раньше ничего не слышали,— английским парламентом. Пожертвовали многомиллионным состоянием, чтобы отомстить, а не возместить потерю нескольких тысяч. Так отправляется правосудие поистине тяжелой рукой! И когда же остановят движение этой бури? Две верфи будут снова открыты, когда его величество сочтет нужным; оставшиеся вдоль широких берегов Бостонского залива навсегда лишатся права заниматься торговлей. По-видимому, это небольшое исключение сделано с единственной целью установить прецедент для наделения его величества законодательной властью. Если при этом эксперименте пульс народа будет продолжать спокойно биться, то будут проводиться все новые и новые испытания, пока не будет заполнена мера деспотизма. Было бы оскорблением здравого смысла притворяться, что упомянутое исключение сделано с целью возрождения торговли в этом большом городе. Торговля, которую нельзя возродить только при помощи двух верфей, по необходимости должна быть перенесена в какое-то другое место, куда вскоре последуют и две другие верфи. Если рассматривать вопрос в таком свете, то это оскорбительная и жестокая насмешка над уничтожением г. Бостона.

По закону о подавлении бунтов и мятежей в г. Бостоне, также принятом на последней сессии парламен-

та, за совершенное там убийство, если того пожелает губернатор, должен судить верховный суд на о-ве Великобритания с присяжными заседателями из Мидлсекса. Свидетели также обязаны присутствовать при судебном разбирательстве, получая такую денежную сумму, которую губернатор сочтет нужным на них потратить. Иными словами, они получают вознаграждение в зависимости от объема показаний, а этот объем может быть любым, каким того пожелает губернатор. Но ведь кого же, по мнению его величества, можно уговорить пересечь Атлантический океан с единственной целью дать свидетельские показания по какому-то делу? Действительно, издержки должны быть возмещены в размере, который оценит губернатор. Но кто будет кормить оставшихся за океаном жену и детей свидетеля, у которых нет иного источника существования, кроме его каждодневного заработка? А эпидемические заболевания, столь страшные в чужом климате? Входит ли их лечение в статью расходов? Отвратит ли всемогущая власть парламента их опасность? Несчастный преступник, если ему довелось нарушить закон на американской земле, лишенный привилегии быть судимым пэрами своей страны, удаленный от того места, откуда только могло быть получено полное свидетельское показание, без денег, без адвоката, без друзей, без оправдывающих доказательств стоит перед судьями, предрешившими его осуждение. Трусы, которые позволяют вырвать своего соотечественника из недр общества для принесения таким путем жертвы парламентской тирании, заслуживают того вечного позора, которым покрыли себя авторы этого закона! С подобной же целью в закон, принятый в 12-й год правления его величества [и] названный «актом по улучшению охраны и обеспечению безопасности судостроительных верфей его величества, магазинов, судов, аммуниций и складов», был введен пункт, который уже опротестовали некоторые колонии как достойный такого же осуждения.

Эти акты власти, принятые группой людей, чужды нашим конституциям и не признаны нашими законами; против них мы от имени жителей Британской

Америки выражаем этот наш законный и решительный протест. И мы со всей серьезностью обращаемся к его величеству — пока единственной посреднической власти между различными государствами Британской империи [с просьбой] рекомендовать своему парламенту в Великобритании всеобщую отмену этих законов, какими бы маловажными они ни были, так как они могут явиться причиной дальнейших недовольств и распрей между нами.

Мы будем продолжать наблюдать за поведением его величества, в руках которого находится исполнительная власть этих штатов, и отмечать все отклонения от исполнения своего долга. По конституции Великобритании, как и некоторых американских штатов, его величество наделен властью отказываться превращать в закон любой билль, уже прошедший две другие инстанции законодательного учреждения. Однако его величество поступал так, как и его предшественники, которые, понимая неправильность противопоставления своего личного мнения объединенной мудрости обеих палат парламента, до тех пор пока на их действия не оказывают влияния корыстные принципы, в течение последних нескольких веков скромно отказывались от проявления этой власти в части его империи, именуемой Великобританией. Но при изменившихся обстоятельствах их решения подпали под влияние принципов, отличных от принципов простой справедливости. Добавление новых штатов к Британской империи привело к появлению новых, иногда прямо противоположных интересов. Поэтому теперь высоким долгом вашего величества является возобновление своей власти отказывать в утверждении [биллей] и воспрепятствование принятию каким-либо законодательным учреждением империи законов, способных оскорбить права и интересы другого. И все же это не может извинить безответственного проявления этой власти, которое, как мы видели, его величество допускал в отношении американского законодательства. По самым ничтожным основаниям, а иногда на совсем непонятном основании его величество отвергал законы, имевшие самые добрые намерения. Отмена у себя рабства — величайший

предмет желаний в колониях, где оно было, к несчастью, введено с начала их существования. Но до освобождения своих рабов необходимо исключить их дальнейший привоз из Африки. Однако наши неоднократные попытки осуществить это путем запрета или обложения пошлинами, могущими достигать таких размеров, что были равносильны запрещению, до сих пор встречали отказ со стороны его величества. Таким образом, отдавалось предпочтение непосредственной выгоде нескольких британских корсаров, а не длительным интересам американских штатов и правам человеческой природы, глубоко раненной такими позорными порядками. Более того, отдельное выступление заинтересованного лица против закона почти всегда имело успех, хотя на другую чашу весов ставились интересы всей страны. Если такое постыдное злоупотребление властью, данной его величеству для других целей, не прекратится, потребуются какие-то узаконенные ограничения.

С тем же невниманием к нуждам своего народа здесь его величество позволило нашим законам годами оставаться без рассмотрения в Англии, ни утверждая их своим согласием, ни отменяя своим отказом; так, те из них, которые не содержат пунктов о временном приостановлении, мы сохраняем на самые рискованные из всех длительных сроков, какие пожелает его величество; те же, которые прекращаются до получения санкции его величества, как мы опасаемся, могут быть вызваны к жизни в далеком будущем, когда время и изменение обстоятельств сделают их пагубными для его народа в этой стране. И чтобы сделать эту обиду еще более гнетущей, его величество своими предписаниями настолько ограничил в правах своих губернаторов, что те не могут принять ни одного закона, если в нем не содержится пункта о временном приостановлении; таким образом, каким бы срочным ни было требование вмешательства законодательной власти, закон не может выполняться, пока он дважды не пересечет Атлантический океан, а за это время зло может оказать все свое действие.

Но в каких выражениях, угодных его величеству и в то же время отвечающих истине, должны мы гово-

речь о последнем предписании губернатору колонии Вирджиния, согласно которому ему запрещается санкционировать любой закон о разделе округа, если новый округ не согласится не иметь своего представителя в ассамблее? Эта колония еще не закрепила границ на западе; ее западные округа, следовательно, не имеют границ; некоторые из них фактически расположены на расстоянии многих сотен миль от своих восточных границ. Возможно ли, чтобы его величество совсем не подумал о положении людей, которые, чтобы добиться правосудия [получив воздаяние] за обиды, какими бы большими или малыми они ни были, по законам этой колонии, должны месяцами являться в суд своего округа, находящийся так далеко от них, со своими показаниями, пока не будет решена их тяжба? Или его величество всерьез желает, заявляя об этом миру, чтобы его подданные отказались от славного права представительства со всеми выгодами, которые могут быть от этого получены, и отдали себя в полное рабство его суверенной воле? Или скорее имеется в виду ограничить законодательные учреждения до имеющегося в настоящее время числа, с тем чтобы с ними легче было разделаться, когда ими будет стоить заняться?

Одна из статей обвинения против Трезилиана⁴ и других судей Вестминстерского зала заседаний при Ричарде II, по которой им был вынесен смертный приговор как изменникам родины, заключалась в том, что она разрешала королю в любое время распускать парламент; последующие короли держались мнения этих несправедливых судей. Однако с момента принятия (во время славной революции) британской конституции с ее свободными и древними принципами ни его величество, ни его предшественники не пользовались этой властью для роспуска [парламента] на о-ве Великобритания*; и когда к его величеству обратился там

* При дальнейшем исследовании я обнаружил два случая роспуска парламента, до того как он перестал существовать как таковой, а именно: парламент, который должен был заседать 24 августа 1698 г., был распущен королем Вильгельмом 19 декабря 1700 г., другой, который должен был заседать 6 февраля 1701 г., был также распущен 11 ноября 1701 г., а новый заседал 30 декабря 1701 г.

народ с петицией о роспуске тогдашнего парламента, ставшего ему негодным, услышали, как его министры заявили на открытом [заседании] парламента, что его величеству не дана такая власть по конституции. Но насколько иначе они говорят и поступают здесь! Провозглашение, как того требовал долг, известных прав своей страны, препятствие всякой чужеземной узурпации отправления правосудия, пренебрежительное отношение к настоятельным требованиям министра или губернатора — нескрываемыя причины роспуска палат представителей в Америке. Но если такая власть действительно дана его величеству, неужели он предполагает, что наделен ею для внушения страха своим подданным? Если бы депутаты палаты потеряли доверие своих избирателей, если бы они заведомо распродали свои самые ценные права и приняли на себя власть, которой народ им никогда не давал, — тогда, действительно, их дальнейшее функционирование стало бы опасным для государства и вызвало бы необходимость роспуска [палат]. Поскольку в этом заключаются причины, по которым представительный орган должен или не должен быть распущен, не покажется ли страшным для беспристрастного наблюдателя, что представительство в Великобритании не было распущено, в то время как представительство в колониях неоднократно навлекло на себя такой приговор?

Но ваше величество или ваши губернаторы проявляли эту власть вне пределов, предусмотренных законом. Распустив одну палату представителей, они отказывались созвать другую, так что в течение длительного времени предусмотренная законом законодательная власть не существовала. По природе своей каждое общество во все времена должно иметь в своих пределах суверенную законодательную власть. Чувства человеческой природы восстают против возможности существования государства, неспособного в случае крайней необходимости предотвратить опасность, которая, возможно, грозит немедленной гибелью. Пока существуют учреждения, которым народ передал полномочия законодательной власти, только они владеют этой властью и могут ее проявлять. Но когда их распускают,

обрубая одну или более ветвей [власти], власть возвращается к народу, который может пользоваться ею в неограниченных пределах в любой форме, какую сочтет необходимой: собираясь вместе лично, посылая депутатов или как-то иначе. Мы воздерживаемся рассматривать последствия более детально; опасности, которыми чревата такая практика, очевидны.

Кроме того, мы обращаем внимание на ошибку, вкравшуюся в очень ранний период нашего поселения и относящуюся к характеру нашего землевладения. Введение феодальных владений в королевстве Англии, хотя и древнее, вполне понятно, чтобы правильно осветить этот вопрос. В раннюю эпоху поселения саксонцев феодальные владения были, разумеется, совершенно неизвестны, и очень немногие, если вообще такие имелись, были введены во время норманского завоевания. Наши саксонские предки владели землей так же, как своим личным имуществом; это было их абсолютное владение, без всякого подчинения кому-то вышестоящему; оно почти полностью отвечало характеру владений, именуемых при феодализме аллодом⁵. Вильгельм Норманский впервые широко ввел эту систему. Земли, принадлежавшие павшим в битве при Гастингсе⁶ и в последующих мятежах, которые происходили во время его правления, составляли значительную часть земель всего королевства. Вильгельм жаловал [своим приближенным] эти земли, которые облагались феодальными повинностями, как и те, которые принадлежали его многочисленным новым подданным, вынужденным под влиянием уговоров или угроз от них отказаться. Но все же много земель осталось в руках его саксонских подданных, не принадлежащих никому из вышестоящих лиц и не подчиняющихся феодальным условиям. Поэтому они, как гласят законы, введенные для того, чтобы сделать однородной систему военной обороны, подлежали таким же военным обложениям, как если бы они были феодами⁷, и норманские законоведы вскоре нашли способ взвалить на них и другие феодальные тяготы. Но все же эти земли не были отданы королю, не были дарованы им, и поэтому он ими не владел. Был введен общий принцип:

«Все земли в Англии являются собственностью короны прямо или косвенно». Но этот принцип был заимствован из истинно феодальных владений и применялся к остальным только для примера. Поэтому феодальные владения были лишь исключением из саксонских законов о собственности, по которым все земли находились в собственности по абсолютному праву. Поэтому они продолжают составлять основу обычного права и преобладают там, где не имели места исключения. Америка не завоевывалась Вильгельмом Норманским, и ее земли не подчинялись ни ему, ни кому-либо из его преемников. Несомненно, все владения носят аллодиальный характер. Однако наши предки, переселившиеся сюда, были тружениками, а не законоведами. Вначале их убедили считать действительным вымышленный принцип, будто все земли первоначально принадлежали королю, и, следовательно, они принимали от короля пожалованные им их собственные земли. Пока король продолжал даровать земли за небольшие суммы и допустимую ренту, не было необходимости положить конец этой ошибке и обнажить ее перед народом. Но недавно его величество взял на себя изменение условий покупки и владения землей: он удвоил цену по сравнению с той, какая была раньше. Вследствие этого население нашей страны испытывает затруднения, так как приобрести землю становится сложно. Поэтому настало время изложить его величеству этот вопрос и заявить, что он не имеет права сам жаловать земли. По природе и назначению гражданских учреждений все земли в пределах, занимаемых каким-либо обществом, присваиваются этим обществом и подлежат распределению только им самим. Такое распределение может производиться самими [участниками], собравшимися [для этой цели], или их законодательными учреждениями, куда они могут направить суверенное лицо; если же распределение земель производится иначе, то каждый член общества может присвоить себе свободные земли, после чего он получит титул.

Для проведения в жизнь деспотических мер, на которые жаловались ранее, его величество время от вре-

мени засылал к нам большие вооруженные группы, составленные не из наших людей и набранные не по велению наших законов. Если бы его величество обладал таким правом, он мог бы поглотить все наши другие права, когда бы он ни счел нужным это сделать. Но его величество не имеет права высаживать на наши берега ни одного вооруженного человека; а те, кого он сюда посылает, должны подчиняться нашим законам при подавлении бунтов и наказании мятежников в случаях нарушений порядка и незаконных сборищ; иначе они являются враждебной силой, вторгшейся в нашу страну вопреки закону. Когда во время прошлой войны оказалось целесообразным ввести войска из Ганновера для защиты Великобритании, дедушка его величества, наш бывший повелитель, не делал вид, что вводит их своей властью. Это вызвало бы тревогу у его подданных в Великобритании, свобода которых была бы под угрозой, если бы вооруженные люди другой страны, чуждые по духу, могли в любое время доставляться в королевство без согласия его законодательных властей. Поэтому он обратился к парламенту, который издал по этому случаю акт, ограничивающий количество ввозимых отрядов и срок их пребывания. Таким же образом ограничивают его величество во всех частях империи. Он, действительно, держит в своих руках исполнительную власть законов в каждом штате; но это законы отдельного штата, которые он должен проводить в жизнь в пределах этого штата, а не законы одного штата, проводимые в пределах другого. Каждый штат сам должен определять количество вооруженных людей, которые могут безопасно находиться в нем, а также их состав и то, какие следует предусмотреть ограничения. Чтобы сделать соответствующие действия еще более преступными в отношении наших законов, его величество вместо того, чтобы подчинить военную власть гражданской, совершенно явно подчинил гражданскую власть военной. Но может ли его величество таким путем повергнуть все законы к своим ногам? Может ли он воздвигнуть власть выше той, которая создала его самого? Он сделал это силой; но пусть он запомнит, что сила не может дать права.

В этом заключаются наши жалобы, которые мы изложили его величеству с присущей свободному народу свободой языка и чувства; народ требует своих прав как выведенных из законов природы, а не как дара, пожалованного верховным правителем. Пусть льстит тот, кто боится: это искусство не отличает американца. Восхвалять то, что недостойно, может быть, хорошо в корыстных целях, но не подобает тем, кто утверждает права человеческой природы. Они знают и поэтому скажут, что короли — слуги, а не хозяева народа. Откройте свое сердце, ваше величество, либеральным и широким мыслям. Пусть имя Георга III не запятнает страницу истории. Вы окружены британскими советниками, но помните, что они представляют части [империи]. У вас нет министров по делам Америки, поскольку вы их не выбрали из нас, нет ответственных перед законами, по которым они могут давать вам советы. Поэтому вам приходится думать и действовать за себя и за свой народ. Великие принципы справедливого и несправедливого ясны каждому умеющему читать; чтобы следовать им, не требуется помощь многих советников. Все искусство управления заключается в искусстве быть честным. Старайтесь только выполнять свой долг, и человечество воздаст вам должное, если вы даже потерпите неудачу. Не продолжайте упорно жертвовать правами одной части королевства ради неумеренных желаний другой, но распределяйте между всеми равные и справедливые права. Пусть ни одним законодательным учреждением не будет утвержден ни один акт, который может нарушить права и свободу другого. Это важная должность, на которую вас поставил счастливый случай, поддерживать равновесие в великой, при условии сохранения стабильности, империи. Таковы, ваше величество, рекомендации вашего великого американского совета, от соблюдения которых, возможно, будет зависеть ваше благополучие и будущая слава и сохранение той гармонии, которая одна может продлить существование как в Великобритании, так и в Америке взаимных выгод от их соединения. Не в наших стремлениях и не в наших интересах отделяться от нее. Мы со своей

стороны хотим пожертвовать всем, чего может пожелать разум, для восстановления того спокойствия, которого все должны желать. Что касается [британских властей], то пусть они будут готовы установить союз согласно благородным намерениям. Пусть назовут свои условия, но пусть эти условия будут справедливы. Отнеситесь благосклонно ко всем привилегиям в области торговли по отношению к таким предметам, которые в нашей власти давать, которые мы можем выращивать или добывать для [англичан] или они для нас. Но пусть они не думают запретить нам использование других рынков, с тем чтобы сбывать те товары, которые они не могут использовать, или снабжать [кого-либо] тем, чего они не могут поставить. Предлагается также, чтобы наша собственность в пределах нашей территории не облагалась налогом и не регулировалась какой-либо властью на земле, кроме нашей. Бог, давший нам жизнь, дал нам одновременно свободу: сила может уничтожить их, но не может их разъединить. Таково, ваше величество, наше последнее и окончательное решение. И да сообразованно вы действительно вмешаетесь со всей серьезностью, чтобы исправить великие несправедливости и успокоить умы своих подданных в Британской Америке относительно всяких опасений насчет будущих вторжений; установите братскую любовь и гармонию во всей империи, которые будут продолжаться до скончания века,— вот о чем горячо молится вся Британская Америка.

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ, СОБРАВШИХСЯ НА ОБЩИЙ КОНГРЕСС¹

Когда ход событий принуждает какой-нибудь народ порвать политическую связь, соединяющую его с другим народом, и занять наравне с остальными державами независимое положение, на которое ему дают право естественные и божеские законы, то должное уважение к мнению человечества обязывает его изложить причины, побуждающие его к отделению.

Мы считаем очевидными следующие истины: все люди сотворены равными, и все они одарены своим создателем <прирожденными и неотчуждаемыми> очевидными правами, к числу которых принадлежат жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав учреждены среди людей правительства, заимствующие свою справедливую власть из согласия управляемых. Если же данная форма правительства становится губительной для этой цели, то народ имеет право изменить или уничтожить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и с такой организацией власти, какие, по мнению этого народа, всего более могут способствовать его безопасности и счастью. Конечно, осторожность советует не менять правительств, существующих с давних пор, из-за маловажных или временных причин. И мы, действительно, видим на деле, что люди скорее готовы терпеть зло до последней возможности, чем восстановить свои права, отменив правительственные формы, к которым

они привыкли. Но когда длинный ряд злоупотреблений и узурпаций, <начатых в известный период и> неизменно преследующих одну и ту же цель, обнаруживает намерение предать этот народ во власть неограниченного деспотизма, то он не только имеет право, но и обязан свергнуть такое правительство и на будущее время верить свою безопасность другой охране. Эти колонии также долго и терпеливо переносили разные притеснения, и только необходимость заставляет их теперь <перечеркнуть> *изменить* свою прежнюю форму правления. История нынешнего короля Великобритании полна <неослабных> *беспреданных* несправедливостей и узурпаций, <среди которых не было ни одного факта, противоречившего общему направлению остальных, но> прямо клонившихся к тому, чтобы ввести неограниченную тиранию в этих штатах. В доказательство представляем на суд беспристрастному миру следующие факты, <в истинности которых мы клянемся верой, еще не запятнанной ложью>:

Он отказывался утверждать законы, в высшей степени полезные и необходимые для общего блага.

Он запрещал своим губернаторам проводить некоторые законы неотложной важности иначе как под условием, чтобы действие их было приостановлено до тех пор, пока он даст свое согласие; когда же действие их бывало приостановлено, он уже больше не обращал на них внимания.

Он соглашался проводить некоторые другие законы, важные для интересов обширных областей, только в том случае, если жители этих областей откажутся от права представительства в законодательном собрании, права, неопенимого для них и страшного только для тиранов.

С единственной целью утомить законодательные собрания и этим принудить их к подчинению себе он созывал их в местах, неудобных и непривычных для них, вдали от тех пунктов, где хранятся правительственные документы.

Он неоднократно <и постоянно> распускал палаты представителей за то, что они с мужественной твер-

достью противились его попыткам нарушить права народа.

Распустив палаты, он в течение долгого времени не позволял выбирать новых представителей, вследствие чего законодательная власть, которая не может совершенно исчезнуть, возвращалась к народной массе, и штат в это время подвергался всем опасностям вторжения извне и внутренних смут.

Он старался препятствовать заселению этих штатов, затрудняя с этой целью проведение законов о натурализации иностранцев, запрещая законы, поощрявшие эмиграцию в Америку, и делая условия приобретения земли здесь более обременительными.

Он <заставлял страдать> *затруднял* отправление правосудия, <полностью прекратившееся в некоторых штатах>, отказываясь утверждать законы, которыми устанавливалась судебная власть.

Он поставил <наших> судей в исключительную зависимость от своей воли в том, что касается определения срока их службы и размеров жалования.

Он создал <присвоенной им властью> множество новых должностей и прислал сюда толпу своих чиновников, разоряющих народ и высасывающих из него все соки.

В мирное время он содержал среди нас постоянную армию <и военные корабли> без согласия наших законодательных собраний.

Он стремился сделать военную власть независимой от гражданской и поставить первую выше второй.

Он соединился с другими лицами², чтобы заодно с ними подчинить нас юрисдикции, чуждой нашей конституции и непризнаваемой нашими законами; он утвердил акты этой мнимой законодательной власти, которыми предписывались следующие меры:

Размещение среди нас значительных вооруженных отрядов.

Предание солдат, совершивших убийство среди жителей этих штатов, особому суду, в котором их судили только для виду с целью избавить от наказания³.

Прекращение нашей торговли со всеми частями света.

Обложение нас налогами без нашего согласия.

Лишение нас во многих случаях преимуществ суда присяжных.

Отправление нас за море для суда за мнимые преступления ⁴.

Уничтожение в соседней с нами провинции ⁵ свободной системы английских законов и введение в ней неограниченной формы правления одновременно с расширением ее границ для того, чтобы эта провинция служила примером и орудием для распространения такой же неограниченной формы правления и на эти <штаты> колонии.

Лишение нас наших хартий, отмена самых дорогих для нас законов и существенное изменение наших правительственных форм ⁶.

Приостановление деятельности наших законодательных собраний и предоставление права предписывать нам законы лицам, издавшим эти акты.

Далее король Великобритании отказался от управления нами, <отозвав своих губернаторов и лишив нас своей лояльности и покровительства>, лишив нас своего покровительства и объявив нам войну.

Он грабил нас на море, опустошал наши берега, сжигал наши города и убивал наших граждан.

В настоящее время он шлет армию чужеземных наемников довершить дело смерти, разорения и тирании, начатое им с такой жестокостью и таким вероломством, какие едва ли встречались в самые варварские века и совершенно недостойны глав цивилизованной нации.

Он принуждал наших сограждан, взятых в плен в открытом море, поднять оружие против родной страны и убивать своих друзей и братьев или в свою очередь пасть от их руки.

Он возбуждал среди нас внутренние восстания и старался побудить к нападению на жителей наших пограничных областей бесчеловечных диких индейцев, которые, как известно, на войне истребляют всех без различия пола, возраста и положения <существования.

Приманкой конфискации нашего имущества он подстрекал изменнические восстания наших сограждан.

Он вел жестокую войну против самой человеческой природы. Он оскорбил самые священные права — жизни и свободы лиц, принадлежавших к народам, далеко живущим отсюда, которые никогда не причинили ему ничего дурного. Он захватывал их и обращал их в рабство в другом полушарии, причем часто они погибали ужасной смертью, не выдерживая перевозки. Эту пиратскую войну, позорящую даже языческие государства, вел христианский король Великобритании. Решившись поддерживать торговлю людьми, он использовал свое право для того, чтобы помешать всякой попытке (колоний) прекратить или стеснить эту отвратительную торговлю. И чтобы это собрание ужасов не нуждалось ни в одном факте, отмеченном печатью исключительности, он теперь возбуждает этих самых людей подняться с оружием против нас и, убивая людей, которых сам *он* навязал им, купить свободу, которой *он* лишил их. Так, преступлениями, которые он побуждает совершить против *жизней* одних людей, оплачиваются прежние преступления против *свобод* других>.

На каждой стадии этих притеснений мы подавали королю петиции, составленные в самых смиренных выражениях, и просили его об оказании нам правосудия; но единственным ответом на все наши петиции были только новые оскорбления.

Государь, характер которого заключает в себе все черты тирана, не способен управлять *свободным* народом, <который желает быть свободным. Будущие века вряд ли поверят этой дерзости одного человека, отваживавшегося в течение короткого предела, только 12-ти лет, совершить такое большое число актов неприкрытой тирании над народом, воспитанным и укрепившимся в принципах свободы>.

Нельзя также сказать, чтобы мы не обращали внимания на наших братьев-британцев. Время от времени мы предостерегали их о попытках их законодательного собрания подчинить нас <———> *незаконной* юрисдикции. Мы напоминали им о тех условиях, при которых мы эмигрировали и поселились здесь, <ни одно из которых не может подтвердить столь странную

претензию. Эмиграция и поселение были осуществлены за счет нашей собственной крови и сокровищ, без помощи богатства или силы Великобритании. Создавая несколько форм правления, мы приняли одного общего короля, тем самым положив основание для непрерывного союза и дружбы с ним. Подчинение их парламенту не было частью нашей конституции или даже в идее, если верить истории>. Мы взывали к врожденному в них чувству справедливости и великодушию и <к узам нашего родства с ними, чтобы они выразили> *мы заклинали их узами нашего родства с ними выразить* порицание актам узурпации, которые, <вероятно>, неизбежно должны были разъединить нас и прекратить сношения между нами. Но они также остались глухи к голосу справедливости и кровного родства, <а когда появилась возможность по обычному порядку их законов устранить из их советов нарушителей нашей гармонии, они с помощью свободных выборов восстановили их во власти. В то же самое время они разрешили также своим главным властям послать не только солдат общей с нами крови, но шотландских и иностранных наемников, чтобы вторгнуться к нам и потопить нас в крови. Эти факты нанесли последний удар по агонизировавшей привязанности, и мужественный дух повелел нам навсегда отказаться от этих бесчувственных братьев. Мы должны стараться забыть нашу прежнюю любовь к ним и относиться к ним, как к остальному человечеству, как к врагам в войне, как к друзьям в мире. Мы вместе могли быть свободным и великим народом; но связь величия и свободы, кажется, ниже их достоинства. Пусть будет так, если они этого захотели. Для нас также открыт путь к счастью и славе. Мы пойдем к ним независимо от них>. Поэтому мы должны подчиниться необходимости, принуждающей нас <навечно> отделиться от них, *и считать их огнями, как и другие народы, врагами во время войны и друзьями во время мира.*

В силу всего этого мы, представители Соединенных Штатов Америки, собравшиеся на общий конгресс, <от имени и по уполномочию народа этих Штатов отвергаем и не признаем какую бы то ни было зави-

симость от королей Великобритании и подчинение им, а также от всех других, кто до сих пор мог претендовать на это при их помощи, посредстве или по их указанию. Мы полностью расторгаем всякую политическую связь, какая до сих пор могла существовать между нами и народом и парламентом Великобритании. И наконец, мы утверждаем и провозглашаем эти колонии свободными и независимыми Штатами>, *призывая верховного судию мира в свидетели правоты наших намерений, объявляем от имени и по уполномочию народа, что эти соединенные колонии суть и по праву должны быть свободные и независимые Штаты. С этого времени они освобождаются от всякого подданства британской короне и всякая политическая связь между ними и великобританским государством совершенно порывается. В качестве свободных и независимых Штатов они приобретают полное право объявлять войну, заключать мир, вступать в союзы, вести торговлю и совершать все то, на что имеет право всякое независимое государство.*

Твердо уповая на помощь божественного провидения, мы взаимно обязываемся друг другу поддерживать эту декларацию жизнью, имуществом и честью.

[ЗАМЕТКИ О РЕЛИГИИ]

Заметки по Локку и Шефтсбери

Сочинения Локка, т. 2¹

Почему преследуют из-за различий в религиозных взглядах?

1. Из любви к человеку.
2. Из-за тенденции этих взглядов...

Когда я вижу, как преследуют своих ближайших родственников и знакомых за крупные пороки, я могу поверить, что это происходит из любви. Когда они неправильно поступают, я взываю к их собственной совести, чтобы они задумались над иными нормами поведения. Почему не направить преследование против преступлений, которые, как вы опасаетесь, могут совершиться? Сжигайте или вешайте нарушителей супружеской верности, мошенников и других или увольняйте их из учреждений.

Непонятно, почему так рьяно выступают против того, что может породить безнравственность, и в то же время столь терпимы к безнравственным поступкам, когда они совершены. Эти нравственные пороки все считают противоречащими христианству и препятствующими спасению душ, но те фантастические проступки, за которые мы обычно преследуем, часто бывают весьма сомнительны, в чем нас могут убедить совершенно различные умозаключения, к которым приходят люди.

Наш спаситель предпочел не распространять свою религию при помощи мирских наказаний или гражданской неправо­способности, хотя он мог это сделать, это было в его всемогущей власти. Но он предпочел распространять свою религию, воздействуя на разум и тем самым показывая другим, как следует поступать.

Государство — это «объединение людей, созданное для защиты их *гражданских интересов*». Гражданские интересы — это «жизнь, здоровье, личная неприкосновенность, свобода, собственность».

То, что юрисдикция гражданской власти простирается только на гражданские права, вытекает из следующего:

Гражданская власть не наделена иной властью, кроме той, которую ей вручил народ.

Люди не передали ей заботы о своих душах — они не могли это сделать; не могли потому, что никто не имеет *права* передавать заботу о своем спасении другому.

Ни один человек не наделен *властью* предписывать другому свою веру. Вера перестает быть верой, если в нее не верят. Никто не может подчинить свою веру диктатам другого.

Жизненность и сущность религии состоят во внутренней убежденности или духовной вере. Внешние формы поклонения, если они противны нашему убеждению, — это лицемерие и отсутствие благочестия: «А сомневающийся, если ест, осуждается, потому что не по вере; а все, что не по вере, грех» (Римл., 14.23).

Если скажут, что гражданская власть может использовать доводы и таким образом довести еретическое до истинного, я отвечу: у каждого человека есть право предостерегать, увещевать, доводить до сознания другого его ошибку.

Церковь — это «*добровольное* общество людей, объединившихся по собственной воле для общественного богослужения в такой форме, которая, по их мнению, им желанна и действительна для спасения их душ». Это — *добровольное* объединение, так как по *природе* никто не связан ни с какой церковью. Надежда на спасение — вот причина, в силу которой человек входит

в церковь. Если ему там что-нибудь не нравится, он также волен выйти из нее, как прежде в нее вошел.

Какой властью наделена церковь? Поскольку это объединение людей, церковь должна иметь какие-то законы, регулирующие ее деятельность, устанавливающие время и место для собраний, правила приема и исключения и т. д.

Но так как это добровольное объединение, следовательно, законы церкви простираются только на ее членов, но не на людей, принадлежащих какой-то другой добровольной общине, ибо иначе, следуя этому же закону, какая-нибудь другая добровольная община может узурпировать власть над ними.

Христос говорил: «Где двое или трое собрались во имя мое, там я посреди них». Таково его определение общины. Он не считает, что есть необходимость в том, чтобы епископы или священники управляли [членами общины]. Для спасения душ они не нужны.

Из разногласий внутри самих сект непременно возникает право выбора и необходимость обсуждения, чему мы охотно подчинимся; но если мы избираем сами, мы должны позволить то же и другим, тут должна быть взаимность. Это устанавливает религиозную свободу.

Почему требуют в церковном общении того, чего Христос не требует для жизни вечной? Как может церковь быть христовой, если она исключает из своей общины таких лиц, которых он когда-нибудь примет в небесное царство?

Оружие религиозной общины или церкви — увещания, предостережения, совет и в крайнем случае — изгнание или отлучение от церкви. Последнее — предел власти.

Как далеко простирается терпимость? 1. Ни одна церковь не обязана проявлять терпимость к тем, кто, находясь в ее лоне, упорно оскорбляет ее законы. 2. У нас нет права иметь предубеждения против человека, получающего удовольствие от светской жизни, из-за того, что он принадлежит другой церкви. Если кто-нибудь сходит с правильного пути, это его собственное несчастье, и никакого вреда другому это не

причиняет; поэтому при таких жизненных обстоятельствах ты не должен его наказывать, предполагая, что он будет несчастен в грядущем. Напротив, согласно духу Евангелия, ему обещаны милосердие, награда, терпимость.

Поскольку каждая церковь свободна, никому не дано право отправлять правосудие над другими, даже когда к церкви присоединяется гражданское должностное лицо. Оттого что это лицо присоединилось к церкви, последняя не получает меча правосудия и не теряет права наставления или отлучения от церкви, когда это лицо покидает ее. Она не может благодаря вступлению нового члена приобрести право отправлять правосудие над теми, кто не вступил в нее. Это лицо приводит только себя, не имея власти привести других.

Представим себе, например, две церкви: одну — арминиан², другую — кальвинистов в Константинополе. Разве имеет одна из них какие-нибудь права над другой? Можно ли назвать одну правоверной? Каждая церковь правоверна сама для себя, для других же она — заблуждающаяся или еретическая.

Никто не жалуется на своего соседа за то, что тот плохо управляется со своими делами, неправильно засекает свою землю, выдает замуж свою дочь, расточает свое состояние в тавернах, сносит свой дом и т. д., — во всем этом он волен поступать, как ему вздумается. Но если он не посещает часто церковь или не соблюдает обрядов, на него сразу же ополчаются.

Забота о душе каждого человека лежит на нем самом. А если он пренебрегает этой заботой, пренебрегает заботой о своем здоровье или имении, что имеет более близкое отношение к государству, то разве гражданские власти издают закон, по которому человек не имеет права быть бедным или больным? Законы предусматривают обиды от других, но не от самих себя. Сам бог не придет на помощь людям против их воли.

Если бы я твердо шагал вперед по дороге, которая, согласно священной географии, ведет прямо в Иерусалим, то почему же другие должны меня избивать и плохо со мной обращаться из-за того лишь, что мой

волосы не так подстрижены, я не так одет, в пути ем мясо, избегаю безлюдных дорог, ведущих, как мне кажется, в колючие заросли, из нескольких троп выбираю ту, которая кажется самой короткой и чистой, избегаю менее важных путешественников или общаюсь с теми, кто более угрюм и суров, иду за проводником, увенчанным митрой и облаченным в белое? Однако именно эти ничего не значащие поводы держат христиан в состоянии войны.

Если мировой судья прикажет мне сдать товары в общественное хранилище, я понесу их, поскольку он сможет возместить убытки в случае, если просчитается и я потеряю то, что сдал. Но какую компенсацию он может предложить за царство небесное?

Я не могу довериться такому проводнику, как судья, ибо дорога на небеса ему известна не лучше, чем мне, и он меньше меня обеспокоен тем, чтобы направить меня на правильный путь, чем я озабочен выбором правильной дороги. Если бы евреи шли за своими царями, которых было так много, то сколько царей привело бы их к идолопоклонству? Подумайте о смене наших императоров Ариев, Афанасиев или наших правителей: Генриха VIII, Эдуарда VI, Марии, Елизаветы³.

Принуждение в религии отличается от принуждения в других вопросах. Я могу разбогатеть от ремесла, которым я вынужден заниматься, я могу восстановить свое здоровье от лекарств, которые я должен принимать вопреки своему мнению, но меня не может спасти *богослужение*, которому я не верю и которое мне ненавистно.

Все, что законно в государстве или обычно разрешается человеку, не может запрещаться ему в ритуалах церкви; все, что причиняет вред государству в обычной жизни и поэтому запрещается законами, не должно разрешаться и церквям в их обрядах. Например, законом карается в обычной жизни и в частном доме убийство ребенка. Поэтому никакой секте не может быть разрешено приносить в жертву детей. В соответствии с обычным (или мирским) законом разрешается убивать ягнят. Поэтому их можно приносить

в жертву при отправлении религиозного обряда; но если благо государства требует временного прекращения убийства ягнят (например, во время осады), то и их жертвоприношения могут быть тогда по праву приостановлены. Такова истинная мера *терпимости*.

Истина достаточно хорошо проявляется, если ее предоставить самой себе. Ей редко помогала власть великих людей, которым она редко бывает известна и желанна. Ей не нужна сила, чтоб войти в умы людей. Заблуждение, действительно, часто господствовало при помощи власти или силы.

Истина — настоящий и достаточно сильный противник заблуждения.

Если религиозное собрание предпринимает что-либо направленное против общественного порядка, то пусть это наказывается так же, а не иначе, как если бы это произошло на ярмарке или на базаре. Такие собрания не должны служить убежищем для интриг и преступлений.

Локк отвергает терпимость в отношении тех, кто придерживается взглядов, противоречащих моральным нормам, необходимым для сохранения общества; тех, кто, например, считает, что вера не должна поддерживаться у людей других убеждений; что короли, отлученные от церкви, теряют свои короны; что власть основана на милости [бога], что должно повиноваться какому-то чужеземному правителю; или тех, кто не обладает терпимостью и не обучает всех людей долгу терпимости в вопросах религии, кто отвергает существование бога. Было великим делом зайти так далеко (как он, [Локк], сам говорит о парламенте, разработавшем акт терпимости), но если Локк на этом остановился, мы можем продолжить*.

* Разве не подойдет и к этому случаю его собственное отличное правило: наказывать как за гражданские оскорбления тех, кто утверждает, будто чужеземный правитель имеет власть внутри данного государства, есть судебный наказуемый проступок. Другие мнения могут презираться. Возможно, единственное, чего можно требовать от других до проявления терпимости к ним,— это клятвы в том, что они будут допускать терпимость к другим.

Он заявляет, что «ни язычник, ни магометанин, ни еврей не должны лишаться гражданских прав в государстве из-за своей религии». Должны ли мы дозволить язычнику общаться с нами и не позволять ему молиться его богу? Почему христиане отличаются от всех когда-либо существовавших народов тем, что они практиковали преследования? Разве потому, что таков дух их религии? Нет, их дух противоположный. Именно отказ в *терпимости* к тем, кто придерживается иных взглядов, создал все религиозные распри и войны. Несчастьем человечества было то, что в темные века христианские священники, следуя своему честолюбию и алчности и объединившись с гражданской властью для раздела награбленного народного добра, смогли создать мнение, будто дозволено отнимать у еретиков их имущество и уничтожать их. Мы сами еще не освободились от этих взглядов. Поэтому не удивительно, что угнетенные восстают: они будут продолжать восстания и подымать волнения, пока их гражданские права не будут им полностью возвращены и не будут устранены все частные различия, исключения и неправоиспособности.

Характеристика Шефтсбери ⁴

Подобно тому как древние народы терпели всевозможных мистиков и энтузиастов, они давали широкий простор философии как уравнивающему началу. Когда пифагорейцы и поздние платоники объединились в суеверии своего времени, всем эпикурейцам и академикам было разрешено направить свое остроумие против них. Таким образом дело было урегулировано; разуму был дан простор, и наука процветала. Эти противоречия создали гармонию. Суеверие и энтузиазм, оставленные в покое, никогда не приводили к кровопролитиям, преследованиям и т. д. Но теперь иная политика: больше думают о жизни и счастье людей в будущем, чем в настоящем; эта политика научила причинять страдания друг другу и вызвала неприязнь, которую никакие мирские интересы никогда не могли бы вызвать; теперь на *единообразии во взглядах* — многообещающая перспектива! — смотрят как на единствен-

ное средство против зла и делают его целью самого правительства. Если бы гражданская власть вмешивалась подобным образом в другие науки, то логика, математика и философия были бы у нас на таком же низком уровне, как богословие в странах, где законы устанавливают правоверность.

Допустим, государству вздумается, чтобы было единообразие лиц. Люди были бы вынуждены накладывать себе искусственные шишки, опухоли, родинки и пр., но это было бы лишь притворством; или, если бы встала альтернатива носить маску, то 99% должны были бы сразу ее надеть. Разве это прибавило бы что-нибудь к естественной красоте? Почему же с мнением должно быть иначе? В эпоху христианского средневековья оппозиция принятым в государстве взглядам замалчивалась. В результате христианство обременилось всеми римскими безрассудствами. Только свободная дискуссия, подшучивание и даже насмешки могут сохранить чистоту религии. Во 2-м послании к коринфянам (гл. 1, ст. 24) апостолы заявляют, что у них не было власти над верой⁵.

Локковская система христианства такова:

Адам был сотворен счастливым и бессмертным, но его счастье и бессмертие должны были быть *земными*. Совершив *грех*, он потерял то, что ему было дано свыше, и стал подвержен общей смерти (подобно смерти животных), тягостям и несчастьям этой жизни. Однако при заступничестве сына божьего этот приговор был частично смягчен. Жизнь, сообразная законам, должна была снова вернуть ему бессмертие. Более того, для тех, кто *верил*, их *вера* должна была считаться праведной. Это не означает, что вера без деяний могла их спасти. Св. Иаков (гл. 2) ясно утверждает противное⁶, и все считают основными столпами христианства веру и *покаяние*. Так что исправление жизни (что входит в понятие *покаяние*) было существенным, и пороки могли быть возмещены *верой*, т. е. веру их следует считать праведной. Что касается части человечества, никогда не имевшей Евангелия, которое бы поучало, то сюда относятся: 1. евреи, 2. язычники. [1]. Перед евреями был открыт закон деяний. Это должно было

их спасти, а *живая* вера в обещания бога ниспослать Мессию сопровождалась бы незначительными недостатками. 2. Язычники. Св. Павел говорит (Римл., гл. 2, ст. 13): «У язычников закон написан в их сердцах»⁷, т. е. закон природы; если к этому добавить *веру* в бога и его определения, [а также в то], что после их покаяния он их простит, то их тоже можно оправдать. Это объясняют слова: «...нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись»⁸, т. е. пороки в добрых деяниях не будут восполнены верой в Магомета, врага [рода человеческого, т. е. сатану], или любого другого, кроме Христа.

Основы христианства, по Евангелию, это: 1) вера, 2) покаяние. Веру повсюду объясняют как убеждение, что Иисус был тем мессией, который был обещан. Покаяние требовалось искренне доказать добрыми поступками. Преимущества, полученные человечеством от миссии нашего спасителя, таковы: 1) познание только одного бога, 2) ясное понимание своего долга, или система нравственного поведения, опирающаяся на такой авторитет, который мог бы ее одобрить, 3) [уяснение того, что] внешние формы религиозного поклонения нуждались в освобождении от той шутовской помпы и того вздора, которыми они были отягощены, 4) побуждение к благочестивой жизни ясным раскрытием будущего существования в блаженстве и того, что это должно послужить наградой за добродетель.

Послания были написаны лицам, *уже* [бывшим] христианами. Следовательно, человек мог быть христианином до того, как они были написаны. Итак, основы христианства надо искать в проповеди нашего спасителя, о которой рассказывается в евангелиях. Эти основы надо искать [и] в посланиях, они встречаются [там] в разных местах и беспорядочно вкраплены в другие истины, которые, однако, не должны стать основой; [послания] служат лишь наставлением и объясняют нам сущность поклонения и нравственного поведения, но, так как они писались от случая к случаю, легко заметить, как их объяснения приспособлены к понятиям и обычаям того народа, которому они предназначались. И все же каждое предложение, содержа-

щееся в них (хотя авторы были [бого]вдохновенны), нельзя принимать и возводить в принцип, без согласия с которым человек не может стать членом христианской церкви в этом мире или быть допущен затем в божье царство. Вероучение апостолов, по их мнению, содержало все необходимое для спасения и, следовательно, для объединения в одно вероисповедание.

Заметки о епископстве

Епископство

...Послания Павла Тимофею и Титу (как и предания) основываются на апостольском учреждении епископов.

Что касается предания, то, как протестанты, мы отвергаем всякое предание и доверяем только Писанию, ибо это является сущностью и общим принципом всех протестантских церквей...

Другое оправдание епископального управления религией в Англии — его сходство с политическим правительством, во главе которого стоит король. Нет епископа — нет и короля. Таким образом, у нас оправдано пресвитерианское управление [религией], которое напоминает республиканское правительство.

Духовенство всегда это понимало. Епископы всегда были лишь орудием в руках королевской власти.

Известно, что пресвитерианский дух настолько близок свободе, что патриоты, обнаружив после реставрации, что народ слишком сильно расположен к тому, чтобы возвеличить исключительное право короны, поддерживали сектантское влияние для проверки и уравнивания [королевской власти]. Так был издан Акт о веротерпимости ⁹.

Св. Петр дал название *клер* всем божьим людям до папы Гигина ¹⁰, а последующие духовные лица заимствовали это название и присвоили его только священникам (Мильтон, стр. 230) ¹¹.

Ориген ¹², будучи еще мирянином, открыто изложил послания и был поддержан в этом Александром Иерусалимским и Феоктистом Кесарийским, которые при-

вели в его пользу несколько примеров того, что мирянам с древних времен было дано право обучать. Первый Никейский собор прибегал к помощи многих ученых светских братьев (там же, стр. 230).

Епископы избирались всей церковью. Игнатий (самый древний из известных в настоящее время отцов)¹³ в послании к филиладельфийцам заявляет, «что им как божьей церкви надлежит избрать епископа». Камден¹⁴ в своем описании Шотландии говорит, что «во всем мире у епископов не было определенной епархии, пока папа Дионисий примерно в 268 г. н. э.¹⁵ их не вытеснил, и епископы Шотландии распространяли свою власть повсюду, где бы они не появлялись независимо от времени (Малькольм, 3. 1070).

Киприан¹⁶ (послание 68) заявляет: «Народ властен выбирать достойных епископов и отвергать недостойных; Никейский собор в отличие от африканских церквей призывает народ выбирать епископов-ортодоксов вместо умерших» (Мильтон, стр. 254).

Никифор Фока, греческий император, в 1000 г. впервые ввел закон, по которому ни один епископ не мог быть избран без согласия императора. Игнатий в своем послании к фра[кийцам] признает, что пресвитериане — его собратья-торговцы и его помощники, а Киприан (в послании 6.4.52) называет пресвитериан своими сопресвитерианами, хотя он был епископом. Чтобы современный епископ был похож на прежнего, его должен выбирать народ, он должен быть лишен епархии, доходов, титулов (Мильтон, стр. 255).

Заметки о ереси

Еретик — это тот, кто оспаривает основы. Что такое основы? Протестанты скажут, что это — догмы, ясно и точно изложенные в священных писаниях. Д-р Уотерленд¹⁷ назовет трицу. Но я предоставляю другим решать, насколько такой характер ясного изложения подходит к догме трицы. Ни один из ранних отцов [церкви] нигде этого ясно не выражал, и церковь этого не утверждала и не учила этому до Никейского

собора (Чиллингворс). Предисловие, § 18. 33)¹⁸. Ириной¹⁹ заявляет: «Кто непорочен? Тот, кто твердо идет вперед, веря в отца и сына». Основной и непоколебимой догмой христианской веры в эту раннюю эпоху была вера в *отца* и *сына*. Константин писал Арию и Александру, что этот вопрос «столь же глуп и неуместен, как обсуждение бессмысленных слов, которых никто не может объяснить или понять...».

Савеллианцы²⁰. Христианские еретики, [считавшие], что бог существует лишь в одном лице и что «слово» и «святой дух» лишь добродетели, эманации или функции божества.

Социциане²¹. Христианские еретики, [считавшие], что бог-отец является единственным богом, что «слово» не что иное, как выражение божественного, и не существовало *извечно*, что божественность Иисуса Христа состояла только в его превосходстве над всеми живыми существами, отданными ему в подчинение отцом, что он не был примирителем, а был послан отцом служить людям образцом поведения, что наказания ада не вечны.

Арминиане²² считают, как и римская церковь (в отличие от кальвинистов), что есть всеобщая благодать, данная всем людям, и что человек всегда *свободен* и может по своей воле принять или отвергнуть эту благодать, что бог создает людей свободными, что его справедливость не позволила бы ему наказывать людей за преступления, которые им было предопределено свершить. Они допускают способность предвидения у бога, но делают различие между знанием заранее и предопределением. Таково было мнение всех отцов церкви до св. Иустина. Англиканская церковь основывала свои положения о предопределении на его авторитете.

Ариане²³. Христианские еретики. Они открыто признают, что было время, когда сына [божьего] не было, что он был создан тогда, когда в природе все менялось, что он способен грешить подобно ангелам. Они отрицают единство трех лиц в троице. Эразм и Гроций были арианами.

Аполлинаре ²⁴. Христианские еретики. Они утверждают, что в Христе было лишь одно естество, что его тело, как и душа, было безмятежно и бессмертно, что его рождение, смерть и воскресение лишь кажущиеся явления.

Македоне ²⁵. Христианские еретики. Учат, что святой дух был просто творением, но превосходящим ангелов.

См. Брутон, слово «еретики», перечисление 48 христианских сект, объявленных еретическими ²⁶.

БИЛЛЬ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ РЕЛИГИОЗНОЙ СВОБОДЫ

*Хорошо понимая, что взгляды и вера людей зависят не от их собственной воли, но невольно подчиняются доказательствам, предложенным их уму, что¹ всемогущий бог создал ум свободным и выразил своим высшим желанием, чтобы он и впредь оставался свободным, для чего сделал его совершенно невосприимчивым к обузданию; что все попытки воздействовать на ум мирскими наказаниями, или возложением тягот, или лишением гражданской правоспособности приводят лишь к приобретению привычки лицемерить и совершать нечестные поступки, что далеко от намерений святого творца нашей религии², который, являясь господином духа и тела, предпочел, однако, распространять ее не принужденным над тем или другим, что было в его силах, но распространять ее, воздействуя лишь на разум; что нечестива презумпция законодательной власти и правителей, гражданских и церковных, которые, хотя они могут ошибаться, как простые люди, взяли на себя руководство верой других, выдавая свои собственные взгляды за единственно правильные и безошибочные, начали навязывать их другим, создали и поддерживали ложные религии в большей части мира во все времена; что заставлять человека вносить денежные суммы на распространение взглядов, которых он не разделяет и которые ему *ненавистны*, — грех и тирания; что даже заставлять [кого-либо]*

поддерживать того или иного проповедника собственных религиозных убеждений — значит лишать человека утешительной свободы помогать тому пастору, добродетели которого он хотел бы взять за образец и сила которого ему кажется наиболее убедительной и справедливой, а также лишать духовенство тех мирских вознаграждений, которые исходя из одобрения личного поведения являются дополнительным стимулом для серьезного и упорного труда с целью обучения человечества; что наши гражданские права не зависят от наших религиозных взглядов, так же как они не зависят от наших взглядов в области физики или геометрии, а поэтому объявлять гражданина недостойным общественного доверия, лишая его возможности занимать ответственное положение и получать за это вознаграждение, если он не исповедует или не признает то или иное религиозное учение, — значит несправедливо лишать его тех привилегий и преимуществ, на которые он, как и его другие сограждане, имеет естественное право; что это приводит также к искажению основ той *самой* религии, которую предполагали поддерживать, подкупая монополией на мирские почести и вознаграждение тех, кто внешне исповедует и признает ее; что хотя в действительности преступник тот, кто не противостоит такому соблазну, однако и того нельзя считать невиновным, кто кладет приманку на пути человека; *что взгляды людей не подчиняются гражданской власти и не входят в ее юрисдикцию*; что позволять гражданским властям вмешиваться в область мировоззрения людей и ограничивать исповедание или распространение принципов, считая их неверными, — опасное заблуждение, которое сразу разрушает всю религиозную свободу, поскольку, являясь, несомненно, судьей такой тенденции, [гражданская власть] сделает свои взгляды критерием суждения и будет одобрять или осуждать взгляды других исключительно по тому, насколько они согласуются с ее собственными или отличаются от них; что в справедливых целях гражданской власти должностным лицам надлежит вмешиваться тогда, когда чьи-либо принципы приводят к открытым действиям, направленным против мира и надле-

жащего порядка; и наконец, что истина сильна и восторжествует, если ее предоставить самой себе; что она — верный и надежный противник заблуждения и ей нечего опасаться конфликтов, если только людское вмешательство не лишит ее естественного оружия — свободной дискуссии и спора; что ошибки перестают быть опасными, если разрешается их открыто опровергать, — [хорошо понимая все это] мы, *Генеральная ассамблея Вирджинии*, утверждаем закон, согласно которому никого нельзя заставить регулярно посещать или поддерживать какое-либо религиозное богослужение, место [культы] или священнослужителя, а также нельзя принуждать, ограничивать, досаждают или причинять ущерб его личности или имуществу или заставлять его как-то иначе страдать по причине его религиозных воззрений или убеждений; закон, согласно которому все люди свободны в исповедании веры и вольны отстаивать с помощью доводов свои взгляды в вопросах религии, и это не должно ни в коем случае уменьшать или увеличивать их гражданскую правоспособность или как-то влиять на нее.

И хотя нам хорошо известно, что эта ассамблея, избранная народом исключительно в своих обычных целях законодательства, не имеет власти ограничивать акты последующих ассамблей, наделенных полномочиями, равными нашим, и что поэтому объявлять этот акт непреложным не имело бы законной силы, мы свободны все же заявить и заявляем, что отстаиваемые настоящим документом права — естественные права человека, и, если в будущем будет осуществлен какой-нибудь акт в отмену настоящего или для ограничения его действия, такой акт будет нарушением естественного права.

ЗАМЕТКИ О ШТАТЕ ВИРДЖИНИЯ

Вопрос XIII

Конституция штата и ее отдельные пункты

...[Восставшие против Англии колонии] объявили себя независимыми штатами. Они объединились в одну большую республику, обеспечив, таким образом, каждому штату все преимущества, вытекающие из этого объединения. В каждом штате была установлена новая форма правления. Основные принципы, в частности нашего штата, следующие: исполнительная власть находится в руках губернатора, избираемого ежегодно, [причем он может быть переизбран] не более трех раз за семь лет; ему помогает совет, состоящий из восьми членов. Судебная власть разделена между несколькими судами... Законодательство осуществляется двумя палатами ассамблей. Одна — палата депутатов, куда входит по два представителя от каждого округа; она избирается ежегодно гражданами, владеющими недвижимым имуществом в виде 100 акров необжитой земли, или земельного участка в 25 акров с домом на нем, или в виде дома или участка земли в каком-нибудь городе; другая палата — сенат. В сенат входят 24 представителя, избираемые каждые четыре года теми же избирателями, которые для этой цели делятся на 24 района. Для издания закона необходимо согласие обеих палат. Они назначают губернатора и совет, судей верховных судов, контролеров, министра юстиции, казначея, официальный список земельных контор и делегатов в конгресс. Поскольку вы-

членение штата никогда не утверждалось, а, наоборот, всегда было предметом споров и жалоб, то, для того чтобы никогда не вызывались сомнения по этому вопросу или нарушалась гармония нашей новой Федерации, штатам Мэриленд, Пенсильвания и двум Каролинам были ратифицированы дарственные акты.

Это устройство было создано, когда мы были еще «новичками» и не имели опыта в науке управления. Кроме того, такое устройство было впервые создано в Соединенных Штатах. Поэтому не удивительно, что испытание временем обнаружило в нем существенные недостатки:

1. Большинство населения штата, которое платит и сражается в его защиту, не представлено в законодательном учреждении; список фригольдеров [свободных держателей земли] на право голосования обычно был в два с лишним раза меньше списка милиции или сборщиков налогов.

2. Среди тех, кто разделял представительство, участие весьма неодинаково. Так, округ Уорик, насчитывающий лишь 100 солдат, имеет то же представительство, что и округ Лаудон, в котором их 1746. Таким образом, каждый мужчина в Уорике имеет такое же влияние в правительстве, как 17 мужчин Лаудона...

3. Сенат по своей структуре очень похож на палату депутатов. Он избирается теми же избирателями, в то же время и из тех же граждан; выбор падает, конечно, на людей тех же [достоинств]. Цель учреждения различных законодательных палат — ввести влияние различных интересов и различных принципов. Так, в Великобритании говорят, что английская конституция опирается на честность палаты общин и мудрость палаты лордов. Это было бы разумным, если бы честность можно было купить за деньги, а мудрость передавалась по наследству. В некоторых штатах Америки депутатов и сенаторов избирают таким образом, что первые представляют людей, а вторые — собственность штата. Но у нас благосостояние и мудрость имеют равные шансы быть принятыми в обе палаты. Поэтому из деления нашей законодательной власти на две палаты мы не извлекаем тех выгод, которые может дать столк-

новение принципов и которые способны компенсировать зло, возникающее в результате этих разногласий.

4. Все правительственные власти — законодательная, исполнительная и судебная — входят в состав законодательного органа. Концентрация этих властей в одних руках как раз и определяет деспотическое правительство. Не легче, если эти власти находятся в руках нескольких лиц, а не кого-то одного. 173 деспота, несомненно, будут угнетать [народ] так же, как и один. Пусть те, кто в этом сомневается, посмотрят на Венецианскую республику. Какой прок в том, что эти власти нами избраны? *Избранный деспотизм* — это не то правительство, за которое мы боролись. Мы стоим за правительство, которое не только должно быть основано на свободных принципах, но в котором правительственные власти были бы так разделены и уравновешены среди нескольких органов магистрата, чтобы ни одна не могла переступить свои правовые пределы без действенного контроля и ограничения со стороны других властей. На этом основании конвент, который принял декрет о правительстве, положил начало тому, что законодательная, исполнительная и судебная власти должны были разделяться и точно разграничиваться, с тем чтобы ни один человек не имел в своих руках одновременно более одной власти. Но между этими разными властями не устанавливалось никакого барьера. Лица, облеченные судебной и исполнительной властью, продолжали зависеть от законодательной в течение своего пребывания у власти, а некоторые из них — оставаясь и на дальнейший срок. Поэтому если законодательная власть берет на себя еще исполнительную и судебную функции, то вряд ли это встретит какую-либо оппозицию, а если и встретит, то вряд ли она будет иметь силу, так как в данном случае она может представить свои поступки как акт ассамблеи, что обязательно распространит их и на другие области. Таким образом, во многих случаях у нее есть несомненные права, которые следовало предоставить юридической дискуссии; руководство исполнительной власти за весь период сессии становится привычным и знакомым. И это делается без всяких дурных намерений.

Взгляды современных лиц, занимающих судебные и исполнительные посты, совершенно честны. Вывести их из обычной деятельности может лишь ловкость других или их собственная оплошность. Возможно, так будет продолжаться еще некоторое время; но это продлится недолго. Человечество вскоре научится извлекать пользу из каждого права и власти, которыми оно владеет или может принять на себя. Народные деньги и свобода народа, которые, как предполагалось, должны были быть переданы трем органам магистрата, а оказались не намеренно в руках лишь одного, как вскоре обнаружится, будут источником благосостояния и господства для тех, кто ими владеет. В народных деньгах и свободе народа одновременно сочетаются орудие и цель приобретения. За деньги мы достанем людей, говорил Цезарь, а с людьми мы сделаем деньги. Наша ассамблея также не должна заблуждаться относительно честности своих собственных целей и заключать, что эти неограниченные власти никогда не будут обесчещены, потому что она сама не склонна злоупотреблять ими. Следует ожидать того времени, а оно недалеко, когда коррупция в этой стране, как и в той, откуда мы приходим, охватит правительство и распространится на основную массу нашего народа; когда правительство купит голоса народа и заставит его заплатить полной ценой. Человеческая природа одинакова на обоих берегах Атлантического океана и останется одинаковой под влиянием одних и тех же обстоятельств. Настало время остерегаться коррупции и тирании, пока они не завладели нами. Лучше волка не впускать в загон, чем надеяться на избавление от его зубов и когтей, после того как он войдет...

Поэтому если считают, что нет законного препятствия для присвоения ассамблеей всех властей — законодательной, исполнительной и судебной и что эти власти могут попасть в руки немногих депутатов, то народ, несомненно, скажет (и его представители, пока они честны, посоветуют ему сказать), что он не будет принимать как закон никакие акты, если они не рассмотрены и не одобрены большинством депутатов.

Перечисляя недостатки конституции, было бы неправильно учитывать только ошибки отдельных лиц. В декабре 1776 г., когда наше положение было весьма бедственным, в палате депутатов было предложено назначить *диктатора* и облечь его законодательной, исполнительной и судебной, гражданской и военной властью, правом решать вопросы жизни и смерти, властью над нашими гражданами и нашим имуществом; и в июне 1781 г., снова в период бедствия, было повторено то же предложение, и не хватило лишь нескольких голосов, чтобы оно прошло. Тот, кто вступил в эту борьбу просто из любви к свободе и чувства поправленных прав, кто решил пожертвовать всем и встретить любую опасность для восстановления этих прав на твердой основе, кто не имел в виду отдавать свою кровь и имущество ради скверных намерений заменить одну [тиранию] другой, а хотел, чтобы власти, которые будут им управлять, находились в руках большого числа людей по его собственному выбору, с тем чтобы продажная воля ни одного человека не могла в будущем притеснять его,— такой человек должен быть поражен и обескуражен, когда ему говорят, что значительная часть избранных им людей замышляла передать права в одни руки и отдать его [во власть] деспоту, пришедшему на смену ограниченной монархии. Как должны быть поруганы и сведены на нет все его усилия и жертвы, если можно одним-единственным голосованием повергнуть его к стопам одного человека! Во имя бога, откуда у них такая власть? Неужели она проистекает из наших древних законов? Но подобный [закон] не мог быть издан. Может быть, она берет начало из какого-нибудь закона нашей конституции, выраженного словами или подразумеваемого? Но весь характер конституции по букве и духу полностью противоречит этому. Основным закон конституции заключается в том, что штат должен управляться как федерация. Конституция предусматривает республиканское устройство, объявляет вне закона использование всякой власти, не установленной законом, называя это *прерогативой*, ставит на эту основу всю систему наших законов и, сводя их вместе, делает выбор: должны

они быть оставлены или аннулированы. Она никогда не предусматривает никаких обстоятельств (и не допускает, что такие могут возникнуть), при которых от того и от другого приходится временно воздерживаться; отнюдь нет. Наши древние законы ясно гласят, что те, кто сами являются лишь депутатами, не должны передавать другим полномочий, которые требуют честности и умения правильно ими пользоваться. Быть может, такое заявление было основано на предполагаемом праве авторов этих законов покидать свои посты в момент бедственного положения? Те же законы запрещают покидать свой пост даже в обычных случаях; и даже больше — передавать власть в другие руки и другим органам, не посоветовавшись с народом. В этих законах никогда не допускается мысль, что народ подобно овцам или иному скоту может передаваться из рук в руки, не считаясь с его собственной волей. Разве это произошло по необходимости? Крайние случаи, когда правительство распускается, не передают его полномочий олигархии или монархии. Они возвращают в руки народа всю власть, которую он дал, и предоставляют народ, как совокупность отдельных личностей, самому себе. Вождь может предложить [свою кандидатуру], но не навязывать себя или быть навязанным народу. Тем более не может народ подставлять свою шею под его меч и отдавать свою жизнь его воле и капризу. Необходимость, которая должна привести в движение эти огромные силы, должна по крайней мере быть осязательной и непреодолимой. Однако в обоих случаях, когда этого опасались или так хотели с нами поступить, события опровергли [эти опасения]. Это было опровергнуто также предшествовавшим опытом штатов, сходных с нашим; некоторые из них преодолели еще бóльшие трудности, не отказавшись от своих форм правления. Когда впервые было сделано предложение [установить диктатуру], Массачусетс счел достаточной даже форму правления комитетов, чтобы продержаться при вторжении. Но в то время, как делалось это предложение, к нам никто не вторгался. Когда предложение было сделано во второй раз, то наряду с Массачусетсом в Род-Айленде, Нью-Йорке, Нью-Джер-

си и Пенсильвании республиканская форма правления была признана способной пройти через самые суровые испытания. Только в нашем штате было так мало добродетели, что страх должен был вселиться в сердца людей, стать движущей силой их поступков и основой управления. Сама мысль [о диктатуре] была изменой против народа, против человечества в целом. Дать в руки своим угнетателям доказательство (о чем они протрубили бы на весь мир) неспособности республиканского правительства защитить народ от беды во время нависшей опасности — это все равно, что дать себя навечно заковать в цепи, под которыми сгибаются шеи. Те, которые допускают при всяком случае право передачи бразды правления, должны быть уверены, что стадо, которое они передают под бичи и топор диктатора, положит свои головы на плаху по первому его кивку. Но если наши ассамблеи так думают о народе, я полагаю, они не поняли его характера. Я считаю, что вместо укрепления и усиления правительства ради новых свершений при существующих трудностях бразды правления следовало бы передать несовершенному аппарату окружных комитетов, пока не будет создан Конвент и снова ритмично не заработают его колеса. Какое это было трудное время, вызвавшее замешательство, подвергшее испытанию преданность наших соотечественников республиканскому правительству! Те, кто одобрял эту меру, [установление диктатуры] (а одобряло большинство, я знаю это лично, так как был соратником этих людей в борьбе за общее дело и часто убеждался в чистоте их принципов), обольщались примером древней республики, конституция и обстоятельства которой существенно отличались [от наших]. Они искали прецедент в истории Рима — единственном месте, где его можно было найти и где он также оказался фатальным. Они взяли [в качестве примера] республику, раздиравшуюся острейшей борьбой враждующих группировок и мятежами, где правительство состояло из жестокой, бесчувственной аристократии, стоявшей над ожесточившимся народом, доведенным до отчаяния нищетой и жалким положением. Вспыхивавшие мятежи можно было усмирить

при труднейших обстоятельствах только всемогущей рукой одного деспота. Поэтому конституция римлян временно допустила к власти тирана, назвав его «диктатором». А этот временный тиран, как [обычно] бывает, остался навсегда. Они неправильно отнесли этот прецедент к народу, мягкому по своему характеру, терпеливому в испытании, объединившемуся за свою свободу, преданному своим вождям. Но если конституция римского государства позволила сенату передать все свои права воле одного человека, разве отсюда следует, что ассамблея Вирджинии имеет то же право? Какая статья нашей конституции заменила все непредусмотренные случаи конституцией Рима (сохранив соответствующий пункт)? Или разве возможен тут перенос *ad libitum*¹ в другую форму правительства, чтобы нами управляли прецеденты? Для какого угнетения нельзя найти прецедента в этом мире *bellum omnium in omnia*?² Пытаясь обосновать это предложение, я не могу обнаружить ничего, что хотя бы в какой-то степени напоминало справедливость или разум. В основе этого лежит недостаток, проявившийся еще раньше: поскольку нет барьера между законодательной, исполнительной и судебной властями, законодательная власть может захватить все в свои руки, а, захватив [все] и обладая правом устанавливать свой собственный кворум, она может свести его к одному человеку, которого назовет «председателем», «оратором», «диктатором» или как ей еще вздумается. Наше положение поистине опасно, и, я надеюсь, мои соотечественники осознают это и прибегнут, когда потребуется, к нужному средству. Это будет конвент, который закрепит конституцию, устранил ее недостатки, объединит определенными законами различные области правления, которые при превышении их прав окажутся недействительными. Он сделает ненужным апелляцию к народу, или, иными словами, бунт при каждом нарушении прав народа, при опасности, что его покорность будет истолкована как готовность покориться правам [узурпатора].

Отправление правосудия и описание законов

...Поскольку многие законы, имевшие силу во времена монархии, соответствовали лишь той форме правления, установленные принципы которой были несовместимы с республиканизмом, первая ассамблея, собравшаяся после учреждения республики, создала комитет по пересмотру всего свода законов и приведению его в надлежащий вид по форме и объему, о чем комитет должен был доложить ассамблее. Эта работа была выполнена тремя лицами, но, вероятно, она не будет принята, пока восстановленный мир не предоставит законодательному органу времени для тщательного разбора по пунктам представленного доклада.

План пересмотра был следующим. Обычное право в Англии, под которым подразумевается часть английского законодательства, предшествовавшее по времени самому старому существующему статуту, становится основой свода законов. Считали рискованным пытаться составить какой-то новый текст, поэтому было решено заимствовать его частями из обычных памятников. Необходимые изменения в статуте и во всем своде британских законов, а также в актах ассамблеи, которые считали целесообразным сохранить, были систематизированы в 126 новых актов, причем, насколько возможно, стремились к простоте стиля изложения. Наиболее интересными из предложенных поправок являются следующие:

Изменить права наследования, с тем чтобы земли всякого человека, скончавшегося без завещания, делились поровну между всеми его детьми или другими родственниками.

Распределять рабов подобно прочему движимому имуществу между ближайшими родственниками.

Получать деньги на все общественные расходы, будь то расходы общей казны, церковного прихода или округа (как-то: помощь бедным, постройка мостов, зданий местных органов управления и пр.), от обложения граждан налогом пропорционально их собственности.

Нанимать предпринимателей для поддержания в исправности государственных дорог и компенсировать ущерб лицам, через земли которых должны проходить новые дороги.

Точно определять правила, по которым подданные другого государства, проживающие в данной стране, могут стать гражданами этой страны и граждане этой страны стать подданными другого государства.

Установить религиозную свободу на самой широкой основе.

Освободить всех рабов, родившихся после принятия настоящего акта. В самом билле, о котором доложили члены комиссии, такого предложения не было; но была подготовлена поправка, содержащая это предложение; эта поправка должна была быть предложена законодательной власти по принятии билля. Кроме того, в поправке указывалось, что дети рабов должны оставаться со своими родителями до определенного возраста; затем их следует приобщать за государственный счет к возделыванию земли, ремеслам или наукам, смотря по их наклонностям. По достижении восемнадцати лет лицами женского пола и двадцати одного года лицами мужского пола их следует поселять в соответствующих местах в зависимости от конкретных обстоятельств. При этом их необходимо обеспечить оружием, домашней утварью, орудиями труда, семенами, несколькими полезными домашними животными (самцом и самкой) и другим, объявить свободным и независимым народом, предоставить им свою помощь и защиту, пока они не окрепнут... В то же время следует отправить суда в другие части света за равным количеством белых поселенцев и побудить последних обосноваться здесь за надлежащее вознаграждение. Возможно, спросят, почему бы не оставить черных здесь и не включить их в штат, сэкономив таким образом на ввозе белых поселенцев. [Ответ таков]: глубоко укоренившиеся предрассудки, свойственные белым; десятки тысяч воспоминаний о несправедливостях, перенесенных черными; новые провокации; реальные различия, созданные природой, и много других обстоятельств будут делить нас на два лагеря и вызо-

вут такие общественные потрясения, которые, возможно, окончатся не иначе как истреблением той или другой расы... К этим политическим возражениям можно добавить еще другие, физического и морального порядка... Дальнейшее наблюдение может подтвердить или нет предположение, будто природа была к ним, [неграм], менее щедра, наделяя их умственными способностями; но душой, я полагаю, она их не обидела. Склонность к воровству, за которую клеймят [негров], объясняется их положением, а не отсутствием морали. Человек, на стороне которого не существует никакого права собственности, возможно, чувствует себя менее обязанным уважать законы, установленные в угоду другим. Когда мы приводим доводы в свою пользу, мы прежде всего заявляем: чтобы законы были справедливыми, они должны соответствовать праву; без этого они являются лишь деспотическими правилами поведения, основанными на силе, а не на сознании. Я представляю хозяину решать вопрос о том, не были ли религиозные заповеди о нарушении права собственности установлены для него так же, как и для его раба, и может ли раб на таком же законном основании взять немножко от того, кто отнял у него все, и убить того, кто может убить его. То, что изменение условий, в которые поставлен человек, должно привести к изменению в его представлениях о добре и зле, не является чем-то новым или присущим [только] черным. Гомер высказал это еще 2600 лет тому назад:

• • • • •
«Юпитер установил, что в тот день, когда человека делают рабом, его лишают половины его достоинств».

Но рабы, о которых говорит Гомер, были белыми. Несмотря на эти соображения, которые должны ослабить уважение рабов к имущественным законам, среди них можно найти многочисленные примеры самой непреклонной честности и не меньшей, чем у их более образованных хозяев, благожелательности, благодарности, непоколебимой преданности... Мнение, будто они стоят ниже по умственным способностям и воображению, следует высказывать с большой осторожностью.

Чтобы сделать общий вывод, необходимо провести много наблюдений даже в тех случаях, когда субъект может подвергаться анатомированию, рассмотрению под микроскопом, тепловому или химическому анализу. Мы учитываем и многое другое, когда вопрос касается способности, а не состояния, а именно: когда способности не поддаются детальному изучению во всех отношениях; когда условия, в которых проявляются способности, различны и переплетаются по-разному; когда влияние имеющихся или отсутствие каких-то условий не поддается никакому учету. Разрешите мне, кроме того, добавить еще одно весьма деликатное обстоятельство: наше окончательное суждение может низвести всю расу людей на более низкую ступень, чем та, на которую творец, возможно, их поставил. К своему стыду, следует сказать, что, хотя в течение ста пятидесяти лет перед нашими глазами прошли расы черных и красных, мы никогда не рассматривали их с точки зрения естественной истории. Я высказываю только как предположение, что черные, независимо от того, были ли они первоначально отдельной расой или время и обстоятельства выделили их, стоят ниже белых по физическому и духовному развитию³. Не противоречит опыту предположение, будто различные виды одного и того же рода или разновидности одного и того же вида могут обладать различными качествами. Разве любитель естественной истории, рассматривающий все градации животного мира с философских позиций, не простит попытку сохранить эти градации в области человеческого рода такими же отчетливыми, какими их создала природа? Злополучное различие в цвете и, возможно, способностях — значительное препятствие для эмансипации этого народа. Многие их защитники, желая отстоять свободу человеческой природы, стремятся также защищать ее достоинство и красоту. Некоторые, озадаченные вопросом: «Что же делать с ними дальше?» — объединяются в оппозицию к тем, кто движим лишь низменной жадностью. У римлян эмансипация требовала одного лишь усилия. Освобожденный раб мог смешиваться [со свободными], не оскверняя крови своего владельца. У нас же необходи-

мо нечто иное, еще неизвестное истории. После освобождения рабы должны быть удалены за пределы, позволяющие смешиваться [с белыми]⁴...

Другим предметом пересмотра [законов] является [необходимость] более широкого распространения знаний среди людей. В поправках к биллю предлагается, чтобы каждый округ был разбит на небольшие районы площадью 5—6 кв. миль, называемые «сотнями». В каждом таком районе должна быть открыта школа, где бы обучали чтению, письму и арифметике. Учителей должна оплачивать «сотня». Детей первые три года следует обучать бесплатно, а если они пожелают продолжать учение, им следует за него платить. Эти школы должны инспектироваться, причем инспектор обязан ежегодно отбирать наиболее одаренных мальчиков из числа тех, родители которых слишком бедны, чтобы дать возможность своему ребенку продолжить образование. Таких детей следует направлять в одну из средних школ⁵. 20 учеников могут быть направлены в различные части страны для обучения греческому и латинскому языкам, географии и математике. В средней школе через год или два года следует проводить испытания среди отобранных мальчиков. Самый одаренный ученик продолжает заниматься еще 6 лет, остальные прекращают учение. Таким образом, 20 наиболее одаренных учеников будут ежегодно освобождаться от платы, их будут обучать в средней школе за государственный счет. После шести лет обучения половина учеников прекращает учиться (возможно, из их числа средняя школа будет пополняться будущими учителями); другая половина, отобранная по превосходству в способностях и по наклонностям, должна направляться в колледж Уильяма и Мэри⁶ еще на 3 года для изучения избранных по желанию наук. Предполагается расширить программу обучения... и охватить все прикладные науки. Конечным результатом всей системы образования будет обучение всех детей штата чтению, письму и элементарной арифметике; ежегодное выявление десяти самых способных детей, хорошо обученных греческому и латинскому языкам, географии и математике; ежегодный выпуск десяти

учеников, еще более одаренных, которые помимо указанных предметов получают подготовку в таких науках, к которым они обнаружили особое призвание; более зажиточная часть населения сможет продолжать обучение своих детей за свой счет. Основной целью настоящего закона является предусмотренное образование с учетом возраста, способностей и положения каждого; он должен обеспечить свободу и счастье каждому. Детальным рассмотрением вопроса будут заниматься лица, ответственные за осуществление закона. Первым этапом обучения должны быть школы «сотен», в которых будут обучаться народные массы. Здесь будут заложены основы будущего порядка. Вместо того чтобы давать в руки детям Библию и Евангелие в возрасте, когда они недостаточно созрели для религиозных вопросов, их память можно загрузить более полезными фактами из греческой, римской, европейской и американской истории. Им можно, кроме того, внушить начальные элементы нравственного поведения. По мере дальнейшего развития и упрочения их взглядов их можно научить добиваться величайшего счастья, показывая, что оно не зависит от условий жизни, в которых они случайно оказались, а всегда является результатом чистой совести, доброго здоровья, рода занятий и свободы во всех справедливых делах. Те, кто на средства родителей или на государственный счет будут направляться для продолжения обучения, поступят в среднюю школу, представляющую собой следующую ступень; здесь их будут обучать языкам. Мне говорят, что в Европе изучение греческого и латинского языков выходит из моды. Я не знаю, чем это объясняется. Но для нас было бы весьма неразумно следовать этому примеру. Существует определенный период в жизни человека, скажем от 8 до 15—16 лет, когда дух и тело еще недостаточно окрепли для работы, требующей напряженных усилий. Если в этом возрасте человека перегружать, он становится жертвой преждевременного развития. Вначале этим молодым и нежным существам льстит, что на них смотрят как на взрослых, когда они по существу еще дети; а позже это приводит к тому, что их считают

детьми, когда они уже должны быть взрослыми. В это время память наиболее восприимчива и цепко схватывает впечатления. А поскольку изучение языков является главным образом функцией памяти, представляется целесообразным именно в этот достаточно продолжительный период овладевать наиболее полезными языками, как древними, так и современными. Я не хочу сказать, что язык — наука. Это лишь орудие для овладения наукой. Но время, потраченное на заготовку орудия для будущей работы, нельзя считать потерянным, в особенности потому, что в этом случае книги, переданные в руки молодого человека с целью изучения языков, могут одновременно запечатлеть в его уме полезные факты и добрые принципы. Если этот период жизни проходит в праздности, дух становится вялым и слабым, каким может стать и тело, если его не тренировать. Дух и тело во время своего роста, расцвета и упадка находятся в слишком строгом и очевидном согласии, чтобы возникла опасность ошибки при переходе в рассуждениях от одного к другому. По достижении требуемого возраста предполагается, что молодых людей будут направлять из средних школ в университет — это третья, и последняя, ступень. Здесь они смогут изучать науки, наиболее отвечающие их вкусам. Этой частью нашего проекта, которая предусматривает отбор одаренных юношей из бедняков, мы надеемся помочь штату извлечь пользу из тех талантов, которые природа щедро рассеяла как среди бедных, так и богатых и которые бесполезно гибнут, если их не отыскивать и не развивать. Но самое важное и самое разумное в этом законе то, что люди получают возможность стать надежными и главными блюстителями собственной свободы. С этой целью, как уже было отмечено выше, предлагается на первой стадии обучения, когда *они* получают общее образование, изучать в основном историю. История, сообщая знания о прошлом, позволит людям оценивать будущее; она даст возможность воспользоваться опытом других времен и народов; она сделает народ судьей над действиями и замыслами людей; она научит распознавать истинные цели, под какой бы маской они ни скрывались; и, зная

все это, научит расстраивать [дурные] планы. Любое правительство в мире проявляет некоторые черты человеческой слабости, имеет [хотя бы] в зародыше коррупцию и вырождение, которые ловкость может обнаружить, а злоба постепенно раскрывать, развивать и использовать. Каждое правительство идет к вырождению, когда доверяется лишь правителям народа. Именно народ является единственным надежным хранителем правительства. И чтобы сделать народ также надежным, необходимо в какой-то степени усовершенствовать его дух. Это, конечно, не единственно необходимый, хотя и существенно важный, момент. Внесение поправок в нашу конституцию должно помочь народному образованию. Весь народ должен оказывать влияние на правительство. Если каждый индивидуум из массы народа будет участвовать хотя бы в какой-то степени в элементарном управлении, правительство будет в безопасности, так как коррупция всей массы превысит возможности частных источников благосостояния, а народные деньги не могут быть получены иным путем, кроме взимания налогов с населения. В этом случае каждый вынужден был бы сам себя оплачивать. Правительство Великобритании подвержено коррупции, так как лишь один человек из десяти имеет право голоса при выборах в парламент. Таким образом, лица, покупающие правительство, получают $\frac{9}{10}$ своей цены чистого дохода. Некоторые думают, что коррупцию может сдержать предоставление избирательного права наиболее зажиточной части населения. Но более эффективно ее удержало бы в границах распространение этого права на народные массы, которые бы ни во что не ставили средства коррупции.

И наконец, в поправках к биллю предлагается открыть публичную библиотеку и картинную галерею, выделяя ежегодно определенную сумму денег на приобретение книг, картин и скульптур.

Вопрос XVII

Различные религии, принятые штатом

Первыми поселенцами на этой земле были эмигранты из Англии, последователи англиканской церкви именно той поры, когда ею была одержана полная победа над верующими других вероисповеданий. Получив право издавать, контролировать и проводить в жизнь законы, они проявили ту же нетерпимость в здешних местах, как и их собратья пресвитериане, переселившиеся на север Америки. Бедные квакеры бежали из Англии от преследования. Они смотрели на эти новые земли как на убежище, где можно получить гражданскую и религиозную свободу; но они нашли эти земли свободными лишь для правящей секты. По ряду актов законодательной ассамблеи Вирджинии от 1659, 1662 и 1693 гг. родителей, которые отказывались крестить своих детей, карали как преступников, запрещались как незаконные сборища квакеров; взыскивался штраф с каждого судовладельца, если он доставлял в штат квакера; издавались приказы, по которым те, кто уже находился здесь, и те, кто еще мог приехать, заключались в тюрьму до тех пор, пока они не отрекутся от своей страны; обещалось более мягкое наказание за первое и второе возвращение и смерть — за третье; всем лицам запрещалось устраивать [религиозные] сборища в своих домах или вблизи них, принимать отдельных лиц или распространять книги, защищающие их догматы. Если здесь не было казней, как в Новой Англии, то это не из-за терпимости церкви или законодательной власти, как можно заключить из самого закона, но в силу исторических обстоятельств, о которых нам ничего не известно. Англикане сохраняли всю власть в штате почти столетие. Затем начали проникать иные взгляды и появилось стремление правительства поддерживать свою церковь, что привело в равной мере к праздности духовенства. К началу революции две трети населения были диссидентами⁷. Законы действительно все еще угнетали их, но дух одной стороны был умеренным, а другая вводила ограничения, что вызывало уважение.

Существующее состояние наших законов о религии таково. Майский конвент 1776 г. в своей декларации прав объявил истинным и естественным правом свободу исповедания религии; но когда на основе этой декларации приступили к изданию правительственных декретов, то, вместо того чтобы принять все принципы, провозглашенные в «Билле о правах», и охранять их законодательной санкцией, пренебрегли тем, что защищало наши религиозные права, оставив их без изменения. Тот же конвент, однако, когда он стал Генеральной ассамблеей в октябре 1776 г., отметил все акты парламента, по которым считалось преступным оказывать поддержку различным взглядам в вопросах религии и проявлять терпимость к посещениям церкви, ко всякого рода богослужениям; был отменен также закон, по которому духовенству выплачивалось жалование, причем было провозглашено в октябре 1779 г., что закон этот отменен навечно. Таким образом, поскольку узаконенные притеснения религии были уничтожены, у нас остались теперь лишь те притеснения, которые установлены обычным правом или актами нашей ассамблеи. В обычном праве ересь считалась великим преступлением, которое наказывалось сожжением. Ее определение предоставляли церковным судьям, которым давалось право обличения в греховности, пока Статут I Ел. (гл. 1) не ограничил это, объявив, что ничто не должно считаться ересью, кроме того, что было установлено в качестве таковой авторитетом канонических священных писаний, или одним из четырех первых церковных соборов, или другим собором, имеющим в качестве основания своего решения простые и выразительные слова священных писаний. Поскольку ересь, ограниченная таким образом, была преступлением против обычного права, наш акт ассамблей, принятый в октябре 1777 г. (гл. 17), обращает на это внимание общего суда, объявляя, что юрисдикция этого суда распространяется на все вопросы обычного права. Судебное постановление выполняется по предписанию «De haeretico comburendo»⁸. По нашему акту Законодательной ассамблеи 1705 г. (гл. 30), если человек, воспитанный в христианской вере, отрицает су-

ществование бога или троицы, или утверждает, что есть больше, чем один бог, или отвергает истинность христианской религии или божественный авторитет священных писаний, он может при первом нарушении [закона] подвергаться наказанию, состоящему в лишении его права занимать какой-либо пост — церковный, гражданский или военный; при втором нарушении он не будет иметь права возбуждать против кого-либо судебного дела, принимать дары или получать наследство, быть опекуном, душеприказчиком или выполнять служебные обязанности и при трехгодичном заключении лишается права иметь поручителя. Право отца опекать своих детей заключено в законе о праве опеки, причем, если отца лишают этого права, дети могут быть разлучены с ним и переданы властью суда в руки людей более правоверных. Вот краткая характеристика того религиозного рабства, которое согласился сохранить народ, жертвовавший своей жизнью и судьбой ради установления гражданской свободы. Грех, по-видимому, недостаточно искоренен, поскольку действия духа и тела подвергаются насилию законов. Но наши правители не могут иметь власти над такими естественными правами, если только мы их не передали им. Прав [на свободу] совести мы никогда не передавали, мы не могли их передать. Мы отвечаем за них перед своим богом. Законодательные власти государства распространяются только на такие действия, которые оскорбляют других. Но меня не оскорбляет, если мой сосед заявит, что существует двадцать богов или ни одного. Это не задевает мой карман, и от этого у меня не ломается нога. Если скажут, что на его свидетельские показания в суде нельзя положиться, отвергните это и заклейте того, кто это скажет. Принуждение может испортить человека еще больше — он станет лицемером, но никогда не будет более честным. Это может лишь заставить его упорствовать в своих заблуждениях, но не излечит его. Разум и свободное исследование — единственная действенная сила против заблуждения. Дайте им волю, и они поддержат истинную религию тем, что каждую ложную заставят предстать перед своим судом и подвергнут ее

исследованию. Они — естественные враги заблуждений, и только заблуждений. Если бы римское государство не разрешило свободного исследования, христианство никогда не смогло бы распространиться. Если бы свободному исследованию не потворствовали в эпоху Реформации, нельзя было бы избавиться от извращений христианства. Если свободное исследование теперь пресечь, нынешние извращения будут защищены и новые будут поощряться. Если бы государство должно было прописывать нам лекарство и диету, наше тело было бы в таком же состоянии, как теперь наши души. Так, когда-то во Франции было запрещено рвотное как лекарство и картофель как один из продуктов. Вот так же «непогрешимо» государство, когда оно устанавливает системы в физике. Галилей был предан инквизиции за утверждение, что земля имеет форму шара; государство объявило, что земля плоская, как доска, на которой режут хлеб, и Галилей был вынужден отречься от своего «заблуждения». Однако в конце концов это «заблуждение» восторжествовало — земля была признана шаром, и Декарт заявил, что она в вихре вертится вокруг своей оси. Государство, в котором он жил, было достаточно мудрым, чтобы понять, что это не вопрос гражданской юрисдикции, иначе мы все были бы вовлечены государством в вихрь. На самом деле теория вихрей разбилась, и закон тяготения Ньютона теперь более прочно утвердился на основе разума, чем если бы государство вмешалось и сделало это предметом обязательной веры. Разуму и опыту дали волю, и заблуждение перед ними отступило. Лишь заблуждение нуждается в поддержке государства. Истина может выстоять одна. Подвергнем мысль насилью: кого вы выберете в качестве судебных следователей? Ошибающихся, людей, которыми управляют дурные страсти, личные или общественные соображения. А для чего подвергать мысль насилью? Чтобы прийти к единому мнению. Но разве единомыслие желательнее? Не больше, чем одинаковые лица или рост. Введите тогда прокрустово ложе, и, так как есть опасность, что люди большого роста могут побить маленьких, сделайте всех нас одного роста, обрубив ноги пер-

вым и растянув последних. Различие взглядов полезно в религии. Несколько сект осуществляют sensor топик⁹ друг друга. Достижимо ли единообразие? Миллионы невинных мужчин, женщин и детей с начала введения христианства были сожжены, замучены, подвергнуты штрафам, заточены в тюрьмы; и все же мы ни на дюйм не приблизились к единому мнению. К чему приводит принуждение? Одна половина мира становится дураками, другая — лицемерами. Поощряется мошенничество и обман во всем мире. Предположим, что мир населяет миллиард людей; что они исповедуют, возможно, тысячу различных религий; что наша вера лишь одна из этой тысячи; что, если бы существовало лишь одно право и оно было бы нашим, мы пожелали бы видеть 999 странствующих сект, собранных в паству нашей веры. Но против такого большинства мы не можем применить силу. Разум и убеждение — единственные практически возможные орудия. Чтобы дать им дорогу, необходимо способствовать свободе исследования. Как мы можем желать, чтобы другие способствовали этому, когда мы сами отказываемся от этого? Но каждое государство, заявляет судебный следователь, вводило какую-нибудь религию. Нет двух государств, это уже говорю я, с одинаковой религией. Является ли это доказательством непогрешимости соответствующих учреждений? Однако родственные нам штаты, Пенсильвания и Нью-Йорк, долгое время существовали вообще без введения какой-либо государственной религии. Опыт был новым и сомнительным, когда его вводили. Но он превзошел все ожидания. Эти штаты безгранично процветают. Религию хорошо поддерживают различными способами; все они достаточно хороши, вполне достаточны для сохранения мира и порядка; а если создается секта, догматы которой подрывают мораль, то здравый смысл берет верх и изгоняет их разумом и смехом, не утруждая этим государство. В этих штатах вешают преступников не больше, чем у нас. Их уже не беспокоят религиозные распри. Напротив, их гармония не имеет равной и не может быть приписана чему-то иному, кроме их безграничной терпимости, потому что ничто другое их не

отличает от любой другой нации в мире. Они сделали счастливое открытие: чтобы заставить прекратить религиозные споры, на них не следует обращать внимания. Так давайте тоже воспользуемся этим экспериментом, будем вести честную игру и избавимся, пока можем, от этих тиранических законов. Правда, сейчас мы еще защищены от них духом времени. Я сомневаюсь, будет ли народ этой страны подвергаться преследованиям за ересь или заточаться в тюрьму сроком на три года за неприятие таинств троицы. Но разве дух народа непогрешим и всегда заслуживает доверия? А государство? Разве это та защита, которую мы получаем за те права, которые отдаем? Кроме того, дух времен может меняться и измениться. Наши правители могут стать продажными, народ — беспечным. Один фанатик может стать преследователем, и лучшие люди окажутся его жертвами. Никогда не будет излишним неоднократно повторять, что пора закрепить все существенные права на законной основе, пока наши правители честны и мы сами сплочены. С окончанием этой войны мы покатаемся по наклонной плоскости. Тогда не будет необходимости каждый раз обращаться к народу за поддержкой. Поэтому народ будет забыт и его права попораны. Он и сам забудет обо всем, кроме единственной способности делать деньги, и никогда не будет думать об объединении, чтобы отдать дань уважения своим правам. Поэтому оковы, которые не будут сброшены с окончанием этой войны, еще долго останутся на нас и будут становиться все тяжелее и тяжелее, пока наши права не будут восстановлены или не погибнут в конвульсиях.

Вопрос XVIII

Особые обычаи и нравы, которые могут быть приняты в этом штате

Трудно определить ту норму, по которой проверяются нравы народа, будь то *всеобщие* или *индивидуальные*. Еще труднее местному жителю подвести под эту норму нравы своего родного народа, знакомые

ему, вошедшие в привычку. Несомненно, на нравы нашего народа оказало неблагоприятное влияние существующее у нас рабство. Все отношения между хозяином и рабом представляют собой вечное проявление самых бурных страстей, упорного деспотизма, с одной стороны, и унижающего повиновения — с другой. Наши дети видят это и учатся подражать этому, поскольку человек — животное подражающее. Это качество лежит в основе всего его развития. С колыбели до могилы человек учится делать то, что, как он видит, делают другие. Если бы для обуздания неумеренной вспышки гнева к своему рабу родитель не мог найти сдерживающей силы в своей филантропии или себялюбии, то присутствие своего ребенка всегда должно было бы быть достаточным сдерживающим началом. Но обычно это не помогает. Родитель дает волю взрыву своих чувств, ребенок наблюдает, подхватывает выражение гнева, напускает на себя тот же грозный вид в кругу маленьких рабов, начинает бушевать; воспитанный и взлелеянный в таком духе, ежедневно упражняясь в тирании, ребенок неизбежно воспринимает это во всех отвратительных проявлениях. Человек, который может сохранить при таких обстоятельствах свою добродетель и умение держать себя, — чудо. И какие проклятия должны сыпаться на голову государственного деятеля, который, позволяя одной половине граждан попираť права другой, превращает первых в деспотов, а вторых — во врагов, разрушает моральные устои одной части населения и любимое отечество — другой. Так, если у раба может быть родина в этом мире, то она должна быть любой другой, но не той, где он рожден жить и работать на других; где он вынужден скрывать способности, заложенные в его натуре, способствовать, насколько это зависит от его индивидуальных стремлений, исчезновению человеческого рода или передавать по наследству бесчисленным поколениям, происходящим от него, свое жалкое положение. С гибелью моральных устоев народа сводится на нет и его трудолюбие. Так, в жарком климате никто не станет работать на себя, если можно заставить работать на себя другого. Справедливость сказанного

подтверждается тем, что лишь весьма малое число рабовладельцев можно увидеть когда-либо за работой. А можно ли привилегии народа считать надежными, если мы устранили их единственно прочную основу — убежденность народа, что эти привилегии — божий дар, что их нельзя нарушить, не вызвав гнева божьего? Поистине я опасаюсь за свою страну при мысли, что бог справедлив; что его правосудие не может вечно дремать; что, учитывая хотя бы только численность, характер и естественные средства народа, представляется вполне вероятным поворот колеса фортуны, перестановка мест; и что это может произойти благодаря какому-то сверхъестественному вмешательству! У всемогущего нет такого свойства, которое могло бы помочь нам в этой борьбе. Но невозможно оставаться сдержанным, продолжая рассматривать эту тему с различных позиций политики, морали, естественной и гражданской истории. Мы должны удовлетвориться надеждой, что [эти взгляды] найдут себе путь в ум каждого. Я полагаю, что некоторое изменение уже ощутимо с начала настоящей революции. Характер хозяина умеряется, духовное начало раба подымается из праха его, положение становится легче, под покровительством небес подготавливаются условия для полной эмансипации, и это скорее произойдет, как подсказывает ход событий, с согласия хозяев, чем путем их ликвидации.

Вопрос XIX

Состояние промышленности, коммерции, внутренней и внешней торговли

Наша внутренняя торговля никогда не имела большого значения. Наша внешняя торговля многое пережила с начала нынешней борьбы. За это время мы производили в своих семьях самые необходимые предметы одежды. Хлопчатобумажную ткань можно сравнить с однотипной тканью европейских мануфактур. Но наши шерстяные, льняные и конопляные ткани очень грубы, не имеют приятного внешнего вида; от-

сюда вытекает наше отношение к сельскому хозяйству и то предпочтение, которое мы отдаем иностранным мануфактурам. Мудро это или нет, но наш народ несомненно встанет, как только сможет, на путь увеличения добычи сырья и будет обменивать его на более тонкие ткани, чем те, которые он сам умеет производить.

Политические экономисты Европы возвели в принцип, что каждое государство должно стремиться производить для себя; этот принцип, как и многие другие, мы переносим в Америку, не учитывая различий в обстоятельствах, которые часто приводят к иным результатам. В Европе есть такие земли, которые можно обрабатывать, и такие, которые возделывать нельзя; поэтому к мануфактуре прибегают по необходимости, чтобы занять избыток населения. Но у нас есть огромные земельные просторы, где земледелец мог бы проявить свое трудолюбие. Что лучше: чтобы все наши граждане были заняты улучшением земли или чтобы часть их была отвлечена от этого с целью развития мануфактур и ремесел для другой части населения? Те, кто трудится на земле, — избранники бога, если у бога вообще могут быть избранники, души которых он сделал хранилищем главной и истинной добродетели. Это — средоточие, в котором бог сохраняет вечно живым тот священный огонь, который иначе мог бы исчезнуть с лица земли. Примера разложения нравственности нельзя найти у людей, занятых возделыванием земли, ни у одной нации, ни в какие времена. Этой печатью отмечены те, кто, не глядя на небо, на свою собственную землю и не трудясь, как это делает землепашец ради своего существования, зависят в своем существовании от случайности и каприза покупателей. Такая зависимость порождает раболепство и продажность, душит зародыш добродетели и подготавливает удобные орудия для свершения злых умыслов. Этот процесс — естественное развитие и следствие ремесел — иногда задерживался случайными обстоятельствами; но вообще в любом государстве соотношение между земледельцами и всеми другими слоями населения — соотношение между здоровой и гнилой частью

государства — является достаточно хорошим барометром для измерения степени его разложения. Поскольку у нас есть земля, на которой можно трудиться, пусть никогда наши граждане не становятся к станку и не садятся за прялку. Плотники, каменщики, кузнецы нужны сельскому хозяйству. А что касается общих производственных операций — пусть наши цехи остаются в Европе. Лучше туда привозить продовольствие и материалы для рабочих, чем доставлять рабочих сюда с их нравами и устоями. Расходы на транспортировку товаров через Атлантический океан окупятся благодаря счастью и незыблемости правительства. Массы, населяющие большие города, так же способствуют поддержке чистоты государства, как язвы — организму человека. Именно нравы и дух народа сохраняют республику в силе. Вырождение народа — это язва, которая вскоре заразит его законы и конституцию.

[О НЕОБХОДИМОСТИ ВОССТАНИЙ]

Т. ДЖЕФФЕРСОН — Д. МЕДИСОНУ¹

Париж, 30 января 1787 г.

...Очень хочу знать ваше отношение к недавним беспорядкам в восточных штатах². Насколько мне, однако, известно, они, кажется, не угрожают серьезными последствиями. Эти штаты пострадали от нарушения путей торговли, которая еще не нашла других выходов. Это должно было привести к нехватке денег и к тому, что положение народа стало тяжелым. Это тяжелое положение породило совершенно неоправданные действия, но, я надеюсь, они не вызовут суровых репрессий со стороны правительств. Сознание находящимися у власти того, что ведение ими общественных дел было честным, возможно, вызовет [у них] слишком сильное негодование. Лица, у которых страх преобладает над надеждой, могут слишком поспешно заключить, что природа создала человека не поддающимся иному правительству, кроме как правительству силы. Такое заключение не основано ни на истине, ни на опыте. Общества существуют в трех весьма различных формах: 1) без правительства, как у наших индейцев; 2) с правительством, на которое желание каждого имеет прямое влияние, как в случае с Англией в меньшей степени и в наших Штатах — в большей; 3) с правительством силы, как во всех других монархиях и в большинстве других республик. Чтобы получить представление о бедственном существовании при последних, их следует рассмотреть. Это правление волков

над овцами. Для меня не ясен вопрос, не является ли лучшим первое общественное положение. Но, думаю, что оно неприменимо к многочисленному населению. Во втором состоянии много блага. При нем массы людей наслаждаются драгоценной свободой и счастьем. Оно также имеет свои пороки; основной из них — беспокойство. Но сравните его с притеснением при монархии, и этот порок окажется ничем. *Malo periculosam libertatem quam quietam servitutem*³. Этот порок даже порождает добро. Он предотвращает вырождение правительства и питает общий интерес к общественным делам. Я считаю, что небольшой бунт время от времени — хорошее дело и так же необходим в политическом мире, как бури в мире физических явлений. Неудачные восстания действительно обычно выявляют те нарушения прав народа, которые их породили. Учет этой истины сделает честных республиканских правителей настолько мягкими при наказании мятежников, чтобы не очень сильно обескураживать их. Это — лекарство, необходимое для доброго здоровья правительства...

[ОБРАЗОВАНИЕ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА]

Т. ДЖЕФФЕРСОН — П. КАРРУ

Париж, 10 августа 1787 г.

Дорогой Питер, я получил два твоих письма — от 30 декабря и 18 апреля — и очень рад был узнать, как и из писем г-на Уайта¹, что тебе посчастливилось привлечь его внимание и расположение. Уверен, что ты найдешь это событие одним из счастливейших в твоей жизни, как когда-то это было и в моей. Прилагаю краткий очерк наук, к которым я хочу, чтобы ты обратился в таком порядке, как советует г-н Уайт. Упоминаю также книги, заслуживающие того, чтобы ты их прочитал. Дай ему список на просмотр. Многие из них есть среди книг твоего отца, которые тебе следовало бы взять с собой. Так как я не помню, каких книг в его библиотеке нет, напиши мне об этом; составь список книг, которые, по-твоему, могут тебе понадобиться в течение 18-ти месяцев со времени написания твоего письма, и посоветуйся с г-ном Уайтом по этому вопросу. К этому очерку добавлю несколько особых замечаний.

1. Итальянский. Боюсь, что изучение этого языка спутает твой французский и испанский. Поскольку все они являются выродившимися диалектами латинского, они легко смешиваются в разговоре. Я никогда не встречал человека, говорившего на этих трех языках, не смешивая их. Это восхитительный язык, но последние события сделали испанский более полезным. Отложи тот, чтобы заняться этим.

2. Испанский. Обрати на него особое внимание и постарайся хорошо изучить его. Наши будущие связи с Испанией и Испанской Америкой сделают знание этого языка ценным приобретением. Древняя история этой части Америки также написана на данном языке. Посылаю тебе словарь.

3. Нравственная философия. Я думаю, что посещать лекции на эту тему — потерянное время. Тот, кто создал нас, был бы никудышным мастером, если бы он правила нашего нравственного поведения сделал результатом науки. На одного ученого приходится тысяча неученых. Кем бы они стали? Человек был создан для общества. Поэтому его нравственность создана с этой же целью. Он был наделен чувством справедливого и несправедливого только в связи с этим. Это чувство такая же часть его природы, как слух, зрение, осязание. Это и есть нормальная основа нравственности, а не *to kalon*², истина и т. п., как представляют себе авторы фантастических сочинений. Нравственное чувство или совесть такая же часть человека, как ноги или руки. Оно дано всем людям в большей или меньшей степени, как сила членов дана им в большей или меньшей степени. Его можно усилить тренировкой, как любой орган. Разумеется, в определенной степени это чувство подчинено руководству разума; но для него требуется небольшая опора, даже нечто меньшее, чем то, что мы называем здравым смыслом. Поставь нравственную задачу перед пахарем и профессором. Первый решит ее так же хорошо, и часто лучше, чем последний, потому что он не будет сбит с пути искусственными правилами. Поэтому читай хорошие книги по этой отрасли знания, которые будут поощрять и направлять твои чувства. Особенно сочинения Стерна³ представляют собой лучший курс нравственности из того, что написано по этому вопросу. Кроме того, читай книги, упомянутые в прилагаемом списке; и не упускай возможности тренировать свою склонность быть благодарным, великодушным, милостивым, гуманным, правдивым, справедливым, твердым, аккуратным, смелым и т. д. Рассматривай каждый поступок такого рода как упражнение, которое усилит твои

правственные способности и приведет к возрастанию твоего достоинства.

4. Религия. Твой разум достаточно подготовлен теперь, чтобы рассуждать об этом предмете. Прежде всего, откажись от всякого пристрастия к новизне и исключительности мнения. Позволяй себе это скорее к любому другому предмету, но не к религии. Это очень важно, и последствия ошибки могут быть слишком серьезными. С другой стороны, отбрасывай все страхи и предрассудки, из-за которых слабые умы рабски пресмыкаются. Твердо держись разума и призывай на его суд каждый факт, каждое мнение. Смело вопрошай даже о существовании бога; потому что, если он есть, он должен еще более одобрить уважение разума, чем слепой страх. Естественно, прежде всего ты изучишь религию своей собственной страны. Затем читай Библию так, как ты читал бы Ливия или Тацита. В изложении фактов, которые укладываются в обычный ход природы, ты будешь верить авторитету писателя так же, как ты это делаешь в отношении Ливия и Тацита. Доказательство писателя в их пользу взвешивается на одной чаше весов, и то, что они не противоречат законам природы, не свидетельствует против них. Но те факты в Библии, которые противоречат законам природы, должны быть проверены особенно тщательно и всесторонне. Здесь ты должен будешь вернуться к притязаниям писателя на вдохновение от бога. Проверь, на каких доказательствах его претензии основаны и так ли сильны доказательства, что их ложность более невероятна, чем изменение законов природы, в случаях, к которым это относится. Например, в книге Иисуса [Навина] говорится, что солнце остановилось и стояло несколько часов. Если бы мы прочитали о таком факте у Ливия или Тацита, мы поставили бы его в ряд с такими их фактами, как дождь из крови, говорящие статуи, звери и т. п. Но говорят, что автор этой книги был [бого]вдохновлен. Проверь поэтому беспристрастно, каковы доказательства того, что книга [бого]-вдохновенна. Имеется основание, чтобы эта претензия была исследована тобой, потому что миллионы верят ей. С другой стороны, ты достаточно сведущ в астро-

номии чтобы знать, насколько противоречит законам природы то, чтобы тело, вращающееся вокруг своей оси, как земля, могло остановиться и при этой внезапной остановке не повергло и не разрушило животных, деревья, здания, а после некоторого времени возобновило свое вращение без нового всеобщего разрушения. Находится ли эта задержка вращения земли или свидетельство, которое утверждает это, в пределах возможного? Затем ты будешь читать Новый завет. Это история лица, называемого Иисусом. Имей в виду противоположные претензии: 1) тех, кто говорит, что он был зачат богом, рожден девственницей, временно приостановил и изменил законы природы по своей воле и телесно вознесся на небеса, и 2) тех, кто говорит, что он был человеком незаконнорожденным, с добрым сердцем, восторженным умом, человеком, который вначале не имел претензий на божественность, а затем поверил в них, был за призыв к мятежу подвергнут смертной казни через распятие, согласно римскому закону, по которому за первое преступление секли, а второе наказывалось ссылкой или смертью *in fursâ* ⁴... Эти вопросы рассматриваются в упомянутых книгах под рубрикой «религия» и в некоторых других. Они помогут в твоём исследовании; но пусть твой разум будет тверд при чтении этих книг. Не пугайся исследования в страхе перед последствиями. Если это исследование кончится убеждением, что бога нет, ты найдешь побуждения к добродетели в удобстве и удовольствии, которые ты почувствуешь, упражняясь в ней, и в любви других, которые тебе это обеспечат. Если ты найдешь основания верить, что бог есть, сознание того, что он наблюдает твои действия и одобряет тебя, вызовет у тебя огромное дополнительное побуждение. Если ты найдешь, что существует будущее [загробное] состояние, надежда на счастливое бытие в нем увеличит желание заслужить его; если ты найдешь, что Иисус также был богом, ты утетишься верой в его помощь и любовь. Словом, я повторяю, ты должен оставить все предрассудки обеих сторон и ничему не верить и ничего не отвергать лишь потому, что другие люди или их сочинения отвергали или принимали это. Твой

собственный разум — единственный оракул, данный тебе небом, и ты ответствен не за правильность, а за честность решения. Говоря о Новом завете, я забыл заметить, что тебе следует прочесть все истории о Христе, в том числе и те, которые церковный собор объявил псевдоевангельскими, как и те, которые он назвал евангельскими. Поскольку эти псевдоевангелисты претендовали на [бого]вдохновение, как и другие, ты будешь судить об их притязаниях своим собственным разумом, а не разумом этих церковников. Большинство их утрачено. Есть, однако, сохранившиеся, собранные Фабрициусом⁵, которые я попытаюсь достать и послать тебе.

5. Путешествие. Оно делает людей более умными, но менее счастливыми. Когда путешествуют люди зрелого возраста, они собирают знания, полезные для их страны; но затем у них всегда воспоминания смешиваются с сожалением; их привязанность ослабляется, будучи распространенной на многие объекты, и они научаются новым привычкам, которые не могут быть удовлетворены, когда они возвращаются домой. Молодые люди, путешествуя, подвергаются всем этим неудобствам в большей степени, а также и другим, еще более серьезным и не приобретают той мудрости, для которой предыдущее основание необходимо вследствие повторяющихся и беспристрастных наблюдений дома. Сверкающий блеск, великолепие и удовольствия подобны движению крови; они занимают всю их любовь и внимание, молодые люди отрываются от них как от единственного блага в этом мире и возвращаются домой как в место ссылки и осуждения. Их взор навсегда обращен к предмету, который они потеряли, и воспоминание о нем отравляет остаток их жизни. Их первые самые нежные страсти опошляются недостойными объектами, и они привозят домой осадок, который не может сделать их или кого-либо еще счастливыми. Кроме того, привычка к праздности, неспособность применять себя к требуемым делам делают их бесполезными для самих себя и для своей страны. Эти наблюдения основаны на опыте. Нигде поиски знаний так не ограждены от чуждых объектов, как в твоей

собственной стране, и нигде добродетель сердца не подвергается меньшей опасности быть ослабленной. Будь добрым, образованным и трудолюбивым, и тебе не потребуется путешествовать, чтобы сделать себя нужным для твоей страны, дорогим для друзей, счастливым. Я повторяю свой совет: совершай больше прогулок, и притом пешком. После нравственности первое, что необходимо,— это здоровье. Пиши мне чаще и будь уверен в моем интересе к твоим успехам, а также в теплоте тех чувств привязанности, с которыми остаюсь, дорогой Питер, твоим любящим другом.

Т. Джефферсон

[СИЛЛАБУС ОЦЕНКИ ДОСТОИНСТВ УЧЕНИЯ ИИСУСА ХРИСТА ПО СРАВНЕНИЮ С УЧЕНИЯМИ ДРУГИХ МОРАЛИСТОВ]

Т. ДЖЕФФЕРСОН — Б. РАШУ¹

21 апреля 1803 г.

При сравнении этики просвещенных народов античности, евреев и Иисуса не следует принимать во внимание ни извращения разума среди древних, т. е. идолопоклонство и суеверие простого народа, ни извращения христианства образованными людьми из числа его последователей.

Рассмотрим беспристрастно нравственные принципы, которых придерживались наиболее важные направления античной философии и их отдельные представители, особенно Пифагор, Сократ, Эпикур, Цицерон, Эпиктет, Сенека, Антонин.

I. Философы. 1. Их наставления относились главным образом к нам самим и к управлению теми страстями, которые, будучи необузданы, приводят к нарушению спокойствия духа *. В этой области философии они поистине были велики.

* Чтобы объяснить, я покажу это на заголовках философских работ Сенеки и Цицерона, самых обширных из всех, которые мы получили от античности. Из десяти подзаголовков у Сенеки семь относятся к нам самим, а именно: «De ira consolatio», «De tranquillitate», «De constantia sapientis», «De otio sapientis», «De vita beata», «De brevitae vitae»²; два относятся к другим — «De clementia», «De beneficiis»³ и один относится к правлению миром — «De providentia»⁴. Из одиннадцати трактатов Цицерона пять относятся к нам самим, а именно: «De finibus», «Tusculana», «Academica», «Paradoxa», «De senectute»⁵;

2. В разработке нашего долга по отношению к другим они были кратки и несовершенно. Они, конечно, имели в виду круг близких и друзей и проповедовали патриотизм, или любовь к своей стране в целом, как первейшую обязанность; что касается наших соседей и сограждан, то они учили справедливости, но вряд ли рассматривали их в сфере благожелательности. Еще меньше они внедряли мир, милосердие и любовь в отношении наших братьев или охватывали благожелательностью все человечество.

II. Евреи. 1. Их системой был теизм (deism), т. е. вера только в одного-единственного бога. Но их представления о нем и его атрибутах были унижительными и несправедливыми.

2. Их этика была не только несовершенна, но часто противоречила голосу разума и нравственности, поскольку это касалось связи с теми, кто нас окружает; она была отталкивающей и антиобщественной в отношении других наций. Поэтому они в высшей степени нуждались в реформации.

III. Иисус. При таком положении дел у евреев появился Иисус. Его происхождение покрыто мраком; его состояние бедное, образования у него не было; его природные данные велики; жизнь его праведная и чистая; он был кроток, благожелателен, терпелив, тверд, бескорыстен и величественно красноречив.

Примечательна та невыгодность положения, при которой появилось его учение.

1. Подобно Сократу и Эпиктету он сам ничего не написал.

2. Но в отличие от них он не имел Ксенофонта или Арриана¹⁰, которые писали бы для него. Я не называю Платона, который лишь использовал имя Сократа, чтобы скрыть причуды своего ума. Напротив, все образованные люди его страны, облеченные властью и богатством, были против него, поскольку его труды подрывали

один, «De officiis»⁶, относится частично к нам самим, частично к другим; один, «De amicitia»⁷, относится к другим и четыре к различным предметам, а именно: «De natura deorum», «De divinatione», «De fato»⁸ и «Somnium Scipionis»⁹.

вали их преимущества; описывать его жизнь и учение довелось необразованным и невежественным людям, которые также писали по памяти, и то лишь много времени спустя после того, как произошли события.

3. Следуя судьбе всякого, кто пытается просветить и реформировать человечество, он рано пал жертвой зависти и комбинаций алтаря и трона, будучи около тридцати трех лет; его разум, не достигнув еще высшей степени своей силы, так же как и курс его проповедей, которые продолжались самое большее три года, не дали возможности развить всю систему нравственности.

4. Поэтому доктрины, которые он действительно излагал, оказались в целом недостаточными, и только отрывки того, что он действительно произносил, дошли до нас искаженными, неправильными и часто непостижимыми.

5. Они были искажены еще больше последователями схизматизма, которые находили интерес в софистике и извращении простых доктрин, которым он учил, перенося на них мистицизм греческих софистов, запутывая тонкими хитросплетениями, затемняя их [смысл] жаргоном вплоть до того, что добропорядочные люди отвергали все с отвращением и смотрели на Иисуса как на обманщика.

Несмотря на все эти неблагоприятные обстоятельства, предстоящая перед нами нравственная система Христа, будучи связана со стилем и духом богатых [мыслью] фрагментов, которые он оставил нам, является наиболее совершенной и возвышенной из всех тех, которые когда-либо проповедовались человеком.

Вопрос о том, был ли он божеством или находился в непосредственной связи с ним, как утверждают одни из его последователей и отрицают другие, не относится к данной теме, поскольку я оцениваю лишь достоинства, внутренне присущие его учению.

1. Он исправил теизм евреев, укрепляя их в вере в одного-единственного бога и давая им точное представление о его атрибутах и правлении.

2. Его нравственные доктрины, относящиеся к ближним и друзьям, более чисты и совершенны, чем

самые правильные доктрины философов и тем более чем доктрины евреев; они значительно превосходят как те, так и другие в отношении филантропии по отношению ко всем, а не только к близким, друзьям, соседям и соотечественникам; он всех собирает в одну семью, скрепленную любовью, милосердием, миром, общим желанием и общей помощью. Развитие этого главного [учения] убеждает в особом превосходстве системы Иисуса над всеми другими.

3. Положения философии и еврейского кодекса обращены только к поступкам [людей]. Он же обращался к сердцу человека, создавал свой суд в его мыслях и очищал воды в первоисточнике.

4. Он настойчиво учил доктринам будущего состояния, в котором евреи либо сомневались, либо не верили в него, и пользовался этим учением действительно, как важным побудительным мотивом, дополнительно к другим мотивам нравственного поведения.

[ПОВЕДЕНИЕ И МАНЕРЫ]

Т. ДЖЕФФЕРСОН — ТОМАСУ ДЖЕФФЕРСОНУ
РАНДОЛЬФУ¹

24 ноября 1808 г.

Я упомянул хорошее настроение как один из моментов, сохраняющих наш мир и спокойствие. Это — одно из самых действенных средств. Хорошему настроению так легко подражает и помогает искусственно выработанная вежливость, что это также становится важным приобретением. Действительно, вежливость — это искусственно созданное хорошее настроение; она заменяет естественное отсутствие последнего и входит в привычку, при этом происходит почти равная замена настоящей добродетели. Это — привычка приносить в жертву все мелкие удобства и привилегии ради тех, с кем мы встречаемся в обществе; она может доставить людям удовольствие, а от нас требует лишь минутной предупредительности. Вежливость сводится к тому, чтобы придать нашим выражениям приятный оборот, ласкающий слух, примиряющий людей, в результате чего они остаются довольны нами, а мы — сами собой. Какая дешевая цена во имя блага другого! Если так реагировать на грубости, сказанные человеком, это приводит его в чувство, останавливает его и действует на него благотворно; благодаря вашему доброму характеру он оказывается у ваших ног в глазах общества.

Но, высказывая продиктованные благоразумием правила для руководства [нашим поведением] в обществе, я не должен забывать об одном важном положе-

нии: никогда не вступать ни с кем в спор. Я ни разу не видел, чтобы кто-либо из спорящих убедил другого аргументами. Но мне часто приходилось видеть, как, разгорячившись, люди становятся грубыми и вступают в драку. Убеждение — либо результат нашего собственного хладнокровного размышления в одиночестве, либо бесстрастное взвешивание про себя того, что мы слышим от других, оставаясь сами не вовлеченными в спор. Одним из правил доктора Франклина, благодаря которому он прежде всего и прослыл милейшим человеком в обществе, было: «Никогда никому не возражай».

Если он бывал вынужден выразить свое мнение, он делал это скорее задавая вопрос, как бы для справки, или высказывая сомнение.

Когда я слышу, как кто-то высказывает мнение, которого я не разделяю, я говорю себе: он так же имеет право на свое мнение, как я — на свое. Почему я должен оспаривать его взгляды? Его заблуждения не приносят мне вреда. Нужно ли мне становиться Дон-Кихотом и приводить всех людей силой аргументов к одному мнению? Если какой-нибудь факт неправильно излагается, возможно, человека, утверждающего это, вознаградят, поверив ему, и я не имею права лишать его этой благодарности. Если ему понадобится какая-нибудь информация, он попросит об этом, и тогда я сообщу ее в обдуманном выражении; но если он продолжает верить своей собственной версии и проявляет желание спорить со мной по этому поводу, я его выслушиваю, но ничего не возражаю. Если он предпочитает заблуждаться, это его дело, а не мое.

Среди нас чаще всего встречаются два класса спорщиков. Первый — из числа молодых студентов, только вступивших на порог науки, со своими первыми взглядами по поводу ее основных принципов; их представления еще не содержат подробностей и вариантов, которые при дальнейшем развитии расширят их знания. Второй класс спорщиков, которых мы встречаем в обществе, состоит из раздражительных и грубых людей, пристрастившихся к политике. (Добродушие и вежливость никогда не вносят в смешанное общество вопро-

сов, по которым, как можно предвидеть, возникнут различные мнения.) От тех и других спорщиков держись, мой дорогой Джефферсон [Рандольф], в стороне так же, как ты бы чуждался зараженных желтой лихорадкой или чумой. Находясь среди них, считай, будто ты среди больных Бедлама, больше пуждающихся в совете по части медицины, чем морали.

Будь только слушающим, будь скрытен и старайся выработать в себе привычку молчать, особенно о политике. В том беспокойном состоянии, в котором находится наша страна, никакая попытка призвать кого-либо из этих пылких фанатиков к порядку не приведет к добру ни фактически, ни в принципе. Они твердо определили свою линию поведения как в отношении фактов, в которые они будут верить, так и в отношении взглядов, согласно которым будут поступать. Поэтому проходи мимо них, как мимо рассерженного быка; не пристало здравомыслящему человеку пререкаться по дороге с таким животным.

[ПРИНЦИПЫ ИИСУСА]

Т. ДЖЕФФЕРСОН — Д. АДАМСУ¹

Монтичелло. 12 октября 1813 г.

Дорогой сэр...

Для того чтобы сравнить нравственные принципы Ветхого и Нового заветов, потребуется тщательное изучение первого, отыскание во всех его книгах нравственных предписаний и их осуществление на протяжении его истории, а также принципов, которые они доказывают. Для того чтобы оценить их по справедливости, должна быть исследована в качестве комментария к ним еврейская философия, должны быть изучены и поняты Мишна, Гемара, Кабала, Иецирах, Зогар, Кошри и их Талмуд². Брукер³, кажется, глубоко вник в эти хранилища этики, а Энфильд⁴, конспектировавший его, делает следующее заключение: «Этика столь мало объяснялась евреями, что во всей их компиляции, называемой Талмудом, есть только один трактат на темы нравственности. Их книги о нравственности главным образом состоят в подробном перечислении обязанностей. Из закона Моисея были выведены 613 предписаний, которые были разделены на два класса, утвердительный и отрицательный, 248 [предписаний] в первом и 365 в последнем. Это дает читателю некоторое представление о низком уровне нравственной философии у евреев в средние века. До-

бавим, что из этих 248 утвердительных предписаний только 3 рассматривались как обязательные в отношении женщин, а для того, чтобы быть спасенным, считалось достаточным в смертный час выполнить какой-нибудь один закон; соблюдение остальных считалось необходимым лишь для того, чтобы увеличить блаженство в будущей жизни. Какая ужасная развращенность чувства и нравов должна была преобладать, прежде чем к этим испорченным правилам поведения возникло доверие! Из этих сочинений нельзя составить последовательную систему учения о нравственности» (Энфильд, кн. 4; гл. 3). Иисус предпринял реформуацию этой «ужасной развращенности». При выяснении чистых принципов, которым он учил, мы должны сбросить искусственные одежды, в которые их нарядили попы, исказившие их в разных формах, как орудия своего обогащения и власти. Мы должны отвергнуть платонистов и плотинистов, стагиритов и гамалиелитов, эклектиков, гностиков⁵ и схоластиков, их сущности и эманации, их логосы и демиурги, эонов⁶ и демонов, женских и мужских, и т. п. и т. п., или, проще говоря, бессмыслицу. Мы должны свести нашу книгу только к простым евангелистам, выбрав даже из них лишь слова Иисуса, отбросив двусмысленные выражения, в которые они облечены, так как часто забывалось или не понималось то, что он обронял, а за его изречения выдавались собственные неправильные представления и умонепостижимо выражалось другим то, чего они и сами не понимали. И тогда останется наиболее возвышенный и благотворный кодекс нравственности, который когда-либо был предложен человеку. Для собственной пользы я совершил эту операцию, отбрасывая стих за стихом из печатной книги и собирая материал, который, очевидно, принадлежал ему и который так же легко различим, как алмаз в навозной куче.

В результате получилось 46 страниц в $\frac{1}{8}$ долю листа чистых, неподдельных доктрин, таких, какие проповедовали и в соответствии с которыми действовали неграмотные апостолы, апостолические отцы и христиане первого века. Их платонизированные преемни-

ки в действительности в иные времена, чтобы узаконить извращения, которые они внесли в учение Иисуса, сочли необходимым отречься от ранних христиан, которые черпали свои принципы из уст самого Христа, его апостолов и современных им отцов [церкви]. Они отлучили последователей этих ранних христиан как еретиков, заклеив их позорным именем эбонитов или беггардов ⁷.

[АРИСТОКРАТИЯ И СВОБОДА]

Т. ДЖЕФФЕРСОН — ДЖ. АДАМСУ

Монтичелло, 28 октября 1813 г.

Дорогой сэръ...

Отрывок, который Вы цитируете из Феогнида¹, я думаю, скорее относится к этике, чем к политике. Все произведение представляет собой моральную *проповедь*, *parainesis*, а приводимый отрывок звучит как упрек человеку, который, занимаясь своими домашними животными, стремится повысить ценность их породы, используя для этого самых лучших самцов, но не обращает никакого внимания на улучшение своей собственной расы; человек смешивается путем брака с порочными, уродливыми или старыми из честолюбивых побуждений или ради своего благополучия. Это соответствует принципу, принятому позднее пифагорейцами и выраженному Океллом² в другой форме: *Peri de tēs ek ton allēlon antropon geneseos* и т. д. — *ouch hedonēs heneka hē mixis*. Насколько позволяет неразборчивость оригинала, перевод этого принципа таков: «Что касается половой связи людей, как и с кем она должна происходить, то мне кажется правильным, чтобы она была чиста, соответствовала законам благопристойности и святости, происходила в браке. Прежде всего необходимо установить, что люди вступают в связь не ради удовольствия, а ради потомства. Половая способность и стремление к совокуплению даны человеку богом не ради удовольствия, а для продолжения рода. Не может рожденный смертным быть при-

частным к божественной жизни. Не дав бессмертия людям, бог наделил их способностью непрерывно продолжать человеческий род. Поэтому мы устанавливаем как принцип, что в половую связь вступают не ради удовольствия». Однако природа, не доверяя этому нравственному и абстрактному мотиву, по-видимому, предусмотрела более надежное средство для увековечения рода, заложив в конституцию обоих полов силу страстного желанья. Любовное общение не только порождает этому грешному побуждению, но путем брака содействует также благосостоянию и честолюбивым стремлениям; при этом не обращают внимания на красоту, здоровье, взаимопонимание или добродетель объекта, от которого будет потомство. Выбор лучшей особи мужского пола для гарема из тщательно отобранных женщин, как предлагает Феогнид, по примеру овец и ослов, несомненно, улучшит породу человека, как это происходит с грубым животным, и произведет потомство настоящих *aristoi* [аристократов]. Практика показывает, что моральные и физические качества человека, будь они хорошими или дурными, в какой-то степени передаются от отца к сыну. Но я подозреваю, что равноправие мужчин восстанет против привилегированного Соломона [с его гаремом] и заставит нас продолжать покорно соглашаться с *amaurosis geneos aston*³, на что жалуется Феогнид, и довольствоваться случайными аристократами, родившимися от случайных связей. Я согласен с Вами, что среди людей существует естественная аристократия. Ее отличают природный талант и добродетель. Раньше физическая сила давала право занять место среди аристократов (*aristoi*). Но с тех пор как изобретение пороха посылает слабым, как и сильным, смерть от метательных снарядов, физическая сила подобно красоте, хорошему настроению, вежливости и другим достоинствам имеет лишь второстепенное значение. Есть еще искусственная аристократия, которую отличает благосостояние и происхождение; ни талантом, ни добродетелью она не обладает, иначе она принадлежала бы к первому классу. Естественную аристократию я считаю самым ценным даром природы для обучения тому, как занимать

ответственное положение и управлять обществом. Действительно, было бы непоследовательно сотворить человека для участия в общественной жизни и не наделить его достаточной мудростью и добродетелью, чтобы он мог справиться с делами общества. Разве нельзя сказать, что та форма правления наилучшая, которая наиболее эффективно предусматривает чистый отбор естественных аристократов для правительственных учреждений? Искусственная аристократия — вредный ингредиент в правительстве, и следует предусмотреть средство, препятствующее получению ею власти. В вопросе о том, какое средство считать лучшим, у меня с Вами есть разногласие, но мы расходимся во мнении как разумные друзья, пользующиеся свободным проявлением разума и взаимно снисходительные к его ошибкам. *Вы* считаете, что лучше всего поместить псевдоаристократию в отдельную законодательную палату, чтобы не подчиненные ей органы могли препятствовать злу, которое она может совершить, и можно было бы защитить имущих от аграриев и грабительских побуждений большинства населения. Мне кажется, давать им власть с тем, чтобы помешать им наносить вред, означает вооружать их для этого и увеличивать, а не уменьшать зло. Ибо если не подчиненные им учреждения могут наложить запрет на их действия, то и они в свою очередь могут сделать то же. Зло могут причинять явное или не утверждая каких-либо предложений. Политика сената Соединенных Штатов дает достаточно примеров этому. Я также не считаю обязательным, чтобы защищали богатых, так как те в достаточной мере найдут себе путь в любой законодательный орган, чтобы себя защитить. От 15-ти до 20-ти наших законодательных учреждений за истекший тридцатилетний период деятельности доказали, что едва ли можно опасаться с их стороны какого-либо уравнивания собственности.

Я считаю лучшим средством именно то, которое предусмотрено нашими конституциями, а именно: предоставить гражданам свободный выбор и возможность отделить истинную аристократию от псевдоаристократии, зерно — от плевел. В целом они изберут дейст-

вительно достойных и мудрых. В некоторых случаях богатство может их испортить, а происхождение — ослепить; но это произойдет не в той степени, чтобы быть опасным для общества.

Возможно, различие в наших мнениях в известной мере является результатом характерных отличий тех [штатов], в которых мы живем. На основании того, что я лично видел в Массачусетсе и Коннектикуте, и еще больше в результате того, что слышал, а также из описания, которое Вы сами дали, столь хорошо зная его [Массачусетс], можно прийти к заключению, что в этих двух штатах, по-видимому, существует традиционное благоговение перед определенными семьями, вследствие чего правительственные должности чуть ли не передаются по наследству в этих семьях. Я предполагаю, что начиная с раннего периода Вашей истории члены этих семей, которым посчастливилось обладать добродетелью и талантами, честно использовали их на благо народа и благодаря своей деятельности внушили любовь к себе.

Ассоциируя с Вами [штат] Коннектикут, я имею в виду лишь политическую сторону, а не моральную. Ибо, сделав Библию обычным правом своей земли, [жители этого штата], по-видимому, выработали свое нравственное поведение по образцу предания об Иакове и Лаване⁴. Но хотя у Вас право наследования должностных мест может в некоторой степени основываться на действительных фамильных заслугах, все же в значительно большей мере оно проистекает от вашего строгого союза церкви и государства. Эти семьи канонизированы в глазах народа по простому принципу: «Ты — мне, а я — тебе». В Вирджинии нет ничего подобного. Наше духовенство, застрахованное до революции от соперничества благодаря установленному жалованью⁵, не давало себе труда добиваться влияния на народ. В определенных семьях имелись большие накопленные богатства, которые передавались из поколения в поколение; это делалось согласно английскому закону о порядке наследования. Единственным предметом желаний для богатых было место королевского советника. Весь двор тогда оплачивался,

включая короля и его ставленников; и они подвергались обличениям при всех столкновениях между королем и народом. Отсюда их непопулярность; и эта непопулярность продолжает оставаться за ними. Какой-нибудь Рандольф, Картер или Бурвел должен обладать большим личным превосходством над простым соперником, избираемым народом, даже по сей день.

На первой сессии нашего законодательного собрания после [принятия] Декларации независимости мы издали закон, отменяющий право наследования. За этим последовала отмена привилегии первородства на наследование недвижимости и установление права раздела земли, находящейся в разных штатах, между всеми детьми или другими родственниками. Эти законы, написанные мной, положили начало уничтожению псевдоаристократии⁶. И если бы законодательная власть приняла другой закон, подготовленный мной, наша работа была бы завершена. Речь идет о законе о более широком распространении знаний. Предлагалось каждый округ разделить на административные районы площадью 5—6 кв. миль подобно Вашим участкам. В каждом районе намечалось построить бесплатную начальную школу, где обучали бы чтению, письму и арифметике; из этих школ ежегодно следовало отбирать лучших учеников, которые могли бы за общественный счет продолжить свое образование в окружной школе, откуда определенное количество наиболее способных учеников должно было направляться в университет для завершения образования; в университете предполагалось обучение всем полезным наукам. Благодаря такой системе достойных и талантливых отыскивали бы из всех слоев общества, и образование подготовило бы их к победе в соперничестве за ответственные посты с богатыми и родовитыми людьми.

Кроме того, я предлагал оставить за этими административными районами те области самоуправления, в которых они лучше всего подготовлены, поручив им заботу о своих бедных, о дорогах, полиции, выборах, назначение присяжных, отправление правосудия в сложных случаях, первичное использование милиции;

словом, предполагалось сделать их небольшими республиками с губернатором во главе каждой из них, поскольку они лучше справлялись бы со всем тем, что происходит у них на глазах, чем большие республики округов или штатов. Общий созыв губернаторами собраний административных районов в один день по всему штату всегда выражал бы подлинно народное чувство по любому вопросу и позволил бы штату воздействовать на массы, как это часто делалось в Вашем штате, и добиваться такого же результата от своих городских собраний. Если бы закон о религиозной свободе⁷, составивший часть этой системы, покончивший с аристократией духовенства и возвративший гражданам свободу взглядов, и акты о наследовании, обеспечивающие равенство в положении граждан, опирались на образование, то народные массы поднялись бы на высокий уровень морального совершенства, необходимого для собственного благополучия и надлежащего государственного управления. Таким образом, завершилась бы великая цель их подготовки для выбора подлинной аристократии, для занятия ответственных государственных постов, исключения различных псевдо[аристократов]. Тот же Феогнид, у которого Вы взяли эпиграфы к своим двум письмам, уверяет нас, что ουδενίαν ρο, Κυγν' αγαθοί πολιν ὄλεσαν ἀνδρες⁸. Несмотря на то что этот закон вводится в силу лишь частично и не дал пока результатов, законодательные власти рассматривают его в настоящее время вместе с другими актами исправляемого свода законов, еще не принятыми; и не теряю надежды, что какой-нибудь истинный патриот в благоприятный момент обратится к нему и сделает его краеугольным камнем свода законов нашего правительства.

В отношении аристократии необходимо иметь в виду, что до установления американских штатов история знала только человека Старого Света, стесненного в узких и ограниченных пределах и погрязшего в пороках, которые порождает такое положение. Одно дело — правительство, приспособленное к таким людям, и совершенно другое — для людей наших штатов. Здесь каждый может иметь землю, на которой он будет тру-

даться, если захочет, или, если он предпочтет проявлять свою деятельность в другой области, он может требовать за свой труд такую компенсацию, которая не только обеспечит ему приличное существование, но и даст ему также возможность не работать в старости. Каждый благодаря собственности, которой он владеет, или в силу своего удовлетворительного положения заинтересован в поддержании законов и порядка. И такие люди могут надежно и с успехом сохранить за собой полный контроль над своими общественными делами и ту степень свободы, которая в руках городской черни Европы сразу же привела бы к разрушению и уничтожению всего народного и частного. История Франции за последние 25 лет и Америки за 40 лет, даже за последние два столетия, полностью доказывает правоту этого наблюдения.

Но даже в Европе в умах людей произошло заметное изменение. Наука освободила мысли тех, кто читает и рассуждает, и пример Америки воспламенил чувства справедливости в народе. Как следствие этого начался бунт в науке среди талантливых и отважных против высокого положения и происхождения — их стали презирать. Первая попытка не удалась, так как толпы горожан — орудие, избранное для осуществления бунта, — лишены человеческого достоинства из-за невежества, нищеты и пороков, нельзя было удержать в пределах разумных действий. Но мир оправится от паники, вызванной этой первой катастрофой. Наука шагает вперед, таланты и предприимчивость наготове. Можно обратиться за помощью к сельскому населению, более легко управляемой силе с точки зрения их принципов и субординации; даже там положение, происхождение и показной аристократизм в конце концов потеряют свое значение. Однако мы не имеем права вмешиваться в это. Нам достаточно, если моральное и физическое состояние наших граждан позволит им отобрать людей способных и годных для управления с повторением выборов через такие короткие промежутки времени, которые позволят им сместить неверных слуг до того, как зло, которое они замышляют, может стать непоправимым.

Итак, я изложил свое мнение по вопросу, в котором мы расходимся, не с целью спора — мы оба слишком стары, чтобы изменять свои взгляды, являющиеся результатом долгой жизни, полной исследований и размышлений; я это сделал лишь под влиянием Вашего письма — мы не должны умереть, не объяснившись друг с другом. Мы действовали в полном согласии на протяжении длительной и опасной борьбы за свободу и независимость. Была принята конституция, и, хотя никто из нас не считает ее совершенной, все же мы оба думаем, что она сможет сделать наших сограждан самыми счастливыми и надежно охраняемыми людьми на земле. Если наши взгляды не совсем сходятся в отношении недостатков этой конституции, это не имеет большого значения для нашей страны; посвятив ей долгую жизнь бескорыстного труда, мы передали конституцию своим потомкам, которые смогут позаботиться о ней и о себе.

О памфлете на аристократию, посланном Вам, или о том, кто мог бы быть его автором⁹, я узнал лишь из Вашего письма. Если это исходит от лица, которое Вы подозреваете, то это можно установить по странному, мистическим и гиперболическим идеям, окутанным в замысловатые и педантичные выражения, полные аффектации, характерные для его манеры письма. В любом случае я надеюсь, что на Вашем спокойствии не отразится грубость и невыдержанность всяких писак и что Вы спокойно будете жить и радоваться процветанию нашей страны, пока сами не пожелаете занять свое место среди аристократии, пришедшей до Вас.

Всегда преданный Вам

Т. Джефферсон.

[БЕССМЫСЛИЦА ПЛАТОНА]

Т. ДЖЕФФЕРСОН — Д. АДАМСУ

5 июля 1814 г.

...Я развлекался серьезным чтением платоновского «Государства». Однако я ошибаюсь, называя это развлечением, потому что это тяжелейшая обязанность, которую я когда-либо выполнял. Раньше я случайно брался за его другие труды, но едва ли у меня когда-нибудь хватало терпения пройти через весь диалог. Пробираясь через причуды, ребячество и непостижимый уму жаргон этого труда, я часто откладывал его, чтобы спросить себя, как могло случиться, что мир так долго соглашался принимать всерьез такую бессмыслицу, как эта. Как *soi-disant*¹ христианский мир фактически мог это сделать — пример исторического курьеза. Но как мог римский здравый смысл допустить это? И в особенности, как Цицерон мог превозносить Платона? Хотя Цицерон не владел лаконичной логикой Демосфена, но он был способным, образованным, трудолюбивым, практичным в делах и честным. Он не мог быть обманут просто стилем. Он сам был первым в мире мастером слога. Что касается современников, я думаю, это скорее вопрос моды и авторитета. Образование находится главным образом в руках лиц, которые в силу своей профессии проявляют интерес к имени и фантазиям Платона. Они задают тон в школе, а немно-

гне в последующие годы имеют возможность пересмотреть свои школьные взгляды. Но если оставить в стороне моду и авторитет и подвергнуть Платона проверке разумом, изъять его софизмы, пустословия и непостижимости, что же останется? Поистине он один из плеяды настоящих софистов, который избег забвения в отличие от своих собратьев, во-первых, благодаря изяществу стиля, но главным образом потому, что его причуды были приняты и вошли в плоть и кровь искусственного христианства. Его туманная мысль всегда представляет подобие объектов, наполовину видимых сквозь туман, которые не могут быть определены ни по форме, ни по размерам. И однако то, что должно было обречь его на раннее забвение, в действительности обеспечило ему бессмертную славу и благоговение. Христианское духовенство, найдя доктрины Христа низведенными до всеобщего понимания и слишком простыми, чтобы они нуждались в объяснении, увидело в мистицизме Платона материал, из которого оно имело возможность построить искусственную систему, которая могла из-за своих неясностей допустить вечные споры, дать священникам работу, и ввести [эту систему] ради своей выгоды, власти и превосходства. Доктрины, исходившие из уст самого Христа, понятны даже детям; но тысячи томов все еще не объяснили платонизмы, в которые эти доктрины были облечены, и лишь по тому простому основанию, что бессмыслица никогда не может быть объяснена. Они, однако, добились своих целей. Платон канонизирован, и теперь считается неблагодарным сомневаться в его заслугах, как и в заслугах апостолов Иисуса. В особенности к нему обращаются как к защитнику бессмертия души; и я все же осмелюсь сказать, что, если бы в доказательство этого не было лучших аргументов, чем его, никто из людей не поверил бы в это. К счастью для нас, платоновский республиканизм не получил такого же одобрения, как платоновское христианство; иначе бы ныне все мужчины, женщины и дети жили беспорядочно, подобно диким зверям полей и лесов. Однако «Платон — великий философ», — говорил Лафонтен. Но Фонтенель спрашивал: «Вам очень ясны его идеи?» —

«О нет! Он из непроницаемой тьмы». — «Вы не находите, что он полон противоречий?» — «Конечно, — отвечал Лафонтен, — он лишь софист». Но сразу же он снова восклицал: «О! Платон был великий философ»². У Сократа действительно были основания выражать недовольство неправильными толкованиями Платона, потому что поистине его диалоги — это клевета на Сократа.

[МОРАЛЬНЫЙ ИНСТИНКТ]

Т. ДЖЕФФЕРСОН — Т. ЛОУ

13 июня 1814 г.

Из всех существующих по этому вопросу теорий самой причудливой кажется теория Волластона¹, который рассматривает *истину* как основу нравственности. Вор, крадущий Вашу гинею, заблуждается лишь постольку, поскольку он лжет, используя Вашу гинею, как если бы она была его собственной. Истина, конечно, является ветвью нравственности и очень важна для общества. Но представлять [истину] как основание [нравственности] — это все равно что представить дерево, поднятое за корни и перевернутое в воздухе, одна ветвь которого посажена в землю. Некоторые считают основанием нравственности *любовь к богу*. Это также лишь ветвь наших нравственных обязанностей, которые обычно делятся на наши обязанности по отношению к богу и обязанности по отношению к человеку. Если мы совершаем хороший поступок только из любви к богу и из веры, которая приятна ему, откуда же тогда возникает нравственность атеиста? Бесполезно говорить, как это делают некоторые, что таких существ нет. У нас такие же доказательства этого факта, как большинство тех, которыми мы пользуемся, а именно: их собственные утверждения и их рассуждения в защиту этих доказательств. Я заметил, что, как правило, в то время, как в протестантских странах отход от платоновского христианства попов приводит к деизму, в католических странах он ведет к атеизму.

Дидро, Даламбер, Гольбах, Кондорсе известны как весьма добродетельные люди. Их добродетель, следовательно, должна быть основана на чем-то ином, нежели любовь к богу. То *kalon*² других базируется на иной способности, чем вкус, который даже не является ветвью нравственности. У нас действительно есть врожденное чувство того, что мы называем прекрасным, но оно проявляется главным образом по отношению к предметам, обращенным к воображению (*fancy*) с помощью зрения в видимых формах, как-то: ландшафт, очертания животного, одежда, ткани, архитектура, сочетание цветов и т. д., или непосредственно к воображению (*imagination*) в виде образа, стиля или размера в прозе или поэзии, т. е. всего, что образует сферу критицизма или вкуса, способность, совершенно отличающуюся от нравственности. Своекорыстие, или, скорее, себялюбие, или *эгоизм*, как кажется, более всего представляет основу нравственности. Но я рассматриваю наши отношения с другими как образующие границы нравственности. Сами с собой мы стоим на почве тождества, а не отношения, поскольку последнее, требуя двух субъектов, исключает себялюбие, сводящееся лишь к одному. В отношении себя, строго говоря, мы не имеем обязанностей, так как обязательство также требует наличия двух сторон. Себялюбие поэтому не есть часть нравственности. В действительности это как раз ее противоположность. Это единственный антагонист добродетели, постоянно ведущий нас, вследствие нашей склонности к самоудовлетворению, к нарушению наших нравственных обязанностей к другим. Поэтому против этого врага воздвигаются батареи моралистов и религиозников, как против единственного препятствия для осуществления нравственности. Лишите человека его эгоистических склонностей, и у него не будет ничего, что отвратило бы его от добродетельных поступков. Или подчините эти склонности образованию, наставлению или обузданию, и добродетель останется без соперника. Эгоизм — в широком смысле — следующим образом представлен как источник нравственного действия. Говорят, что мы кормим голодного, одеваем пагого, перевязываем

раны человека, избитого ворами, вливаем в него масло и вино, сажаем его рядом, сажаем его на наше собственное животное и доставляем в гостиницу, потому что сами получаем удовольствие от этих действий. Гельвецкий — один из лучших людей на земле и самый искренний защитник этого принципа, — определив «интерес» не только как интерес денежный, но как нечто могущее обеспечить нам удовольствие или оградить нас от страдания, говорит: «Гуманный человек — это человек, для которого вид несчастья невыносим и который, чтобы избавиться от этого зрелища, вынужден помочь несчастному». Это, конечно, верно. Но это лишь на один шаг приближает к решению проблемы. Эти добрые поступки приносят нам удовольствие. Но почему они приносят нам удовольствие? Потому что природа вложила в наши сердца любовь к другим, чувство долга к ним, моральный инстинкт, короче, то, что непреодолимо побуждает нас чувствовать их страдания, помогать им в их бедах и протестовать против слов Гельвеция: «...какой иной мотив может побудить человека к благородным поступкам, кроме личного интереса? Для него так же невозможно любить добро ради добра, как и любить зло ради зла». Создатель действительно был бы плохим мастером, если бы, предназначая человеку удел общественного животного, не наделил его общительным характером. Верно то, что им наделен не каждый человек, потому что нет правил без исключений; но ложно рассуждение, превращающее исключения в общее правило. Некоторые люди рождаются без органов зрения, или слуха, или рук. Но неверное утверждение, что человек рождается без этих способностей, без зрения, слуха и рук, не может войти в общее определение человека. Недостаток или совершенство нравственного чувства у некоторых людей подобно недостатку или несовершенству чувств зрения или слуха у других не доказывает, что это общая характеристика человеческого рода. Когда указанного чувства недостает, мы стараемся возместить этот дефект образованием, обращением к разуму, к размышлению, предоставляя существам, столь несчастливо устроенным, иные мотивы делать добро и избегать

зла, такие, как любовь, или ненависть, или отвержение тех, среди кого мы живем и чье общество необходимо для счастья и даже существования, показом при помощи здравого рассуждения, что честность в конечном счете способствует выгоде, вознаграждениями и наказаниями, установлениями законов и, наконец, перспективой возмездия в будущем состоянии за зло, как и воздаяния за добро, содеянные в этом мире. Таковы коррективы, обеспечиваемые образованием, которые выполняют функции моралиста, священника и законодателя; они приводят к правильным действиям тех, чье несоответствие не настолько велико, чтобы не быть искорененным. Некоторые выступают против того, что существует нравственное чувство, говоря, что если бы природа дала нам такое чувство, побуждающее нас к добродетельным поступкам и ограждающее от поступков злых, то природа также определила бы по каким-то особым отличительным признакам два рода действий, одни из которых сами по себе добродетельны, а другие — порочны. Тогда как фактически мы видим, что одни и те же действия в одних странах считаются добродетельными, а в других порочными. Ответ состоит в том, что природа создает в качестве нормы и критерия добродетели *полезность* для человека. У людей, живущих в различных странах и в различных условиях, с различными привычками и системами правления, могут быть различные [нормы] полезности. Поэтому один и тот же поступок может быть полезным и, следовательно, добродетельным в одной стране, вредным и порочным — в другой, в иных условиях. Я вместе с вами искренне верю в общее существование морального инстинкта. Я думаю, что это ярчайшая драгоценность, которой наделен человеческий характер, и недостаток ее унижает человека более, чем самое страшное физическое уродство. Я радуюсь, просматривая список сторонников этого принципа, который Вы приводите в Вашем втором письме. С некоторыми из них я раньше не встречался. К ним может быть добавлен лорд Кеймс³, один из наших способнейших защитников, который в своих «Принципах естественной религии» доходит до того, что гово-

рит, что у человека нет долга, к которому его не по-
нуждало бы какое-то импульсивное чувство. Это пра-
вильно, если относится к норме общего чувства в дан-
ном случае, и неправильно в отношении чувства от-
дельной индивидуальности. Возможно, я неверно цити-
рую его, потому что прошло пятьдесят лет с тех пор,
как я читал его книгу.

[ПРОТИВ ПОЛИТИКИ НА ЦЕРКОВНОЙ
КАФЕДРЕ]

Т. ДЖЕФФЕРСОН — УЭНДОВЕРУ

13 марта 1815 г.

...Я расхожусь с ним¹ лишь в одном вопросе, который составляет предмет его первого трактата, — праве обсуждать общественные дела *на церковной кафедре*. Я добавил последние слова потому, что допускаю такое право в *обычной беседе* и в *литературном произведении*; в этой последней форме оно и используется в ценной книге, которую Вы мне любезно преподнесли.

Человеческие интересы, нравственные и физические, столь обширны, а знание, требующееся, чтобы доводить их до наибольшей выгоды, столь велико, что ни один человек не может сам охватить все, и тем более в мере, необходимой для просвещения других. Поэтому по необходимости они разделены на различные области, каждая из которых может достаточно занять все время и внимание отдельной личности. Так, у нас есть преподаватели языков, преподаватели математики, натурфилософии, химии, медицины, права, истории, управления и т. д. Религия также особая область и, оказываясь, единственная, которая считается необходимой для всех людей независимо от положения, какое они занимают. Группы людей объединяются совместно под именем конгрегаций, нанимают религиозного преподавателя определенной секты, взглядов которой они придерживаются, и способствуют уплате ему жалованья в возме-

щение беспокойства, связанного с предоставлением им в согласованное время уроков по исповедуемой ими религии. Если они хотят, чтобы их обучали другим наукам или искусствам, они обращаются к другим учителям; и это обычно дело молодости. Но, я думаю, нет случая, чтобы хоть одна конгрегация использовала своего проповедника в смешанных целях: чтения с *церковной кафедры* лекций по химии, медицине, праву, по науке и основам управления или чего-либо другого, а не одной религии. Поэтому, когда проповедники вместо урока по религии уводят их в рассуждения о системе Коперника, о химических свойствах, о государственном устройстве или о характере и поведении тех, кто возглавляет правительство, они нарушают контракт, лишая слушателей того, за что им платят жалованье, и вместо этого дают им то, чего они не хотят, или если и хотят, то будут скорее искать из лучших источников данного особого искусства или науки. Выбирая своего пастора, мы заботимся о его религиозной квалификации, не вдаваясь в его физические или политические учения, с которыми, мы думаем, нам нечего делать. Понимаю, что могут быть найдены доводы в пользу того, чтобы вплести нитку политики в веревку религиозных обязанностей. Так могут поступить с любой другой отраслью человеческого искусства или знания. Так, повиновение законам нашей страны является религиозным долгом; преподаватели религии поэтому должны обучать нас законам, чтобы мы знали, как повиноваться им. Религиозным долгом является помощь больным соседям; проповедник должен поэтому обучать нас медицине, чтобы мы могли делать это с пониманием. Религиозным долгом является сохранение своего собственного здоровья, наш религиозный учитель в данном случае должен говорить нам, какая еда полезна, и давать нам рецепты кулинарии, чтобы мы научились приготавливать [нужные блюда]. Так изобретательность при все более широком обобщении может амальгамировать все отрасли науки в какую-то одну, и врач, которому платят за визит к больному, может прочесть проповедь вместо лекарства, а ла-

вочник, которому посылают деньги за шляпу, может послать вместо нее носовой платок. Но, несмотря на такое возможное смешение всех наук в одну, здравый смысл проводит между ними границы, достаточно явственные для общих целей жизни, и никто не затрудняется понимать, что медицинский или кулинарный рецепт или геометрическое доказательство не являются уроком по религии. Я не отрицаю, что конгрегация может, если хочет, договориться со своим проповедником, чтобы он обучал также медицине, или праву, или политике. Тогда такие лекции с церковной кафедры станут делом не только права, но и обязанности. Но это может быть сделано лишь с согласия каждой отдельной личности, поскольку объединение является добровольным и простое большинство не имеет права облагать меньшинство в целях, не определенных в соглашении конгрегации. Я согласен также, что во всех других случаях проповедник имеет право наравне с любым гражданином выражать свои чувства, высказываться или писать о медицине, праве, политике и т. д. Его свободное время — его собственное, и его конгрегация не обязана выслушивать его рассуждения или читать его писания; и никто не будет сожалеть больше меня, если какое-нибудь сомнение в отношении этого права удержит нас от ценных рассуждений, которые должны привести к выражению мнения об истинных пределах права. Я чувствую свою долю долга преподобному автору за выдающиеся знания, логику и красноречие, посредством которых он доказал, что религия, как и разум, утверждает прочность тех принципов, на которых основано наше государство и утверждены его права.

Таковы мои взгляды по этому вопросу. Они в оппозиции ко взглядам высокоуважаемого и способного проповедника и поэтому с тем большим сомнением предлагаются. Различие мнений ведет к исследованию, а исследование — к истине; а это, я уверен, конечная и искренне преследуемая цель нас обоих. Мы оба слишком ценим свободу мнения, санкционированную нашей конституцией, чтобы не любить ее использование, даже когда оно противоположно нашим.

Не имея обыкновения скрывать или облекать в таинственные выражения свои взгляды, я высказался свободно по вопросу, подсказанному Вашим письмом и подарком; и, хотя я не имею чести быть с Вами знакомым, этот знак внимания и еще более чувства уважения, столь любезно выраженные в Вашем письме, дают мне право верить, что замечания, не предназначенные для публики, не будут разглашены, что со мной иногда случалось. Покой в моем возрасте — это бальзам жизни. Хотя я знаю, что могу положиться на честь и милость Маклеода, я не хочу быть отданным на расправу Маратам, Дантонам и Робеспьерам от духовенства; я имею в виду Паришей, Огденов и Гардинеров из Массачусетса².

[НАРОДНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО]

Т. ДЖЕФФЕРСОН — С. КЕРЧЕВАЛЮ

12 июля 1816 г.

Сэр! Я своевременно получил Ваше письмо от 13-го июня с копией писем о созыве конгресса. Вы хотели бы знать мое мнение по этому вопросу. Я не привык тайнственно умалчивать о чем-то и делать секреты из своих взглядов. Наоборот, особенно тогда, когда я был на службе у народа, я считал, что народ имеет право на откровенность и должен хорошо знать того, кто ему служит. Но в настоящее время я удалился от дел. Как пассажир, я покорно вверил себя тем, кто сейчас стоит за рулем, и прошу лишь покоя, тишины и доброжелательного отношения.

Равное представительство, которое Вы предлагаете, стало партийным вопросом, и я не хотел бы принимать в нем открытого участия. И все же если Вы лично хотите знать мое мнение не для цитирования его перед публикой, то у меня нет причины скрывать его, меньше всего — от Вас, поскольку оно совпадает с Вашими взглядами. При рождении нашей республики я изложил это мнение миру в проекте конституции, который вышел в виде приложения к «Заметкам о Вирджинии». В этом проекте было предусмотрено равное представительство. Новизна вопроса в тот период и отсутствие опыта в самоуправлении явились причиной значительных отклонений, имевшихся в этом проекте, от подлинных республиканских канон. Действительно, злоупотребления монархии на-

столько заполнили сферу политических размышлений, что мы считали республиканским все, что не было монархией. Мы тогда еще не постигли исходного принципа, что «правительства являются республиканскими, только если они выражают волю своего народа и выполняют ее». Этим и объясняется то, что в наших первых конституциях действительно не было руководящих принципов. Но опыт и размышления все больше и больше убеждают меня в исключительном значении предложенного тогда равного представительства. Итак, по этому вопросу я полностью согласен с тем, что изложено в Ваших письмах; жаль только, что авторское право на Ваш памфлет мешает их появлению в газетах, где они были бы доступны широким слоям читателей и произвели бы должный эффект. Кроме того, отсутствие другого материала позволило бы поместить их в любую газету и довести этот вопрос до сознания каждого.

Но неравенство представительства в обеих палатах наших законодательных учреждений не является единственной республиканской ересью в первом опыте наших революционных патриотов при выработке конституции. Итак, давайте считать республиканским такое государство, все члены которого имеют равное право голоса в управлении через представителей (а не лично, что было бы невыполнимо вне пределов города или небольшого района), избранных ими самими и ответственных перед ними в какой-то короткий промежуток времени, и подвергнем испытанию с помощью этого критерия все стороны нашей конституции.

Как законодательный орган палата представителей избирается меньше чем половиной населения и совсем не пропорционально тем, кто действительно избирает. В сенате еще большая диспропорция и длительный срок безответственности. В исполнительном органе губернатор полностью не зависит от выбора народа и от его контроля; так же и его совет — в лучшем случае является лишь пятым колесом в телеге. В судебных органах судьи верховного суда ни от кого не зависят. В Англии, где судьи назначались и могли смещаться по воле наследственной исполните-

льной власти, от которой, как опасались, могла исходить и действительно исходила большая часть правонарушений, было сделано великое дело закреплением их пожизненно, чтобы они стали независимыми от этой исполнительной власти. Но в государстве, основанном на воле народа, этот принцип действует в обратном направлении и вопреки этой воле. Там также судьи все еще могли сниматься с занимаемой должности по согласованию с исполнительной и законодательной властью. Но мы сделали их независимыми от самого народа. За порочное поведение их может сместить только их собственный орган, и то лишь в случае старческого слабоумия. Судьи нижестоящих судов избираются пожизненно и навечно сохраняют преемственность своей власти, так что если когда-нибудь у них возникает раздор из-за места в окружном суде, то его никогда не удастся ликвидировать, и это может навсегда держать округ в неразрывных цепях. И все же эти судьи являются действительной исполнительной и судебной властью во всех второстепенных и обычных делах. В их власти облагать нас налогом; назначать на должность шерифа, самого важного из всех исполнительных должностных лиц округа; назначать почти всех военных руководителей, которых только они сами могут снимать. Присяжные — судьи всех наших поступков и, если захотят, закона — не избираются народом и не отвечают перед ним. Их выбирает лицо, назначенное судом и исполнительной властью. Выбирает ли? Подбирается шерифом в коридорах суда, после того как там не осталось никого достойного уважения. Где же тогда следует искать республиканизм? Конечно, не в нашей конституции, а только в духе нашего народа. Это обяжет даже деспота управлять нами по-республикански. Именно благодаря этому духу народа, а не конституции все обошлось благополучно. Но этот факт, с таким торжеством искажаемый врагами реформ, не является плодом нашей конституции; это произошло, несмотря на конституцию. Наши чиновники выполняли свой долг, потому что они в общем честные люди. Если некоторые ими не были, они боялись это показать.

Но могут сказать, что легче находить ошибки, чем их исправлять. Я не думаю, чтобы исправление ошибок было столь затруднительно, как это представляют. Требуется лишь заложить правильные принципы и неизменно их держаться. Не отказывайтесь от них, как бы вас ни запугивал страх робких или брюзжание богатых против народной власти. Если потребуются опыт, обратитесь к истории наших пятнадцати или двадцати правительств за последние сорок лет и покажите мне случай, чтобы народ за эти сорок лет причинил половину бед, которые мог причинить один деспот за один год; или покажите половину мятежей и восстаний, преступлений и наказаний, которые происходили у какого-то одного народа при королевском правительстве за тот же период. Подлинной основой республиканского правительства является равноправие каждого гражданина, равные личное и имущественное права и распоряжение ими. Проверьте по этим признакам, как по ярлыкам, каждый пункт нашей конституции и посмотрите, опирается ли он непосредственно на волю народа. Сократите ваши законодательные учреждения до нужного количества для полного и регулярного обсуждения. Пусть каждый гражданин, который сражается или платит, проявляет свое справедливое и равное право в выборах. Одобряйте или отвергайте их в короткие промежутки времени. Пусть губернатор штата избирается таким же путем и на такой же срок теми, чьим представителем он должен быть; и не оставляйте никаких ширм в виде совета, за которыми можно было бы уклониться от ответственности. Считалось, что народ недостаточно компетентный выборщик судей, *изучивших закон*. Но я не думаю, что это правильно, и сомневаюсь, что мы должны следовать этому принципу. В этих, как и многих других, выборах народ будет руководствоваться репутацией, что, возможно, будет приводить к ошибкам не чаще, чем существующий способ назначения. По крайней мере в одном штате это давно практикуется и оказалось вполне успешным. Судьи Коннектикута избираются народом каждые шесть месяцев в течение почти двух столетий, и я полагаю,

едва ли когда-либо было иначе: столь сильна узда непрерывной ответственности. Если, однако, предубеждение, унаследованное от монархического общества, все еще преобладает над жизненно важным пзбирательным принципом нашей системы и если существующему примеру наших периодических выборов судей народом еще не доверяют, давайте по крайней мере не принимать зла и не отвергать добра английского прецедента; пусть право сменять неизменно сохранится за исполнительной и законодательной властью, а выдвижение кандидатов — только за исполнительной. Назначение на должность — функция исполнительной власти. Передавать эту функцию законодательной власти, как мы это делаем, является нарушением принципа разделения властей. Это способствует отклонению от правильного пути, приводит к соблазну замышлять интриги из-за должностных мест и к подмене голосов, нарушает ответственность, деля ее между многими. При сохранении принципа назначения за исполнительной властью, остается принцип разделения властей, и ответственность падает с наибольшей силой на одну голову.

Организация нашего окружного управления, как может показаться, более сложная. Но следуйте закону, и узел развяжется сам. Разделите округа на административные районы такой площади, чтобы каждый гражданин мог являться, когда его приглашают высказаться, и действовать лично. Закрепите за ними управление районами во всем касающемся исключительно их самих. Избираемые ими в каждом районе судья, констебль, военная рота, патруль, школа, забота о бедных, общественные дороги, проходящие в их районе, выбор одного или нескольких судей для службы в каком-нибудь суде и передача в пределах своих районов голосов за всех избираемых должностных лиц высших сфер — все это освободит управление округа почти от всех его дел, и они будут лучше выполняться; превращение каждого гражданина в активного члена правительства, сотрудничающего в тех ведомствах, которые ему ближе всего и больше всего его интересуют, привяжет его самыми сильными чув-

ствами к независимости своей страны и ее республиканской конституции. Избранные каждым районом судьи составят окружной суд и будут выполнять свои судебные обязанности, распоряжаться дорогами и мостами, облагать налогами, местными и государственными, и управлять делами, представляющими общий интерес для всей страны. Эти районы, называемые в Новой Англии приходами, являются жизненной основой своих правительств; они оказались мудрейшим изобретением, когда-либо созданным разумом человека для более совершенного использования самоуправления и для его сохранения. Таким образом, наше управление следует расположить в определенном порядке: 1) общая федеральная республика для всех вопросов, относящихся к внешней и федеральной политике; 2) республика штата, относящаяся исключительно к нашим гражданам; 3) окружные республики, занятые делами и интересами округа, и 4) районные республики для мелких, но в то же время важных местных вопросов. В управлении, как и в любой деятельности, все вопросы, большие и малые, могут успешно решаться только путем разделения и подразделения обязанностей. И все, вместе взятое, прочно объединяется благодаря тому, что каждому гражданину лично поручается часть управления народными делами.

Если суммировать, то эти преобразования сводятся к следующему: 1) всеобщее избирательное право, 2) равное представительство в законодательных учреждениях, 3) представители исполнительной власти, избираемые народом, 4) судьи (judges) избираемые или сменяемые, 5) избираемые судьи (justices), присяжные и шерифы, 6) разделение на административные районы и 7) периодические поправки к конституции.

Я набросал эти общие пункты изменения с целью рассмотрения и поправок; их цель — обеспечить самоуправление путем придания нашей конституции республиканского характера, как и благодаря духу народа, с тем чтобы питать и поддерживать этот дух. Я не отношусь к числу тех, кто боится народа. Он, а не

богатые — наша опора в постоянной борьбе за свободу. А чтобы сохранить независимость народа, мы не должны позволять своим правителям обременять нас постоянным долгом. Мы должны сделать выбор между экономией и свободой или расточительностью и рабством. Если подобно англичанам мы влезем в такие долги в результате того, что налогом будут облагаться мясо и напитки, предметы первой необходимости и удобств, наш труд и наши развлечения, профессия и убеждения, то наш народ подобно им должен будет трудиться по шестнадцать часов в сутки, отдавать заработок за пятнадцать из них правительству для уплаты его долгов и повседневных расходов, а заработной платы за шестнадцатый час не будет хватать на хлеб; нам придется жить на овсяной каше и картофеле, как это делают сейчас англичане; у нас не будет времени для размышлений, никаких возможностей для того, чтобы призвать к ответу тех, кто плохо управляет; но мы будем рады, чтобы добыть средства на существование, наняться и закрепить цепи на шеях наших страдающих собратьев. Наши землевладельцы, так же как в Англии, сохраняя, правда, право владения землей и управления участками, считающимися принадлежащими им, но на самом деле вверенными казне, будут вынуждены, как и они, скитаться по чужеземным странам и бороться с нуждой, темнотой, изгнанием и славой нации. Этот пример служит полезным уроком: частное состояние уничтожается государственным расточительством, равно как и частным. Такова тенденция всех правительств. Отступление от принципа в одном случае становится прецедентом для второго, второй — для третьего и так далее, пока основная масса общества не превратится в простые порождения нищеты, которым не останется никакого другого удела, кроме вступления на путь греха и страдания. Затем начинается настоящая *bellum omnium in omnia*¹, которую некоторые философы, видя ее широкое распространение в мире, приняли за естественное состояние человека, а не за состояние, оскорбляющее его. И впереди этой страшной

упряжки — общественный долг. Он приводит к росту налогов и, следовательно, к нищете и угнетению.

Некоторые смотрят на конституцию с ханжеским благоговением и считают ее ковчегом завета, слишком священным, чтобы его можно было трогать. Они приписывают людям прошлого века нечеловеческую мудрость и полагают, что сделанное ими не подлежит исправлению. Я хорошо знаком с тем веком, принадлежал к нему, работал в нем. Тот век имеет большие заслуги перед родиной. Он был очень похож на нынешний век, но не имел его опыта; а сорокалетний опыт в управлении стоит чтения книг на протяжении ста лет; и люди прошлого века сами бы это сказали, если бы могли восстать из мертвых. Я, разумеется, не являюсь сторонником частых и непроверенных изменений законов и конституций. Думаю, что небольшие недостатки могут оставаться, так как, зная их, мы к ним приспособляемся и находим практические меры для ликвидации их дурных последствий. Но мне также известно, что законы и учреждения должны идти рука об руку с прогрессом человеческого ума. По мере того как он развивается, становится более просвещенным с новыми открытиями, установлением новых истин и изменением нравов и взглядов ввиду изменившихся условий, установленные законы должны также улучшаться и идти в ногу со временем. Мы с таким же успехом могли бы требовать, чтобы взрослый человек продолжал носить костюм, который был ему годен в детстве, как цивилизованное общество могло бы требовать, чтобы народ оставался навечно под правлением своих варварских предков. Именно эта абсурдная идея недавно затопила Европу кровью. Монархи европейских государств вместо мудрой уступки постепенно меняющимся обстоятельствам и поддержки прогрессивных компромиссов ради усовершенствований цеплялись за старые заблуждения, устоявшиеся привычки и заставляли своих подданных отыскивать в крови и насилии поспешные и губительные новшества, которые могли бы принять приемлемую и благотворную форму, если бы были переданы на мирное рассмотрение народу, накопленной им мудро-

сти. Так не будем же следовать таким примерам и необоснованно считать, что одно поколение не способно, как другое, позаботиться о себе и упорядочить свои собственные дела. Давайте прибегнем к нашему разуму и опыту, как это сделали родственные нам штаты, и исправим незрелые решения наших первых советов, мудрых, добродетельных, имеющих хорошие намерения, но лишенных опыта. И наконец, давайте предусмотрим в нашей конституции периодический пересмотр ее пунктов. Какова должна быть продолжительность этих периодов, подскажет сама жизнь. По данным о смертности в Европе, из проживающих в любой момент времени взрослых большинство умрет приблизительно через девятнадцать лет. К этому времени новое большинство придет на их место, или, иными словами, новое поколение. Каждое поколение так же не зависит от предшествующего, как последнее от тех, которые были до него. Поэтому оно подобно им имеет право само выбирать ту форму правления, которая, по его мнению, больше всего содействует его счастью, и, следовательно, приспособиться к тем условиям, доставшимся от своих предшественников, в которых оно очутилось. Именно ради мира и блага человечества конституцией должна быть предусмотрена формальная возможность производить это каждые девятнадцать или двадцать лет, с тем чтобы она могла всегда передаваться дальше с периодическими поправками, из поколения в поколение, до окончания века, если что-либо человеческое может так долго продолжаться. Прошло уже сорок лет со времени принятия конституции Вирджинии. По тем же данным, за этот период две трети живших тогда взрослых теперь умерли. Разве оставшаяся треть имеет право в таком случае, даже если бы она этого желала, подчинять своей воле и установленным прежде законам другие две трети, составляющие вместе с ней нынешнюю массу взрослых? Если нет, то кто же имеет это право? Мертвые? Но у мертвых нет прав; они — ничто, а ничто не может чем-либо обладать. Где нет субстанции, не может быть и акциденции. Этот вещественный земной шар и все, что на

нем, принадлежат поколению его современных телесных обитателей. Лишь они имеют право руководить тем, что касается только их самих, и провозглашать закон для такого руководства; провозглашать такие законы может только большинство населения. Далее, это большинство имеет право делегировать представителей в конгресс и выработать такую конституцию, которая, по их мнению, будет для них наилучшей. Но как собрать мнение этого большинства? Это представляет действительную трудность. Если приглашать для личного участия или на окружные или районные митинги, то, ввиду того что округа и районы очень велики, немногие смогут присутствовать; и мнение будет выражено нечетко или неправильно. Здесь и сыграло бы свою преимущественную роль то деление на административные районы, которое я предлагал. Мэр каждого такого района созывал бы по подобным вопросам своих граждан, собирал все «за» и «против», передавал их в окружной суд, который, в свою очередь, пересылал бы все высказанные мнения в центральную инстанцию власти. Таким образом, было бы справедливо, полно и миролюбиво выражено и обсуждено мнение всего народа и были бы приняты здравые решения всего общества. Если этот путь выражения мнения закрыть, то оно заставит себя услышать силой, и подобно другим народам мы вступим в бесконечный круговорот угнетения, возмущения, реформ и снова угнетения, возмущения и реформ, и так навечно.

Вот, сэр, мое мнение о правительствах, которые мы видим, и о тех принципах, исключительно благодаря которым мы можем избежать того же страшного пути. Я изложил свои взгляды подробнее, чем требовало Ваше письмо. Но я не умею высказываться наполовину. Я доверяю свои мысли Вашей чести; используйте их так, чтобы уберечь меня от нападков газет. Если Вы одобрите их и проведете в жизнь, как это Вы сделали с равным представительством, они могут принести добро. Если нет, сохраните их у себя как излишки престарелого человека, располагавшего свободным временем. Примите искреннее уверение в моем глубоком почтении и уважении.

[ЛИЧНАЯ ВЕРА]

Т. ДЖЕФФЕРСОН — С. Г. СМИТ¹

5 августа 1816 г.

Я узнаю те же побуждения доброты в выраженной Вами озабоченности по поводу слуха, который, как считают, вызван моим письмом Чарльзу Томпсону о христианской религии. Верно, что в письме к переводчику Библии и [Нового] завета² этот предмет был упомянут, но верно и то, что там не была выражена приверженность к какому-либо особому виду христианства и не было намека на изменение мнений. Какое изменение? Священники действительно прежде думали приписать мне религиозные или, скорее, антирелигиозные чувства, исходящие от них самих, но такие, какие бы могли успокоить их негодование по поводу вирджинского акта об установлении религиозной свободы. Они хотели, чтобы о том, кто защищает свободу от их религиозных предписаний, думали как об атеисте, деисте или дьяволе, но я всегда считал религию лишь делом между нашим богом и нашей совестью, за которую мы отвечаем перед ним, а не перед священниками. Я никогда не говорил о моей собственной религии и не исследовал тщательно религию других. Я никогда не пытался создать новообращенного и не желал изменить веру другого. Я всегда судил о религии других по их жизни. И при таком испытании, милостивая государыня, я не сомневаюсь, ваша религия должна быть превосходной, чтобы создать жизнь такой примерной добродетели и

правильности, потому что в нашей жизни, а не в наших словах должна быть прочитана наша религия. Исходя из такой же проверки, мир должен судить обо мне.

Но это не удовлетворяет духовенство. У них должно быть безусловное, объявленное вслух согласие со всеми их корыстными нелепостями. По моему мнению, если бы никогда не было [ни одного] священника, никогда бы не было ни одного неверующего. Искусственное здание, которое священники создали на самой чистой из всех нравственных систем с целью извлекать из нее деньги и власть, возмущает тех, кто мыслит сам и кто видит в этой системе лишь то, что там действительно есть. Поэтому священники клеймят последних такими прозвищами, какие их враждебность хочет незаслуженно приписать. Я молча оставил мир, чтобы судить о причинах по их следствиям. И я, мой дорогой друг, утешаюсь, когда чувствую искренность, с которой обо мне судят ваша справедливость и пронизательность; для меня утешительно и то, что, несмотря на клевету святош, мои сограждане думают обо мне как о заслуживающем доверия. Обвинение меня в неверии утратило свою силу. Священники считают, что обвинение меня в перемене [веры] может быть использовано как поддержка их надувательств. Я, как и прежде, предоставляю им блуждать в потемках.

[Я ТОЖЕ ЭПИКУРЕЕЦ]

Т. ДЖЕФФЕРСОН — У. ШОРТУ

31 октября 1819 г.

Я тоже эпикуреец, как вы говорите о себе. Я рассматриваю подлинные доктрины Эпикура (а не приписываемые ему) как содержащие все рациональное в философии нравственности, что Греция и Рим оставили нам. Эпиктет, правда, дал нам то, что было хорошего у стоиков; все остальное из их учений было лицемерием и гримасой. Клевета на Эпикура и искажение его доктрин были их великим преступлением, в которое был вовлечен как соучастник Цицерон, многословный, пустой, риторический, но очаровательный. Его прототип Платон, красноречивый, как он сам, развивая мистицизм, непостижимый для человеческого ума, был обожествлен некоторыми сектами, принявшими название христианских, потому что в его туманных концепциях они нашли основу непроходимой тьмы, на которой можно было создавать такие же бредовые выдумки собственного изобретения. Авторство [этих концепций] они приписали тому, кого пытались выдать за своего создателя, но кто отрекался от них с негодованием, которое так справедливо вызвала их карикатура на его религию. О Сократе у нас нет ничего подлинного, кроме «Воспоминаний» Ксенофонта, потому что Платон сделал его одним из своих собеседников лишь для того, чтобы прикрыть

его именем собственные причуды. Сенека, действительно хороший моралист, временами портит свою работу некоторыми стоицизмами и слишком любит антитезис и вопросы, но в целом дает нам много хорошей и практической нравственности. Однако величайшим из всех реформаторов развращенной религии своей страны был Иисус из Назарета. Если извлечь то, что принадлежит ему, из мусора, в котором это было похоронено, то, что своим блеском легко отличается от ржавчины его биографов и так [легко] отделимо от нее, как бриллиант от кучи навоза, мы получим основные принципы системы самой возвышенной нравственности, которая когда-либо исходила из уст человека. К прискорбию, он не успел развить эти принципы. Эпиктет и Эпикур дают законы управления собой, Иисус дал дополнение о наших обязанностях и милосердии по отношению к другим. Установление невинного и подлинного характера этого благожелательного моралиста и освобождение его от тени, которую набросили на него обманщики (что проистекало из искусственных систем*, изобретенных ультрахристианскими сектами), не уполномоченные на это ни единым словом, когда-либо произнесенным им,— вот самая достойная и единственная цель, которой с успехом посвятил свои труды и знания Пристли. Это, как можно надеяться, со временем приведет к спокойной, легкой смерти ересей слепой приверженности и фанатизма, которые так долго торжествовали победу над человеческим разумом и так широко и глубоко причиняли страдание человечеству; но эта работа должна начаться отсеиванием зерна от плевел в его жизнеописаниях. Я иногда думаю о переводе Эпиктета (потому что он никогда не был сносно переведен на английский) с добавлением подлинных доктрин Эпикура из «Синтагмы» Гассенди и извлечений из еван-

* Например, непорочное зачатие Иисуса, его обожествление, творение им мира, его чудодейственная сила, его воскресение и зримое вознесение, его телесное присутствие при евхаристии, троица, первородный грех, искупление, возрождение, избранничество, приказы иерархии и т. п.

гелистов, извлечений, в которых видна печать красноречия и чистого воображения Иисуса. Последнее я пытался сделать слишком поспешно двенадцать или пятнадцать лет назад. Это была работа только двух или трех ночей в Вашингтоне, проведенная после вечернего чтения писем и бумаг, полученных за день. Но теперь, стоя одной ногой в могиле, я нахожу эти планы бесполезными для меня. Мое дело коротать скуку угасающей жизни, что я и стараюсь делать, радуясь классическому чтению и математическим истинам и утешаясь здоровой философией, равно безразличной к надежде и страху.

Осмелюсь заметить, что Вы не настоящий последователь нашего учителя Эпикура, если потворствуете лени, которой Вы поддаетесь. Одно из его правил, как Вы знаете: «Следует избегать удовлетворения желаний, которые препятствуют¹ большему удовольствию или вызывают большее страдание». Ваша любовь к отдыху приведет в дальнейшем к прекращению полезных для здоровья упражнений, к притуплению ума, к безразличию ко всему, что окружает вас, и, наконец, к слабости тела и тупоумию — вещам, наиболее отдаленным от счастья, которое, по Эпикуру, достигается упорядочением удовлетворения желаний; сила духа, как вы знаете, одна из его четырех главных добродетелей. Это учит нас встречать и преодолевать трудности; не бежать от них подобно трусам; бежать, кроме того, напрасно, так как они встретятся нам и остановят нас на каждом повороте нашего пути. Обдумайте это хорошо, подбодритесь, садитесь вместе с Корреа², отправляйтесь и посмотрите лучшую часть Вашей страны, которую, если Вы и не забыли, все же не знаете, потому что она уже не та, которую Вы знали раньше. Это добавит многое к счастью моего выздоровления, если я сумею встретить Корреа и Вас самого и доказать мое уважение к вам обоим. Приезжайте и посмотрите наш зарождающийся университет, который весьма активно развивался в этом году. К концу следующего года у нас будут прекрасные квартиры для семи профессоров, а в последующем году и сами профессора. Среди них

не будет второстепенных. Будут самые способные, каких в состоянии прислать Америка и Европа, или их вообще не будет. Они составят избранное общество большого города, отделенное от беспутного образа жизни и легкомыслия его эфемерных ничтожеств.

Я рад, что бюст Кондорсе³ спасен и так хорошо помещен; его гений должен быть перед нами; тогда как достойный сожаления, но странный акт неблагодарности, который омрачил его последние дни, можно оставить позади нас.

Под этим я хочу поместить силлабус доктрин Эпикура, отчасти в лапидарном стиле, который я написал каких-нибудь двадцать лет назад, подобно силлабусу философии Иисуса, примерно того же возраста, который слишком длинен, чтобы его копировать...

Силлабус доктрин Эпикура.

Физические. Вселенная вечна.

Ее части, большие и малые, взаимозаменяемы.

Материя и Пустота единственны.

Движение присуще материи, которая имеет вес и изменяется.

Вечная циркуляция элементов тел.

Боги — род существ более высоких, чем человек, — получают в своей сфере свои удовольствия, но не вмешиваются в то, что касается рода существ, стоящих ниже их.

Нравственные. Счастье — цель жизни.

Добродетель — основа счастья.

Полезность — мерило добродетели.

Удовольствие — активно и без-забот-но.

Без-забот-ность — это отсутствие страдания, истинное блаженство.

Активность состоит в согласованном движении; это не счастье, но средство для его создания.

Так, отсутствие голода — это момент блаженства, еда — это средство достижения его.

Сυμψιχον βοημι⁴ означает не испытывать страданий в теле и беспокойства в уме.

То есть без-забот-ность тела, спокойствие ума.

Чтобы обеспечить спокойствие ума, мы должны избегать желания и страха, двух основных болезней ума.

Человек — свободный агент.

Добродетель состоит в: 1) благоразумии, 2) умеренности, 3) силе духа, 4) справедливости, которым противостоят: 1) глупость, 2) желание, 3) страх, 4) лживость.

[О МАТЕРИИ И МЫШЛЕНИИ]

Т. ДЖЕФФЕРСОН — Д. АДАМСУ

Монтичелло, 14 марта 1820 г.

Дорогой сэръ...

Я считаю его [Стюарта] и Траси¹ самыми способными из ныне живущих метафизиков, под которыми я разумею исследователей мыслительной способности человека. Стюарт, как представляется, дал ее естественную историю, исходя из фактов и наблюдений; Траси — ее способ действия и дедукцию, которые он назвал логикой и идеологией; а Кабанис в своей «Физике и нравственности человека» очень остроумно анатомически исследовал особые части человеческого организма, которые, весьма вероятно, могут осуществлять эту способность. И они спрашивают, почему способ действия, называемый мыслью, не может быть придан материальному органу особой структуры, так же как магнетизм игле или эластичность пружине посредством особых манипуляций со сталью. Они заметили, что при прокаливании иглы или пружины их магнетизм и эластичность прекращаются. С распадом материального органа при смерти его мыслительное действие также может прекратиться. И при этом никто не предполагает, что магнетизм или эластичность сохранили самостоятельное и определенное существование. Они лишь качества особой структуры материи. Измените структуру, и ее качества также изменятся. Вы знаете, что Локк и другие материалисты обвиняли в богохульстве спиритуалистов, кото-

рые отрицали за творцом силу наделять некоторые формы материи способностью мышления. Это, однако, спекуляции и тонкости, которые, что касается меня, доставляют мне мало удовольствия. Когда я встречаюсь с утверждением, находящимся за пределами понимания, я отказываюсь от него, как поступаю с тяжестью, которую человеческая сила не может поднять, и думаю, что в таких случаях невежество поистине самая мягкая подушка, на которую я могу положить свою голову. Если бы, однако, было необходимо создать [какое-то] мнение, я согласился бы с Локком, предпочитая проглотить одну непостижимость, чем две. Требуется одно усилие только для того, чтобы принять единственную непостижимость, что материя наделена мышлением, и два, чтобы поверить, что 1) есть существование, называемое духом, относительно которого мы не имеем ни доказательства, ни представления, и 2) этот дух, который не имеет ни протяженности, ни твердости, может привести материальные органы в движение; это вещи, которые вы и я, возможно, вскоре узнаем. Мы прожили так, что нам не страшны рога этой дилеммы. Мы намеренно никому не причиняли вреда, а нашей стране мы сделали добро, которое нам выпало совершить на нашем пути, в той мере, насколько это соответствовало нашим способностям. То, что мы не сделали больше, чем могли, ни один суд не может нам вменить в вину как преступление...

[О МАТЕРИИ И ВОСПРИЯТИИ]

Т. ДЖЕФФЕРСОН — Д. АДАМСУ

Монтичелло, 15 августа 1820 г.

...Позвольте обратиться к Вашему запутанному письму от 12 мая о материи, духе, движении и т. д. Множество сомнений не дало мне уснуть. Я читал его и откладывал, читал и откладывал снова и снова. И чтобы дать отдохнуть уму, должен был в конце концов вернуться к своему обычному успокоительному «я чувствую, следовательно, существую». Я ощущаю тела, которые не являются мной самим; следовательно, есть другие существования. Я называю их *материей*. Я чувствую, что они изменяют место. Так я узнаю о *движении*. Отсутствие материи — *пустота* в моем понимании, или *ничто*, или *нематериальное пространство*. На основе ощущения материи и движения мы можем воспроизвести все определенности, которые мы можем иметь или которые нам нужны. Я могу постичь, что *мысль* есть действие особой организации материи, созданной для этой цели творцом, так же как *притяжение* есть действие материи или *магнетизм* — магнитного железняка. Если тот, кто отрицает за творцом способность наделять материи способом действия, называемым *мышлением*, покажет, как он мог наделить Солнце способом действия, называемым *притяжением* и направляющим планеты по их орбитам, или как нечто лишенное материи может иметь волю и этой волей приводить материю в движение, тогда от материалиста можно законно потребо-

вать объяснить процесс, посредством которого материя проявляет способность мышления. Если мы откажемся от принципа ощущения, все повисает в воздухе. Говорить об *имматериальных* существованиях — это значит говорить *ни о чем*. Говорить о том, что человеческая душа, ангелы, бог имматериальны, — значит говорить, что они — *ничто* или что нет ни бога, ни ангелов, ни души. Я не могу рассуждать иначе; но я убежден, что меня поддерживают в моей вере в материализм Локк, Траси и Стюарт. Когда в христианскую церковь вкралась эта ересь *имматериализма*, этот замаскированный атеизм, я не знаю. Но конечно, это — ересь. Иисус не учил о ней. Он действительно говорил нам, что «бог есть дух», но он не определил, что такое дух, и не сказал, что это не *материя*. Отцы древности обычно, если не всегда, считали это материей: действительно, легкая и тонкая, эфирный газ, но все же материя...

Поэтому, отвергая все органы информации, кроме своих чувств, я избавляюсь от пирронизма¹, с которым терпимость в спекуляциях сверхфизических и противofизических столь бесполезно занимает и тревожит ум. Иногда действительно одно чувство может быть введено в заблуждение, что изредка бывает, но никогда — все наши чувства вместе, с их способностью размышления. Они служат доказательством реальностей, и их вполне достаточно для всех целей жизни, без того чтобы бросаться в бездну мечтаний и иллюзий. Я удовлетворен и достаточно занят существующими вещами, без того чтобы мучиться и беспокоиться о том, что в самом деле, может быть, и существует, но о чем у меня нет никаких свидетельств...

[УЧЕНИЕ ИИСУСА]

Т. ДЖЕФФЕРСОН — Б. УОТЕРХАУЗУ

26 июня 1822 г.

Учение Иисуса просто, оно целиком направлено на счастье человека.

1. Есть только один бог, и он совершенен.

2. В будущей жизни есть воздаяния и наказания.

3. Сущность религии — искренняя любовь к богу и любовь к ближнему, как к самому себе. Таковы великие принципы, на которых Иисус стремился преобразовать религию евреев. Сравните с этим деморализующие догмы Кальвина.

1. Бог существует в трех лицах.

2. Добрые деяния или любовь к ближнему — ничто.

3. Вера — все, и, чем менее понятен довод, тем большая заслуга в веровании.

4. В религии нельзя пользоваться разумом.

5. Бог с самого начала избрал одних, кого ожидает спасение, и других — кто будет осужден; никакие преступления, совершенные первыми, не будут осуждены, и никакие добродетели последних не спасут их.

Итак, приверженцы какого из этих учений праведны и милосердны по-христиански? Те, кто верит и поступает согласно простому учению Иисуса? Или нечестивые догматики, такие, как Афанасий¹ или Кальвин? Поистине я считаю, что неверные пастухи — это те, кто входит в овчарню не через дверь, а каким-то другим путем. Они просто узурпаторы христианского

имени, когда проповедуют религиозную ересь, представляющую собой *бред*, безумные фантазии, столь же чуждые христианству, как и религия Магомета. Их богохульство привело к неверию думающих людей, которые слишком поспешно отвергли самого предполагаемого автора вместе с нелепостями, столь ошибочно приписанными ему. Если бы учение Иисуса всегда проповедовалось таким же чистым, каким оно выходило из его уст, то весь цивилизованный мир был бы теперь христианским. Я рад, что в этой благословенной стране свободных исследований и мнений, стране, которая не подчинила свои верования и совесть ни королям, ни священникам, истинное учение воскрешает одного только бога, и я верю, что в Соединенных Штатах сейчас не найдется ни одного *молодого человека*, который не умер бы как унитариец.

Но я сильно опасаюсь, что, когда эта великая истина будет восстановлена, ее приверженцы впадут в роковую ошибку: начнут фабриковать формулы верований и вероисповеданий — те орудия, которые так быстро уничтожили религию Иисуса и сделали из христианского мира простую Акелдаму²; и что они откажутся от добродетели ради таинств и променяют Иисуса на Платона. Насколько более мудры квакеры, которые, соглашаясь с основным учением Евангелия, не занимаются никакими ересями, [поучающими] о таинствах, и, оставаясь в пределах здравого смысла, не допускают никаких спекулятивных различий во взглядах, чтобы ослабить любовь своих братьев. Пусть это будет мудростью унитарийцев, этой священной мантией, которая укроет своим милосердным покровом всех, кто верит в одного бога и кто любит своего ближнего!

РЕЛИГИОЗНАЯ СВОБОДА В УНИВЕРСИТЕТЕ ШТАТА ВИРДЖИНИЯ

7 октября 1822 г.

В том же докладе членов комиссии 1818 г. указывалось, что «в соответствии с принципами конституции, ставящими все религиозные секты в равное положение, при ревностном отношении различных сект к защите этого равенства от всяких посягательств и при проявленном ранее отношении законодательной власти к вопросу религиозной свободы не предлагалось создавать в университете профессиу богословия; однако было предусмотрено обучение древнееврейскому, греческому и латинскому языкам, сокровищницам оригиналов и самых первых и наиболее уважаемых авторитетов в вере каждой секты, а также предусмотрен курс лекций по этике, излагающий моральные принципы, общие для всех сект. Не нарушая конституции, дали возможность каждой секте взять в свои собственные руки заботы о дальнейшем обучении догмам каждой из них».

Однако не следовало считать, что государственные власти будут мешать обучению религиозным взглядам и обязанностям, поскольку они безразличны к интересам государства. Напротив, отношения, существующие между человеком и его творцом, и обязанности, вытекающие из этих отношений, наиболее интересны и важны для каждого человека и непременно отражаются на его занятиях и исследованиях.

Недостаток обучения различным религиозным догмам, существующий среди наших граждан, является поэтому пробелом в общем обучении полезным наукам. Но думали, что этот недостаток и необходимость для каждого общества обучать своим доктринам были меньшим злом, чем разрешение государственным властям диктовать образ действий и принципы религиозного обучения или чем предоставленные им возможности поощрять или давать какие-либо преимущества одной секте перед другой. Было, однако, предложено многообещающее средство, которое, исключая вмешательство государственных властей в сфере религиозной свободы, принесет сектантским богословским школам одну лишь пользу, как это было предусмотрено в отношении обучения другим наукам. Эти науки одинаково необходимы духовным лицам, как и людям других гражданских профессий, чтобы дать им возможность выполнить свой долг согласно призванию, с пониманием и пользой. Поэтому имелось в виду и предлагалось некоторыми религиозными людьми, которые понимают преимущества увязывания других наук с религиозными учениями, создавать свои религиозные школы в пределах университета, с тем чтобы дать своим студентам легкий и удобный доступ к посещению научных лекций в университете и таким путем поддержать избравших религиозную профессию на таком высоком научном уровне, который дал бы им личный вес и респектабельность, как это удастся достигнуть другим благодаря университету. Такие установления дали бы новое и еще большее преимущество, предоставляя возможность студентам университета посещать религиозные торжества с профессорами избранной ими секты в помещении, которое должно быть специально выстроено для этой цели при беспристрастном управлении, как было предложено в том же докладе членов комиссии, или в аудитории профессора. Инспекторы охотно откликаются на такие предложения и считают своим долгом всячески поощрять тех, кто может выбрать такое место для своих школ, уверяя их, что в устав университета будут внесены такие изменения, которые создадут студен-

там полную возможность для доступа к пользованию библиотекой (на таких же правах, как и для других студентов), которая в будущем может быть открыта на общественные или частные средства. Но всегда следует помнить, что эти школы не должны зависеть от университета и друг от друга. Такая организация завершит круг полезных наук, охватываемых этим учреждением, и заполнит существующий в настоящее время пробел на основе принципов, которые оставят ненарушенной религиозную свободу, в соответствии с конституцией,— самое неотъемлемое и священное из всех прав человека. К этой религиозной свободе народ и власти нашего штата всегда проявляли самое бдительное и ревностное отношение индивидуально и обща; и если бы сейчас удалось пробудить это ревностное отношение и у законодательной власти тем, что здесь предложено, то от этой идеи отказались бы при всяком подозрении на неодобрение, которое они могут счесть нужным выразить.

[ПРОИСХОЖДЕНИЕ САМОУПРАВЛЕНИЯ]

Т. ДЖЕФФЕРСОН — Д. КАРТРАЙТУ

5 июня 1824 г.

Дорогой и почтенный сэр, премного обязан Вам за Ваше любезное письмо от 29-го февраля и за ценный том по английской конституции¹. С удовольствием и большим одобрением прочел его и думаю, что в этой книге установлен правильный источник происхождения конституции английского государства — англосаксонский. Поистине странно, что столь многим способным и ученым людям не удавалось точно определить этот источник. Поэтому не удивительно, что Пейн², который думал больше, чем читал, верил большим авторитетам, заявлявшим, что конституция Англии — воля парламента. Аналогичное говорил мне Марбуа³ перед Французской революцией: королевский альманах — конституция Франции. То, что Вы установили англосаксонское происхождение конституции, представляется законным. Изгнав бывших обитателей части острова, называемой Англией, англосаксы стали коренными жителями как для Вас, так и для Ваших предков по прямой линии. У них, несомненно, была конституция, и, хотя они не оставили ее в письменном виде, так, чтобы к точному тексту ее можно было бы всегда обратиться, остались, однако, фрагменты из их истории и законов, позволяющие с большой уверенностью сделать такой вывод. Как показывают их история и законы, если какой-нибудь поступок одобрялся, мы можем предполагать, что он разрешался их

конституцией, а что не совершалось — не было разрешено. И хотя эта конституция была нарушена и ни во что не ставилась норманскими завоевателями, все же сила не может изменить права. Вечные претензии поддерживались народом, его непрекращающимся требованием восстановления своих саксонских законов; это доказывает, что по воле народа от них никогда не отказывались. В борьбе за эти древние права между народом и его королями из династий Плантагенетов, Тюдоров и Стюартов случались победы, иногда — поражения, пока эти права не были окончательно отвоеваны у Стюартов. Свержение и изгнание этой династии порвали нить мнимого наследования, уничтожили всякую королевскую узурпацию, и народ вновь приобрел все свои права. И хотя в своде законов были точно восстановлены лишь некоторые [из этих прав], все же то, что другие права были опущены, не было отказом от того, чтобы воспользоваться ими, если представится случай. Новый король не получил ни прав, ни власти, кроме тех, которые ему были явно пожалованы. Мне всегда казалось, что различие между вигами и тори в Англии заключается в том, что виги вывели свои права из англосаксонского источника, а тори — из норманского. Юм, этот великий апостол торизма, заявляет (примечание АА к гл. 42), что при Стюартах «именно народ покушался на короля, а не король пытался, как это представляют, присвоить себе права народа». Отсюда следует справедливость преемников норманских узурпаций. И снова в примечании С, 159 находим: «...народ установил принцип, сам по себе благородный и, кажется, благовидный, но его опровергает вся история и опыт, а именно *что в народе источник всей справедливой власти*». Где же еще этому выродившемуся сыну науки, этому изменнику своих соотечественников найти источник *справедливой* власти, если не в большинстве общества? Может быть, в меньшинстве? Или в отдельной личности из этого меньшинства?

Наша революция началась на более благоприятной основе. Она подарила нам альбом, на котором мы вольны были сделать любую надпись. У нас не было

возможности рыться в устарелых документах, отыскивать королевские рукописи на пергаменте или заняться исследованием законов и учреждений полуварварских предков. Мы обратились к тому, что было дано природой, и нашли эти законы отпечатанными в своих сердцах. Однако мы не воспользовались всеми преимуществами своего положения. Нам никогда не разрешалось иметь самоуправление. Когда мы были вынуждены вступить на этот путь, мы оказались новичками в этой науке. Ее принципам и формам нас прежде мало обучали. Мы сами установили некоторые из этих основных принципов, но далеко не все. Согласно большинству конституций наших штатов, вся власть наследуется народом; он может пользоваться ею сам во всех случаях, когда считает себя компетентным (например, при выборе своих исполнительных и законодательных должностных лиц и вынесении решений присяжными из народа, во всех судебных случаях, в которых какое-либо обстоятельство требует проверки), или может выступать через представителей, избранных на основании свободных и равных выборов; народ обладает правом и долгом всегда быть вооруженным; народ имеет право на свободу личности, свободу вероисповедания, свободу собственности и свободу печати. В структуре нашей законодательной власти опыт, по нашему мнению, показал пользу постановки вопросов перед двумя различными совещательными органами; но при этом естественное право было неправильно понято: некоторые делали один из этих органов, а другие — оба представителями собственности вместо людей; тогда как двойное обсуждение могло быть также достигнуто без всякого нарушения истинного принципа путем требования большего срока действия одного из органов или выбора соответствующего числа представителей, причем последние разделялись бы по жребию на две палаты, и это разделение периодически возобновлялось бы, чтобы разбить всякие интриги. Вирджиния, уроженцем и жителем которой я сам являюсь, была не только первым из штатов, но думаю, я могу сказать, первым государством в мире, которое мирным путем собрало сво-

их мудрых людей для создания основ конституции, записала их и поместила в свой архив, где каждый мог свободно обратиться к ее тексту. Но этот акт был весьма несовершенен. Другие штаты, приступив к составлению своих конституций, внесли последующие усовершенствования. Некоторые из них с новыми поправками, сделанными на основании приобретенного опыта, приняли, по общему мнению, более совершенную форму. Мой родной штат продолжает до сих пор свой *гемтеге ёбауче*⁴, но сейчас он предлагает созвать собрание для внесения поправок [к конституции]. Наряду с прочими усовершенствованиями, я надеюсь, будет принято подразделение наших округов на административные районы. Округ занимает площадь, равную в среднем 24 кв. милям, а площадь каждого административного района должна составлять около 6 кв. миль и будет соответствовать «сотням» вашего саксонца Альфреда. В каждом районе могли бы быть: 1) начальная школа, 2) отделение милиции с офицерами, 3) мировой судья и констебль; 4) каждый район должен проявлять заботу о своих бедных, 5) о дорогах, 6) о своей полиции, 7) избирать из числа своих сограждан одного или нескольких присяжных для присутствия в суде и 8) отдавать в нижней палате голоса за всех должностных лиц, намеченных к избранию. Таким образом, каждый район представлял бы собой небольшую республику, и каждый человек в штате стал бы активным членом народного правительства, осуществляя лично большую часть прав и выполняя большую часть обязанностей, хоть и второстепенных, но тем не менее важных и находящихся вполне в его компетенции. Человеческий разум не может придумать более прочной основы для свободной, прочной и хорошо управляемой республики.

Что касается правительства нашего штата и федерального [правительства], я не думаю, чтобы взаимоотношения между ними правильно понимались иностранцами. Они обычно считают, что штат подчиняется федеральному правительству. Однако это не так. Они — координирующие департаменты одного-единного целого. За правительством штата сохраняется вся за-

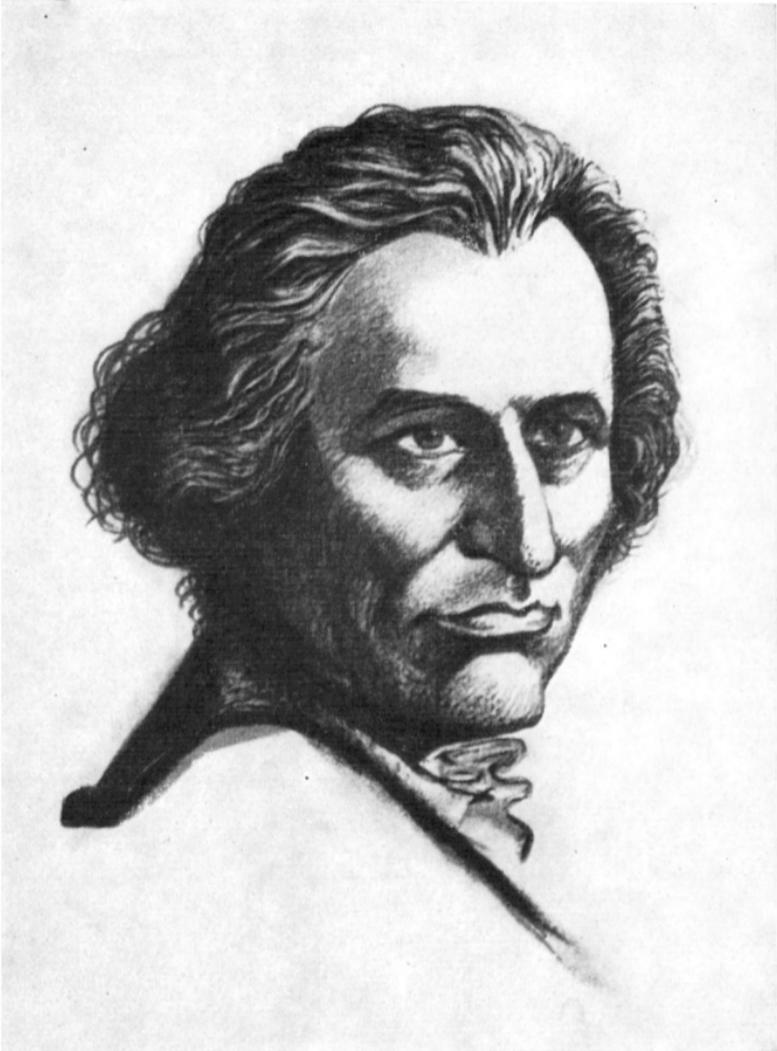
конодательная и административная власть в делах, касающихся только его собственных граждан, а федеральному правительству отдается все касающееся иностранцев или граждан других государств; лишь эти функции являются федеральными. Первое занимается внутренними делами, второе — внешними, но то и другое — внутри одного и того же государства; ни одно из них не контролирует другого, кроме как в пределах своего собственного департамента. Есть лишь одно или два исключения в этом разделении власти. Но вы можете спросить: если два департамента требуют одинакового предмета власти, то где же тот общий суперарбитр, который мог бы в конце концов сделать между ними выбор? В несущественных вопросах и случаях, не требующих безотлагательных решений, мудрость обеих сторон не даст им вмешиваться в сомнительные дела; но если нельзя этого избежать или прийти к компромиссному решению, следует созвать конгресс штата, с тем чтобы приписать эту спорную власть тому департаменту, который сочтут наиболее подходящим для этой цели. Вникая в эти подробности, вы можете понять, что мы еще не усовершенствовали своих конституций настолько, чтобы отважиться считать их не подлежащими никаким изменениям. Но даже в их теперешнем состоянии мы считаем, что вносить в них какие-либо изменения может только народная власть, назначая специально для этой цели выборы представителей, которые до тех пор являются *lex legum*⁵.

Могут ли конституции не изменяться? Может ли одно поколение навеки связывать другое и все последующие? Думаю, что нет. Творец создал землю для живых, а не для мертвых. Власть и права могут принадлежать лишь людям, а не вещам, не какой-то материи, лишенной воли. Мертвые — даже не предметы; частицы материи, составлявшей их тело, становятся затем частью тела других животных, растений или минералов, тысячью каких-то форм. Чему же тогда приписать власть и права, которые они имели, будучи людьми? Поколение может связывать себя, пока его большинство продолжает жить; когда же оно

исчезает, на его место становится другое большинство, которое держит в своих руках власть и права, принадлежавшие когда-то его предшественникам, и может изменять их законы и учреждения по своему усмотрению. Итак, ничто не является неизменным, кроме прирожденных и неотъемлемых прав человека.

Мне было приятно найти в Вашей книге формальное опровержение судебной узурпации законодательной власти, поскольку таковую судьи узурпировали в своих неоднократных решениях, согласно которым христианство — часть обычного права. Доказательство обратного, которое Вы приводите, неоспоримо, а именно: обычное право существовало, когда англосаксы были еще язычниками, во времена, когда они не слышали упоминания имени Христа и не знали даже о его существовании.

ТОМАС ПЕЙН

ВЕК РАЗУМА

Исследование истинной и вымышленной теологии

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МОИМ СОГРАЖДАНАМ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

Я вручаю нижеследующее сочинение Вашему покровительству. Оно содержит мое суждение о религии. Вы отдадите мне должное, вспомнив, что я всегда упорно отстаивал право каждого человека на свое собственное мнение, сколь бы оно ни отличалось от моего. Тот, кто отрицает за другими это право, превращается в раба своего нынешнего мнения, ибо лишает себя права изменить его.

Самое сильное оружие против ошибок всякого рода — разум. Я никогда не употреблял и, надеюсь, не употреблю иного оружия.

Ваш любящий друг и согражданин

Томас Пейн

*Париж, 8 Плювиоза, второй год Французской Рес-
публики, единой и неделимой.*

27 января ст. стилия, 1794 г.

Исповедание веры автора

Уже в течение нескольких лет я намеревался опубликовать мои мысли о религии. Я хорошо сознаю трудности, связанные с этим предметом, и из этих со-

ображений отложил его осуществление до более позднего периода моей жизни. Я предполагал, что этот труд будет моим последним приношением согражданам всех наций, причем в такое время, когда чистота мотивов, побудивших меня к этому, не возбудит сомнения даже у тех, кто, может быть, не одобрит самый труд. События, которые произошли сейчас во Франции и привели к уничтожению всего национального института духовенства и всего относящегося к принудительным системам религии и атрибутам веры, не только поторопили меня исполнить мой замысел, но и сделали работу такого рода необходимой, для того чтобы при общем крушении предрассудков, ложных систем правительства и ложной теологии мы не потеряли из виду нравственности, человечности и той теологии, которая истинна.

Несколько моих коллег и сограждан во Франции подали мне пример, изложив избранное ими индивидуальное исповедание веры, и я сделаю то же самое; я сделаю это с той искренностью и откровенностью, с какой ум человека может общаться только с самим собой.

Я верю в одного бога и не более и надеюсь на счастье за пределами этой жизни.

Я верю в равенство людей и полагаю, что религиозные обязанности состоят в справедливости поступков, милосердии и стремлении сделать наших сограждан счастливыми.

Но для того чтобы не предположили, что я вдобавок к этому верю еще во что-то, я на страницах настоящего сочинения сказал, во что я не верю, и указал основания, почему я в это не верю.

Я не верю в религии, исповедуемые еврейской, римской, греческой, турецкой, протестантской или какой-либо другой известной мне церковью. Мой собственный ум — моя церковь.

Все национальные церковные учреждения, будь то еврейские, христианские или турецкие, представляются мне не чем иным, как человеческим изобретением, предназначенным для того, чтобы запугивать и поработать человечество, монополизировать власть и доходы.

Заявляя это, я не думаю осуждать тех, кто верует иначе. Они имеют такое же право на свою веру, как я на свою. Однако для счастья человека необходимо, чтобы он был духовно честен перед собой. Безверие не состоит в веровании или неверовании, оно состоит в том, что человек притворяется верующим в то, во что он на самом деле не верит.

Невозможно учесть то нравственное зло, если можно так выразиться, которое духовная ложь произвела в обществе. Когда человек настолько развратил и протитуировал чистоту своего ума, что заявляет о своей вере в такие вещи, в какие он на деле не верит, он готов уже совершить любое другое преступление. Он берется за ремесло священника ради наживы и, для того чтобы быть годным к этому ремеслу, начинает с вероломства. Можно ли представить себе что-либо более разрушительное для нравственности?

Вскоре после того, как я опубликовал в Америке памфлет «Здравый смысл», я понял чрезвычайную вероятность того, что за революцией в системе правления последует революция в системе религии. Преступная связь церкви и государства, где бы она ни имела место, у евреев, христиан или турок, так эффективно запретила, под угрозой различных кар и взысканий, всякую дискуссию по установленным верованиям и основным принципам религии, что до тех пор, пока не будет изменена система правления, эти вопросы не смогут быть честно и открыто поставлены перед миром. Но когда это будет сделано, последует революция в системе религии. Человеческие вымыслы и вмешательство попов будут уничтожены, и человек вернется к чистой, незапятнанной, девственной вере в одного бога и не более.

О миссиях и откровениях

Каждая национальная церковь или религия упрощает себя тем, что претендует на особую божественную миссию, сообщенную некоторым лицам. У евреев есть Моисей, у христиан — Иисус Христос, апостолы

и святые, у турок — Магомет, как будто путь к богу не открыт одинаково для каждого человека.

Каждая из этих церквей ссылается на книги, называемые *откровением*, или словом божьим. Евреи говорят, что их слово божье было передано Моисею богом, лицом к лицу; христиане говорят, что их слово божье было получено в результате божественного вдохновения; а турки говорят, что их слово божье (Коран) было принесено ангелом с неба. Каждая из этих церквей обвиняет другие в безверии; что же касается меня, то я не верю им всем.

Поскольку необходимо придавать верный смысл словам, я сделаю, прежде чем углубиться в предмет, несколько замечаний относительно слова *откровение*. Откровение, в применении к религии, означает нечто сообщенное *непосредственно* богом человеку.

Никто не станет отрицать или оспаривать, что во власти всевышнего сделать, если ему заблагорассудится, такое сообщение. Но если допустить для данного случая, что нечто было открыто определенному лицу, но никому другому, то это значит, что откровение только ему и было сделано. Когда же получивший откровение сообщает о нем второму, а тот третьему, третий четвертому и т. д., откровение перестает быть откровением для всех этих лиц. Сделанное только первому лицу, для других оно просто *слух*, и, следовательно, они не обязаны в него верить.

Называть откровением нечто такое, что дошло до нас из вторых рук, письменно или устно, — противоречие в терминах и в смысле. Откровение необходимо ограничено первым сообщением, после этого оно превращается в рассказ об откровении, сделанном кому-то; и хотя кто-то может считать себя обязанным в него верить, это откровение не обязательно для меня, ибо оно не было сделано *мне*, я знаю о нем со слов другого. Когда Моисей сказал сынам Израиля, что получил две скрижали с заповедями из рук бога, они не обязаны были верить ему, ибо у них не было никакого тому подтверждения, кроме его слов; а у меня нет иного подтверждения, кроме слов некоторых историков. Заповеди не содержат в себе

никаких доказательств их божественности. В них содержится несколько хороших нравственных предписаний, которые, однако, любой человек, имеющий права законодателя, мог бы составить сам, не обращаясь к сверхъестественному вмешательству*.

Когда мне говорят, что Коран был написан на небесах и принесен Магомету ангелом, этот рассказ, как и первый, слишком близок к категории слухов и к авторитету из вторых рук. Сам я не видел ангела и потому имею право не верить в него.

Когда мне говорят, что женщина, именуемая де-вой Марией, заявила, что забеременела, не сожител-ствуя с мужчиной, а ее нареченный муж, Иосиф, сказал, что это сообщил ему ангел, мое право — верить им или нет; такое происшествие требует намно-го более сильного доказательства, чем голые слова. Но мы не имеем даже этого, ибо ни Иосиф, ни Ма-рия сами ничего такого не писали; только другие сообщают, что *они так говорили*; это слух о слухе, а я не собираюсь основывать свою веру на таком сви-детельстве.

Не трудно, однако, объяснить доверие, оказанное истории в том, что Иисус Христос — сын божий. Он родился, когда языческая мифология была еще в моде и пользовалась в мире доверием; мифология и подготовила людей к вере в эту историю. Почти все необыкновенные люди, жившие, когда была распро-странена языческая мифология, считались сыновьями кого-либо из своих богов. В то время было не ново поверить в небесное происхождение человека; убеж-дение в том, что боги вступают в связь с женщина-ми, было тогда широко распространено.

Юпитер, согласно мифологии, сожителствовал с сотнями [женщин]; поэтому упомянутая история не имела в себе ничего нового, чудесного или непристой-ного. Она согласовалась с мнениями, преобладавшими

* Из них надо, однако, исключить заповедь, которая гла-сит, что бог *переносит грехи отцов на детей*; это противоре-чит всем принципам нравственной справедливости.

тогда у людей, которые назывались язычниками или мифотворцами, и только они и верили в нее.

Евреи, которые строго держались веры в одного бога и не более и всегда отвергали языческую мифологию, никогда не верили этим рассказам.

Любопытно проследить, как теория так называемой христианской церкви возникла из остатков языческой мифологии. Прямое заимствование заключалось прежде всего в том, что [ее] общепризнанному основателю было приписано небесное происхождение. Последующая троица богов есть не что иное, как уменьшение прежнего множества богов, составлявшего двадцать или тридцать тысяч; статуя Марии заменила статую Дианы Эфесской; обожествление героев превратилось в канонизацию святых. Язычники имели богов на всякий случай жизни; христианские мифотворцы имеют столько же святых. Церковь так же наводнена вторыми, как пантеон первыми, а Рим — место обитания тех и других. Христианское учение еще несколько более, чем идолопоклонство древних язычников, приспособлено к целям власти и обогащения; и на долю разума и философии все еще остается уничтожить низкую ложь.

Оценка личности Иисуса Христа и его истории

Все сказанное здесь никоим образом неприложимо, пусть даже с малейшим неуважением, к реальной личности Иисуса Христа. Он был добродетельным и привлекательным человеком. Нравственность, которую он проповедовал и практиковал, была в высшей степени благородной, и, хотя сходные нравственные системы проповедовались Конфуцием и некоторыми греческими философами за много лет до него и квакерами впоследствии, а многими добродетельными людьми во все времена, его система не была никем превзойдена.

Иисус Христос не написал ничего о себе, своем рождении, своих родителях или о чем-либо еще; ни одна строка так называемого Нового завета не напи-

сана им самим. Его история написана другими, а что касается рассказа о его воскресении и вознесении, то он является необходимым дополнением к истории о его рождении. Его жизнеописатели, приведя его в мир сверхъестественным способом, вынуждены были таким же образом и убрать его из мира, иначе рушилась бы первая часть истории о нем.

Жалкие выдумки, которыми наполнена эта вторая часть, превосходят все предшествующее. Первая часть — о чудесном зачатии — была посвящена вещам, не допускающим широкой огласки, и рассказы-вающие ее имеют то преимущество, что если им не верили, то не могли и опровергнуть. От них нельзя было ожидать доказательства, ибо сам предмет не принадлежал к вещам доказуемым. Ведь даже то лицо, о котором все это рассказывали, само не смогло бы это доказать.

Но воскресение мертвого и вознесение его в воздух весьма отличаются от незримого зачатия ребенка в лоне матери в смысле доказательности. Воскресение и вознесение, если предположить, что они действительно произошли, допускали публичное и зрительное доказательство по крайней мере для всего Иерусалима, как допускает такое доказательство подъем воздушного шара или солнца в полдень.

Если требуют, чтобы все поверили во что-то, предмет веры должен допускать равную для всех и всеобщую проверку; поскольку же публичная очевидность этого последнего акта была единственным доказательством, которое могло бы придать веру первой части истории, вся она рушится, ибо доказательство это никогда не было дано. Вместо этого небольшую группу людей представляют в качестве поверенных всего мира. Их не более восьми-деяти, и они утверждают, что лицезрели воскресение, а весь остальной мир должен поверить им на слово. К тому же оказывается, что Фома¹ не поверил в воскресение и, как говорят, не хотел верить, пока не убедился лично, зрительно и на ощупь. Так и *я не поверю*, и основания для этого у меня и у любого другого столь же веские, что и у Фомы.

Тщетно пытаться сгладить или скрыть эти обстоятельства. История [Иисуса], поскольку речь идет о ее сверхъестественной части, несет на себе печать обмана и мошенничества. Кто были ее авторы, мы сейчас не можем сказать, как не можем утверждать, что книги, в которых она рассказывается, написаны теми, чьи имена они носят. Лучшие из сохранившихся свидетельств дошли до нас от евреев. Последние ведут свое естественное происхождение от людей, живших в те времена, когда якобы произошли воскресение и вознесение, и они говорят, что это *неправда*. Мне давно уже казалось странной непоследовательностью цитировать евреев в доказательство истинности данного рассказа. Это то же самое, что сказать: я докажу истину своих слов, приведя свидетельства людей, говорящих, что я лгу.

Существование такого лица, как Иисус Христос, и его распятие (таков был обычный способ казни в те времена) — исторические события, не выходящие за рамки возможного. Иисус проповедовал превосходную нравственность и равенство людей; но он выступал в своих проповедях также против продажности и корыстолюбия иудейских священников, что навлекло на него ненависть и месть всего духовенства.

Священники выдвинули против него обвинение в мятеже и заговоре против римского правительства, которому были тогда подчинены и платили дань евреи. Не исключено, что и римское правительство, как и иудейские священники, имело тайные опасения относительно последствий его учения. Не исключено также, что Иисус Христос намеревался освободить еврейский народ от римской зависимости. Так или иначе, доблестный реформатор и революционер лишился жизни.

Легендарные основы христианства

На этих простых фактах и на другом обстоятельстве, о котором я не премину упомянуть, христианские мифотворцы, именующие себя христианской церковью, построили свой вымысел, абсурдность и

нелепость которого не имеют себе равных в мифологии древних.

Древние мифотворцы рассказывают, что род гигантов восстал против Юпитера и что один из гигантов бросал в него по сотне скал одним махом; что Юпитер поразил его ударом грома и поместил затем в недрах горы Этна, так что каждый раз, когда гигант поворачивается, Этна извергает огонь. Очевидно, что здесь вулкан навел на идею этого мифа, и миф построен таким образом, чтобы согласоваться с этим обстоятельством.

Христианские мифотворцы говорят [нам], что их сатана восстал против всемогущего, который победил его и заключил не в недра горы, а в пропасть. Легко понять, что первый вымысел навел на идею второго, ибо миф о Юпитере и гигантах рассказывался за сотни лет до мифа о сатане.

Пока что древние и христианские мифотворцы мало отличаются друг от друга. Но последние вознамерились пойти гораздо дальше.

Они ухитрились связать легендарную часть истории об Иисусе Христе с легендой, происшедшей от горы Этна, а чтобы связать все части истории воедино, прибегли к помощи иудейских преданий. Ведь христианская мифология составлена частью из древней мифологии, а частью из иудейских преданий.

Христианские мифотворцы, поместив сатану в пропасть, вынуждены были извлечь его оттуда, чтобы дать продолжение сказке. Его ввели затем в райский сад в образе змея, или змия, и в этом образе он вступил в дружескую беседу с Евой, которая ничуть не удивилась, услышав речь змея. В итоге этого tête-à-tête² он убедил ее съесть яблоко, вследствие чего и проклято все человечество.

После того как сатана восторжествовал таким образом над всем творением, можно было бы предположить, что церковные мифотворцы будут настолько добры, что ввергнут его обратно в пропасть, или хотя бы навалят на него гору (ведь они утверждают, что их вера может двигать горами), или же поместят его, по примеру древних мифологов, под гору, чтобы он

не появлялся более среди женщин и не творил зла. Но вместо этого они отпускают его на волю, даже не взяв с него честного слова. Секрет состоит в том, что они просто не смогли обойтись без него и, потрудившись над его созданием, сунули ему взятку, чтобы он остался. Они обещали ему *всех* иудеев, заранее *всех* турок, а кроме того, девять десятых мира и Магомета в придачу. Кто после этого усомнится в щедрости христианской мифологии?

Устроив, таким образом, восстание и битву на небесах, в которой никто из сражавшихся не мог быть убит или ранен, ввергнув сатану в пропасть и выпустив его оттуда, дав ему восторжествовать над всем творением и прокляв все человечество за съеденное яблоко, христианские мифологи свели наконец концы с концами. Они представили дело так, что Иисус Христос, этот добродетельный и прекрасный человек, есть одновременно и человек, и бог, и еще сын божий, зачатый небом с тем, чтобы принести его в жертву за то, что Ева, взалкав, съела яблоко.

Проверка предыдущих оснований

Отложим в сторону все, что может возбудить смех своей абсурдностью или отвращение — пошлостью, и ограничимся лишь проверкой отдельных частей [легенды]. Но и тогда невозможно вообразить историю, более умаляющую всемогущего, более несовместимую с его мудростью, более противоречащую его могуществу, чем эта.

Чтобы подвести под нее основания, сочинители вынуждены были наделить сатану мощью, равной той, какую они приписывали всемогущему, если даже не большей. Они не только наделили его способностью освободиться из пропасти после его так называемого низвержения, но и умножили его последующую власть до бесконечности. До низвержения они представляли сатану только ангелом, ограниченным в пределах своего существования подобно другим ангелам. После же падения он стал, по их сведениям, вездесу-

щим. Он существует повсюду одновременно. Он занимает всю безмерность пространства.

Не удовлетворенные этим обоготворением сатаны, они представляют его побеждающим — посредством хитрости и в образе сотворенного животного — всю силу и мудрость всемогущего. Они представляют дело так, будто сатана принудил всемогущего к *прямой необходимости* либо отдать все сотворенное под его власть и господство, либо обусловить искупление [человечества] своим сошествием на землю и смертью на кресте в образе человека.

История была бы менее абсурдной и противоречивой, если бы сочинители рассказали ее наоборот, а именно так, что всемогущий заставил *самого* сатану предстать распятым на кресте в образе змея за его новое погрешение. Но вместо этого грешник торжествует, а всемогущий терпит поражение.

Я не сомневаюсь, что многие прожили свою жизнь весьма благоправно, веря в эту сказку. Ведь легковерие не преступление. Прежде всего они получили такое воспитание, что поверили в нее, как поверили бы во что-нибудь другое.

Много и таких, кто был столь восхищен бесконечной любовью бога к человеку, выразившейся в самопожертвовании, что сила этой идеи запретила и удержала их от исследования абсурдности и нечестивости всей истории. Чем неестественнее вещь, тем скорее способна она стать предметом пагубного восхищения.

Об истинной теологии

Но если мы желаем иметь предмет благодарности и восхищения, то не является ли он ежечасно перед нашим взором? Не зрим ли мы прекрасное творение, готовое принять нас в тот самый момент, как мы родились, — мир, устроенный для нас и ничего нам не стоивший? Разве мы зажгли солнце, проливаем дождь и наполняем землю изобилием? Спим мы или бодрствуем, великий механизм Вселенной движется.

Разве все эти вещи и блага, которые они предвещают в будущем, ничто для нас? Или наши грубые чувства не могут уже ничем быть возбуждены, кроме трагедии и самоубийства? Или мрачная гордость человека стала столь нетерпимой, что ничто уже не может ей польстить, кроме принесения в жертву самого творца?

Я знаю, что это смелое исследование многих встревожит, но слишком большая честь была бы оказана их легковерию, если бы я пощадил его на этом основании. Время и предмет требуют такого исследования. Во всех странах крепнет подозрение, что учение так называемой христианской церкви — легенда, и свободное исследование предмета ободрит колеблющихся и сомневающихся, во что им верить, а во что нет. Поэтому я перейду к исследованию книг, именуемых Ветхим и Новым заветом.

Исследование Ветхого завета

Эти книги, начиная с книги Бытия и кончая Откровением [Иоанна Богослова] (которое, кстати, есть книга загадок, требующих откровения для своего понимания), как нам говорят, являются словом божьим. Поэтому нам следует узнать, кто нам это говорит, чтобы узнать, какое доверие питать к такому заявлению. Ответ на этот вопрос таков: никто не может нам ничего сказать, за исключением того, что мы сами говорим так друг другу. Исторически дело выглядит следующим образом.

Когда церковные мифотворцы основали свою систему, они собрали все писания, которые только могли найти, и расположили их, как им заблагорассудилось. Мы не можем определить, находятся ли книги, которые фигурируют под названием Ветхого и Нового завета, в том же состоянии, в каком, как говорят собиратели, они их нашли, или же они их дополнили, сократили, изменили и обработали.

Как бы то ни было, они решили *голосованием*, какие книги из их собрания являются словом божьим,

а какие нет. Некоторые они отвергли, другие объявили сомнительными — таковы книги, называемые апокрифами; а те книги, которые собрали большинство голосов, были объявлены словом божьим. Если бы они проголосовали иначе, все люди, называющие себя христианами, верили бы иначе: ведь верование одного простирается здесь из решения другого. Кто были те люди, которые все это совершили, мы не знаем. Они называют себя общим именем Церкви — вот все, что мы об этом знаем.

Поскольку у нас нет другого внешнего доказательства или свидетельства в пользу того, что эти книги являются словом божьим, кроме упомянутого, — что вообще не есть ни доказательство, ни свидетельство, — я приступлю теперь к исследованию внутренних доказательств, содержащихся в самих книгах.

Выше я говорил об откровении; теперь я буду дальше исследовать этот предмет, с тем чтобы приложить свои выводы о нем к рассматриваемым книгам.

Откровение — сообщение о чем-то, чего лицо, которому сделано откровение, прежде не знало. Ибо если я сделал какую-либо вещь или видел, как она была сделана, мне не нужно откровения, говорящего мне о том, что я ее сделал или видел, как не нужно его и для того, чтобы я мог о ней рассказать или написать.

Откровение поэтому не может быть приложено к чему-либо происшедшему на земле, участником или очевидцем чего был сам человек. Значит, все исторические и повествовательные части Библии, которые занимают почти всю ее, не подходят под значение слова «откровение», почему и не являются словом божьим.

Что общего имеет откровение с такими вещами, как история о том, как Самсон унес столбы от ворот Газы, если только он это сделал (что, впрочем, нам безразлично), или как он посещал Далилу, или поймал лисиц, или совершил еще что-либо? Если это факты, он мог сам о них рассказать, или его секретарь, если он держал такового, мог их записать, если

уж они стоили устного или письменного упоминания. А если это выдумки, то никакое откровение не могло бы сделать их истинными. Но истинны они или нет, узнав их, мы не стали ни лучше, ни умнее. Когда мы созерцаем необъятность существа, управляющего непостижимым *целым*, лишь часть которого может открыть человеческий взор, мы должны стыдиться называть такие жалкие рассказы словом божьим.

Что же касается рассказа о сотворении, которым открывается книга Бытия, то он имеет все признаки предания, которое бытовало среди израильтян до их прихода в Египет. После же их ухода из этой страны они поместили его в начале своей истории без указания того (они, всего вероятнее, и сами этого не знали), как оно попало к ним. Уже начало рассказа показывает, что это предание. Он начинается внезапно: нет никого, кто говорит; нет никого, кто слушает; он ни к кому не обращен; в нем нет ни первого, ни второго, ни третьего лица; у него все признаки предания; он не имеет поручителя за свою достоверность. Моисей не взял это на себя и не снабдил эту историю, как он сделал в других случаях, формальным заявлением: «И сказал господь Моисею...»

Я не могу понять, почему она была названа рассказом Моисеевым о сотворении мира. Моисей, думается мне, слишком хорошо мог судить о таких вещах, чтобы поставить под этим рассказом свое имя. Он получил образование среди египтян, людей, искусных в науках, и особенно в астрономии, не хуже других людей того времени; а молчание и осторожность, которые соблюдает Моисей, не желая удостоверять истинность этого рассказа, лучше всего свидетельствуют, что он не сообщал его и не верил в него сам.

Дело в том, что каждая нация созидала мир по своему, и израильтяне имели на это такое же право, как и все остальные. А поскольку Моисей был израильтянином, он, видимо, не считал возможным противоречить [их] преданию. Сам рассказ, однако, безобиден, чего нельзя сказать о многих других частях Библии³.

Когда мы читаем непристойные историйки, описания сладострастных походов, жестоких и мучительных наказаний, неутолимой мстительности, которыми заполнено более половины Библии, нам скорее следовало бы назвать ее словом демона, а не словом божьим. Это история безнравственности и злобы, послужившая разращению и озверению человечества. Что касается меня, я ненавижу ее, как ненавижу все жестокое.

За исключением нескольких фраз, мы едва ли встретим (в Ветхом завете) что-либо не заслуживающее омерзения или презрения, пока не дойдем до раздела смеси⁴.

В анонимных произведениях, псалмах и книге Иова, особенно в последней, мы находим немало возвышенных чувств, благоговейно выражающих всемогущее и благодать всемогущего; но они не лучше, чем многие другие сочинения на ту же тему, написанные как раньше, так и позже их.

Притчи, приписываемые Соломону, хотя они скорее всего представляют собой [анонимный] сборник (ибо обнаруживают знание жизни, которого он по своему положению не мог иметь), являются поучительным наставлением в нравственности. По меткости они уступают испанским пословицам и не более проникнуты житейской мудростью, чем афоризмы американца Франклина.

Все остальные части Библии, известные под названием [книг] Пророков, представляют собой произведения иудейских поэтов и бродячих проповедников, у которых перемешиваются поэзия*, анекдот и на-

* Многие читатели не видят иных признаков поэзии, кроме рифмы; для них я делаю это примечание.

Поэзия в принципе состоит из двух вещей: образов и композиции. Композиция поэзии отличается от прозаической способом чередования долгих и кратких слогов. Замените долгий слог в стихотворной строке кратким и наоборот, и строка потеряет свою поэтическую гармонию. Это окажет то же действие, что и перемена ноты в песне. Образы в книгах, именуемых Пророки, также всецело принадлежат к поэзии. Они вымышленные и часто необычные и неприемлемы ни в каком другом литературном произведении, кроме поэтического. Что-

божность, и эти книги сохраняют, даже в переводе, вид и стиль поэзии.

Во всей Библии нет ни слова о том, что мы называем поэтом или поэзией. Дело в том, что слово *пророк*, которому последующие времена придали новое значение, в Библии означало поэта, а слово *пророчество* означало поэтическое искусство. Оно означало также искусство петь стихи на определенный мотив, исполняемый на музыкальном инструменте.

Мы читаем здесь о пророчествовании под музыку дудок и рожков, арф и псалтерионов, цимбал и всех других музыкальных инструментов того времени. Если бы мы взяли нынче пророчествовать с помощью скрипки, дудки или рожка, наше пророчество было бы бессмысленным и выглядело бы смешным, а некоторым показалось бы постыдным, потому что для нас смысл этого слова изменился.

Нам говорят, что Саул был одним из *пророков* и что он пророчествовал. Но нам не говорят, о чем пророчествовали они и о чем пророчествовал он. Да и сказать нечего: пророки представляли собой просто компанию музыкантов и поэтов, Саул присоединился к этому концерту, и все это называлось *пророчествованием*.

В книге Самуила [I кн. Царств]⁷ говорится, что Саул встретил *компанию* пророков, целую компанию! Они шли с псалтирью, тимпаном, свирелью и гусями. И Саул пророчествовал вместе с ними. Но задним

бы показать, что эти книги построены согласно принципам поэзии, я возьму десять слогов, как они стоят в книге, и расположу их в строки с тем же числом слогов (героический размер) и с рифмой в последнем слове. Вот пример из Исайи:

«Hear, O ye heavens, and Give ear, O earth!»
'Tis God himself that calls attention forth'⁵.

Другой пример я возьму из плача Иеремии, добавив к нему еще две строки для того, чтобы закончить строфу и показать намерение поэта:

«O! that mine head were waters and mine eyes».
Were fountains flowing like liquid skies;
Then would I give the mighty flood release,
And weep a deluge for the human race⁶.

числом представляется, что Саул пророчествовал скверно, т. е. дурно исполнял свою роль, ибо в книге говорится, что «злой дух от бога напал на Саула»* [гл. 19, ст. 9] и пророчествовал в нем.

Не будь даже в Библии других подобных мест, этого было бы достаточно, чтобы показать, что мы утратили первоначальный смысл слова *пророчество* и придали ему другое значение. Ведь в указанном месте неприложимо слово *пророчество* в том смысле, какой оно имеет ныне. Смысл, в котором оно здесь употреблено, лишает его всякого религиозного значения и показывает, что в то время можно было быть пророком и *пророчествовать* так же, как ныне можно быть поэтом и музыкантом, безотносительно к нравственному уровню самого лица. Это слово первоначально было термином, обозначающим умение и прилагавшимся как к поэзии, так и к музыке, не указывая на ограничение их каким-либо определенным содержанием.

Девора и Варак названы пророками не потому, что они что-либо предсказали, но потому, что они сочинили стихи или песню, носящую их имя, в ознаменование уже совершенного ими деяния. Давид числится среди пророков потому, что он был музыкантом и слыл (возможно, ошибочно) автором псалмов. Но Авраам, Исаак и Иаков не называются пророками; нет ни одного источника, откуда явствовало бы, что они могли петь, играть на музыкальных инструментах или сочинять стихи.

Нам говорят о крупных и малых пророках. С одинаковым успехом нам могли бы говорить и о крупных и малых богах, так как в пророчестве, в его современном значении, не может быть степеней. В поэзии же степени совершенства есть, и эта фраза согласуется с разбираемым случаем, если мы имеем в виду крупных и мелких поэтов.

* Поскольку люди, именующие себя богословами и комментаторами, любят озадачивать друг друга, я оставляю на их долю спорить о смысле первой части фразы о «злом духе от бога». Я же и здесь придерживаюсь высказанного мной смысла слова «пророчество».

После этого совершенно излишне разбираться во всем, что написано теми людьми, которые слыли про-роками. Удар попадает здесь в самый корень, обнаруживая, что первоначальный смысл слова был искажен. Следовательно, все выводы из этих книг, благочестивое преклонение перед ними, кропотливо написанные комментарии к ним не стоят спора, коль скоро ложно понят самый смысл [пророчествования]. Однако во многих случаях стихи иудейских поэтов заслуживают лучшей участи, чем быть переплетенными, как сейчас, вместе с тем вздором, который сопровождает их под ложно употребленным названием слова божьего.

Если мы стремимся иметь правильное представление о вещах, мы должны принять идею не только неизменности, но и совершенной невозможности какого бы то ни было, случайного или преднамеренного, изменения во всем, что мы чтим как слово божье. Поэтому не может существовать никакого слова божьего, написанного любым человеческим языком.

Непрерывно происходящее изменение смысла слов, отсутствие универсального языка, вызывающее необходимость перевода, ошибки, которым подвержены переводчики, ошибки переписчиков и печатников, наряду с возможностью умышленных изменений, сами по себе свидетельствуют о том, что человеческий язык, письменный или устный, не может служить средством передачи слова божьего. Слово божье существует в чем-то другом.

Если бы даже Библия превосходила чистотой идей и выражений все ныне существующие в мире книги, я и тогда не принял бы ее в качестве руководства к вере, в качестве слова божьего, ибо все-таки продолжала бы существовать возможность того, что я обманут. Но когда я вижу, что большая часть этой книги содержит лишь историю грубейших пороков и собрание самых скверных и предосудительных сказок, я не могу обесчестить моего творца, назвав их его именем.

О Новом завете

О Библии достаточно; я перейду теперь к книге, именуемой Новым заветом. *Новый завет!* Это означает *новую* волю, как будто у создателя может быть две воли.

Если бы Иисус Христос намеревался основать новую религию, он, без сомнения, написал бы ее систему сам или *позаботился бы, чтобы она была написана* при его жизни. Но сочинения, удостоверяющие его подписью, отсутствуют. Все книги так называемого Нового завета были написаны после его смерти. Он был евреем по рождению и вероисповеданию и сыном божьим подобно всякому другому, ибо творец — отец всего.

Первые четыре книги, от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, рассказывают не историю жизни Иисуса Христа, но лишь отдельные анекдоты о нем. Из этих книг явствует, что он был проповедником не долее восемнадцати месяцев и апостолы познакомились с ним только за это короткое время. Они упоминают, что в возрасте двенадцати лет он сидел, как они говорят, среди иудейских ученых, задавая им вопросы и отвечая им. Поскольку это происходило за несколько лет до их знакомства с ним, наиболее вероятно, что они почерпнули эту историю у его родителей.

С тех пор о нем ничего не было слышно около шестнадцати лет. Где он жил и чем занимался это время, неизвестно. Скорее всего он занимался отцовским ремеслом — плотничал. Не видно, чтобы он получил какое-либо школьное образование, и, вероятно, не умел писать, ибо его родители были так бедны, что не были в состоянии уплатить за кровать для него, когда он родился.

Довольно любопытно, что три лица, имена которых пользуются самой широкой известностью, были самого темного происхождения. Моисей был подкидыш, Иисус Христос родился в хлеве, а Магомет был погонщиком ослов. Первый и последний из них были основателями различных религиозных систем, Иисус же Христос не основал таковой. Он призывал людей

действовать на основе нравственных принципов и верить в одного бога. Человеколюбие — основная черта его характера.

Обстоятельства, при которых он был схвачен, свидетельствуют о том, что он не пользовался широкой известностью; эти обстоятельства показывают также, что он устраивал собрания со своими последователями тайно, а также что он прекратил или временно приостановил свои публичные проповеди. Иначе Иуда не мог бы выдать его, сообщив о его местопребывании и к тому же указав на него чиновникам, которые пришли его арестовать. Само использование с этой целью Иуды и подкуп его показывают, что Иисус был малоизвестен и жил скрытно.

Мысль о его скрытной жизни не только плохо вяжется с его пресловутой божественностью, но и наводит на мысль о его малодушии. И то, что он был предан или, другими словами, схвачен по доносу одного из своих последователей, показывает, что он не собирався попасть под арест и, следовательно, не имел намерения быть распятым.

Христианские мифотворцы говорят нам, что Христос умер за грехи мира и что он пришел с *намерением умереть*. Не все ли равно тогда, как он умер? Разве изменилось бы что-нибудь, если бы он умер от лихорадки, оспы, старости или чего-либо еще?

Приговор, вынесенный, как они утверждают, Адаму за то, что он съел яблоко, гласил: *воистину, ты умрешь, но не воистину, ты будешь распят*. Это смертный приговор без указания рода казни. Таким образом, распятие или какой-либо другой особый вид казни не были указаны в приговоре Адаму и, следовательно, даже по собственному определению церковников не могли составлять части приговора, который должен был вынести Христос за Адама. Лихорадка подошла бы здесь не хуже креста, если бы для этого был повод.

Итак, смертный приговор, который, как нам говорят, был вынесен Адаму, должен означать или естественную смерть, т. е. прекращение жизни, или же то, что эти мифотворцы именуют проклятием. Следо-

вательно, акт смерти Иисуса Христа должен был, согласно их системе, послужить предотвращением того или другого из этих *событий*, происходивших с Адамом и с нами.

Что она не предотвратила нашей смерти — очевидно, ибо все мы умираем, а если верить их сообщениям о долголетьи, люди умирают после распятия даже скорее, чем до него. Что же касается второго объяснения (предполагающего *естественную смерть* Иисуса Христа как замену *вечной смерти или проклятия* всего человечества), то оно нагло представляет творца отделяющимся или отменяющим свой приговор с помощью каламбура, игры словом *смерть*.

Мастер каламбуров св. Павел, если он действительно написал книги, носящие его имя, помог этой игре слов, построив ее еще и на слове *Адам*. Он заставляет появиться на свет двух Адамов: один из них грешит сам, а страдает через заместителя, другой грешит через заместителя, а страдает сам. Религия, столь напшигованная софизмами, увертками и каламбурами, охотно учит своих последователей практиковать эти приемы. Они же восприняли обычай, не зная вызвавших его причин.

Если Иисус Христос действительно был тем, за кого нам выдают его эти мифотворцы, и если он пришел в этот мир *пострадать* — слово, которое она иногда употребляют вместо слова *умереть*, — то единственным страданием для него было бы *жить*. Его земное существование было для него состоянием изгнания или высылки с небес. Обратный путь на родину лежал через смерть. Словом, все в этой странной истории обратно тому, на что она претендует. Она противоположна истине, и мне так надоело расследовать все ее несообразности и нелепости, что я поспешу кончить и перейти к чему-либо лучшему.

Мы не можем знать, сколько книг Нового завета и какие их части были написаны теми лицами, чьи имена они носят. Не знаем мы и того, на каком языке они были первоначально написаны. Их теперешнее содержание может быть разделено на две части: рассказы и переписку.

Четыре упомянутые книги — евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна — всецело повествовательные. Они касаются уже происшедших событий. В них рассказывается, что делал и говорил Иисус Христос, что делали и что говорили ему другие. В нескольких случаях одно и то же событие передается по-разному. По отношению к этим книгам откровение необходимо исключается не только ввиду разногласий авторов, но и потому, что откровение не может представлять собой рассказ о фактах, передаваемый очевидцем, как и рассказ о слышанных им разговорах и беседах. Книга, носящая название Деяний апостолов (анонимное сочинение), также принадлежит к повествовательной части.

Все другие части Нового завета, за исключением книги загадок, называемой Откровением, представляют собой собрание писем под названием посланий. А подделка писем стала столь обычным делом на свете, что вероятность их истинности или подложности по меньшей мере равна.

Менее всего сомнительно одно: что из материалов, содержащихся в этих книгах, с помощью некоторых старых историй церковь создала религиозную систему, весьма противоречащую характеру лица, чье имя она носит. Она основала религию пышности и богатства, претендуя на подражание человеку, жизнь которого была смиренной и бедной.

Изобретение чистилища и освобождения из него душ посредством молитв, купленных за деньги у церкви; продажа прощений, дозволений и индульгенций — это доходные статьи, лишь не носящие этого имени и не имеющие этой внешности.

Но тем не менее дело обстоит таким образом, что подобные вещи проистекают из мучений распятия и выведенной отсюда теории, будто один человек может страдать вместо другого и оказывать ему [тем самым] высокопохвальные услуги.

Поэтому вероятно, что все учение, или доктрина, так называемого искупления (которое, как утверждают, осуществляется посредством действия одного лица вместо другого) было первоначально сфабриковано

с целью ввести в употребление все эти вторичные искупления за деньги, и отрывки в книгах, на которых построена идея или теория искупления, были составлены и сфабрикованы с той же целью.

Почему мы должны верить церкви, когда она говорит нам, что эти книги подлинны во всех своих частях, больше, чем когда она нам говорит что-либо иное или рассказывает о чудесах, которые она якобы совершила? Она определенно могла сфабриковать писания, ибо она умеет писать; рассматриваемые же писания по своей композиции таковы, что любой смог бы это сделать. А что она это действительно совершила, так это не более невероятно, чем доступные для нее и совершенные ею, по ее утверждению, чудеса.

Так как пельзя, за давностью лет, представить внешнего доказательства того, сфабриковала ли церковь учение об искуплении или нет (ибо это свидетельство, будь оно за или против, само подверглось бы такому же подозрению в фальсификации), можно лишь сослаться на внутренние свидетельства, содержащиеся в самом учении, и эти свидетельства не без основания говорят в пользу того, что оно сфабриковано. Ведь они показывают, что доктрина искупления основана на денежной, а не на нравственной справедливости.

Если я должен деньги и не могу уплатить долг, а заимодавец угрожает посадить меня в тюрьму, другое лицо может взять на себя долг и уплатить за меня. Но если я совершил преступление, дело меняется коренным образом. Нравственная справедливость не может принять невинного за виновного, если даже он предложит себя сам. Предположить, что правосудие так поступает,— значит уничтожить самый принцип его существования: оно будет тогда не правосудием, а неразборчивым возмездием. Одно это соображение показывает, что доктрина искупления основана на голой коммерческой идее, соответствующей идее задолженности, которую может покрыть кто угодно. И так как эта корыстолюбивая идея в свою очередь соответствует системе вторичного искупления, при-

обретаемого у церкви за деньги, очень возможно, что и то и другое учение сфабриковано одними и теми же лицами, так что на деле нет никакого искупления,— все это басня, и человек находится в том же отношении к своему творцу, в каком он находился с самого начала своего существования. Думать так — высшее утешение для человека.

Пусть человек верит в это, и он станет жить в большем согласии с нравственностью, чем при любой другой системе. Но когда его учат, что он должен считать себя поставленным вне закона, изгоем, попрошайкой, как бы выброшенным в навозную кучу, далеким от бога, вынужденным приближаться к богу лишь ползком, раболепствуя перед какими-то посредничаящими {между ним и богом} существами, он или чувствует презрительное неуважение ко всему носящему имя религии, или становится безразличным, или делается ханжой.

В последнем случае он проводит свою жизнь в печали, искренней или показной; его молитвы — укоризна; его смирение — неблагодарность; он называет себя червем, а плодородную землю — навозной кучей; все блага жизни он наделяет неблагодарным именем суеты; он презирает величайший дар бога человеку — ДАР РАЗУМА и, постаравшись заставить себя поверить в систему, против которой восстает разум, в неблагодарности своей именует его *человеческим разумом*, как будто человек сам мог одарить себя таковым.

Однако при всем этом внешнем смирении, понося таким образом человеческий разум, он пускается в самые дерзкие предположения; он во всем видит грех; его себялюбие никогда не удовлетворяется; его неблагодарность бесконечна.

Он берется указывать всевышнему, что делать даже по управлению Вселенной; он молится по-диктаторски; когда светит солнце, он молит о дожде, когда идет дождь, он молит о солнце. Этому принципу он следует во всех своих молитвах, ибо что такое весь этот хор молитв, как не попытка заставить всемогущего изменить свои намерения и действовать иначе,

чем он действует? Это все равно что сказать богу: я знаю лучше, чем ты.

Определение истинного откровения

Но возможно, некоторые спросят: неужто мы должны быть лишены слова божьего — лишены откровения? Я отвечаю: да, есть слово божье, есть откровение.

Слово божье есть видимый нами сотворенный мир, мироздание (creation); и посредством этого слова, которое никакое человеческое изобретение не может подделать или изменить, бог всегда и всюду говорит с человеком.

Человеческий язык изменяется в зависимости от места и времени, и поэтому его нельзя использовать для передачи неизменного и всеобщего. Так, идея, что бог послал Иисуса Христа возвестить, как говорят, благовест всем народам, из одного конца земли в другой, соответствует невежеству тех, кто не знал ничего о размерах мира и верил, как верили тогда и продолжали верить на протяжении веков эти спасители мира, что земля плоска, как доска, на которой режут хлеб, и человек может пройти ее из конца в конец, — верили вопреки открытиям философов и опыту мореплавателей.

Да и как мог Иисус Христос возвестить что-либо всем народам? Он говорил лишь на одном языке — еврейском, а в мире несколько сот языков. Едва ли какие-нибудь две нации говорят на одном и том же языке и понимают друг друга. Что же касается переводов, то всякий, кто знает что-либо о языках, знает также, что невозможно перевести с одного языка на другой, не потеряв при этом значительной доли оригинала и — зачастую — не совершив ошибок в передаче смысла. Кроме того, искусство книгопечатания во времена жизни Христа было совсем неизвестно.

Всегда необходимо, чтобы средства, которые служат достижению известной цели, ей соответствовали, иначе цель не может быть достигнута. В этом проявляется различие между конечной и бесконечной си-

лой и мудростью. Часто человеку не удается достичь своих целей из-за естественной неспособности, а часто из-за недостатка сообразительности в надлежащем приложении силы. Но безграничная сила и мудрость не могут подобно человеку потерпеть неудачу. Средства, которые они применяют, всегда соответствуют цели. Человеческий же язык, поскольку нет всеобщего языка, не способен быть универсальным средством неизменной и единообразной передачи мысли и поэтому не является средством, с помощью которого бог возвещает о себе человеку.

Только в *мироздании* могут объединиться все наши идеи и представления о *слове божьем*. Мироздание говорит всеобщим языком независимо от многообразия человеческих языков. Оно — вечно существующий оригинал, прочесть который может каждый. Его нельзя подделать, подменить, утратить, изменить или уничтожить. От воли человека не зависит, оглашать его в печати или нет; оно само оглашает себя с одного края земли до другого. Оно проповедует всем народам и всем мирам; и это *слово божье* открывает человеку все, что ему необходимо знать о боге.

Хотим мы созерцать его власть? Мы зрим ее в безмерности творения. Хотим мы созерцать его мудрость? Мы зрим ее в неизменном порядке, по которому управляется непостижимое целое. Хотим мы созерцать его щедрость? Мы зрим ее в изобилии, которым он наполняет землю. Хотим мы созерцать его милосердие? Мы зрим его в том, что он не отбирает этого изобилия даже у неблагодарных. Наконец, хотим мы знать, что такое бог? Изучай не книгу, именуемую Писанием, которую может создать человеческая рука, а писание, именуемое мирозданием.

О боге, его существовании и атрибутах, как они освещаются Библией

Единственная идея, которую человек может связать с именем бога, есть идея *первопричины*, причины всех вещей. И как ни трудно, как ни недостижи-

мо для человека понимание того, что такое первопричина, он верит в нее, ибо не верить в нее вдесятеро труднее.

Неописуемо трудно понять, что пространство не имеет конца, но еще труднее понять его конечность. Выше сил человека постичь вечную протяженность того, что мы называем временем, но еще невозможнее представить время, когда не будет времени.

Рассуждая так, мы увидим, что все, что мы видим, несет в себе внутреннее доказательство того, что оно не создало себя самоё. Каждый человек наглядно доказывает себе, что он не создал самого себя, и это же относится к его отцу, деду и к любому члену его рода. Точно так же никакое дерево, растение или животное не создало себя, и убеждение, возникающее отсюда, необходимо ведет нас к вере в вечно существующую первопричину, по природе своей совершенно отличную от всего известного нам материального существования, в силу которой существуют все вещи. И эту первопричину человек называет богом.

Человек может открыть бога лишь с помощью своего разума. Отнимите разум, и человек окажется неспособным понять что-либо; тогда будет все равно, кому читать Библию — лошади или человеку. Как же можно отвергать разум?

Почти единственные части в книге, именуемой Библией, в которых сообщаются нам [хотя бы] какие-то представления о боге, — это некоторые главы в книге Иова и 19-й [18-й]⁸ псалом. Других я не могу припомнить. Эти части — подлинно *действительские* сочинения, ибо они рассматривают *божество* в его творениях. Они принимают книгу творения как единственное слово божье, не ссылаются ни на какую другую книгу, и все их выводы извлечены из этого фолианта.

Я помещаю здесь 19-й [18-й] псалом, как он переложен на английские стихи Аддисоном⁹. Я не помню его прозаического текста и не имею сейчас возможности заглянуть в него.

Просторная твердь в высоте,
Со всей синевой небесного эфира

И сияющей рамкой усеянных блестками небес,
Возвещает свой великий прообраз.
Неутомимое солнце день за днем
Раскрывает мощь своего творца
И оглашает перед всеми странами
Деяние всемогущей руки.

И только возобладают вечерние тени,
Луна продолжает чудесный рассказ
И еженощно повторяет внимающей земле
Историю ее рождения.
А между тем все звезды, горящие вокруг нее,
И все планеты в свой черед
Подтверждают истину от полюса до полюса.

Что же находим мы среди их сияющих орбит,
Хотя в торжественном молчании
Двигутся все они вокруг темного земного шара,
Хотя не слышно ни настоящего голоса, ни звука
На их лучезарном пути?
Радостью наполняют они слух, когда,
Сияя, вечно поют славословие:
«РУКА, СОТВОРИВШАЯ НАС, БОЖЕСТВЕННА».

Что еще хотел бы человек знать, кроме того, что рука или сила, которая создала эти вещи, божественна и всемогуща? Пусть он верит в это с неотразимой силой, и если положится на свой разум, то порядок его нравственной жизни установится сам собой.

Упоминание в книге Иова имеет ту же тенденцию, что и псалом,— вывести или доказать истину, которая иначе была бы неизвестна, из уже известных истин.

Я не помню достаточно хорошо книгу Иова, чтобы правильно воспроизвести нужные места, но мне припоминается одно, применимое к настоящему предмету: «Можешь ли ты исследованием найти бога? Можешь ли совершенно постигнуть вседержителя?» [Иов, гл. 11, ст. 7].

Я не знаю, какие знаки препинания расставили здесь печатники, ибо у меня нет при себе Библии. Но это место содержит два четких вопроса, допускающих ясный ответ.

Во-первых, можешь ли ты пайти бога? Да, потому что прежде всего я не мог сотворить самого себя, и все же я существую. *Исследуя* природу дру-

гих вещей, я нахожу, что и никакая другая вещь не могла сама себя создать, и все же существуют миллионы различных вещей. Отсюда следует в качестве позитивного результата такого исследования, что существует сила высшая, нежели все эти вещи, и эта сила есть бог.

Во-вторых, можешь ли ты в совершенстве познать всемогущего? Нет, и не только потому, что для меня непостижимы его сила и мудрость, запечатленные в структуре доступного мне мироздания, но и потому, что даже этот мир, как он ни велик, вероятно, представляет собой лишь незначительное проявление той необъятной силы и мудрости, посредством которой были созданы и продолжают существовать миллионы других миров, невидимых мне из-за их удаленности от нашего.

Очевидно, что оба этих вопроса были поставлены разуму того лица, к которому они были обращены. И второй вопрос мог последовать только, если на первый ответили утвердительно. Было бы излишним и даже нелепым ставить второй вопрос, более трудный, чем первый, если бы на первый был получен отрицательный ответ.

Эти два вопроса касаются различных предметов: первый касается существования бога, второй — его атрибутов. Разум может открыть одно, но совершенно не в состоянии открыть всю совокупность других.

Я не помню ни одного места в книгах, приписываемых людям, называемым апостолами, где давалось бы какое-нибудь представление о том, что такое бог. Писания эти в большинстве своем противоречивы, а предмет, о котором они трактуют, — мучительная смерть человека на кресте — больше подходит мрачному гению монаха, [укрывшегося] в келье, который их, возможно, и написал, чем любому человеку, дышащему свежим воздухом мироздания.

Единственный отрывок, припоминающийся мне и имеющий какое-то отношение к деяниям бога, посредством которых только и можно понять его силу и мудрость, — это слова, якобы сказанные Иисусом Христом и направленные против ненужных забот: «По-

смотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут» [Матф., гл. 6, ст. 28]. Впрочем, это намного уступает намекам, содержащимся в книге Иова и в 19-м [18-м] псалме, хотя и сходно с ними по идее, а скромностью образа соответствует скромности человека, произнесшего их.

Истинная теология и теология суеверия

Что же касается христианской системы веры, то она представляется мне разновидностью атеизма, каким-то религиозным отрицанием бога. Она исповедует веру скорее в человека, чем в бога. Она представляет собой смесь, состоящую главным образом из человекобожия (manism) с небольшой добавкой деизма, и столь же близка к атеизму, как сумерки к темноте. Между человеком и его создателем она помещает нечто непроницаемое, именуемое искупителем. Посредством этого она производит религиозное или иррелигиозное затмение света, подобно тому как луна, помещая свое непроницаемое естество между солнцем и землей, производит солнечное затмение. Вся орбита разума оказалась вследствие этого затемненной.

В результате такого затемнения все оказалось перевернутым вверх дном и предстало в превратном виде. Среди переворотов, которые религия столь волшебным образом произвела, был и переворот в теологии.

То, что ныне называется натуральной философией и охватывает весь круг наук, в котором астрономия занимает главное место, есть изучение деяний бога, силы и мудрости божьей в его творениях и является истинной теологией.

Что же касается теологии, изучаемой ныне вместо нее, то она — изучение человеческих мнений и фантазий *относительно* бога. Она изучает не самого бога в его трудах, а труды и писания людей [о боге]. И отнюдь не наименьшим из того ущерба, какой принесла миру христианская система, было то, что она предала первоначальную и прекрасную систему теологии,

как прекрасную невинность, м'уке и позору, с тем чтоб очистить место кошмару суеверий.

Книга Иова и 19-й [18-й] псалом, которые даже церковь признает более древними, чем это явствует из хронологического порядка, в котором они расположены в Библии, представляют собой богословские речи, согласующиеся с первоначальной теологической системой.

Их содержание доказывает с очевидностью, что изучение и созерцание дел творения и проявляющихся в них силы и мудрости бога составляли значительную часть религиозного благочестия того времени, когда они были написаны, и это набожное исследование и созерцание привело к открытию принципов, на которых основано то, что ныне именуется науками. А благодаря открытию этих принципов существуют почти все искусства, способствующие удобству человеческой жизни.

Каждое основное искусство имеет в качестве своего родоначальника какую-либо науку, хотя человек, механически выполняющий работу, не только не всегда, но очень редко сознает их связь.

Христианская система лжет, называя науки *человеческим изобретением*; человек лишь применяет их. Каждая наука имеет в своей основе систему принципов, столь же прочных и неизменных, как и те, которыми регулируется и управляется Вселенная. Человек не может создать эти принципы; он может только открыть их.

Например, каждый, кто смотрит в календарь, видит, когда произойдет затмение, и знает также, что оно неизбежно происходит согласно указаниям календаря. Это показывает, что человек знаком с законами движения небесных тел. Но если какая-нибудь церковь на свете станет утверждать, что законы эти — человеческое изобретение, это было бы хуже, чем невежество.

Невежеством или чем-либо еще худшим было бы утверждать, что научные принципы, с помощью которых человек получил возможность вычислить и предсказать, когда произойдет затмение, изобретены

людьми. Человек не может изобрести вечное и неизменное, а научные принципы, которые он использует для этой цели, должны быть и необходимо являются столь же вечными и неизменными, как и законы движения небесных тел. Иначе их нельзя было бы использовать, как их используют, для определения времени затмения и его степени.

Научные принципы, которые человек использует для предсказания затмения или чего-либо еще, относятся к движению небесных тел и содержатся главным образом в той части науки, которая называется тригонометрией, или наукой о свойствах треугольников. В приложении к изучению небесных тел она именуется астрономией, в приложении к управлению судами в океане — навигацией, к построению фигур при помощи линейки и циркуля — геометрией, к созданию планов зданий — архитектурой, к измерению земной поверхности — топографией. Наконец, она — душа науки; она — вечная истина, содержащая в себе *математическое доказательство* того, о чем говорит человек, и полный объем ее применения неизвестен.

Можно сказать, что человек способен построить или начертить треугольник, и потому треугольник — человеческое изобретение.

Но треугольник, будучи начерчен, есть не что иное, как изображение принципа, очертание, которое делает этот принцип доступным глазу, а через него и уму. Иначе он непостижим. Треугольник создает принцип не более, чем свечка, внесенная в темную комнату, создает стулья и столы, которые до того были невидимы. Все свойства треугольника существуют независимо от чертежа и существовали до того, как был вычерчен или мысленно представлен человеком какой-либо треугольник. Человек участвует в образовании этих свойств или принципов не более, чем в создании законов движения небесных тел, и поэтому одно должно иметь столь же божественное происхождение, как и другое.

Точно так же, как говорят, что человек может построить треугольник, можно утверждать, что человек может сделать механический инструмент, именуемый

рычагом. Но принцип действия рычага отличен от самого рычага и будет существовать, даже если самого рычага не будет. Он привходит в инструмент после того, как тот сделан, и инструмент поэтому не может действовать иначе, чем он действует. И все усилия человеческой изобретательности не могут заставить его действовать иначе. То, что человек во всех подобных случаях называет *действием*, есть не что иное, как сам принцип, ставший доступным для чувств человека.

Если, следовательно, человек не может создавать принципов, то откуда он черпает свои знания о них, чтобы быть в состоянии применять их не только к земным предметам, но и для определения движения тел, удаленных на столь огромное расстояние от земли, как все небесные тела? Откуда, я спрашиваю, *мог* он почерпнуть это знание, как не из изучения истинной теологии?

Само устройство Вселенной преподало человеку эти знания. Это устройство есть вечно существующее проявление любого из принципов, на которых основана любая часть математической науки. Механика является ответвлением этой науки, так как она есть не что иное, как практическое приложение ее принципов.

Человек, соразмеряющий различные части мельницы, пользуется теми же научными принципами, какими он пользовался бы, если бы хотел построить Вселенную. Но так как он не может привнести в дело ту невидимую силу (*агенсу*), благодаря которой все составные части безмерной Вселенной взаимно влияют друг на друга и движутся [как бы] в унисон, без какого-либо очевидного соприкосновения,— ту [силу], которую человек назвал притяжением, тяготением и отталкиванием, то он помещает на место этой силы смиренное подражание ей в виде зубцов и кулачков.

Все части человеческого микрокосма явно должны соприкасаться друг с другом. Но если бы человек мог познать эту [заключенную в них] силу настолько, чтобы быть в состоянии применить свое знание на

практике, мы могли бы тогда сказать, что открыта другая *каноническая книга* слова божьего.

Если бы человек мог изменять свойства рычага, он мог бы также изменять и свойства треугольника, ибо рычаг (возьмем для ясности тот род рычага, который называют безменом) образует, когда он движется, треугольник. Линия, из которой он исходит (одна точка этой линии — точка опоры), линия, к которой он нисходит, и хорда дуги, которую описывает в воздухе конец рычага, образуют три стороны треугольника.

Другое плечо рычага также образует треугольник, и соответствующие стороны этих треугольников, рассчитанные теоретически или измеренные геометрически, а также геометрически измеренные синусы, тангенсы и секансы углов треугольников находятся в той же пропорции один к другому, что и тяжести, которые взаимно уравниваются на рычаге, если пренебречь весом самого рычага.

Могут также сказать, что человек в состоянии сделать колеса и оси, соединить колеса разной величины и устроить мельницу. И все же мы вновь приходим к тому, что человек не создал принципа, который дает колесам эту силу. Этот принцип столь же неизменен, как и в предыдущих случаях, или, скорее, это тот же принцип, но под другим углом зрения.

Сила, с которой два колеса различного диаметра воздействуют друг на друга, находится в той же пропорции, как если бы полудиаметры обоих колес были соединены и составили только что описанный рычаг, подвешенный в точке соединения полудиаметров. Ведь оба колеса, если их рассматривать научно, являются не чем иным, как двумя окружностями, образованными движением составного рычага.

Все наше знание проистекает из изучения истинной теологии, и из этого знания произошли все искусства.

Всемогущий лектор, изложив принципы науки в структуре Вселенной, пригласил человека исследовать и подражать. Он как бы сказал обитателям нашего земного шара: «Я создал землю для того, чтобы человек обитал на ней; я сделал видимыми звездные небе-

са, чтобы он учился науке и искусствам. Теперь люди могут обеспечить свое благополучие и НА ПРИМЕРЕ МОЕЙ ШЕДРОСТИ КО ВСЕМ НАУЧИТЬСЯ БЫТЬ ДОБРЫМИ ДРУГ К ДРУГУ».

Для чего глаз человека наделен способностью видеть на непостижимом расстоянии громаду миров, движущихся в океане пространства, как не для того, чтобы научить чему-либо самого человека? Или для чего видима человеку эта громада миров? Что общего имеет человек с Плеядами, Орионом, Сириусом, Полярной звездой, с движущимися планетами — Сатурном, Юпитером, Марсом, Венерой и Меркурием, если из того, что они видимы, не вытекает никакой пользы? Человеку достаточно было бы меньшей силы зрения, если бы необъятный мир, который мы видим сейчас, был лишь бесконечным пустым пространством, усеянным блесками.

Только созерцая звездные небеса, эту книгу и школу науки, человек открывает пользу в том, что они видны для него, и преимущества, вытекающие из неограниченности его зрения. Но, рассматривая предмет в этом свете, он видит дополнительное доказательство того, что *ничто не было создано напрасно*. Ведь напрасна была бы эта сила зрения, если бы она ничему не учила человека.

Христианство и образование в историческом освещении

Подобно тому как христианское учение произвело переворот в теологии, оно произвело его и в области образования. То, что теперь называется образованием, первоначально не было таковым. Образование состоит не в знании языков, как ныне учат в школе, но в знании вещей, которым язык дает названия.

Греки были учеными людьми, но для них ученость не состояла в умении говорить по-гречески, как для римлян — по-латыни, для французов — по-французски, для англичан — по-английски. Из того, что мы знаем о греках, не видно, чтобы они знали и изучали какой-либо язык, кроме своего, и в этом одна из при-

чин такой их учености. Это предоставляло им больше времени для лучших занятий. Школы Греции были школами науки и философии, а не языков, а наука и философия учат знанию вещей, и в этом состоит образование.

Почти все существующее ныне научное знание дошло до нас от греков или народов, говоривших на греческом языке. Поэтому для людей, говоривших на других языках, было необходимо, чтобы кто-нибудь из них научился греческому языку, дабы греческая наука могла распространиться и среди этих народов путем перевода греческих научных и философских книг на родной язык каждого из них.

Поэтому изучение греческого (как и латинского) языка было не чем иным, как докучливым занятием лингвиста, и этот язык был не более как средством, своего рода орудием для приобретения тех знаний, которыми обладали греки. Изучение языка не было частью самих знаний и так от них отличалось, что лица, изучившие греческий в размерах, достаточных для перевода, к примеру, Евклидовых «Начал», весьма вероятно, не понимали содержания этого труда.

Поскольку учиться при помощи этих мертвых языков больше нечему, так как все полезные книги уже переведены, они стали бесполезными, и время, затраченное на их изучение, теряется напрасно. Поскольку же изучение языков может способствовать прогрессу и распространению знаний (ибо оно ничего общего не имеет с *созиданием* знаний), новое знание может быть найдено только в живых языках. Известно вообще, что юноша может преуспеть в живом языке за один год больше, чем в мертвом за семь лет. Да и сам учитель редко знает свой предмет достаточно.

Трудность изучения мертвых языков происходит не из какой-либо чрезвычайной трудности самих языков, а из того, что они *мертвы* и способ их произношения окончательно утрачен. То же самое происходит со всяким другим языком, если он умирает. Самый лучший современный знаток греческого языка понимает его хуже, чем греческий пахарь или молочница того времени. То же самое относится и к латыни.

Что же касается произношения и идиом, то современный латинист в них не сильнее той коровы, которую доила упомянутая молочница. Поэтому для пользы дела надо было бы отменить изучение мертвых языков и ограничить обучение, как это первоначально и было, научными знаниями.

Иногда извиняют продолжение изучения мертвых языков тем, что они якобы преподаются, когда ребенок не способен еще развить никакую другую умственную способность, кроме памяти. Но это совершенно неверно. Человеческий разум имеет естественную склонность к научному знанию и предметам, связанным с ним.

Первая и любимая забава ребенка, прежде даже, чем он начинает играть, есть подражание труду взрослого человека. Он строит дома из карт и палочек, плавает в бумажной лодочке по океану в чашке воды или строит запруды в ручейках, стараясь построить нечто вроде мельницы. При этом он вникает в судьбу своих построек с заботой, похожей на страсть. А потом он идет в школу, где его талант убивается бесплодным изучением мертвого языка, и философ теряется в лингвисте.

Но и это извинение, приводимое ныне в пользу изучения мертвых языков, не могло быть всецело причиной сведения образования к узкой и маловажной сфере лингвистики. Причину, значит, надо искать в чем-то другом. Во всех изысканиях такого рода самое лучшее свидетельство — это свидетельство, заключающееся в самой вещи и в условиях, связанных с ней. В данном случае их нетрудно открыть.

Оставляя в стороне как предмет особого рассмотрения наносимое нравственной справедливости бога оскорбление, которое состоит в том, что он якобы заставляет невинного страдать вместо виновного, а также ту низкую выдумку, что он переменял свой облик и явился в виде человека, чтобы оправдаться перед самим собой за то, что не привел в исполнение своего приговора над Адамом, — оставляя, я говорю, все это в стороне, — мы придем к следующему. Ясно, что так называемое христианское вероучение, вклю-

чающее причудливый рассказ о творении, странную историю Евы, змея и яблока, двусмысленную идею богочеловека, идею телесной смерти бога, мифологическую идею семьи богов и христианскую систему арифметики, по которой три есть один и один есть три, расходится не только с божественным даром разума, который дан человеку богом, но и со знанием силы и мудрости бога, которое человек приобретает с помощью наук и изучения устройства созданной богом Вселенной.

Поэтому-то учредители и адвокаты христианской веры не могли не предвидеть, что постоянно прогрессирующее знание о силе и мудрости бога, запечатленное в структуре Вселенной и во всем мироздании и приобретаемое человеком с помощью науки, будет восставать против истинности их веры и ставить под вопрос ее истинность. Для их целей стало необходимым урезать образование до размеров, менее опасных для их планов, и они добились этого, ограничив образование мертвым изучением мертвых языков.

Они не только отвергали изучение науки вне христианских школ, но и преследовали его, и лишь в течение последних двухсот лет это изучение оживилось. В 1610 г. флорентинец Галилей изобрел и ввел в употребление телескоп. Применяв его к наблюдению движений и вида небесных тел, он дал дополнительные средства для постижения подлинной структуры Вселенной.

Вместо того чтобы оценить его открытия, его приговорили к отречению от них и от мнений, из них вытекающих, как от ереси, подлежащей проклятию. Еще до этого Виргилий¹⁰ был приговорен к сожжению за признание антиподов, или, другими словами, того, что земля — шар и обитаема везде, где есть суша. Но истинность этого сейчас слишком очевидна, чтобы даже сообщать о ней.

Если вера в заблуждения, непредосудительные в нравственном отношении, не причиняет зла, то борьба против нее не составляет нравственной обязанности человека. Нравственного зла не содержалось в вере, что земля плоска, как доска для резки хлеба. Не

больше нравственной добродетели было в утверждении, что она кругла, как шар. Нравственного зла в том убеждении, что бог создал только один мир, не больше, чем добродетели в утверждении, что он сотворил их миллионы и что бесконечное пространство наполнено мирами.

Но когда из ложной концепции мироздания вырацаивают религиозную систему, почти неотделимую от нее, положение вещей совершенно меняется. Тогда ошибки, нравственно непередосудительные, преисполняются тем самым злом, как если бы они представляли собой таковые. Тогда и истина, безразличная сама по себе, становится чем-то существенным в качестве критерия реальности самой религии, подтверждая ее или отрицая.

С этой точки зрения становится нравственным долгом человека приобретать всевозможные знания о структуре небес или любой другой части мироздания и соотносить их с системами религии. Но как раз этому непрерывно препятствуют защитники христианской системы и, как бы боясь результатов, не только отвергают науки, но и преследуют ученых.

Если бы Ньютон и Декарт жили на триста—четырееста лет раньше и вели свои исследования в том же направлении, они, вероятнее всего, не дожили бы до их завершения. А если бы Франклин в то время извлек молнию из облаков, он подвергся бы за это риску погибнуть в пламени костра.

Позднейшие времена взвалили всю вину на готов и вандалов. Но как бы ни старались защитники христианства, век невежества начался тем не менее вслед за возникновением христианской системы. До этого в мире было больше знания, чем в течение многих последующих веков. Что же касается религиозного знания, то христианская система, как уже говорилось, представляет собой разновидность мифологии, а мифология, которую она унаследовала, была разложившейся системой древнего теизма*.

* Невозможно сказать в настоящее время, когда именно зародилась языческая мифология. Из внутреннего ее содержания

Нам приходится сейчас заглядывать назад через бездну минувших веков в античность в поисках достойных уважения людей, именуемых древними, лишь в силу этого междударствия в науке и *ни по какой другой причине*. Если бы прогресс знания шел пропорционально уже накопленному ранее запасу, эта бездна была бы заполнена умами (characters), превосходящими друг друга в знаниях, и те древние, которыми мы ныне восхищаемся, почтительно отступили бы на задний план. Но христианская система оставила за собой пустыню, и если, поместившись примерно в начале шестнадцатого века, мы обратим свой взор через эту пропасть ко временам древних, то перед нами окажется как бы обширная песчаная пустыня, в которой ни один кустик не преградит нашему взору путь к цветущим холмам за ней.

Трудно поверить, что под именем религии может существовать учение, утверждающее, что *не религиозно* изучать и познавать структуру Вселенной, сотво-

ния известно, что она началась не в том состоянии, в каком закончилась. Все боги этой мифологии, кроме Сатурна, были выдуманы в позднейшие времена. Предполагаемое царство Сатурна существовало ранее так называемой языческой мифологии и было разновидностью теизма, ибо допускало веру только в одного бога. Сатурн, как предполагается, отрекся от престола в пользу своих трех сыновей и дочери: Юпитера, Плутона, Нептуна и Юноны. После этого были созданы тысячи других богов и полубогов, и список их удлинялся так же быстро, как позднее святцы или дворцовые календари.

Весь обман, который имел место в теологии и религии, был порожден усвоением так называемой *религии откровения*. Мифотворцы претендовали на большую степень откровения, чем христиане. Они имели своих оракулов и жрецов, которые, как предполагалось, получали слово божье и передавали его другим почти во всех случаях жизни.

С тех пор весь обман, от Молоха до современного учения о предопределении, от человеческих жертвоприношений язычников до христианского принесения в жертву [самого] творца, производился с помощью так называемой *религии откровения*. Самое эффективное средство предотвратить подобное зло и обман — не допускать иного откровения, чем то, какое проявляется в книге мироздания, и рассматривать мироздание как единственное и реальное слово божье, которое когда-либо существовало или будет существовать. Все же иное, что называют словом божьим, сказки и обман.

ренной богом. Но факт этот слишком хорошо установлен, чтобы его отрицать. Событие, которое больше других послужило прорыву первого звена этой длинной цепи деспотического невежества, известно под именем лютеровской реформации.

С этого времени, хотя возрождение науки не было целью ни Лютера, ни других так называемых реформаторов, науки начали оживать, а их естественный спутник, свободолюбие (*liberality*), также не замедлил появиться. Таково было единственное общественное благо, принесенное Реформацией, ибо что касается блага религиозного, то его могло бы и не быть. Мифотворчество сохранилось в неизменности, а в результате падения единого папы возникло множество национальных пап.

Сравнение христианства с пантеизмом

Показав, таким образом, из содержания самих вещей причину, которая произвела изменение в состоянии образования, и мотивы, по которым на место изучения наук ставят изучение мертвых языков, я продолжу, в добавление к замечаниям, сделанным ранее, сравнение или, скорее, сопоставление доказательств, предоставляемых самой Вселенной, с христианским вероучением. Но самое лучшее, чем я могу начать эту часть, это мысли, которые появлялись у меня в юности и которые, я не сомневаюсь, приходили в голову почти всем людям в тот или иной период их жизни. Я изложу эти идеи, добавив к ним некоторые другие мысли, возникшие из рассмотрения предмета. Это составит как бы краткое предисловие к моему труду в целом.

Мой отец был квакерского вероисповедания, и, на мое счастье, я получил исключительно хорошее нравственное воспитание и порядочный запас полезных знаний. Хотя я и посещал гимназию *, я не учил ла-

* Это была та же гимназия в Тэтфорде, в Норфолке, в которой учился у того же учителя нынешний канцлер Мингей.

тыни не только потому, что не имел склонности к изучению языков, но и потому, что квакеры возражали против книг, по которым обучаются этому языку. Это, однако, не помешало мне познакомиться с предметами, излагавшимися во всех латинских книгах, употреблявшихся в школе.

Мой ум обладал естественной склонностью к науке. Я имел некоторые способности к поэзии, даже поэтический талант. Но я скорее подавлял в себе эту склонность, нежели поощрял, поскольку она заводила меня слишком далеко в область воображения. Как только я получил возможность, я купил пару глобусов и стал посещать философские лекции Мартина¹¹ и Фергюсона¹². Затем я познакомился с доктором Бэвисом¹³ из Королевского общества, который жил тогда в Темпле и был превосходным астрономом.

Я не имел никакой склонности к политике. Она представлялась моему уму не чем иным, как искусством обманывать. Поэтому, когда я обратился к вопросу о государстве, мне пришлось сформулировать для себя систему, соответствующую нравственным и философским принципам, в коих я был воспитан. Я видел, или по крайней мере думал, что видел, широкую перспективу, которая открывалась миру в тех событиях, которые происходили в Америке. И мне казалось, что, если американцы не изменят своего отношения к правительству Англии и не провозгласят своей независимости, они не только навлекут на себя множество новых затруднений, но и закроют ту перспективу, которая открывалась человечеству. Именно из этих соображений я выпустил книгу, известную под заглавием «Здравый смысл», которая была моей первой печатной работой. И, насколько я могу судить, я никогда не стал бы известен миру как писатель, если бы не события в Америке. Я написал «Здравый смысл» в конце 1775 г., а опубликован он был первого января 1776 г. Независимость же была провозглашена 4 июля того же года.

Всякий, кто наблюдал за состоянием и прогрессом человеческого ума, наблюдая свой собственный [ум],

не может не увидеть, что есть два различных класса мыслей: те, которые мы сами производим путем рассуждения и акта мышления, и те, которые приходят на ум сами по себе. Моим правилом всегда было обходиться с этими добровольными посетителями вежливо, заботясь о том, чтобы тщательно их исследовать, если они того заслуживают. От них-то я и приобрел почти все знание, которым обладаю. Что же касается знаний, приобретаемых в школе, то они подобно скромному капиталу лишь помогают начать впоследствии самостоятельное изучение.

Каждый обучающийся является в конечном счете своим собственным учителем. Основание этого состоит в том, что принципы в отличие от обстоятельств не могут запечатлеться в памяти. Их место пребывания — это рассудок (*understanding*), и они никогда не усваиваются столь же прочно, как тогда, когда ведут свое начало от самостоятельного постижения (*conception*). Этого достаточно для вступительной части.

С того самого времени, как я стал способен постичь идею и размышлять над ней, я или сомневался в истинности христианской системы, или считал ее чем-то странным. Помню, как в возрасте семи или восьми лет, когда я почти не знал, что такое религия, я слушал проповедь о так называемом *искуплении посредством смерти сына божьего*, читавшуюся моим родственником, очень набожным человеком.

По окончании проповеди я ушел в сад и, спускаясь по ступеням лестницы (я прекрасно помню это место), возмущился при воспоминании о том, что услышал. Я подумал, что в этой истории всемогущего бога заставили действовать наподобие рассерженного человека, который убил своего сына, не будучи в состоянии отомстить за себя иначе. И поскольку я был уверен, что человека, совершившего такой поступок, повесили бы, я не понимал, для чего читают такие проповеди.

Эта мысль была не из тех, что отдают детской наивностью; для меня она была серьезным рассуждением, вытекающим из моего представления о том, что

бог слишком добр для подобных поступков и слишком всемогущ, чтобы быть вынужденным на них. В этом я убежден и теперь. Сверх того, я верю, что любая религия, содержащая в себе вещи, способные возмутить ум ребенка, не может быть истинной религией.

Дело обстоит так, как будто родители, исповедующие христианскую веру, стыдятся рассказывать своим детям что-либо о принципах своей религии. Они иногда наставляют их в правилах нравственности и рассказывают им о благодати того, что они называют провидением. Ведь в христианской мифологии имеется пять божеств: бог-отец, бог-сын, бог-дух святой, бог-провидение и богиня-природа. Но христианская история о боге-отце, убивающем своего сына или заставляющем других это сделать (ибо таково, попросту говоря, ее подлинное содержание), не из числа тех, которые родители могут рассказать детям. Сказать им, что это было сделано с целью осчастливить и облагородить человечество,— значит еще ухудшить дело. Как будто человечество может улучшиться, имея перед собой пример убийства! Сказать же им, что все это тайна,— значит только извиниться за неправдоподобие рассказа.

Как сильно отличается это от чистого и простого исповедания деизма! Истинный деист имеет только одно божество, и его религия состоит в созерцании мощи, мудрости и доброты божества в его деяниях и в стремлении подражать ему в нравственности, науке и механике.

Религия, исповедуемая квакерами, ближе всего стоит к истинному деизму в отношении нравственности и кротости. Но они слишком связали себя тем, что исключили из своей системы дела божьи. И хотя я уважаю их человеколюбие, я не могу не улыбнуться при мысли о том, каким безмолвным и тусклым был бы мир, если бы при его сотворении советовались с квакером! Ни единому цветочку не расцвести бы тогда, ни одной пташке не петь.

Расставшись с этими соображениями, перейду к другим вопросам. После того как я стал управляться

с глобусом и планетником *, постиг идею бесконечности пространства и бесконечной делимости материи и приобрел по меньшей мере общее знание того, что называют естественной философией, я начал сравнивать или, как я раньше сказал, сопоставлять вечное свидетельство, представляемое ею, с христианским вероучением.

Христианская религия не говорит прямо, что планета, где мы живем, представляет собой весь обитаемый мир. Но это вытекает из так называемого рассказа Моисея о сотворении мира, из рассказа о Еве и яблоке и его дополнения — рассказа о смерти сына божьего. Следовательно, верить по-иному, а именно что бог создал множество миров, по меньшей мере столь же много, как и звезд, — значит делать христианскую религию одновременно мелкой и смешной и развеять ее, как пух по ветру. Эти два убеждения не могут согласоваться, и тот, кто считает, что верит в оба, на деле мало думал о каждом из них.

Хотя вера в множественность миров была знакома древним, только за последние три столетия выяснились размеры и протяжение земного шара, на котором мы обитаем. Несколько судов, следуя по дорогам океана, обошли вокруг земного шара, подобно тому как человек может пройти по кругу и вернуться в исходную точку с обратной стороны.

Длина окружности нашей планеты в самой широкой ее части, измеренная, как можно измерить самую длинную окружность яблока или мяча, достигает только двадцати пяти тысяч двадцати английских миль, что составит шестьдесят девять с половиной миль на

* Поскольку книга эта может попасть в руки лиц, не знающих, что такое планетник (орбегу), я добавлю это примечание. Он получил свое название от имени человека, который его изобрел. Это — часовой механизм, представляющий Вселенную в миниатюре, где вращение Земли вокруг своей оси и вокруг Солнца, вращение Луны вокруг Земли, обращение планет вокруг Солнца, их относительные расстояния от Солнца как центра всей системы, их относительные расстояния друг от друга и их величины представлены так, как они реально существуют в небесах.

один экваториальный градус. Это расстояние можно пройти на корабле примерно за три года *.

Мир такого протяжения должен показаться нам огромным. Но если мы сравним его с бесконечностью пространства, в котором наш мир, как и все остальные, висит подобно мыльному пузырю или воздушному шару в воздухе, то окажется, что он бесконечно меньше по размеру, чем мельчайшая песчинка по сравнению с земным шаром или капля росы по сравнению с океаном. Кроме того, как будет показано впоследствии, земной шар всего-навсего один в целой системе миров, из которых состоит мироздание.

Следуя прогрессии идей, нетрудно приобрести хотя бы слабое представление о громадности пространства, в котором помещаются этот и другие миры. Когда мы думаем о размерах комнаты, наши представления ограничиваются ее стенами и здесь останавливаются. Но когда наш взор или воображение устремляется в открытое пространство, т. е. когда мы смотрим, так сказать, в воздух, мы не можем найти ни стен, ни границ. А если мы предположим, для спокойствия мысли, такие границы, то немедленно встает вопрос: что за этой границей? И точно так же: что за следующей границей? И так до тех пор, пока удовлетворенное воображение не возвратится и не скажет: *конца нет*. Тогда ясно, что творец не был стеснен пространством, когда сотворил этот мир такой величины, как он есть, и нам следует искать основание в чем-то другом.

Если мы посмотрим на наш мир, вернее, на мир, который дан нам творцом в пользование как наша часть громадной системы мироздания, то увидим, что все его части — земля, вода и воздух, который его окружает, — полны жизни, от самых крупнейших из известных нам животных и до мельчайших насекомых, каких только может различить невооруженный глаз, а от них до еще более мелких и совершенно невидимых без помощи микроскопа. Каждое дерево, каждое

* Если пустить парусное судно при средней скорости три мили в час, то оно обойдет вокруг света менее чем в один год, если плыть по прямой; но оно должно следовать расположению океанов.

растение, каждый лист служит не только обиталищем, но и целым миром для многочисленного племени, и живые существа достигают столь малых размеров, что испарения травяного листа дают пищу для тысяч.

Но если ни одна часть земли не осталась незанятой, то почему следует предположить, что необъятное пространство — голая пустота и вечная пустыня? В нем достаточно места для миллионов миров, таких же, как наш мир, или больше, и каждый из них удален от других на миллионы миль. Придя к этому и продумав еще только одну идею, мы, быть может, увидим истинное или по крайней мере очень хорошее основание для нашего счастья — основание, в силу которого творец, вместо того чтобы создать один огромный мир, простирающийся через все бесконечное пространство, предпочел разделить всю материю на несколько различных миров, которые мы называем планетами, и один из которых — наша Земля. Но прежде чем я изложу мои мысли по этому вопросу, необходимо (не для тех, кто уже знает, а для тех, кто не знает) показать, какова система Вселенной.

План и порядок Вселенной

Та часть Вселенной, которая называется солнечной системой (т. е. система миров, к которой принадлежит наша Земля и в центре которой находится Солнце), состоит кроме Солнца из шести различных шаров, планет, или миров¹⁴, а кроме того, из вторичных тел, называемых спутниками или лунами. Наша Земля обладает одним спутником, который сопровождает ее в годовом движении, как остальные спутники или луны сопровождают планеты, или миры, которым они принадлежат. Это можно видеть с помощью телескопа.

Солнце — центр, вокруг которого обращаются эти шесть миров, или планет, на различных расстояниях от него по концентрическим кругам. Каждая планета (world) следует постоянно почти по тому же самому пути вокруг Солнца, в то же самое время вращаясь

вокруг своей оси почти вертикально, как волчок, вращающийся на плоскости, и несколько наклоняясь в стороны.

Этот наклон земной оси ($23 \frac{1}{2}$ градуса) вызывает лето и зиму, различную длину дней и ночей. Если бы Земля вращалась вокруг своей оси перпендикулярно плоскости круга, по которому она движется вокруг Солнца, как вращается волчок, стоящий на земле прямо, дни и ночи всегда были бы одной и той же длины, двенадцать часов день и двенадцать часов ночь, а времена года круглый год были бы одними и теми же.

Каждый раз, как планета, например наша Земля, совершает полный оборот вокруг своей оси, она проходит то, что мы называем днем и ночью. Каждый раз, как она совершает полный оборот вокруг Солнца, проходит год. Следовательно, наша планета совершает триста шестьдесят пять оборотов вокруг своей оси, пока она совершает один оборот вокруг Солнца*.

Названия, данные этим планетам древними и употребляемые ныне, суть: Меркурий, Венера, наша планета, Марс, Юпитер и Сатурн. Они на глаз кажутся больше звезд, поскольку они на много миллионов миль ближе к Земле, чем любая из звезд. Планета Венера — та, которую называют вечерней звездой, а иногда и утренней, поскольку ей случается зайти позже или взойти раньше Солнца. Но этот промежуток никогда не превосходит трех часов.

Солнце является центром системы. Ближе всех планет находится к нему Меркурий. Его расстояние от Солнца — тридцать четыре миллиона миль, и он движется вокруг него по кругу, на одном и том же расстоянии, как бы по следу коня в мельничной упряжке.

Вторая планета — Венера; она удалена от Солнца на пятьдесят семь миллионов миль и, следовательно, движется по гораздо большей орбите, чем Меркурий. Третья планета — та, на которой мы обитаем, удалена

* Те, кто предполагают, что Солнце обращается вокруг Земли за 24 часа, совершают ту же ошибку, что и повар, который заставил бы очаг вращаться вокруг жаркого, вместо того чтобы вращать жаркое над огнем.

от Солнца на восемьдесят восемь миллионов миль и, следовательно, движется по большей орбите, чем Венера.

Четвертая планета — Марс; он удален от Солнца на сто тридцать четыре миллиона миль и, следовательно, движется по большей орбите, чем наша Земля. Пятый — Юпитер; он удален от Солнца на пятьсот пятьдесят семь миллионов миль и, следовательно, движется по орбите большей, чем орбита Марса.

Шестая планета — Сатурн. Он удален от Солнца на семьсот шестьдесят три миллиона миль и, следовательно, движется по кругу, который охватывает орбиты всех других миров, или планет¹⁵.

Следовательно, пространство, которое занимает наша солнечная система в воздухе или в необъятном пространстве, по прямой линии тянется на целый диаметр орбиты, или круга, по которому Сатурн обращается вокруг Солнца. В этом пространстве обращается вокруг Солнца несколько планет. Будучи двойным расстоянием от Сатурна до Солнца, оно составляет тысячу пятьсот двадцать шесть миллионов миль, по кругу почти пять тысяч миллионов миль, а по шаровой поверхности почти три тысячи пятьсот миллионов раз по три тысячи пятьсот миллионов квадратных миль*.

* Могут спросить, как может человек знать эти вещи. На это можно дать один простой ответ: человек знает, как вычислить затмение, а также как вычислить до мгновений то время, когда Венера, обращаясь вокруг Солнца, придет на прямую линию между Землей и Солнцем и представится нам наподобие большой горошины, проходящей по диску Солнца. Это случается лишь дважды почти в сто лет, примерно через восемь лет одно после другого, и дважды происходило в наше время, причем оба раза это было предсказано путем вычислений. Можно узнать также, когда это вновь произойдет в ближайшую тысячу лет или в другой отрезок времени. Поэтому, поскольку человек не был бы в состоянии делать такие вещи, не понимая солнечной системы и того, как обращаются вокруг Солнца несколько планет, или миров, факт исчисления затмения или прохождения Венеры по диску Солнца является доказательством того, что такое знание налицо. Что же касается возможной ошибки в несколько тысяч или даже миллионов миль, то при таких огромных расстояниях они не вносят заметных различий.

Но как ни огромна [солнечная система], она всего лишь одна из систем миров. За ней на огромных расстояниях, которые невозможно подсчитать, находятся звезды, называемые неподвижными. Они называются так потому, что не имеют вращательного движения, которым обладают описанные шесть планет, и стоят на месте, как Солнце стоит в центре нашей системы. Поэтому возможно, что каждая из этих неподвижных звезд в свою очередь является Солнцем, окруженным другой системой планет, или миров, хотя и недоступной нашему зрению по причине удаленности, но совершающей такое же вращательное движение, как и наша система планет (worlds), обращающихся вокруг нашего центрального Солнца.

Этот простой ход мысли приводит к тому выводу, что бесконечное пространство должно быть наполнено планетными системами и пространство не более пусто, чем любая часть земной поверхности, воды и суши.

Попытавшись дать в популярной и легкой форме некоторое представление об устройстве Вселенной, я вернусь к объяснению того, что пытался сделать ранее, а именно как велика польза, вытекающая из того, что творец создал множество миров, таких же, как наш, состоящий из центрального Солнца и шести планет, не считая спутников, по сравнению с идеей создания только одного мира в пустом пространстве.

Преимущества жизни при множественности миров

Я никогда не упускаю из виду ту мысль, что все наше научное знание проистекает из (доступного для нашего взора, а через него и для понимания) обращения вокруг Солнца нескольких планет, или миров, из которых состоит наша система.

Если бы вся материя, содержащаяся в этих шести планетах, была заключена в один шар, то это имело бы для нас то последствие, что не существовало бы никакого движения или его было бы недостаточно для того, чтобы мы могли обладать тем знанием, ко-

торым мы обладаем ныне. А ведь из этих наук вытекают все механические искусства, имеющие такое значение для нашего земного счастья и удобства.

Поскольку создатель, таким образом, не сделал ничего напрасно, мы должны верить, что он создал устройство Вселенной, наиболее благоприятствующее человеку. И так как мы видим и чувствуем по опыту, что польза, получаемая нами от такого устройства Вселенной, не существовала бы, будь Вселенная устроена в виде одного шара, мы можем найти по меньшей мере одно основание, по которому было создано множество миров, и это основание порождает благоговейную признательность и восхищение человека.

Однако польза, вытекающая из факта множественности миров, не ограничивается только нами, жителями земного шара. Обитатели каждой из планет нашей солнечной системы имеют те же благоприятные условия для познания, что и мы. Они видят вращательное движение Земли, как мы видим движение их планет. Все планеты вращаются в поле зрения их обитателей, и всем одинаково предоставлена одна и та же всеобщая школа науки. Но познание не останавливается здесь. Система миров, соседняя с нами, в своем вращении открывает своим обитателям те же принципы и школу науки, что и наша система нам. То же повторяется во всем необъятном пространстве.

По мере того как мы познаем размеры и устройство Вселенной, расширяются наши знания не только о всемогуществе творца, но также и о его мудрости и благости. Мысль об одиноком мире, катящемся или покоящемся в безбрежном океане пространства, уступает место радостной идее сообщества миров, так счастливо устроенных, что простым своим движением они служат в назидание человеку. Мы видим, что земля наша изобильна, но забываем о том, насколько это изобилие зависит от научного знания огромного механизма Вселенной.

Но что же после этих размышлений нам следует думать относительно христианской идеи о существовании одного только мира размером, как мы выше показали, не более двадцати пяти тысяч миль? Челю-

век, передвигающийся со скоростью три мили в час в течение двенадцати часов в день, направляясь строго по окружности, обошел бы вокруг него менее чем в два года. Увы! Что это значит в сравнении с громадным океаном пространства и всемогуществом творца?

Откуда тогда могло появиться такое однобокое и странное мнение, по которому всемогущий, обладающий миллионами миров, равно зависящих от его покровительства, должен оставить заботу о всех остальных и явиться умереть на нашей планете из-за того, что, как говорят, мужчина и женщина съели яблоко?

С другой стороны, следует ли нам предположить, что каждый из миров в бесконечном пространстве имел своих Еву, яблоко, змия и искупителя? В таком случае лицу, непочтительно именуемому сыном божьим, а иногда и богом, оставалось бы только путешествовать от одного мира к другому, без конца умирая после очень кратких промежутков пребывания в живых.

О многообразии религий

Именно из-за того, что было отклонено свидетельство, какое представляют собой мироздание и дела божьи для наших чувств, а также [вследствие того, что были отклонены] действия нашего разума над этим свидетельством, было сфабриковано и учреждено такое множество диких и причудливых религиозных систем.

Возможно существование многих религиозных систем, которые не являются дурными в нравственном отношении, а во многих отношениях даже нравственно хороши. Но может существовать только ОДНА истинная религия. И она необходимо должна во всем согласоваться с вечным словом божьим, которое мы созерцаем в его деяниях. Но странная конструкция христианского вероучения такова, что всякое свидетельство, предоставляемое человеку небесами, или прямо противоречит ему, или доводит его до абсурда.

Можно верить, и я всегда с удовольствием убеждаю себя верить в то, что были и существуют люди,

убежденные в том, что *благочестивый обман* может, хотя бы при определенных условиях, принести известное добро. Но однажды предпринятый обман не мог уже впоследствии быть раскрыт, ибо благочестивый обман, как и дурное дело, приобретает пагубную необходимость продолжаться.

Лица, которые первыми проповедовали христианское вероучение и в какой-то мере привнесли в него мораль Иисуса Христа, могли убедить себя, что оно лучше, чем языческая мифология, господствовавшая тогда. От первых проповедников обман перешел ко вторым и к третьим, пока идея о том, что это благочестивый обман, не уступила место убеждению в истинности христианского вероучения, а это убеждение в свою очередь поддерживалось интересами тех, кто кормился его проповедью.

Но хотя это убеждение могло, таким образом, стать почти общим среди мирян, едва ли возможно объяснить непрерывные преследования, в течение нескольких сотен лет обрушивавшиеся на науку и деятелей науки со стороны церкви, иначе как наличием в руках церкви определенных актов или традиций, раскрывавших, что она сама первоначально представляла собой просто благочестивый обман, или иначе как предвидением, что обман этот не удастся сохранить перед лицом свидетельств, доставляемых самим устройством Вселенной.

Показав, таким образом, непримиримость противоречий между реальным словом божьим, как оно существует во Вселенной, и тем, что называют *словом божьим*, как его показывают в печатной книге, которую всякий человек может сделать, я перейду к трем основным средствам, которые использовались во все времена и, возможно, во всех странах для обмана человечества.

Эти три средства — тайна, чудо и пророчество. Два первых несовместимы с истинной религией, а к третьему всегда необходимо относиться с подозрением.

Что касается тайны, то каждая вещь, которой мы обладаем, в некотором смысле тайна для нас. Наше собственное существование — тайна; весь раститель-

ный мир — тайна. Мы не можем объяснить, как желудь, помещенный в грунт, вынуждается к развитию и становится дубом. Мы не знаем, как семя, которое мы высеваем, прорастает и умножается, возвращаясь к нам с таким обильным процентом на столь малый капитал.

Однако факт в отличие от действующей причины не является тайной, ибо мы его видим. Мы знаем также средства, которые мы должны употребить, — положить семя в грунт. Мы знаем поэтому столько, сколько нам необходимо. Что же касается той части процесса, которой мы не знаем, а если бы и знали, то не смогли бы выполнить сами, творец берет ее на себя и выполняет за нас. Для нас это лучше, чем если бы мы были допущены к секрету и вынуждены выполнять операцию сами.

Но хотя всякая сотворенная вещь в этом смысле тайна, *нравственная истина* может быть названа словом «тайна» не более, чем свет тьмой. Бог, в которого мы веруем, — бог нравственной истины, а не бог тайны или тьмы. Тайна — противник истины. Туман человеческих выдумок — вот что затемняет истину, представляет ее в искаженном виде. Истина никогда не покрывает *себя* тайной, и тайна, в которую она иногда бывает закутана, — дело ее противника, но не ее самой.

Лучший способ служения богу

Поэтому религия, будучи верой в бога и осуществлением нравственной истины, не может быть связана с тайной. Вера в бога далека от таинственности и проще всех других верований, ибо она возникает в нас, как выше указывалось, по необходимости. А осуществление нравственной истины, или, иными словами, практическое подражание нравственной благодати бога, есть не что иное, как наше поведение по отношению друг к другу по примеру того, как сам он благодетен ко всем.

Мы не можем *служить* богу так, как мы служим тем, кто не может обойтись без таких услуг. Поэтому

единственная идея служения богу, которую мы можем иметь, — это идея содействия счастью живых существ, которые сотворены богом. Это не может быть осуществлено удалением от общества и затворнической жизнью в состоянии себялюбивой набожности.

Сама природа и идея религии, если можно так выразиться, доказывают с очевидностью, что она должна быть свободна от всякой таинственности. Религия, рассматриваемая как долг, равно обязательна для каждой живой души и поэтому должна быть понятной и постижимой для всех.

Человек не изучает религию, как он изучает секреты и тайны ремесла. Он изучает религиозное учение путем размышления. Религия возникает из воздействия его собственного ума на вещи, которые он видел и о которых ему случалось слышать или читать, а практика присоединяется к этому сама.

Когда люди, из хитрости или с целью благочестивого обмана, основали религиозные учения, которые несовместимы со словом или делом божьим, [выраженными] в творении, и которые не только выходят за пределы человеческого понимания, но и противоречат ему, им необходимо было изобрести или усвоить слово, которое служило бы в качестве преграды всем вопросам, исследованиям и умозрениям. Слово *тайна* отвечало этой цели, и случилось так, что религия, не имеющая в себе никаких тайн, оказалась окутана туманом тайны.

Поскольку *тайна* отвечала всем этим намерениям, за нею последовало *чудо* в качестве эпизодического вспомогательного средства. Первая служит тому, чтобы смутить ум; второе — тому, чтобы сбить с толку чувства. Первая — тарабарщина, второе — ловкость рук.

Но прежде чем идти дальше, выясним, что надо понимать под чудом.

В том же самом смысле, в каком все может быть названо тайной, все может быть названо и чудом, и одна вещь не большее чудо, чем другая. Слои, хотя он и больше размером, чем клещ, не большее чудо, чем последний; гора — не большее чудо, чем атом.

Всемогущей силе не труднее создать одно, чем другое, не труднее создать миллион миров, чем один.

Поэтому все является в одном смысле чудом, тогда как в другом смысле чудес не бывает. По сравнению с нашей силой и пониманием все — чудо. И нет никаких чудес по сравнению с силой, совершившей все это. Но поскольку в таком описании не содержится ничего того, что связывается с идеей чуда, необходимо дальнейшее исследование.

Человечество усвоило определенные законы деятельности природы. Чудо же — нечто противоположное действию упомянутых законов. Но пока мы не знаем всего объема этих законов и того, что называют силами природы, мы не в состоянии судить о том, подчиняется нечто, кажущееся нам удивительным или чудесным, природным силам, не подчиняется или противоречит им.

Подъем человека в воздух на несколько миль в высоту содержал бы в себе все, что составляет идею чуда, если бы мы не знали, что можно выделить газ, который в несколько раз легче, чем обычный атмосферный воздух, и вместе с тем достаточно упруг, чтобы баллон, в котором заключен этот газ, не был сжат окружающим воздухом до объема, во столько же раз меньшего.

Подобным же образом извлечение пламени и искр из человеческого тела, столь же видимых, как искры, выбиваемые из кремня стальным кресалом, а также приведение железа или стали в движение без всякого видимого агента могли бы иметь видимость чуда, если бы мы не были знакомы с электричеством и магнетизмом. Да и многие другие эксперименты из области естественной философии показались бы чудом тем, кто не знаком с предметом.

Оживление людей, по-видимому мертвых, как это бывает с утопленниками, также было бы чудом, если бы не было известно, что жизнь может быть приостановлена, не исчезая окончательно.

Кроме того, бывают фокусы, основанные на ловкости рук или совершаемые людьми, действующими по предварительному уговору между собой, которые име-

ют видимость чуда, а когда распознаны, оказываются не имеющими с чудом ничего общего. Кроме того, существуют механические и оптические обманы. В Париже есть сейчас выставка д^ухов, или призраков, которые, хотя и не выдаются за настоящих, имеют удивительный вид¹⁶. Поэтому, поскольку мы не знаем предела, до какого могут пойти природа или искусство, нет положительного критерия, который определил бы, что такое чудо. Человечество же, исходя из представления о существовании чудес и веря видимости чуда, постоянно подвергается обману.

Итак, поскольку явления столь обманчивы, а несуществующие вещи бывают сходны с существующими, ничто не может быть более непоследовательным, чем предположение, что всемогущий будет использовать такие средства,— мы называем их чудесами,— что совершающий их подвергается опасности быть заподозренным в обмане, а рассказывающий о них — во лжи. Доктрина же, которую этими средствами хотят подтвердить, становится более похожей на вздорное измышление.

Чудо, сколь бы ни успешен был обман при его помощи,— самое несостоятельное из всех средств, когда-либо предназначавшихся для внушения веры в какую бы то ни было систему или мнение, которым приписано имя религии. Ибо, во-первых, какое бы зрелище ни показывалось с целью внушения этого верования (ведь всякое чудо есть зрелище), оно подразумевает изъясн или порочность проповедуемой доктрины.

Во-вторых, оно низводит всемогущего на уровень балаганщика, разыгрывающего всякие трюки с целью позабавить людей, заставить их глазеть и изумляться. Чудо является также самым сомнительным доказательством, какое только можно применить, ибо верование зависит не от того, что называют чудом, а от доверия к его очевидцу. Поэтому истина обладает здесь не лучшими шансами на то, что в нее поверят, чем ложь.

Предположим, я сказал бы, что, когда я сел писать эту книгу, в воздухе появилась рука, взялась за перо и написала все, что вы здесь видите, до единого сло-

ва. Поверил бы мне кто-нибудь? Конечно, нет. Поверили бы мне хоть на йоту больше, если бы дело действительно обстояло так? Конечно, нет. Следовательно, если бы произошло настоящее чудо, оно подверглось бы той же участи, что и подделка. Несообразность чудес, даже если бы они действительно происходили, становится поэтому еще большей оттого, что они не отвечали бы намеченной цели, даже если бы были подлинными.

Если мы вынуждены предположить, что чудо есть нечто совершенно изъятое из закономерности природы, что она должна сойти со своего пути, чтобы оно совершилось, а люди уверяют нас, что они видели чудо, перед человеческим умом встает просто разрешаемый вопрос: что вероятнее — что природа вышла из своих рамок или что люди солгали? Мы никогда не видели в наши времена, чтобы природа выходила из своих рамок; но мы имеем достаточно оснований думать, что за то же самое время ложь была произнесена миллионы раз. Поэтому у нас по меньшей мере миллионы шансов против одного, что сообщивший о чуде солгал.

Рассказ о ките, проглотившем Иону, хотя кит и достаточно велик, чтобы это сделать, в высшей степени похож на чудо. Но больше походило бы на чудо, если бы Иона проглотил кита. В этом случае, как и во всех других, вопрос решался бы так же: что вероятнее — что человек проглотил кита или солгал?

Предположим, однако, что Иона в самом деле проглотил кита, отправился с китом в животе в Ниневию и, для того чтобы убедить народ в истинности этого происшествия, изверг кита натуральной длины и размеров на глазах почтенной публики. Разве люди не уверились бы, что Иона дьявол, а не пророк? Или если бы кит принес Иону в Ниневию и изверг бы его таким же образом, разве не поверили бы люди, что кит не кит, а дьявол, а Иона — один из его отпрысков?

Самым необычайным из чудес, о которых сообщает Новый завет, является история о дьяволе, который унес на себе Иисуса Христа на вершину самой высокой горы и на купол самого высокого храма, от-

куда показал ему *все царства мира*, пообещав ему их. Как же случилось, что он не открыл тогда Америки? Или его закопченное высочество интересовался только *царствами*?

Я слишком уважаю нравственный облик Христа, чтобы поверить, будто он сам рассказывал об этом великом чуде. Нелегко и сообразить, для чего сочине-но это. Разве что для того, чтобы надуть знатоков чудес, как это иногда проделывают со знатоками монет времен королевы Анны¹⁷ и вообще собирателями реликвий и древностей. Или для того, чтобы выставить чудеса в смешном виде, превзойдя их, как Дон-Кихот превзошел всех рыцарей. Или, наконец, чтобы повредить вере в чудеса, заставив усомниться, кто же совершил чудо — бог или дьявол. Как бы там ни было, но вера в дьявола должна быть слишком сильна, чтобы можно было поверить в подобное чудо.

С какой бы точки зрения мы ни рассматривали чудеса, их реальность невероятна, а их существование не необходимо. Они не отвечают, как замечено выше, никакой полезной цели. Ведь даже если бы они были истинны, труднее поверить в чудо, чем в очевидный нравственный принцип без всякого чуда.

Нравственный принцип заявляет о себе всем одинаково. Чудо же может быть лишь скоротечной вещью и видимо лишь немногими. Далее, чтобы поверить в чудо на основании сообщения человека, требуется, чтобы вера была перенесена с бога на человека. Поэтому, вместо того чтобы считать рассказы о чудесах свидетельствами в пользу истинности религиозной системы, их следует считать симптомами ее баснословности. Полная и прямая истина с необходимостью отвергает всякие костыли, и характеру басен соответствует их нужда в той поддержке, какую отвергает истина. Так обстоит дело с тайнами и чудесами.

Подобно тому как тайна и чудо берут на себя заботу о настоящем и прошлом, пророчество заботится о будущем и замыкает круг времен веры. Недостаточно знать то, что было сделано; надо еще знать, что будет сделано. Мнимый пророк был мнимым историком грядущих времен, и, если ему случалось, стреляя

из лука тысячелетий, отклониться на тысячи миль от мишени, простодушие потомства могло потом сказать, что он поразил цель. А если ему случалось явно промахнуться, то оставалось только предположить, как это было с Ионой и Ниневией, что бог передумал и изменил свое намерение. Какими же глупцами эти баснословные системы считают людей!

Пророки и их пророчества

В первой части этого труда было показано, что первоначальный смысл слов *пророк* и *пророчество* изменился и что пророк в современном смысле слова — плод современного изобретения. Ввиду этого изменения смысла слов образы и метафоры еврейских поэтов, а также фразы и выражения, ставшие ныне темными в силу нашего незнакомства с обстоятельствами того времени, когда они применялись, были возведены в ранг пророчества и подвергнуты толкованиям по воле причудливых и тщеславных сектантов, толкователей и комментаторов.

Все непонятное превратилось в пророческое, а незначительное стало знаменательным. Ошибка могла служить пророчеством, а кухонная тряпка — символом.

Если мы понимаем под пророком человека, которому всемогущий сообщил, что такое-то событие произойдет в будущем, то такие люди либо существовали, либо нет. Если они существовали, то надо думать, что о будущем событии было сообщено понятным образом, а не так несвязно и темно, что те, кто слушает, не могут ничего понять, и так двусмысленно, что предсказание подходит почти к любому обстоятельству, которое может произойти впоследствии. Предположить, что всемогущий поступает таким образом с человеком, было бы весьма непочтительно. Тем не менее все пророчества Библии именно таковы.

Однако пророчество, как и чудо, даже если бы оно действительно существовало, не отвечает своему назначению. Те, кому пророчествуют, не могут ска-

зять, пророчествует пророк или просто лжет, действительно ли это было открыто ему или же выдуманно им, а если пророчествуемое им или нечто похожее и произойдет среди множества повседневных событий, никто не сможет сказать, предсказал ли он его, угадал ли, или здесь случайное совпадение.

Поэтому пророк — бесполезная и ненужная личность, и самое безопасное — не верить пророкам, чтобы уберечься от обмана.

В целом тайна, чудо и пророчество принадлежат к вымышленной, а не к истинной религии. Они суть средства, с помощью которых в мире распространилось столько *Смотрите здесь! Смотрите там!*, а религия превратилась в ремесло. Успех одного обманщика поощрял другого, а успокоительные отговорки о том, что можно сотворить *некоторое добро*, поддерживая *благочестивый обман*, защищали от угрызений совести.

РЕЗЮМЕ

Ввиду того что я расширил изложение по сравнению с первоначальным намерением, я завершу его, составив резюме целого.

Во-первых.— Идея или вера в слово божье, существующее в печатном, письменном или устном виде, несостоятельна в силу изложенных оснований. Основания эти наряду с другими — отсутствие универсального языка, изменчивость языка, ошибки переводчиков, возможность полного уничтожения такого слова, вероятность его изменения или его полной подделки и навязывания миру в качестве истинного.

Во-вторых.— Мироздание, которое мы видим, есть реальное и вечно существующее слово божье, в котором мы не можем обмануться. Оно провозглашает его мощь, показывает его мудрость, являет доброту и милосердие.

В-третьих.— Нравственная обязанность человека состоит в подражании нравственной доброте и милосердию бога, проявляемым им по отношению ко всем созданиям. Видя ежедневно доброту бога ко всем, мы

имеем пример, призывающий всех поступать так же по отношению друг к другу; а следовательно, всякое преследование и всякая месть между людьми, как и жестокость по отношению к животным, есть нарушение нравственного долга.

Я не беспокоюсь о том, каково будет [мое] дальнейшее существование. Я удовлетворяюсь верой вплоть до положительного убеждения, что сила, давшая мне существование, способна продолжить его в любой форме и любым способом, каким ей будет угодно,—с этим телом или без него. И мне кажется более вероятным, что я буду продолжать существовать после того, как прекратится мое теперешнее существование, чем то, что я должен был существовать до того, как оно началось.

Наверно, известно, что в одном пункте все нации земли и все религии сходятся — все верят в бога; вещи, в которых они расходятся,— это преувеличения, добавленные к этой вере. Поэтому, если когда-нибудь универсальной религии суждено восторжествовать, это не будет вера в нечто новое, но избавление от преувеличений и вера, тождественная первоначальной. Адам, если такой человек когда-либо существовал, был создан деистом; но тем временем пусть каждый, в соответствии с данным ему правом, следует той религии и исповеданию, какие он предпочитает.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Предшествующее закончено мной 28 декабря 1793 г. Вечером [этого дня] я пошел в отель «Филладельфия» (бывший Уайт-отель), пассаж де Пти-Пер, где я квартировал прежде, когда приехал в Париж в связи с избранием меня членом Конвента. Но, прожив там около девяти месяцев, я перебрался на улицу Фобур, Сен-Дени, в поисках большего уединения, чем то, каким я мог пользоваться в центре города.

Встретившись в отеле «Филадельфия» с компанией американцев, я согласился провести с ними вечер. А поскольку моя квартира находилась в полутора милях отсюда, я заказал постель здесь же, в отеле. Примерно в двенадцать часов компания разошлась, и я отправился прямо в постель. Около четырех часов утра я был разбужен стуком в дверь моего номера. Открыв ее, я увидел гвардейцев и хозяина отеля. Гвардейцы сообщили мне, что явились арестовать меня, и потребовали ключи от моих бумаг. Я впустил их, оделся и немедленно отправился с ними.

Случилось так, что Аршилль Одибер, из Кале, был тогда в отеле, и я попросил отвести меня в его комнату. Когда мы пришли туда, я сказал конвоирам, что остановился в отеле только на ночь, что я печатаю книгу и часть ее находится в Мэзон Бретань, улица Жакоб. Я пожелал, чтобы они отвели меня сначала туда, что они и сделали.

Типография, где печаталась книга, находилась поблизости от Мэзон Бретань, где жили полковник Блэкдэн и Джоэл Барлоу¹⁸ из Соединенных Штатов Америки. Я попросил Джоэла Барлоу сличить корректурные листы с рукописью, когда они выйдут из печати. Остальная часть рукописи, с 32-й по 76-ю страницу, находилась у меня на квартире. Кроме необходимости собрать воедино все части работы, чтобы публикация не была прервана по причине моего заключения или чего-либо другого, что могло со мной приключиться, мне нужно было, чтобы при осмотре моих бумаг присутствовал кто-либо из американских граждан, поскольку у меня хранилась переписка с президентом конгресса генералом Вашингтоном, министром иностранных дел г-ном Джефферсоном и покойным Бенджамином Франклином. Поэтому мне могло оказаться необходимым послать составленный протокол конгрессу.

Оказалось, что Джоэл Барлоу получил только один лист корректуры, который он сличил с рукописью и отослал обратно в типографию.

Затем вместе с Джоэлом Барлоу мы пошли на мою квартиру, а конвоиры или комиссары взяли с собой

переводчика Комитета Общественной Безопасности. Я был удовлетворен тем, что они произвели осмотр моих бумаг со всей строгостью; справедливость требует отметить, что они делали это не только вежливо, но и выказывая уважение к моей личности.

Я показал им остальную часть рукописи моей книги. Переводчик просмотрел ее и возвратил мне, сказав: «Интересная работа. Она принесет много добра». Я показал ему также другую рукопись, предназначенную для Комитета Общественного Спасения. Она была озаглавлена: «Наблюдения относительно торговли между Соединенными Штатами Америки и Францией».

Когда осмотр моих бумаг был закончен, конвой препроводил меня в Люксембургскую тюрьму. Там они оставили меня, как бы сожалея о не заслуженной мной судьбе. Я предложил написать под протоколом, что они исполнили данный им приказ со всей вежливостью, но они отказались.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В первой части «Века разума» я упоминал, что давно собирался опубликовать мои мысли о религии, но первоначально отложил это намерение до более позднего периода моей жизни, рассматривая этот свой труд как последний. Однако обстоятельства, сложившиеся во Франции в конце 1793 г., побудили меня не откладывать его далее. Справедливые и гуманные принципы революции, которые философия распространяла вначале, были оставлены. Та идея, всегда столь же опасная для общества, сколь и унижительная для всевышнего, что священники могут отпускать грехи, хотя она как будто бы и не существовала более, притупила чувство человечности и подготовила людей к совершению любых преступлений.

Нетерпимый дух церковных гонений проник в политику; трибунал, величаемый революционным, занял

место инквизиции, а гильотина — место костра. Я видел гибель многих моих ближайших друзей, ежедневно видел, как других влекли в тюрьму, и имел основания полагать, а также получал предупреждения о том, что та же опасность приближается ко мне.

В столь неблагоприятных условиях я начал первую часть «Века разума». Кроме того, у меня не было ни Библии, ни Нового завета, на которые я мог бы сослаться. А ведь я выступал против обеих. Я не мог достать их. Несмотря на это, я написал книгу, которую ни один человек, верящий в Библию и пишущий со всеми удобствами, имея под рукой целую библиотеку церковных книг, не может опровергнуть.

К концу декабря 1793 г. был сделан запрос и принято решение исключить иностранцев из Конвента. Таковых было всего двое: Анахарсис Клоутс¹⁹ и я. Я видел, что Bourbon de l'Oise в своей речи по поводу этого запроса особо указывал на меня.

Поняв после этого, что мне осталось провести на свободе лишь несколько дней, я сел за работу, чтобы как можно скорее довести ее до конца. Я не закончил ее. В том виде, как она появилась, она была оставлена не более чем за шесть часов до того, как, около трех часов утра, стража явилась за мной с приказом, подписанным двумя комитетами — Общественного Спасения и Общественной Безопасности, чтобы арестовать меня как иностранца и отправить в Люксембургскую тюрьму.

Я сумел, по пути туда, зайти к Джоэлу Барлоу и передать ему рукопись книги, поскольку она была бы в большей безопасности у него, чем у меня в тюрьме. Не зная, как может сложиться во Франции судьба и автора и книги, я поручил ее покровительству граждан Соединенных Штатов.

Справедливость требует сказать, что конвоиры, выполнявшие приказ, и переводчик Комитета Общественной Безопасности, сопровождавший их и обследовавший мои бумаги, обращались со мной не только вежливо, но и с уважением. Смотритель Люксембурга Бенуа, человек с добрым сердцем, как и вся его

семья, выказывал мне, насколько это было в его силах, свою дружбу, пока оставался на этом посту. Он был смещен с него, арестован и отдан под суд по злостному навету, однако оправдан.

После того как я пробыл в Люксембурге около трех недель, американцы, находившиеся тогда в Париже, в полном составе направились в Конвент, чтобы потребовать моего освобождения как их соотечественника и друга. Но президент Вадье, бывший также и председателем Комитета Общественной Безопасности и подписавший приказ о моем аресте, ответил, что я родился в Англии. После этого я ничего более не слышал о событиях за стенами тюрьмы вплоть до падения Робеспьера девятого термидора — 27 июля 1794 г.

Примерно за два месяца до этого события у меня началась лихорадка, которая имела все признаки смертельной и от последствий которой я так и не оправился. Вот тогда-то я с удовольствием вспомнил о том, что написал первую часть «Века разума» и искренне поздравил себя. Я мало надеялся тогда выжить, а другие надеялись на это и того меньше. Поэтому я на собственном опыте по совести проверил свои принципы.

У меня было тогда трое товарищей по камере: Джозеф Ваннюль (Vanhuele) из Брюгге, Шарль Бастини и Мишель Рубенс (Rubyns) из Лувена. Постоянное и заботливое внимание этих трех друзей, днем и ночью, я вспоминаю с благодарностью и отмечаю с удовольствием. Случилось, что врач (д-р Грэхэм) и хирург г-н Бонд из свиты генерала О'Хара²⁰ были тогда в Люксембурге. Я не спрашивал себя, удобно ли будет им, как английским подданным, что я выражу им мою благодарность, но я укорял бы себя, если бы не сделал этого. Я благодарен также врачу Люксембурга д-ру Маркоски.

У меня есть основания думать, что эта болезнь сохранила мне жизнь, ибо других причин я не вижу. Среди бумаг Робеспьера, изучавшихся Комиссией депутатов и о которых было доложено Конвенту, имеется следующая собственноручная запись Робеспьера:

«Demander, que Thomas Paine soit décrété d'accusation, pour l'intérêts de l'Amerique autant que de la France». (Потребовать, чтобы в интересах как Америки, так и Франции Томасу Пейну был вынесен обвинительный приговор.)

По какой причине это намерение не было приведено в исполнение, я не знаю и не могу узнать и потому объясняю это тем, что сообщение о моей болезни сделало его невозможным.

Конвент, насколько был в силах, исправил несправедливость, публично и единодушно пригласив меня вновь стать его членом. Я принял приглашение, чтобы показать, что могу перенести обиду, не позволив ей повлиять на мои принципы и симпатии. Нельзя отрекаться от правильных принципов на том основании, что они были нарушены.

С тех пор как я оказался на свободе, я видел несколько публикаций, одни из которых были написаны в Америке, другие в Англии в ответ на первую часть «Века разума». Если авторов могут развлечь подобные упражнения, я не буду их прерывать. Они могут писать против моей книги и против меня сколько им угодно. Они оказывают мне бóльшую услугу, чем сами того желают, и я не возражаю, чтобы они писали и дальше. Однако, прочитав вторую часть, хотя она и не написана им в ответ, они найдут, что им следует вернуться к своей работе и снова плести свою паутину. Ведь та, что была сплетена сначала, сметена.

Они обнаружат теперь, что я обзавелся Библией и [Новым] заветом, и могу сказать, что нашел их гораздо хуже, чем думал. Если я в чем-либо и ошибся в первой части «Века разума», так только в том, что высказывался о некоторых частях этих книг лучше, чем они того заслуживают.

Я вижу, что все мои оппоненты в той или иной мере обращаются за помощью к тому, что они называют свидетельством Священного писания и авторитетом Библии. Они так мало понимают в предмете, что путают спор о подлинности со спором о доктринах. Но я выведу их на правильный путь, чтобы, если

уж им заблагорассудится писать еще, они знали, с чего начать.

Октябрь 1795 г.

Томас Пейн

Глава первая О ВЕТХОМ ЗАВЕТЕ

Часто говорится, что с помощью Библии можно доказать все что угодно. Но прежде чем признать что-либо доказанным Библией, надо доказать, что истинна сама Библия. Ведь если Библия не истинна или ее истинность сомнительна, она перестает служить авторитетом и быть доказательством чего бы то ни было.

Все христианские комментаторы Библии, все попы и проповедники навязывали миру Библию как абсолютную истину и слово божье. Они спорили, бранились и предавали друг друга анафеме по поводу предполагаемого значения ее отдельных частей и отрывков. Один говорил, что такое-то место означает то-то, тогда как другой утверждал прямо противоположное, а третий — что место это не означает ни то, ни другое, а нечто отличное от двух первых. И это они называли *толкованием* (understanding) Библии.

Случилось так, что все виденные мной ответы, относящиеся к первой части «Века разума», написаны священниками. Эти благочестивые мужи, как и их предшественники, спорят, бранятся и *толкуют* Библию. Каждый из них понимает ее по-своему, но лучше всех остальных. Они ни в чем не согласны между собой, за исключением того, что говорят своим читателям: «Томас Пейн не понимает Библии».

Вместо того чтобы напрасно тратить время и горячиться в брюзгливых догматических спорах о различных положениях Библии, они должны знать, а если не знают, то им следует это сообщить, что в первую очередь надо уразуметь, достаточно ли имеет-

ся оснований для того, чтобы считать Библию словом божьим, или нет.

В книге этой говорится о делах, совершенных якобы по *прямому повелению бога*, которые столь же оскорбляют человечность и нравственную справедливость, как и то, что совершили Робеспьер, Каррье, Жозеф Ле-Бон²¹ во Франции, английское правительство в Индии²² или какой-либо иной убийца в новейшие времена. Мы читаем в книгах, приписываемых Моисею, Иисусу [Навину] и т. д., что они (израильтяне) тайком нападали на целые народы, которые, как показывает история, не нанесли им никакой обиды. «Они предавали все эти народы мечу; они не щадили ни старых, ни малых; они совершенно истребляли мужчин, женщин и детей; они не оставляли ни одной живой души». Такие выражения повторяются в этих книгах со злорадной свирепостью. Но уверены ли мы, что вещи эти происходили в действительности? Уверены ли мы, что творец человека уполномочил совершать эти дела? Уверены ли мы, что книги, рассказывающие нам об этом, написаны на основании его авторитета?

Древность сказки не доказывает ее истинности. Наоборот, это симптом того, что она выдумана, ибо, чем более древней претендует быть история, тем более сходна она с легендой. Происхождение каждого народа окутано преданиями, и предания евреев столь же заслуживают подозрения, как и любые другие.

Приписывать всемогущему совершение актов, которые по своей природе и согласно всем законам нравственной справедливости являются преступлениями, такими, как всякое убийство, и особенно убийство детей,— дело нешуточное. Библия говорит нам, что убийства эти совершались по *прямому повелению бога*.

Значит, чтобы поверить Библии, мы должны совершенно *разувериться* в нравственной справедливости бога. Ибо чем могли прогневить его плачущие или улыбающиеся дети? Чтобы без ужаса читать Библию, мы должны подавить все, что только есть в человеческом сердце нежного, чувствительного и милосер-

дною. Если бы у меня не было других доказательств вымысленности Библии, одного этого было бы достаточно, чтобы определить мой выбор.

Но в дополнение к нравственному свидетельству против Библии я приведу далее другие доказательства такого рода, что даже священник не сможет их отвергнуть, и покажу, что нет оснований полагаться на то, что Библия — слово божье.

Прежде чем перейти к такому исследованию, я покажу, чем Библия отличается от всех других писаний древности по характеру свидетельств, необходимых для установления ее подлинности. Это тем более следует сделать, что адвокаты Библии, отвечая на первую часть «Века разума», заявили, особенно это подчеркивая, что подлинность Библии установлена так же достоверно, как и подлинность любой другой древней книги, как будто наша уверенность в подлинности одной книги может стать основой нашей веры в подлинность другой.

Я знаю лишь одну древнюю книгу, которая повелительно требует всеобщего согласия и веры,—Евклидовы «Начала геометрии»*. Основное здесь то, что книга эта содержит самоочевидные доказательства, совершенно независимые от ее авторства и всего, что связано со временем, местом и обстоятельствами ее написания. Содержание этой книги имело бы такое же значение, как и сейчас, если бы она была написана кем-либо еще, была анонимна или автор ее был неизвестен. Ведь достоверное знание того, кто был ее автором, не влияет на достоверность содержания книги.

Но дело обстоит иначе, когда речь идет о книгах, приписываемых Моисею, Иисусу [Навину], Самуилу и др. Эти книги — *свидетельства*, а свидетельствуют они о совершенно невероятных событиях. Поэтому вся наша уверенность в подлинности этих книг основывается, во-первых, на *уверенности*, что они [действитель-

* Евклид, согласно историческим данным, жил за три²³ года до Христа и примерно за сто лет до Архимеда. Он был жителем г. Александрии (в Египте).

но] были написаны Моисеем, Иисусом [Навином], Самуилом и т. д., а во-вторых, на доверии к их показаниям.

Мы можем верить в первое, т. е. в авторство определенной лица, но не в само показание, подобно тому как мы можем поверить, что такой-то дал соответствующее показание, но не поверить в истинность показания.

Если же будет обнаружено, что книги, приписываемые Моисею, Иисусу [Навину] и Самуилу, не были ими написаны, сразу рушатся и авторитет и подлинность этих книг, ибо не может быть поддельного и вымышленного показания. Не может быть и анонимного показания, особенно если оно касается невероятных по своей природе вещей вроде разговора с богом лицом к лицу или остановки солнца и луны по приказу человека²⁴.

Большая часть других древних книг создана гениями. Таковы книги, приписываемые Гомеру, Платону, Аристотелю, Демосфену, Цицерону и т. д. Следовательно, и здесь авторство несущественно для оценки этих работ, ибо, будучи творениями гения, они имели бы те же достоинства, будь они даже анонимными.

Никто не верит в повесть о Трое в том виде, как она передается Гомером, ибо Гомером восхищаются только как поэтом. Достоинства же поэта остаются, если даже рассказываемая им история вымышленна. Но если мы перестанем верить в то, что рассказывают нам авторы Библии (например, Моисей), как мы не верим в события, о которых рассказывает Гомер, то, по нашей оценке, Моисей будет просто обманщиком.

Мы верим древним историкам, от Геродота до Тацита, поскольку они сообщают о возможных и вероятных событиях, и не более. Если бы мы верили им во всем, мы должны были бы поверить и в те два чуда, которые, как рассказывает Тацит, совершил император Веспасиан, излечив хромого и слепого, причем тем же способом, что и Иисус Христос, по словам его историков. Мы должны были бы поверить также в чудо, на которое ссылается Иосиф,— в то, что море

Памфилийское расступилось, чтобы пропустить Александра и его армию, точно так же, как Красное море в книге Исхода.

Подлинность этих чудес удостоверена, так же как и подлинность библейских чудес, однако мы в них не верим. Следовательно, надежность свидетельств, необходимых для обеспечения веры в невероятные по своей природе события, говорится ли о них в Библии или еще где-нибудь, должна быть намного выше, чем тех, которых достаточно для нашей веры в естественные и возможные вещи. Поэтому защитники Библии не должны рассчитывать на то, что мы поверим в Библию потому, что верим в то, что утверждается в других древних книгах. Ведь в утверждения этих книг мы верим лишь постольку, поскольку утверждаемое ими возможно и вероятно или самоочевидно, как книга Евклида; или же мы восхищаемся ими за изящество, как Гомером; или одобряем их, потому что они положительны, как произведения Платона, или здравы, как писания Аристотеля.

Предпослав эти рассуждения, я продолжу исследование подлинности Библии, начав с так называемого Пятикнижия Моисея: книг Бытия, Исхода, Левит, Чисел и Второзакония. Я собираюсь показать, что книги эти подложны и что Моисей не является их автором. Далее я докажу, что они не были написаны ни во времена Моисея, ни ранее, чем несколько столетий спустя; что они не более как попытка написать историю жизни Моисея и его времен, а также времен еще более ранних, предпринятая какими-то очень невежественными и глупыми сочинителями спустя несколько сот лет после смерти Моисея, совсем так, как ныне пишут о событиях, которые произошли, на деле или предположительно, несколько сот или тысяч лет тому назад.

Доказательства этого я возьму из самих этих книг и ограничусь только ими. Если бы я обратился за доказательствами к кому-либо из древних писателей, которых защитники Библии называют печестивыми, то эти защитники Библии стали бы оспаривать их свидетельства, как я оспаривал их собственные. Поэтому я

встану на их собственную почву и противопоставлю им их собственное оружие — Библию.

Во-первых, нет положительного доказательства того, что Моисей был автором этих книг. Представление о его авторстве совершенно ни на чем не основано и почерпнуто неизвестно откуда. Стиль и манера, которыми написаны эти книги, совершенно не позволяют поверить или даже предположить, что они написаны Моисеем, ибо в них другое лицо совершенно явно говорит о Моисее.

Книги Исхода, Левит и Чисел (ибо в Бытии все относится ко временам до Моисея, а на него самого нет и намека) целиком написаны в третьем лице. Там всегда говорится: *господь сказал Моисею*, или *Моисей сказал господу*, или *Моисей сказал народу*, или *народ сказал Моисею*. Так пишут историки, рассказывая о лицах, жизнь и деятельность которых они описывают. Могут сказать, что человек может говорить о себе в третьем лице и что Моисей делал то же. Но предположение ничего не доказывает, и, если защитники авторства Моисея не имеют ничего, кроме предположений, им лучше молчать.

Но даже если мы признаем за Моисеем право говорить о себе в третьем лице — человек ведь волеп говорить о себе каким угодно образом, — если мы это допустим, то Моисей неизбежно будет выглядеть смешным и нелепым. Например, в книге Чисел (гл. 12, ст. 3) говорится: «Моисей же был человек кротчайший из всех людей на земле».

Если Моисей говорил это о самом себе, то он был не кротчайший из людей, но самым тщеславным и надменным из наглецов. Защитники же Библии могут здесь встать на ту сторону, которая им более по нраву, ибо обе направлены против них. Если Моисей не был автором, книги не авторитетны; если же он был автором, то ему нельзя доверять, потому что хвастаться *кротостью* — противоположно кротости: это *ложь, заключенная в самом чувстве*.

Стиль Второзакония еще очевиднее показывает, что Моисей не был его автором. Способ изложения здесь драматургический: писатель начинает с корот-

кого вступительного рассуждения, а затем вводит Моисея в роли говорящего. Когда же Моисей заканчивает свою речь, он (писатель) вновь берет слово и говорит сам, пока снова не выведет Моисея. Наконец, он заканчивает сцену рассказом о смерти, похоронах и личности Моисея.

Эта смена говорящих происходит в книге четырехжды. С первого стиха первой главы и до конца пятого стиха говорит автор. Затем он вводит Моисея, произносящего свою речь, и она продолжается до конца 40-го стиха четвертой главы. Здесь автор оставляет Моисея и рассказывает в исторической манере о том, что произошло вследствие того, что, как предполагают, Моисей говорил при жизни и что автор изложил в драматургической манере.

Автор вновь возвращается к предмету в первом стихе пятой главы, хотя он только говорит, что Моисей создал сынов Израиля. Затем он вводит, как прежде, Моисея, и его речь продолжается до конца 26-й главы. То же самое он делает в начале 27-й главы, и Моисей говорит до конца 28-й главы. В 29-й главе вновь автор говорит на протяжении всего первого стиха и в первой строке второго стиха, где в последний раз вводит Моисея, и заставляет его говорить до конца 33-й главы.

Закончив пересказ речей Моисея, автор сам появляется на сцене и говорит на протяжении всей последней главы. Он начинает с того, что рассказывает читателю о том, как Моисей взошел на вершину Фасги; увидел оттуда землю, которая была (говорит автор) обещана Аврааму, Исааку и Иакову; [затем говорит], что Моисей скончался там, в земле Моавитской, но никто не знает, где его могила, до сего дня, т. е. до того времени, когда жил автор Второзакония. Затем автор говорит нам, что Моисею было сто десять лет от роду²⁵, когда он умер; что зрение его не притупилось, а его природные силы не ослабли. Он заканчивает словами о том, что *с тех пор* в Израиле не было пророка, подобного Моисею, пророка, которого, говорит этот анонимный писатель, господь знал бы лицом к лицу.

Показав, насколько это позволяют данные грамматики, что Моисей не был автором этих книг, я перейду после нескольких замечаний относительно противоречий автора Второзакония к доказательству (путем исторического и хронологического исследования содержания этих книг) того, что Моисей не был их автором потому, что *он не мог им быть*. А из этого следует, что нет оснований верить, будто бесчеловечная и ужасная резня мужчин, женщин и детей, о которой рассказывается в этих книгах, была совершена по велению бога. Защищать нравственную справедливость бога против клеветы Библии — долг всякого истинного дейста.

Кто бы ни был этим автором Второзакония (ибо оно — анонимная книга), он пишет темно и часто противоречит самому себе в своем рассказе о Моисее.

Рассказав, как Моисей взошел на вершину Фасги (а ниоткуда не явствует, что он сошел с нее снова), он говорит нам, что Моисей скончался *там*, в стране Моавитской, и *он* похоронил его в долине в стране Моавитской. Но поскольку прежде не упоминается местоимение *он*, неизвестно, кто этот *он*, схоронивший Моисея. Если автор имеет в виду, что *Он* (бог) похоронил его, то как мог *он* (автор) об этом узнать? Или почему мы (читатели) должны ему верить? Ведь мы не знаем, кто был писатель, рассказывающий нам об этом, ибо Моисей, без сомнения, не мог сам рассказать, где его похоронили²⁶.

Автор говорит нам также, что ни один человек не знает, где могила Моисея, *до сего дня*, т. е. до того времени, когда жил автор. Но как тогда он узнал, что Моисей похоронен в долине в земле Моавитской? Ведь писатель этот жил долгое время спустя. А из его выражения *до сего дня*, указывающего на большой промежуток времени, прошедший после смерти Моисея, явствует, что он определенно не был на его похоронах. С другой стороны, невозможно, чтобы сам Моисей мог сказать, что *ни один человек не знает, где находится могила*. Делать Моисея автором книги — значит уподобить его ребенку, который, играя, спря-

тался и кричит: «Никто меня не найдет»; никто не найдет Моисея!

Этот писатель нигде не говорит, откуда он взял речи, которые вложены им в уста Моисея. Поэтому мы имеем право заключить, что он или сочинил их сам, или записал их из устного предания. И то и другое вероятно, ибо в пятой главе он приводит список заповедей, четвертая из которых отличается от четвертой заповеди в двадцатой главе Исхода.

В книге Исхода говорится, что блюсти день субботний следует, «ибо,— говорит заповедь,— в шесть дней создал господь небо и землю, море и все, что в них; а в день седьмой почил». Во Второзаконии же приводится тот довод, что в этот день сыны Израиля вышли из Египта, и «потому,— гласит заповедь,— и повелел тебе господь бог твой соблюдать день субботний». Здесь не упоминается о сотворении мира, как в книге Исхода не упоминается об исходе из Египта.

Во Второзаконии о законах Моисея говорится много такого, чего нельзя найти в других книгах. Таков, например, бесчеловечный и дикий закон (гл. 21, ст. 18, 19, 20, 21), который дает право родителям, отцу и матери, подвергать своих детей убиению камнями за упрямство.

Но священнослужители всегда были довольны Второзаконием, ибо в нем проповедуется десятина. Из этой книги они заимствовали фразу (гл. 25, ст. 4): «...не заграждай рта волу, когда он молотит», применив ее к собиранию десятины. Нельзя не заметить, что они поместили ее в оглавлении, хотя она представляет собой всего один стих, менее двух строк²⁷. О священники, священники! Во имя десятины вы готовы уподобить себя волу!

Хотя и невозможно установить *личность* автора Второзакония, нетрудно увидеть, что он был *по профессии* иудейским священником, который жил, как я покажу в ходе исследования, по меньшей мере на триста пятьдесят лет позже Моисея.

Теперь я буду говорить об исторических и хронологических свидетельствах. Хронология, которую я буду использовать,— библейская хронология. Ведь я не

собираюсь выходить за пределы Библии, чтобы что-либо доказать, но хочу, чтобы сама Библия доказала исторически и хронологически, что Моисей не является автором приписываемых ему книг. Поэтому было бы кстати сообщить читателю (по крайней мере тому, кто не имел возможности узнать это), что в иностранных изданиях Библии, как и в некоторых малых [изданиях], на каждой странице напечатаны на полях хронологические данные с целью показать, за сколько лет до рождества Христова происходили или должны были происходить те исторические события, о которых рассказывается на данной странице. Они определяют, следовательно, и промежуток времени между историческими событиями.

Я начну с книги Бытия. В 14-й главе книги Бытия рассказывается о Лоте, взятом в плен в битве между четырьмя царями с одной стороны и пятью — с другой. Когда о пленении Лота узнал Авраам, он вооружил всю челядь и отправился спасать Лота от пленивших его. Он преследовал их до Дана (ст. 14).

Чтобы показать, как выражение *преследовал их до Дана* применяется мной в данном случае для хронологического исследования, я приведу два примера: один из американской, другой из французской истории.

Город в Америке, ныне именуемый Нью-Йорком, первоначально назывался Новым Амстердамом. Город во Франции, позже названный Гавр Марат, ранее назывался Гавр де Грас. Новый Амстердам был переименован в Нью-Йорк в 1664 г., а Гавр де Грас в Гавр Марат — в 1793 г. И если бы был найден хотя бы и недатированный документ, в котором упоминался бы Нью-Йорк, это свидетельствовало бы о том, что он не мог быть составлен до того, как Новый Амстердам был переименован в Нью-Йорк, т. е. до 1664 г., а должен был быть написан позже или по крайней мере в течение этого года. Подобным же образом любой недатированный документ, в котором упоминается название Гавр Марат, содержит в себе доказательство того, что он написан после переименования Гавра де Грас в Гавр Марат, т. е. не раньше 1793 г. или по меньшей мере в течение этого года.

А теперь я подобным же образом докажу, что города Дан не было ни во времена Моисея, ни много лет спустя и, следовательно, что Моисей не мог быть автором книги Бытия, где рассказывается о том, как Авраам преследовал врагов, пленивших Лота, до *Дана*. Место, называемое в Библии Даном, первоначально было языческим городом Лаис. Когда племя данов захватило этот город, он был переименован в Дан, в память Дана, прародителя этого племени и правнука Авраама.

Чтобы доказать это, достаточно обратиться от книги Бытия к 18-й главе книги Судей. Там говорится (ст. 27), что они (сыны Дановы) «пошли в Лаис, против народа спокойного и беспечного, и убили его мечом, а город сожгли огнем» (Библия полна убийств). Затем они «построили *снова* город и поселились в нем» (ст. 28) и «нарекли имя городу: Дан, по имени отца своего Дана, сына Израилева; а прежде имя городу тому было: Лаис» [ст. 29].

Этот рассказ о сынах Дановых, овладевших Лаисом и переименовавших его в Дан, помещен в книге Судей сразу после смерти Самсона. Смерть же Самсона, как говорят, последовала в 1120 г. до рождения Христова, а Моисей умер в 1451 г., и, следовательно, город этот был назван Даном не раньше, чем на 331 г. после смерти Моисея.

В книге Судей наблюдается поразительная путаница в историческом и хронологическом расположении материала. Последние пять глав в том виде, как они помещены в книге — семнадцатая, восемнадцатая, девятнадцатая, двадцатая и двадцать первая, хронологически стоят раньше всех предшествующих глав. Они должны стоять на двадцать восемь лет раньше шестнадцатой главы, на двести шестьдесят шесть лет раньше пятнадцатой, на двести сорок пять лет раньше тринадцатой, на сто девяносто пять лет раньше девятой, на девяносто лет раньше четвертой и на пятнадцать лет раньше первой главы. Это указывает на недостоверность и ненадежность самой Библии.

Согласно хронологическому порядку, Лаис был взят и переименован через двадцать лет после смер-

ти Иисуса [Навина], который был преемником Моисея. В исторической же последовательности, [исходя из того], как это событие расположено в Библии, оно произошло через триста шесть лет после смерти Иисуса Навина и через триста тридцать один год после смерти Моисея. Но и то и другое исключает авторство Моисея в отношении книги Бытия, ибо, согласно обоим утверждениям, во времена Моисея не было города под названием Дан. Автор книги Бытия, согласно этому, должен быть человеком, который жил после того, как город Ланс получил название Дан. Кто он был, никто не знает, и потому книга Бытия анонимна и неавторитетна.

Я приступлю теперь к изложению другого исторического и хронологического свидетельства и на его основании также покажу, что Моисей не был автором книги Бытия.

В тридцать шестой главе книги Бытия дана генеалогия сыновей и потомков Исава, называвшихся едомитами, т. е. поименный список царей Едома. По перечислении их, в ст. 31, говорится: «Вот цари, царствовавшие в земле Едома, прежде царствования царей у сынов Израилевых».

Если бы мы нашли недатированный документ, в котором, говоря о событиях прошлого, автор упомянул бы, что они произошли до того, как в Америке был созван конгресс или во Франции Конвент, это доказывало бы, что документ этот не мог быть написан до того, как в Америке был созван конгресс или во Франции Конвент, а только после этого. Следовательно, он не мог быть написан тем, кто умер до того, как был созван конгресс в одной стране или Конвент в другой.

В истории, как и в разговоре, нет ничего обычнее ссылки на факт вместо даты. И это естественно: во-первых, факт запечатлевается в памяти лучше, чем дата, во-вторых, факт включает в себя дату и служит тому, чтобы возбудить сразу две мысли. Такой способ выражения с помощью приведения обстоятельств вместе с тем подразумевает, что факт, на который ссылаются, — факт *прошедший*.

Когда кто-нибудь говорит: это произошло до того,

как я женился, или до того, как родился мой сын, или до того, как я уехал в Америку, или до того, как я уехал во Францию, то становится совершенно понятно, что говорящий был женат, имел сына, бывал в Америке или во Франции. Язык не допускает использования такого способа выражения в ином смысле. И когда где-либо встречается подобное выражение, его можно понять лишь в указанном смысле, в каком оно только и могло быть использовано.

Поэтому цитированный мной отрывок «Вот цари, царствовавшие в земле Едома, прежде царствования царей у сынов Израилевых» мог быть написан лишь после того, как начал царствовать первый царь у сынов Израилевых. А значит, книга Бытия, не будучи написана Моисеем, не могла быть написана по меньшей мере до времени Саула.

Таков позитивный смысл отрывка, но выражение *царей* подразумевает более чем одного царя, по меньшей мере двух, и это относит его ко времени Давида. А если взять фразу в самом широком ее значении, то она означает весь период Еврейского государства вообще.

Если бы мы встретились с этим стихом в какой-либо части Библии, содержащей *признание* того, что она написана после того, как в Израиле стали править цари, то было бы невозможно не заметить этого. Да так и есть. Две книги Паралипоменон, в которых дается история всех царей Израиля, содержат *указание* на то, что они написаны после возникновения еврейского царства, и фактически это так. И тот стих, который я цитировал, как и все остальные стихи 36-й главы книги Бытия, повторяется слово в слово в первой главе Паралипоменон, начиная с 43-го стиха²⁸.

Именно там автору и имело смысл сказать, как он говорит в первой книге Паралипоменон (гл. 1, ст. 43): «Вот цари, царствовавшие в земле Едома прежде царствования царей у сынов Израилевых»²⁹, поскольку он собирается привести и приводит список царей, царствовавших в Израиле. И так как невозможно, чтобы то же самое выражение могло быть употреблено ранее этого периода, можно определенно доказать

со всей достоверностью, какую способно дать историческое повествование, что эта часть книги Бытия взята из Паралипоменон, что книга Бытия возникла позднее Паралипоменон и, вероятно, не древнее книги Гомера или басен Эзопа, если допустить, что Гомер, как показывают хронологические таблицы, был современником Давида или Соломона, а Эзоп жил примерно в конце существования Еврейского государства.

Отнимите от книги Бытия веру в то, что Моисей является ее автором, на чем только и зиждется странное мнение, что все это — слово божье, и от книги Бытия не останется ничего. Она превратится в анонимную книгу рассказов, басен, преданий, бессмыслицы и явной лжи. История о Еве и змие, о Ное и его ковчеге низводится тогда до уровня арабских сказок, лишенных к тому же занимательности, а рассказы о людях, живших по восемьсот — девятьсот лет, становятся такой же сказкой, как и языческий миф о бессмертии гигантов.

Помимо того, Библия рисует характер Моисея таким ужасным, какой только можно себе представить. Если эти рассказы верны, то он был негодяем, который первым начал вести войны из религиозных соображений или под их предлогом; под этой личиной или в подобном ослеплении он совершал беспрецедентные в истории народов зверства. Я приведу лишь один пример.

Когда еврейская армия вернулась из одного своего разбойного и смертоубийственного набега, то сообщается следующее (Числ., гл. 31, ст. 13): «И вышли Моисей и Элеазар священник и все князья общества навстречу им из стана.

14. И прогневался Моисей на военачальников, тысяченачальников и стона начальников, пришедших с войны,

15. И сказал им Моисей: *(для чего) вы оставили в живых всех женщин?*

16. Вот они, по совету Валаамову, были для сынов Израилевых поводом к отступлению от господина в угождение Фегору, за что и поражение было в обществе господнем;

17. *Итак убейте всех детей мужского пола, и всех женщин, познавших мужа на мужском ложе, убейте;*

18. *А всех детей женского пола, которые не познали мужского ложа, оставьте в живых для себя».*

Среди самых отвратительных негодяев, которые когда-либо в истории человечества оскверняли имя человека, невозможно найти большего, чем Моисей, если только рассказ этот истинен. Он приказал зарезать мальчиков, истребить матерей и изнасиловать дочерей.

Пусть каждая мать поставит себя в положение той матери, у которой один ребенок убит, другой осужден на позор, а сама она находится в руках палача. Пусть каждая дочь поставит себя в положение дочерей, предназначенных в жертву убийцам ее матери и брата. Как она будет себя чувствовать? Тщетно мы будем пытаться обмануть природу, ибо природа идет своим путем, а религия, искажающая установленные ею общественные связи, есть ложная религия.

За этим отвратительным приказом следует подсчет украденного добра и его дележ. И именно здесь пошлость поповского лицемерия увеличивает перечень их преступлений. Стих 37. *«И дань господу из мелкого скота шестьсот семьдесят пять;*

38. *Крупного скота тридцать шесть тысяч, и дань из них господу семьдесят две.*

39. *Ослов тридцать тысяч, и дань из них господу шестьдесят один;*

40. *Людей шестнадцать тысяч, и дань из них господу тридцать две души».*

Короче говоря, все, что содержится в этой главе, как и в других частях Библии, слишком потрясает человечность и благопристойность, чтобы читать или слушать об этом. Ведь из 35-го стиха этой главы видно, что число девочек, предназначенных для изнасилования по приказу Моисея, было тридцать две тысячи.

Люди вообще не представляют себе той безнравственности, которой пронизано это мнимое слово божье. Погрязнув в предрассудках, они принимают на веру, что Библия истинна и хороша. Они не допускают со-

мнения в ней. Они привносят выработанные ими самими идеи милосердия всемогущего в книгу, которая, как их учат, написана его властью. О небо! А ведь Библия совсем не то; она — книга лжи, безнравственности и кощунства. Ибо может ли быть большее кощунство, чем приписать безнравственность человека воле всемогущего?

Но вернемся к доказательству того, что книги, приписываемые Моисею, не были им написаны и что Библия подложна. Два приведенных мной примера достаточны для того, чтобы обесценить подлинность книги, претендующей на то, что она появилась за четыреста или пятьсот лет до событий, о которых в ней говорится как о фактах. Ведь таких вещей, как *преследование их до Дана* или царя, *царствовавшие над сынами Израиля*, не оправдывает даже тщетная претензия на пророчество. Они выражены грамматически прошедшим временем, а сказать, что можно пророчествовать в прошедшем времени, было бы настоящим идиотизмом.

Но в этих книгах разбросано много других отрывков, доказывающих то же самое. В книге Исхода (тоже приписываемой Моисею) говорится (гл. 16, ст. 34): «Сыны Израилевы ели манну сорок лет, *доколе не пришли в землю обитаемую*; манну ели они, *доколе не пришли к пределам земли Ханаанской*».

Ели ли сыны Израиля манну или нет и чем была эта самая манна — род мелких грибов или какое-нибудь другое растительное вещество, обычное в той стране, — это не играет роли в моей аргументации. Все, что я хочу показать, — это то, что Моисей не мог написать этого рассказа, поскольку его содержание выходит за пределы жизни Моисея. Согласно Библии (но книга эта столь лжива и противоречива, что не знаешь, чему верить, если в ней вообще чему-либо можно верить), Моисей умер в пустыне и так и не достиг пределов земли Ханаанской. Следовательно, он не мог сказать, что делали или что ели сыны Израиля, когда пришли туда.

Этот рассказ об употреблении в пищу манны, написанный, как нам говорят, Моисеем, охватывает вре-

мя до Иисуса [Навина], преемника Моисея. Как видно из книги Иисуса [Навина], после того как сыны Израиля перешли реку Иордан и подошли к границам земли Ханаанской (кн. Ис. Нав., гл. 5, ст. 12): «А маина перестала падать на другой день после того, как они стали есть произведения земли, и не было более маины у сынов Израилевых, но они ели в тот год произведения земли Ханаанской».

Но еще более замечательный пример содержится во Второзаконии. Показывая, что Моисей не мог быть автором этой книги, он в то же время показывает, каких нелепых понятий о великанах придерживались в то время. В третьей главе Второзакония, среди прочих завоеваний Моисея, описывается взятие в плен Ога, царя Васанского (ст. 12): «Ибо только Ог, царь Васанский, оставался из Рефанмов. Вот, одр его, одр железный, и не в Равве ли он у сынов Аммоновых: длина его девять локтей, а ширина его четыре локтя, локтей мужеских»³⁰.

Один локоть равен 1 футу 9,888 дюйма; длина одра поэтому была 16 футов 4 дюйма, а ширина — 7 футов 4 дюйма; ложе, достойное великана. Хотя это свидетельство не является столь прямым и позитивным, как в предыдущих случаях, оно с точки зрения исторической достоверности весьма убедительно и веско и сильнее самого *сильного* свидетельства в пользу обратного утверждения [о подлинности].

Между прочим, автор, чтобы доказать существование упомянутого великана, упоминает его одр как *древнюю реликвию* и говорит: «Не в Равве ли он у сынов Аммоновых?» — подразумевая, что это именно так. В Библии часто утверждение осуществляется таким образом³¹. Но Моисей не мог этого сказать, ибо Моисей не мог ничего знать ни о Равве, ни о том, что там было.

Равва не была городом, принадлежавшим этому великану-царю, не была она и одним из тех городов, которые завоевал Моисей. Поэтому узнать, что одр этот находится в Равве, а тем более его точные размеры, возможно стало лишь тогда, когда Равва была взята, что произошло не менее чем через четыреста

лет после смерти Моисея. Об этом смотри вторую книгу Самуила [Царств] (гл. 12, ст. 26): Иоав (военачальник Давида) «воевал против *Раввы Аммонитской* и взял почти царственный город».

Я не собираюсь указывать на все противоречия в указаниях времени, места и обстоятельств, которыми избилуют книги, приписываемые Моисею и которые, как доказывается, не могли быть написаны ни Моисеем, ни в его времена. Поэтому я перейду к книге Иисуса [Навина] и покажу, что Иисус вовсе не автор этой книги и что она анонимна и неавторитетна. Доказательства, которые я буду развивать, содержатся в самой книге; я не выйду за пределы Библии в поисках свидетельств против мнимой подлинности Библии. Ложное свидетельство всегда хорошо говорит против себя самого.

Согласно первой главе книги Иисуса [Навина], он был непосредственным преемником Моисея. Более того, в отличие от Моисея он был военачальником и пробыл вождем израильского народа двадцать пять лет, т. е. от смерти Моисея, которая, согласно библейской хронологии, последовала в 1451 г. до Р. Х., и до 1426 г. до Р. Х., когда, согласно той же хронологии, Иисус [Навин] умер.

Поэтому если в упомянутой книге, написанной якобы Иисусом, мы найдем упоминания о *событиях, происшедших* после смерти Иисуса, то будет очевидно, что Иисус не мог быть ее автором. Очевидно будет также, что книга эта не могла быть написана ранее самого позднего из фактов, упомянутых в ней. По своему характеру книга эта ужасна. Это военная история грабежей и убийств, столь же диких и зверских, как и те, которые приписываются его предшественнику по низости и лицемерию — Моисею. Как и первые книги, она кощунственна, ибо приписывает эти преступления воле всемогущего.

Прежде всего книга Иисуса Навина, как и предшествующие, написана в третьем лице. Пишет явно историк Иисуса, ибо нелепо и тщеславно со стороны Иисуса [Навина] было бы писать, как это сказано о нем в последнем стихе шестой главы: «И слава его

носились по всей земле». А теперь я перейду непосредственно к доказательству.

В 24-й главе, ст. 31, говорится: «И служил Израиль господу во все дни Иисуса и во все дни старейшин, которых жизнь продлилась после Иисуса». Скажите во имя здравого смысла, мог ли Иисус написать, что совершили люди после его смерти. Рассказ этот явно написан неким историком, жившим после смерти не только Иисуса, но и старейшин, которые пережили его.

В книге Иисуса [Навина] содержится несколько весьма общих отрывков, говорящих о времени и свидетельствующих, что книга была написана гораздо позже того времени, когда жил Иисус [Навин], хотя они и не указывают по способу исключения, подобно вышеприведенному отрывку, точного времени. Так, в цитированном месте совершенно опущено время, прошедшее между смертью Иисуса и смертью старейшин. И свидетельство это убедительно доказывает, что книга не могла быть написана раньше смерти последнего из них.

Хотя места, на которые я ссылаюсь и которые собираюсь цитировать, не дают возможности путем исключения определить время написания книги, они подразумевают, что это произошло намного позже смерти старейшин. Таков отрывок (гл. 10, ст. 14), где после того, как сообщалось о том, как по приказу Иисуса солнце остановилось над Гаваоном, а луна над долиной Аналонской (сказка, способная лишь позабавить детей), говорится: «И не было такого дня ни прежде, ни после того, в который господь (так) слушал бы гласа человеческого».

Эта сказка о солнце, остановившемся над горой Гаваон, и луне, остановившейся над долиной Аналонской,— одна из тех басен, которые сами разоблачают себя. Такое событие не могло остаться неизвестным всему миру. Половина жителей земли удивлялась бы, что солнце не взошло, другая половина — почему оно не село. Предание об этом было бы всеобщим достоянием. Однако ни один народ мира не знает ничего о таком событии.

А почему должна была остановиться луна? К чему лунный свет в дневное время? Как поэтический образ это недурно и походит на слова из песни Деворы и Варака³²: «С неба сражались, звезды с путей своих сражались с Сисарою». Но это слабее фигурального заявления Магомета людям, пришедшим упрекать его в упрямстве. «Приди вы,— сказал он,— ко мне с солнцем в правой руке и с луной в левой, я не сверну с пути». Чтобы Иисусу превзойти Магомета, ему пришлось бы сунуть солнце и луну в карман, принести их, как Гай Фокс³³ нес свой потайной фонарь, и вынуть во всем блеске, когда бы они ему понадобились.

Возвышенное и смешное часто столь близки, что их трудно разделить. От великого до смешного один шаг, так же как от смешного до великого. Рассказ этот, впрочем, если отвлечься от поэтической фантазии, указывает на невежество Иисуса [Навина], ибо ему следовало скорее приказать земле остановиться.

Время, подразумеваемое выражением «*после этого*», т. е. после этого дня, будучи сопоставлено со всем временем, прошедшим *до* него, должно, для того чтобы отрывок имел смысл, означать *большой промежуток времени*. Например, было бы смешно сказать так на следующий день или на следующей неделе, на следующий месяц или год. Поэтому, для того чтобы оттенить значение описываемого чуда, о котором нам рассказывают, и предшествующего времени, на которое намекает такое выражение, промежуток этот должен составлять столетия. Менее чем сто лет было бы просто смешно, а менее двухсот едва ли допустимо.

О весьма отдаленном, но неопределенном времени говорится также в 8-й главе, где после рассказа о взятии города Гай в 28-м стихе сказано: «И сожгет Иисус Гай и обратил его в вечные развалины, в пустыню, *до сего дня*». Вновь это повторяется в стихе 29, где, сообщив о гайском царе, которого Иисус повесил, а затем похоронил у городских ворот, автор замечает: «... и набросали над ним большую грудку камней, *которая уцелела* даже до сего дня», т. е. до того

времени, когда жил автор книги Иисуса [Навина]. То же повторяется и в 10-й главе [ст. 27], где после рассказа о пяти царях, которых Иисус повесил на пяти деревьях, а потом бросил в пещеру, сказано: «И привалили большие камни к отверстию пещеры, *которые там даже до сего дня*».

Перечислив несколько подвигов Иисуса, племена и города, которые он покорил или пытался покорить, автор говорит (гл. 15, ст. 63): «Но Иевусеев, жителей Иерусалима, не могли изгнать сыны Иудины, и потому Иевусеи живут с сынами Иуды в *Иерусалиме даже до сего дня*». Возникает в связи с этим вопрос, когда же иевусеи и сыны Иуды жили вместе в Иерусалиме? Но поскольку об этом снова говорится в первой главе книги Судей, я воздержусь от замечаний, пока не дойду до этой последней.

Показав, таким образом, на материале самой книги Иисуса [Навина] и не прибегая к дополнительным источникам, что Иисус не является ее автором и что она анонимна, а следовательно, и не авторитетна, я приступлю к книге Судей.

Книга Судей явно анонимна, а потому она даже не претендует на название слова божьего. Она не имеет даже номинального поручителя; она — совершенная сирота.

Книга начинается теми же выражениями, что и книга Иисуса [Навина]. Последняя начинается (гл. 1, ст. 1): «По смерти Моисея» и т. д., а книга Судей: «По смерти Иисуса» и т. д.³⁴ Уже это, а также сходство стиля обеих книг показывает, что они написаны одним автором, но кто он — совершенно неизвестно. Книга доказывает только, что он жил намного позже времени Иисуса [Навина]. Ибо, хотя книга начинается так, как будто она следует за смертью Иисуса, вторая ее глава представляет собой краткое изложение [событий] всей книги, которая, согласно библейской хронологии, описывает историю трехсот шести лет, т. е. от смерти Иисуса Навина в 1426 г. до Р. Х. и до смерти Самсона в 1120 г. до Р. Х. и только за двадцать пять лет до того, как Саул отправился искать *ослов своего отца и был сделан царем*. Но есть веские

основания думать, что она была написана по меньшей мере не раньше времен Давида, так же как и книга Иисуса Навина.

В первой главе книги Судей автор, объявив о смерти Иисуса Навина, приступает к рассказу о том, что произошло между сынами Иуды и исконными обитателями земли Ханаанской. В этом месте автор, неожиданно упомянув в 7-м стихе Иерусалим, непосредственно затем, в 8-м стихе, между прочим, поясняет: «И воевали сыны Иудины против Иерусалима и взяли его». Следовательно, книга не могла быть написана до того, как Иерусалим был взят. Читатель вспомнит здесь приведенную мной ранее цитату из 15-й главы, стих 63, книги Иисуса [Навина], где говорится, что *иевусеи живут с сынами Иуды в Иерусалиме до сего дня*, что означает время, когда была написана книга Иисуса Навина.

Приведенные уже мной доказательства того, что рассматриваемые мной до сих пор книги не были написаны ни теми, кому они приписываются, ни даже долгое время после их смерти, если такие лица действительно существовали, столь обильны, что я готов придать последнему отрывку меньшее значение, чем я вправе это сделать. Ибо, если можно верить Библии, Иерусалим не был взят до царствования Давида. А следовательно, книги Иисуса [Навина] и Судей не были написаны до царствования Давида, которое началось через триста семьдесят лет после смерти Иисуса [Навина].

Город, впоследствии названный Иерусалимом, первоначально назывался Иеву или Иевуси и был столицей иевусеев. Сообщение о взятии Давидом этого города находится во второй книге Самуила [Царств] (гл. 5, ст. 4 и сл.); равным образом в 1-й книге Паралипоменон (гл. 14, ст. 4 и сл.). Ни в одной части Библии не упоминается, что его когда-либо ранее захватывали, и в пользу такого мнения нет никаких указаний.

Ни во второй книге Царств³⁵, ни в Паралипоменах не говорится, что они *совершенно истребили мужчин, женщин и детей; что они не оставили ни*

одной живой души, как это говорится о других их завоеваниях. А умолчание, наблюдаемое здесь, подразумевает, что город был взят на условиях капитуляции и что иевусеи, его исконные обитатели, продолжали жить в нем после сдачи. Поэтому сообщение в книге Иисуса [Навина] о том, что *иевусеи живут вместе с сынами иудиными* в Иерусалиме до сего дня, не соответствует никакому иному времени, кроме как по взятии города Давидом.

Показав теперь, что все книги Библии, от Бытия до Судей, не аутентичны, я перейду к книге Руфи, праздной, аляповатой истории, глупо рассказанной неизвестно кем, о бродячей деревенской девице, скрытно сожительствующей со своим двоюродным братом Воозом. Хорошенький предмет, нечего сказать, для слова божья! Тем не менее это одна из лучших книг в Библии, ибо в ней нет убийств и грабежей.

Вслед за этим я перехожу к двум книгам Самуила³⁶, чтобы показать, что эти книги не были написаны ни Самуилом, ни раньше, чем спустя долгое время после него, а также что они, как и все предшествующие книги, анонимны и не авторитетны.

Чтобы убедиться, что книги эти были написаны намного позже времен Самуила и, следовательно, не им, необходимо только прочесть рассказ о Сауле, отправившемся искать отцовских ослов, и о его встрече с Самуилом, у которого Саул осведомляется о потерянных ослах, как сейчас глухие люди идут к знахарю узнать о потерянных вещах.

Рассказывая о Сауле, Самуиле и ослах, автор говорит об этом не как о только что случившемся, но как о давнем *происшествии уже в те дни, когда жил сам автор*. Он рассказывает на языке, употреблявшемся в то время, когда жил Самуил, что заставляет его разъяснять историю в терминах того времени, когда жил он *сам*.

Самуил в сообщении о нем в первой из книг, [1-я Царств] (гл. 9), называется *прозорливцем*; и Саул спрашивает о нем именно так (ст. 11): «Когда они» (Саул и его слуга) «поднимались вверх в город, то встретили девиц, вышедших черпать воду, и сказали

ям: *есть ли здесь прозорливец?*» Затем Саул пошел согласно указанию этих девиц и встретил Самуила, не узнав его, и сказал ему (ст. 18): «Скажи мне, где *дом прозорливца?*» А Самуил ответил Саулу: «Я прозорливец» [ст. 19].

Человек, написавший книгу Самуила, передает эти вопросы и ответы на языке или выражениями того времени, когда они якобы были произнесены. Когда же автор книги писал ее, эти выражения уже вышли из употребления, и он нашел необходимым разъяснить их. В 9-м стихе он говорит: «*Прежде у Израиля, когда кто-нибудь шел вопрошать бога, говорили так: пойдём к прозорливцу. Ибо тот, кого называют ныне пророком, прежде назывался прозорливцем.*»

Как я уже сказал, это подтверждает, что рассказ о Сауле, Самуиле и ослах был древним уже в то время, когда была написана книга Самуила, и что, следовательно, Самуил не писал ее и эта книга не подлинна.

Но если мы углубимся в эти книги, станет еще более очевидным, что Самуил не был их автором, ибо в них говорится о вещах, которые происходили через несколько лет после смерти Самуила. Самуил умер прежде Саула; в 1-й книге Самуила [Царств] (гл. 28) сказано, что Саул и колдунья из Аэйдора вызвали Самуила после того, как он умер. Но события, о которых рассказывается в этих книгах, совершались в течение остальных лет жизни Саула и до конца жизни Давида, бывшего преемником Саула.

Рассказ о смерти и похоронах Самуила (о чем сам он не мог написать) содержится в 25-й главе первой книги Самуила [Царств]. Хронология относит это событие к 1060 г. до Р. Х. Однако *первая* книга доводится до 1056 г. до Р. Х., т. е. до смерти Саула, которая последовала через четыре года после смерти Самуила.

Вторая книга Самуила [Царств] начинается рассказом о событиях, которые совершились не ранее четырех лет по смерти Самуила. Она начинается с царствования Давида, который был преемником Саула, и продолжается до конца царствования Давида, т. е.

сорок три года после смерти Самуила. Поэтому сами книги положительно доказывают, что они не были написаны Самуилом.

Я исследовал теперь все книги в первой части Библии, книги, которые названы именами лиц, якобы бывших их авторами, и которые церковь, именующая себя христианской, навязывает миру как писания Моисея, Иисуса [Навина] и Самуила. Я раскрыл и доказал ложность этих претензий.

Что скажете теперь вы, попы всех сортов, говорившие и писавшие против первой части «Века разума»? Неужели перед лицом такой массы доказательств вы еще имеете смелость выходить на свои кафедры и продолжать навязывать эти книги своим прихожанам в качестве трудов *писателей, вдохновенных свыше*, и слова божьего, когда доказано со всей возможной очевидностью, что те, кого вы выдаете за авторов, не являются таковыми и вы сами не знаете, кто же были на деле авторы этих книг?

Что еще придумаете вы для продолжения этого богохульного обмана? Что еще предложите вы против чистой и нравственной религии деизма в поддержку вашей системы лжи, идолопоклонства и мнимого откровения? Если бы жестокие и смертоносные приказы, которыми полна Библия, и бесчисленные мучения мужчин, женщин и детей, которым они подвергались в силу этих приказов, были приписаны кому-либо из ваших друзей, чью память вы уважаете, то, как только была бы раскрыта ложность этих обвинений, вы зарделись бы от удовольствия и прославились, защищая оскорбленную память друга.

Но ужасным рассказам Библии вы внимаете и слушаете их с черствым безразличием — то ли потому, что погрязли в жестокости суеверий, то ли потому, что не чувствуете интереса к репутации вашего творца. Доказательства того, что Библия неавторитетна, которые я уже привел и еще приведу в ходе исследования, смогут, уязвив упрямство попов, облегчить и успокоить умы миллионов. Они освободят их от всех мрачных мыслей о всемогущем, которые попы и Библия внушили им и которые постоянно противоречат

всем их идеям о его нравственной справедливости и благоволении.

Теперь я перехожу к двум [последним] книгам Царств³⁷ и двум книгам Паралипоменон. Все эти книги историчны и посвящены главным образом жизни и деяниям еврейских царей, которые вообще-то представляли собой шайку мошенников. Но это касается нас не более, чем римские императоры или гомеровская история Троянской войны.

Кроме того, поскольку эти книги анонимны и мы ничего не знаем об их авторе или его репутации, нам невозможно узнать, в какой степени можно верить тому, что в них сообщается. Как и все другие древние истории, они похожи на смесь выдумки и были, возможного и невозможного. Давность же времени и удаленность места, как и изменение обстоятельств, сделали их устарелыми и неинтересными.

Я использую эти книги главным образом для того, чтобы сравнить их друг с другом и с прочими частями Библии и показать путаницу, противоречивость и бесчеловечность этого мнимого слова божьего.

Первая [третья] книга Царств начинается с царствования Соломона, т. е. согласно хронологии, от 1015 г. до Р. Х., а вторая [четвертая] книга кончается 588 г. до Р. Х., вскоре после царствования Седекии, которого Навуходоносор, взяв Иерусалим и покорив евреев, увел пленником в Вавилон. Эти две книги охватывают период времени в 427 лет.

Две книги Паралипоменон представляют собой историю тех времен и в общем тех же лиц, изложенную другим автором. Ведь нелепо было бы предположить, чтобы один и тот же автор дважды изложил одну и ту же историю.

Первая книга Паралипоменон (после того, как в первых девяти главах дается генеалогия от Адама до Саула) начинается с царствования Давида, а последняя книга кончается, как и вторая [четвертая] книга Царств, вскоре после царствования Седекии, около 588 г. до Р. Х. Два последних стиха последней главы захватывают время еще на 52 года вперед, т. е. до

536 г. Но стихи не принадлежат к этой книге, как я покажу, говоря о книге Ездры.

Две книги Царств, кроме истории Саула, Давида и Соломона, правивших *всем* Израилем, содержат краткий рассказ о жизни 17-ти царей и одной царицы, именовавшихся царями Иудей, и 19-ти, именовавшихся царями Израиля, ибо сразу после смерти Соломона еврейская нация раскололась на две части, которые избрали особых царей и вели между собой самые жестокие войны.

Эти две книги не более как история убийств, предательств и войн. Жестокости, которые евреи обычно практиковали по отношению к хананеянам, в чью страну они варварски вторгались по мнимому велению бога, они столь же яростно применяли теперь друг к другу. Едва ли половина их царей умерла своей смертью. В некоторых же случаях целые семьи истреблялись с целью обезопасить преемника, который через несколько лет, а иногда и несколько месяцев или того меньше разделял их судьбу. В десятой главе второй [четвертой] книги Царств содержится рассказ о двух корзинах, наполненных детскими головами, числом семьдесят, и выставленных у городских ворот. То были дети Ахава, убитые по приказу Ииуя, которого Елисей, якобы человек божий, помазал царем Израиля, чтобы он совершил это кровавое деяние и умертвил своего предшественника.

А в рассказе о царствовании Менаима, одного из царей Израиля, который убил Селлума, процарствовавшего только месяц, говорится (2-я [4-я] Царств, гл. 15, ст. 16), что Менаим разрушил город Типсах, ибо ему не открыли ворот, и *всех беременных женщин в нем разрубил*.

Предположив, что всемогущий отличил какой-либо народ именем *своего избранного народа*, мы должны были бы предположить, что народ этот являет всему остальному миру пример своей благочестивостью и человечностью, но не является народом злодеев и головорезов, какими были древние евреи. Народ, развращенный такими чудовищами и обманщиками, как Моисей и Аарон, Иисус [Навин], Самуил и Давид, и

подражавший им, своим варварством и жестокостью превзошел все известные нам народы.

Если мы не будем упрямо закрывать глаза и ожесточать свои сердца, то невозможно не видеть, невзирая на давнишние предрассудки, навязанные уму, что лестное название *богоизбранного народа* не что иное, как *ложь*, которую придумали еврейские попы и вожди с целью прикрыть свою низость и которую стали проповедовать христианские попы, иногда столь же развращенные, а часто и столь же жестокие.

В двух книгах Паралипоменон повторяется изложение тех же преступлений. Но история в нескольких местах прерывается автором, опускающим то и дело царствование того или иного царя. Здесь, как и в книгах Царств, автор так часто переходит от царей Иудей к царям Израиля и от царей Израиля к царям Иудей, что рассказ непонятен для читателя.

История в этой книге порой противоречит самой себе. Например, во второй [четвертой] книге Царств (гл. 1, ст. 17) говорится, хотя и весьма двусмысленно, что после смерти Охозии, царя израильского, вместо него воцарился Иорам (из дома Ахавова) [и что это было] на *второй год* [царствования] *Иорама*, сына Иосафатова, царя иудейского. В главе 8, стих 16, той же книги говорится, что в *пятый год* [царствования] *Иорама*, сына Ахава, царя израильского, воцарился Иорам, сын Иосафатов, царь иудейский. То есть в одной главе говорится, что Иорам, царь израильский, начал царствовать на *второй год* царствования Иорама иудейского, а в другой — что Иорам иудейский начал царствовать на *пятый год* [царствования] *Иорама* израильского³⁸.

В одной книге сообщается о происшедших якобы при таких-то царях необычайных событиях, о которых нет ни слова в другой, где рассказывается о том же царе. Например, два первых соперничавших царя после смерти Соломона были Ревоам и Иеровоам. В первой [третьей] книге Царств (гл. 12 и 13) рассказывается, что в то время, когда Иеровоам приносил жертвы и совершал воскурение, человек, называемый здесь божьим человеком, произнес: «Жерт-

венник, жертвенник! так говорит господь: вот, родится сын дому Давидову, имя ему Иосия, и принесет на тебе в жертву священников высот, совершающих на тебе курение, и человеческие кости сожжет на тебе» (гл. 13, ст. 2). «Когда царь услышал слово человека божия, произнесенное к жертвеннику в Вефиле, то простер Иеровоам руку свою от жертвенника, говоря: *возьмите его*. И одеревенела рука его, которую он простер на него, *и не мог он поворотить ее к себе*» [ст. 4].

Можно думать, что столь необыкновенный случай (о котором говорят как о каре), происшедший с вождем одной из партий после разделения израильтян на два народа, если он истинен, должен был быть рассказан в обеих книгах. Но хотя в последующие времена люди верили *всему, что пророки им говорили*, похоже на то, что сами эти пророки или историки не верили друг другу. Они слишком хорошо знали друг друга.

В книге Царств содержится также длинный рассказ об Илии. Он продолжается несколько глав и заключается словами (2-я [4-я] Царств (гл. 2, ст. 11)): «Когда они шли и дорогою разговаривали, вдруг явилась *колесница огненная и кони огненные*, и разлучили их обоих и *понесся Илия в вихре на небо*». Гм! Как ни чудесен этот случай, автор Паралипоменон не упоминает о нем, хотя и упоминает имя Илии. Он не говорит ничего и об истории, рассказанной во второй главе той же книги Царств, насчет детей, звавших Елисея *плешивым*, и о том, как этот *божий человек* (ст. 24) «оглянулся и увидел их и *проклял их именем господним*. И вышли две медведицы из леса и растерзали из них сорок два ребенка». Он обходит молчанием также и историю, рассказанную во второй [четвертой] книге Царств (гл. 13), о том, что, когда в гробнице, где был похоронен Елисей, хоронили человека, покойник, когда его опускали (ст. 21), коснулся костей Елисея и *ожил и встал на ноги свои*.

Нам не говорят, похоронили ли покойника, несмотря на то что он ожил и встал на ноги, или же вытащили его обратно. Обо всем этом автор Парали-

поменон молчит, как молчал бы об этом любой современный автор, который не решается подвергнуться обвинению во *лжи* или по меньшей мере преувеличении.

Но хотя эти два историка могут отличаться друг от друга в отношении тех сказок, которые они рассказывают, они одинаково молчат о лицах, именуемых пророками, писания которых наполняют последующую часть Библии.

Исайя, который жил во времена Езекии, упоминается в книгах Царств и Паралипоменон, когда авторы говорят об этом царствовании. Но [здесь], за исключением, самое большее, одного или двух случаев, когда о них говорится лишь крайне бегло, не идет речь ни об одном из пророков. Не упоминается даже о самом их существовании, хотя, согласно библейской хронологии, они жили в то время, когда писались эти книги; некоторые же из них — задолго до того.

Если эти пророки, как их называют, были в свое время такими важными лицами, как их изображают с тех пор составители Библии, поэты и комментаторы, то чем объяснить, что ни одна из этих книг ничего не говорит о них?

Как я уже сказал, история доводится в книгах Царств и Паралипоменон до 588 г. до Р. Х. Теперь пора исследовать, кто из пророков жил до этого времени.

Вот таблица всех пророков с указанием времени, когда они жили, согласно хронологии, указанной в первых главах каждой из книг пророков, а также [с указанием того], за сколько лет до написания книг Царств и Паралипоменон они жили.

Эта таблица не делает чести ни библейским историкам, ни библейским пророкам. Я оставляю на долю священников и комментаторов, весьма ученых в мелочах, разрешить сей неудобный вопрос и найти основание, по какому авторы книг Царств и Паралипоменон обходят этих пророков, которых я рассматривал в первой части «Века разума» просто как поэтов, таким же унижительным молчанием, каким современные историки обошли бы Питера Пиндара³⁹.

Таблица пророков

Имена	Годы до Р. Х.	Годы до написания Царств и Паралипоменон	Примечания
Исайя	760	172	Упоминается
Иеремия	629	41	Упоминается только в последней главе Паралипоменон
Иезекииль	595	7	Не упоминается
Даниил	607	19	Не упоминается
Осия	785	97	Не упоминается
Иоиль	800	212	Не упоминается
Амос	789	199	Не упоминается
Авдий	789	199	Не упоминается
Иона*	862	274	
Михей	750	162	Не упоминается
Наум	713	125	Не упоминается
Аввакум	620	38	Не упоминается
Софония	630	42	Не упоминается
Аггей	После 588		
Захария			
Малахия			

* Во второй [четвертой] книге Царств (гл. 14, ст. 25) упоминается имя Ионы в рассказе о восстановлении пределов Израиля Иеровоамом; но дальше о нем ничего не говорится, не упоминается ни в книге Ионы, ни о его миссии в Ниневию, ни о его встрече с китом.

Еще одно замечание о книге Паралипоменон, после чего я перейду к обзору остальных книг Библии.

Рассматривая книгу Бытия, я цитировал отрывок из 36-й главы (ст. 31), который с очевидностью указывает на время *после* того, как цари начали царствовать над сынами Израиля. Я показал, что стих этот дословно совпадает с текстом Паралипоменон (гл. 1, ст. 43), где он помещен в соответствии с порядком исторических событий, тогда как в книге Бытия такого соответствия нет. Из Паралипоменон была также взята бóльшая часть 36-й главы. Я показал также, что книга Бытия, хотя она и стоит на первом месте

в Библии и приписывается Моисею, была сфабрикована каким-то неизвестным лицом уже после того, как была написана книга Паралипоменон, т. е. не ранее восьмисот шестидесяти лет после смерти Моисея.

Доказательства, которые я привожу для подтверждения этого, точны и состоят всего лишь из двух частей. Во-первых, как я уже утверждал, отрывок в книге Бытия относится по времени к Паралипоменунам. Во-вторых, книга Паралипоменон, к которой относится этот отрывок, была еще не *начата* по меньшей мере спустя восемьсот шестьдесят лет после Моисея. Чтобы это доказать, нам стоит только заглянуть в тринадцатый стих третьей главы первой книги Паралипоменон, где автор, излагая генеалогию потомков Давида, упоминает Езекию. А именно при Езекии, в 588 г. до Р. Х., а следовательно, более чем через 860 лет после Моисея, Навуходоносор покорил Иерусалим.

Те, кто, будучи полны суеверий, хвастали древностью Библии, и в частности книг, приписываемых Моисею, поступали так безо всякого исследования и без какого-либо авторитетного свидетельства, кроме того, что один легковверный человек сообщал это другому. Что же касается исторических и хронологических свидетельств, то самая первая из библейских книг написана более чем на триста лет позже книги Гомера и относится примерно к тому же времени, что и «Басни» Эзопа.

Я не защищаю нравственность Гомера. Наоборот, я думаю, что его книги полны тщеславия и направлены на возбуждение безнравственных и вредных понятий о чести. Что же касается Эзопа, то, хотя его нравственность в общем хороша, басни его часто жестоки. А жестокость басен приносит сердцу, особенно детскому, больше вреда, чем их мораль — пользы.

Разделавшись теперь с книгами Царств и Паралипоменон, я перейду к очередной книге — Ездры.

Для доказательства беспорядочности, с какой было составлено мнимое слово божье — Библия, и неопределенности ее автора нам достаточно взглянуть на

первые три стиха книги Ездры и два последних — Паралипоменон. Как же надо было кроить и тасовать тексты, чтобы три первых стиха Ездры оказались двумя последними стихами Паралипоменон или два последних стиха Паралипоменон — тремя первыми Ездры? Или авторы их не знали своих собственных работ, или составители не знали авторов.

*Два последних стиха
Паралипоменон:*

Ст. 22. А в первый год Кира, царя Персидского, во исполнение слова господня, сказанного устами Иеремии, возбудил господь дух Кира, царя Персидского, и он велел объявить по всему царству своему, словесно и письменно, и сказать:

Ст. 23. Так говорит Кир, царь Персидский: все царства земли дал мне господь, бог небесный, и он повелел мне построить ему дом в Иерусалиме, что в Иудее. Кто есть из вас — из всего народа его, (да будет) господь бог его с ним, и пусть он туда идет.

*Три первых стиха
Ездры:*

Ст. 1. В первый год Кира, царя Персидского, во исполнение слова господня из уст Иеремии, возбудил господь дух Кира, царя Персидского, и он повелел объявить по всему царству своему, словесно и письменно:

Ст. 2. Так говорит Кир, царь Персидский: все царства земли дал мне господь, бог небесный, и он повелел мне построить ему дом в Иерусалиме, что в Иудее.

Ст. 3. Кто есть из вас, из всего народа его, да будет бог его с ним, и пусть он идет в Иерусалим, что в Иудее, и строит дом господя, бога Израилева, того бога, который в Иерусалиме.

Последний стих в Паралипоменонох неожиданно обрывается и кончается в середине фразы словами «туда идет», не обозначая куда. Эта неожиданная остановка и появление одних и тех же стихов в разных книгах показывают, как я уже сказал, беспорядочность Библии и невежество, проявленные при ее составлении, а также то, что ее составители не имели никаких авторитетных оснований, согласно которым они могли

действовать, как мы не имеем ныне никаких авторитетных оснований доверять их работе*.

Видимостью определенности обладает в книге Ездры только время, когда она была написана, т. е. непосредственно после возвращения евреев из вавилон-

* Я заметил в ходе исследования Библии несколько разрозненных и бессмысленных отрывков, считая их достаточно важными, чтобы ввести в свою работу. Таковы, например, I книга Самуила [Царств] (гл. 13, ст. 1), где говорится: «Год был по воцарении Саула, и другой год царствовал он над Израилем, как выбрал Саул себе три тысячи из израильтян» и т. д. Первая часть стиха, что «год был по воцарении Саула», бессмысленна, ибо не говорит нам, ни что Саул сделал, ни что случилось в конце этого года. Кроме того, нелепо говорить, что он правил один год, когда в следующей же фразе говорится, что он правил два: ведь если он правил два года, то невозможно, чтобы он не процарствовал одного года.

Другой пример находится в книге Иисуса [Навина] (гл. 5), где автор рассказывает историю об ангеле (ибо так он называется в оглавлении, в начале главы), явившемся Иисусу. История эта кончается совершенно неожиданно, без всякого заключения. История такова: «Иисус, находясь близ Иерихона, взглянул и видит, и вот, стоит перед ним человек, и в руке его обнаженный меч. Иисус подошел к нему и сказал ему: нап ли ты или из неприятелей наших?» (ст. 13). «Он сказал: нет, я вождь воинства господня, теперь пришел (сюда). Иисус пал лицом своим на землю, и поклонился и сказал ему: что господин мой скажет рабу своему?» (ст. 14). «Вождь воинства господня сказал Иисусу: сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, свято. Иисус так и сделал». А что дальше? Ничего, ибо здесь кончается история, а с нею и глава (ст. 15).

Или история эта прервана посредне, или она рассказана каким-либо еврейским юмористом с целью высмеять мнимую миссию Иисуса [Навина] от бога, а составители Библии, не поняв ее назначения, пересказали ее самым серьезным образом. Как юмореска и анекдот эта история вполне уместна, ибо она помпезно выводит ангела в человеческом образе, с обнаженным мечом в руке, перед которым Иисус падает на землю и поклоняется (что противоречит второй заповеди); затем сие важное посольство с небес заканчивается приказанием Иисусу снять обувь. Равным образом ему могли бы приказать подтянуть штаны.

Конечно, еврей не верили всему, что внушали им их вожди, как это явствует из дерзкой манеры, с какой они говорят о Моисее, когда он ушел на гору: «Ибо с этим человеком, с Моисеем», говорят они, «не знаем, что сделалось» (Исх., гл. 32, ст. 1).

ского пленения, около 536 г. до Р. Х. Ездра (который, согласно еврейским комментаторам, то же лицо, что и Ездас в апокрифах) был одним из вернувшихся, и он, возможно, написал рассказ о пленении.

Неемия, чья книга следует за книгой Ездры, также был одним из вернувшихся и также, возможно, написал о том же в книге, носящей его имя. Но рассказы эти ничто для нас или для кого бы то ни было. Они интересны только евреям, как часть истории их народа; но они такое же слово божье, как и любая история Франции, или Рапеновская⁴⁰ «История Англии», или история любой другой страны.

Но даже в исторических вопросах нельзя полагаться ни на одного из этих писателей. Во второй главе Ездры автор приводит список племен и семей, а также точное число людей в каждом [племени и каждой семье], вернувшейся из Вавилона в Иерусалим. Этот перечень вернувшихся как будто должен быть одной из главных целей написания книги, но в нем содержится ошибка, разрушающая замысел всего предприятия.

Автор начинает список следующим образом: «Сыновей Пароша две тысячи сто семьдесят два» (гл. 2, ст. 3). «Сыновей Сафатии триста семьдесят два...» (ст. 4). И таким манером он продолжает перечислять все семьи, а в 64-м стихе он подводит итог и говорит, что «все общество вместе состояло из *сорока двух тысяч трехсот шестидесяти человек*».

Но тот, кто озаботился бы подсчитать сумму, обнаружил бы, что она составляет всего только двадцать девять тысяч восемьсот восемнадцать, так что ошибка составляет двенадцать тысяч пятьсот сорок два*. Какой же точности и в чем можно ожидать тогда от Библии?

Неемия подобным же образом приводит список возвратившихся семей и их численность. Он начинает, как Ездра, словами (гл. 7, ст. 8): «Сыновей Пароша две тысячи триста семьдесят два»⁴¹, и так далее [при-

* Численность семейств согласно второй главе книги Ездры:

водятся данные] обо всех семьях. В нескольких случаях список отличается от списка Ездры. В 66-м стихе Неемия выводит сумму и говорит, как и Ездра: «Все общество вместе *состояло* из сорока двух тысяч трехсот тридцати *человек*»⁴². Но действительная сумма приведенных в этом списке составляет только 31 089, так что ошибка составляет здесь 11 271. Писатели эти достаточно хороши для сочинения библий, но не годятся для дел, требующих правдивости и точности.

Следующая на очереди — книга Эсфири. Если госпожа Эсфирь считала за честь предложить себя в содержанки Артаксерксу или соперничать с царницей Астинь, которая отказалась явиться к пьяному царю на глазах пьяной компании (как говорится в книге, они пили уже семь дней и были веселы), — пусть себе об этом думают Эсфирь и Мордохей. Нам, по крайней мере мне, нет до этого дела. Кроме того, история кажется мне выдуманной, а также и анонимной. Я перейду к книге Иова.

Книга Иова по своему характеру отличается от всех книг, нами до сих пор рассмотренных. В ней нет ни убийств, ни вероломства, она содержит размышления ума, находящегося под сильным впечатлением превратностей человеческой жизни, борющегося с ними и уступающего их напору.

Это прекрасно сделанное соединение добровольной покорности с невольным протестом, оно рисует нам состояние человека, каким оно подчас бывает, когда он

гл. 2		Остаток: 12 243		Остаток: 15 953		Остаток: 24 144	
Ст. 3	2 172	Ст. 14	2 056	Ст. 25	743	Ст. 36	973
4	372	15	454	26	621	37	1 052
5	775	16	98	27	122	38	1 247
6	2 812	17	323	28	223	39	1 017
7	1 254	18	112	29	5 ²	40	74
8	945	19	223	30	156	41	128
9	760	20	95	31	1 254	42	139
10	642	21	123	32	320	53	392
11	623	22	56	33	725	60	652
12	1 222	23	128	34	345	Всего	29 818
13	666	24	42	35	3 630		
<hr/>		<hr/>		<hr/>			
12 243		15 953		24 144			

склонен скорее сдаться, чем быть способным к дальнейшему существованию. Однако долготерпение не занимает много места в характере того лица, о котором говорится в книге. Напротив, его горесть часто бывает буйной, но он еще пробует ее обуздать и как будто готов посреди все возрастающих бедствий взять на себя тяжкую обязанность быть довольным.

В первой части «Века разума» я почтительно отзывался о книге Иова. Но я не знал тогда того, что узнал впоследствии, а именно что, судя по всему, книга Иова не принадлежит к Библии.

Я знаком с мнением по этому вопросу двух еврейских комментаторов: Абенеэра⁴³ и Спинозы. Оба они говорят, что книга Иова по своему характеру не является еврейской, что особенности композиции и драматичность повествования не могут быть признаны еврейскими, что она была переведена на еврейский с другого языка, а автор книги был язычником. Лицо, выведенное под именем сатаны (это первое и единственное упоминание о нем во всей Библии), не соответствует никаким представлениям древних евреев. То же относится к двум собраниям, которые создало божество из тех, кто в книге называется сынами божьими, и к тому знакомству, которое, как утверждается, сатана поддерживал с богом.

Можно заметить также, что книга носит следы ума, просвещенного наукой, в то время как еврей, не будучи этим знамениты, отличались крайним невежеством. Намеки на предметы натурфилософии в ней часты и ярки, отличаясь от всего, что встречается в подлинно еврейских книгах.

Астрономические названия Плеяд, Ориона и Артура являются греческими, а не еврейскими. Из Библии же вовсе не видно, чтобы еврей сколько-нибудь знали астрономию или изучали ее. Они не перевели этих названий на еврейский язык, но приняли их так, как нашли в поэме.

Не вызывает сомнения, что еврей переводили литературные произведения языческих народов на еврейский язык и перемежали их со своими собственными. Об этом свидетельствует тридцать первая глава

Притч. Там говорится (ст. 1): «Слова Лемуила царя. Наставление, которое преподала ему мать его». Этот стих стоит в качестве предисловия к последующим притчам, притчам не Соломона, а Лемуила. А этот Лемуил не был царем ни Израиля, ни Иудеи, но какой-то другой страны, а следовательно, язычником.

Однако евреи приняли его притчи. Поскольку они не могли сказать, кто был автором книги Иова или как она к ним попала, и поскольку она по стилю отличается от еврейских писаний и совершенно не связана ни с одной книгой или главой Библии, будь то до нее или после, она имеет все признаки первоначально языческой книги*.

Составители Библии и знатоки хронологии, эти упорядочиватели времени, как будто совершенно растерялись, не зная, куда и как поместить книгу Иова, ибо она не содержит ни одного исторического обстоятельства, ни одного намека, дающего возможность определить ее место в Библии.

Но признаться миру в своем незнании не отвечало намерениям этих людей. Поэтому они отнесли ее к 1520 г. до Р. Х., т. е. ко времени, когда израильтяне были в Египте, имея для этого не больше оснований, чем если бы я заявил, что она написана еще на тыся-

* Похоже также, что молитва, известная как *молитва Агура* (в 30-й главе Притч), непосредственно предшествующая притчам Лемуила и являющаяся единственной разумной, гармоничной и благозвучной молитвой в Библии, заимствована у язычников. Имя Агур не появляется больше ни разу в Библии, и он выводится с приписываемой ему молитвой точно таким же образом и почти теми же словами, что и Лемуил с его притчами в следующей главе. Первый стих 30-й главы гласит: «Слова Агура, сына Иакеева, то есть пророчества»⁴⁴. Здесь слово «пророчество» употребляется в том же смысле, что и в следующей главе (у Лемуила), вне всякой связи с предсказаниями. Молитва Агура в 8-м и 9-м стихах: «Суету и ложь удали от меня, нищеты и богатства не давай мне, питай меня насущным хлебом. Дабы пресытившись я не отрекся тебя и не сказал: «кто господь?» и чтобы обеднев не стал красть и употреблять имя бога моего суете». Это совсем не похоже на еврейскую молитву, ибо евреи никогда не молились иначе, как в затруднительном положении, и ни о чем ином, кроме победы, мести или богатства.

чу лет раньше. Однако вероятно, что она древнее любой из книг Библии, и ее одну можно читать без негодования или отвращения.

Мы ничего не знаем о том, каков был древний языческий мир (как его называют) до эпохи евреев, которые обычно злословили и чернили нравы всех других народов. Мы научились называть их язычниками именно из еврейских источников.

Но, насколько мы знаем, они были, наоборот, справедливыми и нравственными людьми и не предавались подобно евреям жестокости и мести. Мы не знаем, какую религию они исповедовали. Похоже, что у них в обычае было изображать добродетель и порок в образах, как это ныне делается при помощи скульптур и картин. Но из этого не следует, что они поклонялись им больше, чем мы.

Я перехожу теперь к книге Псалмов, которая не требует особых замечаний. Некоторые из псалмов нравственны, другие же выражают крайнюю мстительность. Большая часть из них связана с определенными местными обстоятельствами жизни еврейской нации того времени, когда они были написаны, обстоятельствами, с которыми мы не имеем ничего общего.

Однако называть их псалмами Давида — ошибка или обман. Они подобно нынешним песенникам суть собрание разных песен, принадлежащих разным поэтам, жившим в разное время. 137-й псалом⁴⁵ не мог быть создан ранее, чем четыреста лет спустя после Давида, ибо он был написан в ознаменование определенного события — вавилонского пленения евреев, которое произошло не ранее этого времени. «При реках Вавилона — там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе; на вербах, посреди его, повесили мы наши арфы. Там пленившие нас требовали от нас слов песней, и притеснители наши — веселья: спойте нам из песней Сионских». Это все равно, как если бы американцу, французу или англичанину сказали бы: спой нам одну из ваших американских, или французских, или английских песен.

Это замечание, касающееся времени написания упомянутого псалма, может пригодиться лишь для того,

чтобы показать (наряду с другими, уже упомянутыми примерами) тот обман, в котором находился мир относительно авторства Библии.

Ни времени, ни месту, ни обстоятельствам в ней не придавалось значения, а имена людей были накрепко присоединены к отдельным книгам, которых эти люди не могли написать, как не могли они шествовать за своим собственным гробом.

Книга Притч. Она, как и псалмы,— сборник, причем составленный из произведений авторов, принадлежащих к другим нациям, помимо еврейской, как я показал это в замечаниях на книгу Иова. Кроме того, некоторые из притч, приписываемых Соломону, не появились ранее двухсот пятидесяти лет по смерти Соломона. В 1-м стихе 25-й главы говорится: «И это притчи Соломона, которые собрали мужи Езекии, царя Иудейского».

От Соломона до Езекии прошло двести пятьдесят лет. Когда человек знаменит, а имя его широко известно, его склоны делать ответственным за вещи, которых он никогда ни говорил, ни совершал. По всей вероятности, так случилось и с Соломоном. Похоже, что в те времена было модно сочинять притчи, как теперь анекдоты, и приписывать их авторство тем, кто их никогда не видел.

Книга Екклесиаста, или проповедника, также приписывается Соломону, для чего есть много оснований, даже если это не так. Она написана в виде размышлений находящегося в уединении старого развратника, каким на самом деле был Соломон, который, вспоминая сцены, которыми он более не может наслаждаться, восклицает: «Все суета!»

Многие из метафорических выражений чувств темны, вероятнее всего, из-за перевода; но осталось достаточно, чтобы показать, что в оригинале они были очень красочны *. Из того, что до нас дошло о характере Соломона, явствует, что он был остроумен, тщеславен, распутен и, наконец, меланхоличен. Он спешил жить

* «И помрачатся смотрящие в окно» — туманный образ, потому что при переводе утерян смысл.

и умер, утомившись от мира, в возрасте пятидесяти восьми лет.

Семьсот жен и триста наложниц хуже, чем ни одной; хотя они могут влечь за собой видимость высшего наслаждения, но убивают блаженство страсти уже тем, что ей не на чем остановиться; любовь, разделенная между многими, никогда не бывает счастлива. Так было и с Соломоном; и если он со всеми его претензиями на мудрость не мог заранее этого понять, он заслужил скорбь, которую испытал впоследствии, не вызывая к себе сожаления.

С этой точки зрения его проповедь не нужна, ибо для того, чтобы знать последствия, необходимо только знать причину. Семьсот жен и триста наложниц стоят целой книги. После этого не следует говорить, что все суета и томление духа. Ибо невозможно обрести счастье в обществе тех, кого мы лишаем счастья.

Для того чтобы в старости быть счастливым, необходимо приучить себя к целям, которые могли бы сопутствовать нашему духу на всем его жизненном пути, чтобы все доступное было для нас хорошо в свое время. Любитель наслаждений жалок в старости; немногим лучше тот, кто провел жизнь в одних делах, в то время как натурфилософия, математика и механика — постоянный источник тихого удовольствия. Несмотря на мрачные догмы попов, на суеверия, изучение этих вещей есть истинная теология; она учит человека познавать творца и восхищаться им, ибо принципы науки запечатлены в мироздании, неизменны и имеют божественное происхождение.

Те, кто знал Бенджамина Франклина, помнят, что его ум всегда был молод; его нрав всегда спокоен; наука, которая никогда не сидит, всегда была его любовницей. Он всегда имел перед собой цель, ибо, оставаясь без цели, мы становимся похожи на инвалида в больнице, ждущего смерти.

Любовные песни Соломона глупы, и все-таки дряхлый фанатизм назвал их божественными. Составители Библии поместили эти песни после книги Екклезиаста, а знатоки хронологии отнесли их к 1014 г. до Р. Х., когда Соломону было, согласно той же хронологии,

девятнадцать лет и он только еще создавал себе сераль из жен и наложниц.

Составителям Библии и знатокам хронологии следовало бы устроить все это немного поприличнее и либо ничего не говорить о времени, либо выбрать время, более соответствующее пресловутой божественности этих песен, ибо Соломон проводил тогда медовый месяц тысячи распутств.

Им должно было бы также прийти на ум, что так как Соломон, если это действительно был он, написал книгу Екклезиаста намного позже этих песен и в этой книге он восклицает, что все суета и томление духа, то сказанное относится и к самим песням. Это тем более вероятно, что он говорит (или кто-либо говорит за него) (Екк., гл. 2, ст. 8): *«Завел у себя певцов и певиц»* (скорее всего, чтобы петь именно эти песни) *«и услаждения сынов человеческих, — разные музыкальные орудия; и нашел»* (ст. 11), «что все суета и томление духа». Впрочем, составители сделали только половину дела, ибо, если уж они дали нам песни, они должны были дать и мотив, чтобы мы могли распевать их.

Книги, именуемые книгами пророков, составляют остальную часть Библии. Их шестнадцать, начиная с Исаяи и кончая Малахией. Список их я привел в моих замечаниях на Паралипоменон. Все эти пророки, за исключением трех последних, жили в то время, когда были написаны книги Царств и Паралипоменон. Но только два из них, Исаяя и Иеремия, упоминаются в этих книгах. Я начну с них, оставив для другой части книги то, что я должен сказать об общем характере людей, именуемых пророками.

Всякий, кто взял на себя труд прочесть книгу, приписываемую Исаяе, найдет, что она составлена самым диким и беспорядочным образом. В ней нет ни начала, ни середины, ни конца. За исключением короткой исторической части и нескольких набросков в первых двух или трех главах, она представляет собой сплошной несвязный и напыщенный вздор, полный экстравагантных метафор, сказанных некстати и лишенных смысла. Едва ли можно было бы извинить школьника, со-

чинившего подобную чужь. Это (по крайней мере в переводе) такой род композиции и такая безвкусица, которые с полным правом называются сумасшедшей прозой.

Историческая часть начинается с 36-й главы и продолжается до конца 39-й. Она касается некоторых событий, происходивших в царствование Езекии, царя иудейского, когда жил Исайя. Этот исторический фрагмент начинается и кончается внезапно — он несколько не связан ни с предшествующей главой, ни с последующей, ни с какой-либо из глав книги вообще.

Возможно, что Исайя сам написал этот фрагмент, поскольку он участвует в описанных событиях. Но за исключением этой части, в книге едва ли найдутся две главы, связанные между собой. Одна называется в самом начале первого стиха пророчеством о Вавилоне, другая — пророчеством о Моаве, третья — пророчеством о Дамаске, четвертая — пророчеством о Египте, пятая — пророчеством о пустыне приморской, шестая — пророчеством о долине видения*, подобно тому как вы сказали бы: сказка о рыцарях пылающей горы, сказка о Золушке, или о стеклянном башмачке, или о спящей красавице, и т. д. и т. п.

Я уже показал на примере двух последних стихов Паралипоменон и трех первых стихов Ездры, что составители Библии перемешали и перепутали одно с другим писания различных авторов. Одного этого, не будь других причин, достаточно, чтобы разрушить достоверность любой композиции, ибо доказывает, что составители не знали авторов. Яркий пример тому содержится в книге, приписываемой Исайе. Последняя часть 44-й главы и начало 45-й написаны далеко не Исайей, а могли быть написаны только человеком, жившим по меньшей мере через сто пятьдесят лет после его смерти.

Эти главы — приветствие Киру, который позволил евреям вернуться в Иерусалим из вавилонского пленения и восстановил Иерусалим и храм, как утверждает в книге Ездры. Последний стих 44-й главы и на-

* См. начала глав 13, 15, 17, 19, 21 и 22.

чало 45-й таковы: «Который говорит о Кире: пастырь мой, и он исполнит волю мою и скажет Иерусалиму: «ты будешь построен!» и храму: «ты будешь основан!» Так говорит господь помазаннику своему Киру: Я держу тебя за правую руку, чтобы покорить тебе народы, и сниму поясы с чресел царей, чтоб отворялись для тебя двери и ворота не затворялись. Я пойду пред тобою» и т. д.

Какова наглость церкви и невежество попов, навязывающих миру эту книгу как написанную Исайей, когда Исайя умер, согласно их собственной хронологии, вскоре после смерти Езекии, последовавшей за 693 годом до Р. Х., а декрет Кира о возвращении в Иерусалим, согласно той же хронологии, датируется 536 г. до Р. Х., т. е. на 162 года позже!

Я не думаю, что составители Библии сами написали эти книги. Скорее они собрали несколько анонимных произведений и поместили их рядом под именем таких авторов, которые всего лучше отвечали их намерениям. Они поощряли обман, что почти равносильно его изобретению, ибо невозможно, чтобы они его не видели.

Когда мы видим, что изощренное мастерство составителей Священного писания направлено на то, чтобы каждую часть этой романтической книги школьного красноречия согласовать с чудовищной идеей сына божьего, зачатого девой от духа, то нет такого обмана, в котором мы не вправе были бы их заподозрить. Каждая фраза и обстоятельство отмечены варварской рукой суеверия, искажены и получили значение, которого они никак не могли иметь. Заголовок каждой главы, верх каждой страницы украшены именами Христа и церкви, так что доверчивый читатель может погрязнуть в заблуждениях, прежде чем начнет читать.

Фраза «Дева во чреве примет и родит сына» (Ис., гл. 7, ст. 14) была истолкована таким образом, что она якобы означает Иисуса Христа и его мать Марию, после чего христианский мир повторял ее более тысячи лет. Это мнение породило столь великое неистовство, что оно все оказалось запятнано кровью и отмечено скорбью. Я, правда, не намереваюсь всту-

пать в полемику относительно предметов такого рода и ограничиваюсь показом того, что Библия поддельна, с тем чтобы, убрав основание, сразу опрокинуть все воздвигнутое на нем здание суеверий. Однако я все же коротко остановлюсь на разоблачении ложного применения этого отрывка.

Мне нет дела до того, подшутил ли Исайя над Ахазом, царем иудейским, к которому обращен этот отрывок. Я хочу только показать, что он применяется неверно и не более относится к Христу и его матери, чем ко мне и моей матери.

Попросту история такова: царь Сирии и царь Израиля (я уже упомянул, что евреи разделились на два народа, один из которых назывался Иудея и столицей которого был Иерусалим, а другой — Израилем) объединились в войне против Ахаза, царя Иудеи, и их армии шли на Иерусалим. Ахаз и его народ встревожились, и, как говорится в [гл. 7] ст. 2: «И всколебалось сердце его и сердце народа его, как колеблются от ветра дерева в лесу».

При таком стечении обстоятельств Исайя обращается к Ахазу и убеждает его *от имени бога* (лицемерное выражение всех пророков), что эти два царя не преуспеют против него, а чтобы убедить в этом Ахаза, советует ему испросить знамения. Ахаз, как говорится в книге, отказался это сделать по той причине, что он не желал искушать господя. На это Исайя, будучи сам рассказчиком, замечает (ст. 14): «Итак, сам господь даст вам знамение: се, *дева во чреве примет и родит сына*», и (ст. 16): «Ибо прежде нежели этот младенец будет разуметь отвергать худое и избирать доброе, земля та, которой ты страшишься», имеются в виду Сирия и Израиль, «будет оставлена обоими царями ее». Таковы были знамение и время, отведенное для исполнения обещания, а именно прежде чем дитя сможет различить зло и добро и, отвергнув первое, избрать второе.

Зайдя так далеко, Исайя во избежание обвинения в лжепророчестве и последствий такого обвинения встал перед необходимостью принять меры для того, чтобы знамение это свершилось. Конечно, никогда не

составляет труда найти беременную девушку или сделать ее беременной; а возможно, Исаяя и знал такую близости, я не думаю, что пророкам того времени можно больше верить, чем современным попам. Но как бы то ни было, Исаяя говорит в следующей главе (ст. 2): «И я взял себе верных свидетелей: Урию священника и Захарию, сына Варахиина. *И приступил я к пророчице, и она зачала и родила сына*».

Такова глупая история этого ребенка и этой девственницы. На беззастенчивом извращении — вот на чем Матфей в своей книге, а также бесстыдство и низость попов позднейшего времени основали учение, именуемое ими Евангелием. Они заявляют, что история эта предвещает зачатие Иисуса Христа помолвленной и позднее вышедшей замуж женщиной, которую они именуют девственницей, от духа, которого они называют святым, через семьсот лет после того, как была рассказана упомянутая глупая история. В это учение я не верю нисколько и без колебаний скажу, что оно столь же вымысленно и лживо, сколь истинен бог*.

Но для того чтобы показать лживость Исаяи, нам достаточно только обратить внимание на продолжение истории. Хотя Исаяя хранит об этом молчание, в 28-й главе второй книги Паралипоменон сообщается, что эти два царя, вместо того чтобы потерпеть поражение в войне против Ахаза, царя иудейского, как именем господина предсказывал Исаяя, имели успех. Ахаз потерпел поражение и был разбит; сто двадцать тысяч его людей были убиты; Иерусалим был разграблен, а двести тысяч женщин, сыновей и дочерей были уведены в плен. Но довольно об этом лжепророке и обманщике Исаяе и лживой книге, носящей его имя.

Я перехожу к книге Иеремии. Этот пророк, как его называют, жил в то время, когда Навуходоносор оса-

* В 14-м стихе 7-й главы говорится, что сын должен быть назван Эммануил; но это имя не было дано ни одному из обоих детей иначе как в качестве определения, которое означает это слово⁴⁶. Сын пророчицы был назван Магершелад-хаш-баз, а сын Марии — Иисус.

дил Иерусалим, в царствование Седекии, последнего царя Иудеи. Против него возникло сильное подозрение в том, что он изменил евреям в пользу Навуходоносора. Все, что касается Иеремии, характеризует его как двуличного человека. В своей метафоре о сосуде и глине (гл. 18) он так хитроумно и сдержанно формулирует свои предсказания, что всегда оставляет лазейку, в которую можно было бы ускользнуть в случае, если события будут развиваться вопреки тому, что он предсказал.

В 7-м и 8-м стихах этой главы он заставляет всемогущего сказать: «Иногда я скажу о каком-либо народе и царстве, что искореню, сокрушу и погублю его; но если народ этот, на который я это изрек, обратится от своих злых дел, я отлагаю то зло, которое помыслил сделать ему». Здесь сделана оговорка по поводу одной стороны дела; теперь по поводу другой.

Стихи 9 и 10: «А иногда скажу о каком-нибудь народе и царстве, что устрою и утвержу его; но если он будет делать злое перед очами моими и не слушаться гласа моего, я отменю то добро, которым хотел облагодетельствовать его». Согласно такому построению пророчества, пророк никогда не ошибется, хотя всемогущий может ошибаться. Подобные абсурдные увертки и эта манера говорить о всемогущем, как говорят о человеке, несообразна ни с чем, кроме глупости Библии.

Что же касается подлинности книги, то достаточно прочесть ее, чтобы положительно решить, что Иеремия не был ее автором, хотя некоторые отрывки в ней могли быть им высказаны. Исторические части, если только их можно так назвать, сильнейшим образом перепутаны; одни и те же события излагаются по нескольку раз, каждый раз в иной манере, а иногда в полном противоречии друг с другом. Такой беспорядок продолжается до самой последней главы, где история, которой посвящена большая часть книги, начинается заново и неожиданно обрывается.

Книга похожа на сборник бессвязных анекдотов о лицах и событиях того времени, соединенных вместе так грубо, как если бы различные противоречивые

сообщения, которые можно найти в пачке газет, о лицах и событиях настоящего времени были собраны вместе без дат, порядка или пояснения. Я приведу несколько примеров такого рода.

Из 37-й главы явствует, что армия Навуходоносора, называемая войском халдеев, в течение некоторого времени осаждала Иерусалим. Услышав, что армия египетского фараона идет против нее, она сняла осаду и временно отступила.

Здесь надо упомянуть, чтобы стала понятна эта запутанная история, что Навуходоносор осадил и взял Иерусалим в царствование Иоакима, предшественника Седекии, и именно Навуходоносор сделал Седекию царем или, скорее, вице-королем, а эта вторая осада, о которой говорит книга Иеремии, была вызвана восстанием Седекии против Навуходоносора. Это в некоторой степени объясняет, почему Иеремию заподозрили в предательстве в пользу Навуходоносора, которого Иеремия в 43-й главе (ст. 10) называет слугой божьим. 11-й [12-й и 13-й] стих 37-й главы гласит: «В то время, как войско Халдейское отступило от Иерусалима, по причине войска фараонова, Иеремия пошел из Иерусалима, чтобы уйти в землю Вениаминову, скрываясь оттуда среди народа. Но когда он был в воротах Вениаминовых, бывший там начальник стражи, по имени Иреия, сын Селемии, сына Анании, задержал Иеремию пророка, сказав: «ты хочешь перебежать к халдеям?»» Будучи, таким образом, задержан и обвинен, Иеремия после допроса был заточен в тюрьму по подозрению в предательстве, где и оставался, как утверждается в последнем стихе этой главы.

Но в последующей главе о заточении Иеремии сообщается иначе, без связи с первым рассказом. Его заточение приписывается другим обстоятельствам, для выяснения которых надо вернуться к 21-й главе. Там утверждается (ст. 1), что Седекия послал Пасхора, сына Малхиина, и Софонию, сына Маасея, священника, к Иеремии, чтобы осведомиться у него о Навуходоносоре, чья армия стояла тогда под Иерусалимом. И Иеремия сказал им (ст. 8 и 9): «И народу сему скажи: так говорит господь: вот я предлагаю вам путь

жизни и путь смерти. Кто останется в этом городе, тот умрет от меча, и голода, и моровой язвы; а кто выйдет и предастся халдеям, осаждающим вас, тот будет жив, и душа его будет ему вместо добычи».

Этот разговор внезапно обрывается в конце 10-го стиха 21-й главы. Книга же эта находится в таком беспорядке, что для отыскания продолжения этого совещания мы должны пропустить шестнадцать глав, трактующих о различных предметах. Как я уже упоминал, мы приходим к первому стиху 38-й главы.

38-я глава начинается словами: «И услышали Сафатия, сын Матфана, и Годолия, сын Пасхора, и Юхал, сын Селемии, и Пасхор, сын Малхии» (здесь упоминается больше лиц, чем в 21-й главе) «слова, которые Иеремия произнес ко всему народу, говоря: *Так говорит господь: кто останется в этом городе, умрет от меча, голода и моровой язвы; а кто выйдет к Халдеям, будет жив, и душа его будет ему вместо добычи, и он останется жив*» (но это же слова из указанного разговора). Тогда (сказали они Седекки): «Да будет этот человек предан смерти, потому что он ослабляет руки воинов, которые остаются в этом городе, и руки всего народа, говоря к ним такие слова; ибо этот человек не благоденствия желает народу сему, а бедствия». А в 6-м стихе сказано: «Тогда взяли Иеремию и бросили его в яму Малхии».

Эти два рассказа отличаются друг от друга и противоречат друг другу. Один связывает заточение Иеремии с его попыткой сбежать из города, другой — с его проповедью и пророчеством в городе. Один говорит, что его схватила стража у ворот, другой — что его собеседники обвинили его перед Седеккией*.

В следующей главе (39-й) мы встречаем другой

* Я обнаружил, что две главы, 16-я и 17-я, в первой книге Самуила [1-й книги Царств] так же противоречат одна другой в отношении Давида и его знакомства с Саулом, как 37-я и 38-я главы книги Иеремии противоречат одна другой относительно причины заточения Иеремии.

В 16-й главе Самуила [1-й книги Царств] говорится, что злой дух от бога возмущал Саула и слуги его посоветовали ему (для облегчения) «поискать человека, искусного в игре на гуслях». И Саул сказал [ст. 17]: «Найдите мне человека,

пример беспорядочного состояния этой книги. Ибо, несмотря на то что осада города Навуходоносором была уже предметом нескольких предшествующих глав, в частности 37-й и 38-й, 39-я глава начинается так, как будто об этом не было сказано ни слова и как будто читателю надо сообщить обо всех подробностях осады, ибо глава начинается со слов (ст. 1): «В девятый год Седекии, царя Иудейского, в десятый месяц, пришел Навуходоносор, царь Вавилонский, со всем войском своим к Иерусалиму, и обложил его»⁴⁷ и т. д.

Но еще более яркий пример последней главы (52-й), ибо, хотя история неоднократно рассказывалась, эта глава все еще предполагает, что читатели о ней ничего не знают, поскольку она начинается со слов: «Седекия был двадцати одного года, когда начал царствовать, и царствовал в Иерусалиме одиннадцать лет; имя матери его — Хамуталь, дочь Иеремии из Ливны» (ст. 1), и «в девятый год его царствования, в десятый месяц, в десятый день месяца, пришел Навуходоносор, царь

хорошо играющего на гуслях, и представьте *его* ко мне. Тогда один из слуг его сказал: вот я видел у Иессея Вифлеемлянина сына, умеющего играть, человека храброго и воинственного; и разумного в речах и видного собою, и господь с ним. И послал Саул вестников к Иессею и сказал: пошли ко мне Давида, сына твоего». «И [ст. 21] пришел Давид к Саулу и служил перед ним, и очень понравился ему и сделался его оруженосцем... И когда дух от бога бывал на Сауле [ст. 23], то Давид, взяв гусли, играл,— и отраднее и лучше становилось Саулу».

Но следующая глава [17-я] содержит совершенно отличный от этого рассказ о том, каким образом познакомились Давид и Саул. Здесь описывается встреча Давида с Голиафом, когда он был послан отцом отнестя провизию в стан братьям. В 55-м стихе этой главы говорится: «Когда Саул увидел Давида, выходящего против Филистимлянина, то сказал Авениру, начальнику войска: Авенир! чей сын этот юноша? Авенир сказал: да живет душа твоя, царь; я не знаю. И сказал царь: так спроси, чей сын этот юноша? Когда же Давид возвращался после поражения Филистимлянина, то Авенир взял его и привел к Саулу, и голова Филистимлянина была в руке его. И спросил его Саул: чей ты сын, юноша? И отвечал Давид: сын раба твоего, Иессея из Вифлеема». Два этих рассказа прямо обвиняют друг друга во лжи, ибо каждый из них подразумевает, что Саул и Давид не знали друг друга до встречи. Эта книга, Библия, смехотворна до того, что стоит ниже всякой критики.

Вавилонский, сам и все войско его, к Иерусалиму, и обложили его, и устроили вокруг него насыпи» (ст. 4) и т. д.

Невероятно, чтобы автором этой книги мог быть один человек, тем более Иеремия. Ошибки, содержащиеся в ней, таковы, что они не могли быть сделаны человеком, единолично сочинявшим работу. Если бы я или кто-либо другой писал столь беспорядочно, никто не стал бы читать написанное и каждый предположил бы, что автор — сумасшедший. Поэтому единственное объяснение этой беспорядочности состоит в том, что книга — собрание отдельных, недостоверных анекдотов, сведенных вместе каким-то тупым писакой под именем Иеремия, ибо многие из них говорят о нем и о событиях времен его жизни.

Я упомяну о двух примерах двуличия и лживых предсказаний Иеремии, после чего продолжу рассмотрение остальной части Библии.

Из 38-й главы явствует, что, когда Иеремия находился в темнице, Седекия послал за ним и в частном разговоре, состоявшемся между ними, Иеремия убеждал Седекию сдаться врагу. «Если,— говорит он (ст. 17),— ты... выйдешь к князьям царя Вавилонского, то жива будет душа твоя» и т. д. Седекия опасался, что о содержании этого разговора узнают, и сказал Иеремии (ст. 25): «И если услышат князья (подразумевая князей Иудей), что я разговаривал с тобою, и придут к тебе, и скажут тебе: «скажи нам, что говорил ты царю, не скрой от нас, и мы не предадим тебя смерти,— и также что говорил тебе царь», то скажи им: я повергнул пред лицо царя прошение мое, чтобы не возвращать меня в дом Ионафана, чтобы не умереть там». И пришли все князья к Иеремии, и спрашивали его, и он сказал им согласно со всеми словами, какие царь велел сказать».

Таким образом, этот человек божий, как его называют, мог солгать или сильно покривить душой, когда полагал, что это отвечает его намерениям. Ибо ясно, что он пошел к Седекии не для того, чтобы подать прошение, да он и не подавал его. Он пошел, потому что был послан, и использовал эту возможность для

того, чтобы посоветовать Седекии сдаться Навуходоносору.

В 34-й главе содержится следующее пророчество Иеремии, сделанное Седекии (ст. 2): «Говорит господь, бог Израилев: иди и скажи Седекии, царю Иудейскому, и скажи ему: так говорит господь: вот я отдаю город сей в руки царя Вавилонского,— и он сожжет его огнем; и ты не избежишь от руки его, но непременно будешь взят и предан в руки его, и глаза твои увидят глаза царя Вавилонского, и уста его будут говорить твоим устам, и пойдешь в Вавилон. *Впрочем, слушай слово господне, Седекия, царь Иудейский! так говорит господь о тебе: ты не умрешь от меча; ты умрешь в мире, и как для отцов твоих, — прежних царей, которые были прежде тебя, — сожигали при погребении благоволия, так сожгут и для тебя, и оплачут тебя: «увы, государь», ибо я изрек это слово, говорит господь».*

И вот, вместо того чтобы Седекии узреть глаза царя Вавилонского, и говорить с ним из уст в уста, и умереть в мире, вместо воскурения благоволий, как на похоронах его отцов (что, по заявлению Иеремии, определил сам господь), дело обернулось, согласно 52-й главе, совершенно иначе. Там говорится (ст. 10): «И заколол царь Вавилонский сыновей Седекии пред глазами его, и всех князей Иудейских заколол в Ривле; а Седекии выколол глаза, и велел оковать его медными оковами и отвел его царь Вавилонский в Вавилон и посадил его в дом стражи до дня смерти его». Что же в таком случае можем мы сказать об этих пророках, кроме того, что все они — обманщики и лжецы?

Что касается Иеремии, то он не испытал подобных бед. Он был благосклонно принят Навуходоносором, который поручил его заботам начальника телохранителей (гл. 39, ст. 12): «Возьми его и имей его во внимании, и не делай ему ничего худого, но поступай с ним так, как он скажет тебе». Иеремия позже присоединился к Навуходоносору и пророчествовал в его пользу против египтян, которые шли на помощь Иерусалиму, когда тот был осажден. Сказанного довольно о другом из лживых пророков и о книге, носящей его имя.

И особенно тщательно исследовал книги, приписываемые Исае и Иеремии, потому что о них обоих говорится в книгах Царств и Паралипоменон, тогда как остальные пророки не упоминаются. Я не буду слишком заботиться об остальных книгах так называемых пророков, но рассмотрю их вместе с теми замечаниями, которые я хочу сделать о характере людей, величаемых пророками.

В первой части «Века разума» я сказал, что слово «пророк» употребляется в Библии для обозначения поэта и что выражения и метафоры еврейских поэтов по глупости возведены в ранг того, что ныне называется пророчествами. Мое мнение достаточно оправдано не только потому, что книги, именуемые пророческими, написаны поэтическим языком, но и потому, что для описания того, что мы подразумеваем под словом «поэт», в Библии нет иного слова, кроме слова «пророк».

Я уже сказал также, что это слово обозначает исполнителя на музыкальных инструментах, несколько примеров чему я привел; таков рассказ о сонме пророков, которые пророчествовали с псалтирью, тимпаном, свирелью и гуслями и с которыми вместе пророчествовал Саул (1-я Сам. [Царств], гл. 10, ст. 5).

Из этого отрывка и из других частей книги Самуила [Царств] явствует, что слово «пророк» применялось для обозначения [сочинителя] поэзии и музыки, ибо лицо, которое, как предполагалось, имело способность провидеть будущее, называлось не пророк, а *провидец* (Seer) * (1-я Сам. [Царств], гл. 9, ст. 3), и до тех пор, пока слово *провидец* не вышло из употребления (что, вероятнее всего, произошло, когда Саул выгнал из страны тех, кого он называл волшебниками), профессия провидца, или искусство предсказывать, не включалась в понятие пророка.

Согласно *современному* значению слов «пророк» и «пророчество», они означают предсказание событий за

* Я не знаю, какое еврейское слово соответствует слову *провидец* на английском; на французский оно переведено словом *le voyant* от глагола *voir* — *видеть*, что означает лицо, которое *видит*, или провидца⁴⁸.

много времени до их совершения, и сочинителям Евангелия требовалось придать им эту широту смысла, чтобы перенести так называемые пророчества Ветхого завета на времена, к которым относится Новый. Но согласно Ветхому завету, пророчество провидца, а позже пророка, поскольку смысл слова «провидец» был включен в понятие пророка, имело в виду только события их собственного времени или же тесно с ним связанные, как, например, битва, в которую они собирались вступить, или путешествие, или любое дело, которое они собирались предпринять, или какое-нибудь тогдашнее обстоятельство, или какое-либо затруднение, в котором они тогда оказались, т. е. все имевшее к ним самим непосредственное отношение, как в уже упоминавшемся случае с Ахазом и Исайей выражение: «Дева во чреве примет и родит сына», но никак не к отдаленному будущему.

Такие пророчества соответствуют тому, что мы называем гадаанием, как, например, вычисление времени рождения, предсказания богатства, счастливых и несчастных браков, розыск пронажи и т. д. Ложь христианской, а не еврейской церкви, невежество и предрассудки новейших, а не древних времен — вот что возвысило этих поэтов, музыкантов, заклинателей, толкователей снов, бродячих актеров в ранг пророков.

Но кроме этих общих черт всех пророков они имели также свои особенности. Они разделялись на партии и пророчествовали за или против согласно тому, к какой партии они принадлежали, как сегодняшние поэты и политические писатели ищут в защиту партии, к которой они примкнули, и против другой.

После того как евреи разделились на два народа, Иудеи и Израиля, каждый из них имел своих пророков, которые бранили и обвиняли друг друга в лжепророчестве, обмане и т. д.

Пророки иудейской партии пророчествовали против пророков израильской партии, а израильские — против иудейских. Пророчества в пользу той или иной партии появились немедленно после деления, при первых двух соперничавших царях, Ровоаме и Иеровоаме.

Пророк, который проклинал алтарь, воздвигнутый Иеровоамом в Ветеле, и пророчествовал против него, принадлежал к партии Иудеи, где царствовал Ровоам. По возвращении домой его подстерег пророк израильской партии, который сказал ему (1-я [3-я] Царств, гл. 10) ⁴⁹: «Ты ли человек божий, пришедший из Иудеи? и тот сказал, я». Тогда пророк израильской партии сказал ему: «И я пророк, такой же, как ты» (имея в виду пророка иудейского) «и ангел говорил мне словом господним и сказал: вороти его к себе в дом; пусть поест он хлеба и напьется воды, но» (говорит 18-й стих) «он солгал ему».

Однако это происшествие, согласно рассказу, закончилось тем, что иудейский пророк так и не вернулся в Иудею, ибо был найден мертвым на дороге, стараниями израильского пророка, который, без сомнения, был назван его партией истинным пророком, тогда как иудейский пророк — лжепророком.

В третьей главе второй [четвертой] книги Царств сообщается история пророчеств или заклинаний, которая несколько подробнее характеризует пророка. Иосафат, царь иудейский, и Иорам, царь израильский, на время прекратили вражду и заключили союз. Вместе с царем едомским они начали войну против царя моавитского.

Объединив свои армии и тронувшись в поход, говорит книга, они испытывали отчаянную нужду в воде. Иосафат сказал: «Нет ли здесь пророка господня, чтобы нам спросить слово господя через него. И отвечал один из слуг царя Израильского и сказал: здесь Елисей» (Елисей был из иудейской партии). «И сказал Иосафат: есть у него слово господне».

Затем говорится, что эти три царя пошли к Елисею; и когда Елисей (который, как я говорил, был иудейским пророком) увидел царя израильского, он сказал ему: «Что мне и тебе? пойдя к пророкам отца твоего и к пророкам матери твоей. И сказал ему царь Израильский: нет, потому что господь созвал сюда грех царей сих, чтобы предать их в руку Моава» (имея в виду постигшее их бедствие из-за недостатка воды), на что Елисей сказал: «Жив господь Сава-

оф, перед которым я стою! Если бы я не почитал Иосафата, царя Иудейского, то не взглянул бы на тебя и не видел бы тебя». Вот где вся ядовитость и грубость пророка, выступающего на стороне определенной партии. Теперь нам следует взглянуть на то, как осуществляется само пророчество.

Ст. 15: *«Теперь позовите мне, — сказал Елисей, — гуслиста. И когда гуслист играл на гуслях, тогда рука господня коснулась Елисея».* Это — фарс заклинателя. А теперь пророчество: «И он сказал» (вероятнее всего, спел на тот мотив, который исполнялся на гуслях), «так говорит господь: делайте на этой долине рвы за рвами», говоря им на этот раз безо всяких шуток то же самое, что сказал бы любой крестьянин, а именно: что для того, чтобы получить воду, следует вырыть колодец.

Но не каждый заклинатель одинаково прославляется за совершение одного и того же дела. То же относится и к пророкам, ибо, хотя все они, по меньшей мере те, о которых я говорил, славились лживостью, некоторые из них выделялись способностью проклинать. Елисей, которого я уже упоминал, был главным в последней категории. Это он во имя господа проклял тех сорок двух детей, которых растерзали две медведицы, вышедшие из леса. Следует предположить, что эти дети были детьми израильской партии; но поскольку проклинаящий обычно склонен ко лжи, в историю о двух медведицах можно верить так же, как и в историю о драконе из Уонтли, о котором говорится:

Он растерзал троих несчастных детей,
Которые не могли с ним бороться,
И одним глотком он съел их,
Как человек съел бы яблоко.

А вот еще одно описание так называемых пророков, которые забавлялись снами и видениями, но днем или ночью, мы не знаем. Они были если и не совсем безвредны, то лишь немного злонамеренны. К ним принадлежали Иезекииль и Даниил; и первый вопрос при исследовании их книг, как и всех других, таков: подлинны ли они, т. е. были ли они написаны Иезекиилем и Даниилом?

Доказательств этому нет, но что касается моего мнения, я скорее склонен поверить, что это так, а не иначе. Основания моего мнения следующие.

Во-первых, эти книги не содержат свидетельств о том, что они не были написаны Иезекиилем и Даниилом, так как то было с книгами Моисея, Иисуса [Навина], Самуила и др.

Во-вторых, они не были написаны до начала вавилонского пленения, и есть веские основания считать, что ни одна из книг Библии не была написана ранее этого периода. По меньшей мере из самих книг можно вывести, как я уже показал, что они были написаны не ранее возникновения Еврейского государства.

В-третьих, стиль, которым написаны книги, приписываемые Иезекиилю и Даниилу, согласуется с условиями, в которых находились их авторы в период, когда писались сами книги.

Если бы многочисленные комментаторы и священники, так глупо расточавшие свое время в попытках истолковать и разгадать эти книги, сами были уведены в плен, как это случилось с Иезекиилем и Даниилом, их разум сильно усовершенствовался бы и им стало бы понятнее, почему книги написаны таким образом, а это спасло бы их от мук бесцельного выдумывания, которым они занимались. Ибо они оказались бы перед необходимостью скрытым образом описать то, что случилось с ними и с их друзьями или с их страной, как это пришлось сделать нашим авторам.

Эти две книги отличаются ото всех остальных, ибо только они наполнены рассказами о снах и видениях; и это различие проистекает из положения писателей, оказавшихся в качестве военнопленных или государственных преступников в чужой стране, что обязывало их передавать друг другу даже самую пустячную информацию, не говоря уже о политических проектах или мнениях, в темных и метафорических выражениях. Они делали вид, будто сообщают сны и видения, поскольку для них небезопасно было излагать факты или говорить ясным языком.

Однако мы должны предположить, что лица, которым они писали, понимали, что имелось в виду, а

кто-либо другой не должен был этого понимать. Между тем наши важные комментаторы и священники упреждают свое остроумие в попытках раскрыть то, что явно не предназначено для их понимания и с чем им нечего делать.

Иезекииль и Даниил были уведены пленниками в Вавилон во время первого пленения, в царствование Иоакима, за девять лет до второго пленения, случившегося во время Седекии.

Евреи были тогда еще многочисленны и имели в Иерусалиме значительные силы. Естественно предположить, что люди, оказавшиеся в положении Иезекииля и Даниила, думали о восстановлении своей страны и о своем собственном освобождении. Есть основания предположить, что рассказы о снах и видениях не что иное, как замаскированный способ переписки о достижении этих целей, служивший им вместо шифра или секретного алфавита. Если это не так, то они — сказки, мечты и бессмыслица или по меньшей мере фантастический способ скоротать томительную скуку пленения; но мы предполагаем первое.

Иезекииль начинает свою книгу рассказом о видении *херувимов и колеса, находящегося в колесе*, которое, как он говорил, он видел при реке Ховаре, в земле своего пленения. Не разумно ли предположить, что под херувимами он подразумевал храм в Иерусалиме, где были изображены фигуры херувимов? А под «колесом в колесе» (образ, всегда символизировавший политический замысел) проект или средство восстановления Иерусалима?

В последней части этой книги он видит себя перенесенным в Иерусалим, в храм; он вновь ссылается на видение при реке Ховаре и говорит (гл. 43, ст. 3), что последнее видение похоже на видение при реке Ховаре. Это указывает, что мнимые сны и видения имели целью восстановление Иерусалима и ничего больше.

Что же касается романтических толкований и приложений, то они столь же дики, как и те сны и видения, которые они призваны объяснить. Сочиняя их, комментаторы и священники стремятся превратить

сны и видения в так называемые пророчества и перенести их на времена и обстоятельства, столь отдаленные от них, как, например, наши дни. Это указывает на крайности обмана и безумия, до которых могут дойти легковерные люди и духовенство.

Едва ли можно найти что-либо более абсурдное, чем предположение, будто людям в положении Иезекииля и Даниила, чья страна опустошена и захвачена врагом, чьи друзья и родственники или в плену за границей, или в рабстве у себя дома, или убиты, или в постоянной опасности; едва ли, я повторяю, есть что-либо абсурднее предположения, что таким людям нечего делать, кроме как проводить свое время в раздумьях о том, что должно случиться с другими народами через тысячу или две тысячи лет после того, как они умрут. В то же самое время нет для них ничего естественнее, как размышлять о восстановлении Иерусалима и о своем собственном освобождении. И такова на деле единственная цель всех темных и внешне безумных писаний, содержащихся в этих книгах.

В этом смысле стиль, используемый в двух указанных книгах, будучи выбран по необходимости, а не произвольно, не иррационален. Если же нам следует рассматривать обе книги как пророчества, то они лживы. В 29-й главе Иезекииля, говорящей о египетской земле, сказано (ст. 11): «...не будет проходить по ней нога человеческая, и нога скотов не будет проходить по ней, и не будут обитать на ней сорок лет». Этого никогда не произойдет, и, следовательно, как пророчество это утверждение такая же ложь, как и все уже исследованные мной книги. Я кончаю здесь с этим вопросом.

В первой части «Века разума» я говорил об Ионе и его истории с китом. История, достойная презрения, если она была написана в расчете, что в нее поверят, и смеха, если ее написали с намерением испытать, что может проглотить легковерие; ибо если оно способно проглотить Иону и кита, то сможет проглотить что угодно.

Но, как уже показано в замечаниях на книгу Иова и на Притчи, не всегда точно известно, какая из книг

Библия является еврейской по своему происхождению, а какая — переводом языческой книги на еврейский язык. А поскольку книга Ионы далека от еврейских дел, ничего о них не говорит, но вместе с тем говорит о язычниках, то более вероятно, что эта книга не еврейская, а языческая и что она была написана как басня с целью изобличить нелепость и сатирически изобразить порочный и злобный характер библейского пророка или пророчествующего священника.

Иона, во-первых, непокорный пророк, избегающий своей миссии и находящий убежище на корабле язычников, идущем из Иоппии в Фарсис, как будто бы он в своем неведении предположил, что эта жалкая уловка позволит ему укрыться там, где бог не сможет его найти. Корабль был захвачен бурей в море; моряки, все язычники, посчитали это приговором кому-то из находящихся на борту, кто совершил преступление, и решили бросить жребий, чтобы открыть преступника; жребий пал на Иону. Но до этого они выбросили за борт все свои товары, чтобы облегчить судно, пока Иона, как дурак, крепко спал в трюме.

После того как жребий пал на Иону как на преступника, они спросили его, кто он такой. Иона ответил, что *он еврей*, и подразумевается, что он сознался в своей вине.

Однако эти язычники, вместо того чтобы сразу же принести его в жертву, без жалости или милосердия, как это сделала бы в подобном случае с язычником компания библейских пророков или попов и как это Самуил, по рассказам, сделал с Агагом, а Моисей с женщинами и детьми, попытались спасти его, рискуя своей жизнью, ибо в книге говорится: «Но» (хотя Иона был евреем и иностранцем и причиной их несчастья и потери их груза) «эти люди начали усиленно грести, чтобы пристать к земле; но не могли, потому что море все продолжало бушевать против них».

Все же они не хотели привести в исполнение указание жребия и воззвали (говорится в рассказе) к господу, говоря (ст. 14): «Молим тебя, господи, да не погибнем за душу человека сего, и да не вменишь нам кровь невинную; ибо ты, господи, соделал, что

угодно тебе!» Этим они подразумевали, что не осмеливаются осудить Иону, ибо он может оказаться невиновным, но что рассматривают жребий, выпавший Ионе, как приказ бога или нечто *угодное ему*.

Обращение, содержащееся в этой молитве, показывает, что язычники поклонялись одному *верховному существу* и не были идолопоклонниками, как представляли их евреи. Но поскольку буря продолжалась, а опасность увеличивалась, они привели в исполнение указание жребия и бросили Иону в море, где, согласно книге, его проглотила целиком и заживо большая рыба.

Нам следует теперь обратить внимание на Иону, безопасно укрытого от бури в животе рыбы. Нам говорят, что он там молился; но молитва эта составлена из различных частей псалмов, собранных без всякой связи и последовательности и приспособленных к несчастью вообще, но вовсе не к обстоятельствам, в которых оказался Иона. Молитва эта такова, что язычник, знакомый с псалмами, мог списать ее оттуда.

Одно это обстоятельство, если бы даже не было других, достаточно указывает на вымысленность всей истории. Однако молитва, как предполагается, отвечала назначению, и история продолжается (с употреблением в то же самое время ханжеских выражений библейского пророка) (гл. 2, ст. 11): *«И сказал господь киту, и он изверг Иону на сушу»*.

Затем Иона получает новую миссию — проповедовать в Ниневии, с чем он и отправился туда. Теперь мы должны рассматривать его как проповедника. Можно подумать, что несчастье, которое он перенес, воспоминание о неповиновении, бывшем его причиной, и чудесное спасение, которое он, как предполагается, обрел, должны были вдохновить его на милосердие и сочувствие при выполнении его миссии. Но вместо того он вступает в город с оговором и злоречием на устах, восклицая (гл. 3, ст. 4): *«Еще сорок дней — и Ниневия будет разрушена»*.

Рассмотрим этого миссионера при выполнении последнего акта его миссии; здесь злая воля библейского пророка или пророчествующего попа является во всей

той черноте свойств, которые люди приписывают существу, именуемому ими дьяволом.

Высказав свои пророчества, он [Иона] вышел, как говорит книга, из города и сел с восточной стороны города. Но для чего? Не для того, чтобы в отдалении созерцать милость своего творца к себе или к другим, но со злорадным нетерпением ожидая разрушения Ниневии.

Однако, как рассказывается в книге, ниневитяне исправились, и бог, согласно библейской фразе, «пожалел... о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел». В первом стихе последней главы говорится: «Иона сильно огорчился этим и был раздражен». Его закостенелое сердце жаждало скорее уничтожения всей Ниневии и гибели в ее руинах старых и малых, чем неисполнения его предсказания.

То, что произошло далее, еще более разоблачает характер пророка. Ночью над головой его выросло растение, обещающее ему укрытие от солнечного жара в том месте, куда он удалился. Но на следующее утро оно засохло.

Здесь ярость пророка стала чрезвычайной, и он был готов просить себе смерти: «И сказал, лучше мне умереть, нежели жить». Это привело к тому, что всемогущий и пророк стали укорять друг друга, причем первый говорил: «Неужели так сильно огорчился ты за растение?» Он (Иона) сказал: «Очень огорчился, даже до смерти». Тогда сказал господь: «...ты сожалел о растении, над которым ты не трудился и которого не растил, которое в одну ночь выросло и в одну же ночь и пропало: мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой?»

Здесь и заключительное слово сатиры, и мораль басни. Как сатира, она бьет по характеру всех библейских пророков и по огульным приговорам мужчинам, женщинам и детям, приговорам, которыми наполнена эта лживая книга, Библия, таким, как потоп, разрушение Содома и Гоморры, истреблению хананейн вплоть до грудных младенцев и беременных жен-

щин. Ведь то же самое рассуждение о «ста двадцати тысячах человек, не умеющих отличить правой руки от левой», т. е. малых детей, приложимо во всех случаях. Она также сатирически изображает мнимую склонность творца к одному народу больше, чем к другому.

Как мораль, она выступает против злой воли предсказателей, ибо, когда человек предсказывает дурное, он склонен желать его. Надменное желание видеть свое предсказание исполненным ожесточает сердце, и он с удовольствием принимает его исполнение или с неудовольствием видит неудачу предсказания.

Книга кончается таким же сильным и бьющим в цель выступлением против пророков, пророчеств и огульных осуждений, как и глава, которую Бенджамин Франклин написал по поводу библейской истории об Аврааме и чужеземце и которая направлена против нетерпимого духа религиозных преследований⁵⁰. Сказанного о книге Ионы достаточно.

В первой части «Века разума», как и в этой, я уже говорил о поэтических частях Библии, называемых пророчествами. Я сказал, что в Библии слово *пророк* означает *поэт* и что образы и метафоры этих поэтов, многие из которых стали за давностью времени и изменением обстоятельств темными, странным образом были возведены в ранг пророчеств и применены к целям, о которых сами эти писатели никогда и не думали.

Когда священник цитирует какую-либо из этих выдержек, он разгадывает ее согласно своим собственным взглядам и навязывает своей пастве как мнение автора. *Вавилонская блудница*⁵¹ была общей блудницей всех попов, и каждый из них обвинял другого в содержании этой шлюхи; вот как они единодушны в своих объяснениях.

Теперь осталось лишь несколько книг, так называемых малых пророков, а поскольку я уже показал, что великие пророки — обманщики, было бы неприлично тревожить покой малых. Пусть себе спят в объятиях своих нянек, попов, и пусть все вместе будут забыты.

Итак, я прошел через всю Библию, как человек с топором проходит лес, валя деревья. Вот они лежат, а попы, если смогут, пусть взрастят их снова. Они могут, вероятно, воткнуть их в землю, но никогда не заставят их расти. Я же перехожу к книгам Нового завета.

Глава вторая

НОВЫЙ ЗАВЕТ

Новый завет, говорят нам, основан на пророчествах Ветхого завета. Если так, то его должна постигнуть участь его основания.

Поскольку нет ничего необычайного в том, что женщина оказалась беременной до того, как вышла замуж, а сын, родившийся у нее, был казнен, хотя бы и несправедливо, я не вижу оснований не верить, что существовали такие лица, как Мария, Иосиф и Иисус. Их существование само по себе безразлично, в него можно верить или не верить, по принципу: *пусть так, что из того?*

Однако вероятно, что такие лица или по меньшей мере сходные с ними в некоторых отношениях действительно существовали, ибо почти все романтические истории были навеяны некоторыми действительными обстоятельствами, подобно тому как приключения Робинзона Крузо, в которых ни одно слово не истинно, были навеяны приключениями Александра Селькирка ⁵².

Меня смущает не существование или несуществование этих лиц; басня об Иисусе Христе в том виде, как она рассказана в Новом завете, и возникшее из нее дикое и фантастическое учение — вот против чего я борюсь. История эта, взятая как она есть, богохульна и непристойна.

Она рассказывает о помолвленной молодой женщине и о том, как она, будучи помолвлена, была, говоря простым языком, растлена призраком под нечестивым предложением того, что «Дух святой найдет на тебя, и сила всевышнего осенит тебя» (Лук., гл. 1, ст. 35). Несмотря на это, Иосиф позже женился на ней, жил с ней

как с женой и в свою очередь соперничал с духом. Такова эта история, изложенная понятным языком, и, когда она так рассказывается, не найдется попа, который не устыдился бы ее*.

Непристойность в делах веры, хотя бы и замаскированная, всегда есть признак легенды и обмана. Ведь для серьезной веры в бога необходимо, чтобы мы не связывали ее с историями, которые наподобие этой сводятся к игривым истолкованиям. Эта история того же рода, что история о Юпитере и Леде, Юпитере и Европе или о любом другом любовном походе Юпитера, и она показывает, как уже утверждалось в первой части «Века разума», что христианская вера построена на языческой мифологии.

Исторические части Нового завета, касающиеся Иисуса Христа, охватывают очень короткий промежуток времени, менее чем два года, относятся к одной стране и почти к одному и тому же завету. Поэтому нельзя ожидать, что расхождения в указании времени, места и обстоятельств, которые раскрывают ложность книг Ветхого завета и доказывают их поддельность, будут найдены здесь в том же изобилии. Новый завет по сравнению с Ветхим подобен одноактному фарсу, в котором даже нет места для частого нарушения [классических] единств. Однако и здесь налицо несколько ярких противоречий, которые, даже если мы исключим ложность мнимых пророчеств, достаточны для того, чтобы показать ложность истории Иисуса Христа.

Я выскажу неоспоримое положение, что, во-первых, *согласие* всех частей истории не доказывает ее истинности, ибо части могут согласоваться, а целое может быть ложным. Во-вторых, *несогласованность* частей истории доказывает, что *целое не может быть истинным*. Согласованность не доказывает истинности, но несогласованность положительно доказывает ложность.

История Иисуса Христа содержится в четырех книгах, приписываемых Матфею, Марку, Луке и

* Мария, мнимая дева,— мать Христа, имела несколько других детей, сыновей и дочерей (см. Матф., гл. 13, ст. 55, 56).

Иоанну. Первая глава Матфея начинается с генеалогии Иисуса Христа, а в третьей главе Луки также дается его генеалогия. Если они согласуются, это не доказывает истинности генеалогии, ибо тем не менее она может оказаться подложной. Но поскольку они противоречат друг другу во всех подробностях, это абсолютно доказывает их ложность.

Если Матфей высказывает истину, то Лука лжет, а если Лука высказывает истину, лжет Матфей. И поскольку нет оснований верить одному больше, чем другому, нет оснований верить им вообще. А если им нельзя поверить в первом же, что они говорят и хотят доказать, то они не могут претендовать на доверие ко всему тому, что они говорят позже.

Истина едина. Что касается вдохновения и откровения, то уж если они должны быть нами допущены, невозможно предположить их противоречивость. В таком случае или так называемые апостолы — обманщики, или же книги, приписываемые им, были написаны другими и только закреплены за апостолами, как то было с книгами Ветхого завета.

Евангелие от Матфея (гл. 1, ст. 6) дает поименную родословную, которая от Давида через Иосифа, мужа Марии, исходит к Христу; и в ней насчитывается *двадцать восемь* поколений. Евангелие от Луки также дает поименную родословную, которая от Христа через Иосифа, мужа Марии, восходит до Давида и насчитывает *сорок три* поколения. Кроме того, в этих двух списках совпадают только два имени — Давида и Иосифа.

Я помещаю оба генеалогических списка, для ясности и [возможности] сравнения расположив их в одном и том же направлении — от Иосифа к Давиду.

Ну, а если Матфей и Лука начали с расхождений (как показывают эти родословные) в самом начале истории Иисуса Христа относительно того, кем он был, то какие основания остаются у нас (как я уже спрашивал) для того, чтобы поверить в странные вещи, которые они нам потом рассказывают? Если им нельзя верить даже относительно его естественной родословной, почему должны мы верить, когда они гово-

рят нам, что он был сын божий, зачатый духом [святым], и что ангел сообщил об этом по секрету его матери? Если они солгали в одной родословной, почему мы должны им верить в другой?

Если его земная родословная выдумана, что очевидно, почему бы нам не предположить, что выдумана и небесная и что все в целом — вымысел? Может ли серьезно мыслящий человек рискнуть основать свое будущее счастье на вере в историю, невозможную с естественной точки зрения, несовместимую с благопристойностью и переданную людьми, уже уличенными во лжи? Не безопаснее ли остановиться на простой, чистой и неподложной вере в одного бога, какой является деизм, чем ввериться океану невероятных, неразумных, непристойных и противоречивых сказок?

Однако первый вопрос к книгам Нового завета, как и Ветхого, таков: подлинны ли они? Были ли они написаны лицами, которым они приписываются? Ибо только на этом основании поверили в странные вещи, рассказываемые в них. Относительно этого пункта нет *прямых доказательств за или против*, и все, что доказывается таким состоянием вопроса, это *их сомнительность*, а сомнение противоположно вере. Поэтому положение, в котором находятся эти книги, свидетельствует против них, насколько допустим такой способ доказательства.

Но и не говоря уже об этом, следует предположить, что книги, именуемые евангелиями и приписываемые Матфею, Марку, Луке и Иоанну, не были написаны Матфеем, Марком, Лукой и Иоанном, а являются подложными. Беспорядочное изложение в этих четырех книгах, умолчание в одной книге о предметах, упоминаемых в другой, и несогласие между ними доказывают, что они — плод творчества отдельных лиц, которые спустя много лет после описываемых ими событий сочиняют каждый свою собственную легенду. Они — не писания людей, живущих в тесном общении друг с другом, как, по предположению, жили люди, именуемые апостолами. Короче, они были сфабрикованы подобно книгам Ветхого завета иными лицами, чем те, чьи имена они носят.

Генеалогия по Матфею	Генеалогия по Луке	
Христос	Христос	
2. Иосиф	2. Иосиф	23. Нирия
3. Иаков	3. Илия	24. Мелхия
4. Матфан	4. Матфат	25. Алдий
5. Елеазар	5. Левия	26. Косам
6. Елиуд	6. Мелхия	27. Елмодам
7. Ахим	7. Ианнай	28. Ир
8. Садок	8. Иосиф	29. Иосия
9. Азор	9. Маттафия	30. Елиезер
10. Елиаким	10. Амос	31. Иорим
11. Авиуд	11. Наум	32. Матфат
12. Зоровавель	12. Еслим	33. Левия
13. Салафииль	13. Наггей	34. Симеон
14. Иехония	14. Мааф	35. Иуда
15. Иосия	15. Маттафия	36. Иосиф
16. Амон	16. Семеня	37. Ионан
17. Манассия	17. Иосиф	38. Елиаким
18. Езекия	18. Иуда	39. Мелеая
19. Ахаз	19. Иоаннан	40. Маинан
20. Иоафам	20. Рисай	41. Маттафа
21. Озия	21. Зоровавель	42. Нафан
22. Иорам	22. Салафииль	43. Давид
23. Иосафат		
24. Аса		
25. Авия		
26. Ровоам		
27. Соломон		
28. Давид*		

* С рождения Давида до рождения Христа прошло 1080 лет; и если не включать время жизни Христа, здесь всего 27 полных поколений. Поэтому, чтобы определить средний возраст каждого из упомянутых в списке лиц в тот момент, когда родился его первый сын, необходимо только разделить 1080 лет на 27, что составит 40 лет для каждого. Поскольку продолжительность жизни была тогда приблизительно такой же, как и сейчас, нелепо предположить, что все 27 поколений были старыми холостяками, прежде чем женились; тем более, когда нам говорят, что Соломон, следующий за Давидом, имел полный дом жен и наложниц до того, как ему исполнился двадцать один год. Далекая от истины, эта родословная не является даже разумной ложью. Список Луки дает в качестве среднего возраста около двадцати шести лет, но это также слишком много.

История об ангеле, возвещающем то, что церковь называет *непорочным зачатием*, лишь бегло упомяну-та в книгах, приписываемых Марку и Иоанну, и по-разному передается у Матфея и Луки. Первый гово-рит, что ангел явился Иосифу, второй — что Марии. Но и Иосиф и Мария — наилучшие свидетели, каких только можно придумать, ибо другие должны были бы свидетельствовать *за них*, а не они сами за себя.

Если бы сейчас какая-нибудь беременная девушка сказала или даже поклялась, что она зачала от духа и что ангел сказал ей это, поверили бы ей? Конечно, нет. Почему же тогда должны мы верить тому же относительно другой девушки, которую мы никогда не видели, причем это рассказано нам неизвестно кем, когда и где? Как странно и несостоятельно, что то же самое обстоятельство, которое ослабило бы доверие даже к правдоподобной истории, выдается за мотив доверия к тому, что на челе своем несет знак абсолютной невероятности и обмана!

История об Ироде, истребившем всех младенцев до двухлетнего возраста, целиком принадлежит книге Матфея. Ни одна из остальных книг ничего об этом не упоминает. Если бы такое событие произошло на самом деле, оно стало бы известно всем писателям, и само событие было бы слишком поразительным, чтобы кто-нибудь из них его пропустил.

Этот писатель [Матфей] говорит нам, что Иисус избежал избиения, ибо Иосиф и Мария были предупреждены ангелом и бежали с ним в Египет; но он забыл упомянуть об Иоанне [Крестителе], которому было тогда меньше двух лет от роду. Однако Иоанн, который остался, уцелел так же, как и Иисус, который бежал. И поэтому история кругом изобличает себя.

Ни один из этих писателей не цитирует *точно в тех же словах* ту надпись, как ни коротка она, кото-рая, по их словам, была повешена над Христом, ког-да он был распят. Кроме того, Марк говорит: «Он был распят в третьем часу» (в девять утра), а Иоанн — что это произошло в шестом часу (полдень) *.

* Согласно Иоанну, приговор не был вынесен до шестого часа (полдень), и, следовательно, казнь не могла совершиться

Надпись так передается в этих книгах:

Матфей
Марк
Лука
Иоанн

Сей есть Иисус царь Иудейский.
Царь Иудейский.
Сей есть царь Иудейский.
Иисус Назорей царь Иудейский.

Из этих обстоятельств, сколь они ни тривиальны, мы можем заключить, что эти писатели, кто бы они ни были и когда бы они ни жили, не присутствовали при казни. Единственный из так называемых апостолов, бывший как будто у места казни, это Петр, и когда его обвинили в том, что он один из последователей Иисуса, то, как сказано: «Тогда он начал клясться и божиться, что не знает сего человека» (Матф., гл. 26, ст. 74). И все же нас теперь призывают верить тому же самому Петру, виновному, по его же собственным словам, в предательстве. На каком основании и в силу какого авторитета пойдём мы на это?

Рассказ о том, что, как нам говорят, произошло во время распятия, по-разному передается в каждой из четырех книг.

Книга, приписываемая Матфею, гласит: «От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого» (гл. 27, ст. 45). «И вот, завеса в храме раздралась надвое, сверху донизу; и земля потряслась; и камни расселись; и гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли, и вышедши из гробов по воскресении его, вошли во святой град и явились многим» (ст. 51, 52, 53). Так сообщает этот смелый автор книги Матфея. Но его не поддерживают в этом авторы остальных книг.

Автор книги, приписываемой Марку, описывая подробности распятия, не упоминает ни о землетрясении, ни о том, что расселись камни, ни о раскрывшихся могилах, ни о вышедших из них мертвецах. Автор книги Луки также умалчивает об этом. Что же касается

ранее полудня; но Марк ясно говорит, что он был распят в третьему часу (в девять утра) (гл. 15, ст. 25, Иоанн, гл. 19, ст. 14).

автора книги Иоанна, то, хотя он подробно описывает все обстоятельства распятия, вплоть до похорон Христа, он ничего не говорит ни о тьме, ни о завесе в храме, ни о землетрясении, ни о камнях, ни о могилах, ни о мертвецах.

Ну, а если бы эти вещи действительно произошли и если бы авторы этих книг жили в то время, когда они произошли, и были бы именно теми самими апостолами, Матфеем, Марком, Лукой и Иоанном, им нельзя было бы, как правдивым историкам, не поведать о них, даже и без помощи вдохновения.

Если мы предположим, что вещи эти произошли на самом деле, они слишком заметны, чтобы не стать известными, и слишком важны, чтобы о них не рассказывать. Все эти мнимые апостолы должны были быть свидетелями землетрясения, если таковое произошло, ибо для них невозможно было отсутствовать во время землетрясения. Вскрытие могил, воскресение мертвецов и их шествие по городу еще более важны, чем землетрясение.

Землетрясение всегда возможно и естественно и ничего не доказывает. Но вскрытие могил сверхъестественно и прямо отвечает учению [апостолов], их делу и их апостольству. Произойди оно на самом деле, оно наполнило бы целые главы упомянутых выше книг и стало бы избранной темой для целого хора писак. Но вместо этого нам зачастую сообщаются докучливые мелочи и подробности вроде пустой болтовни о том, что *он сказал это* или *он сказал то*, тогда как события, наиболее важные из всего, удаляются только небрежного росчерка пера, и то только со стороны одного из писателей, и лишь упоминаются остальными.

Солгать просто, но трудно поддержать ложь после того, как она высказана. Автор книги Матфея должен был бы сказать нам, кто же из святых воскрес и вошел в город, что случилось с ними потом и кто их видел, ибо сам он не столь отважен, чтобы сказать, что видел их; вышли ли они из могил нагими и во всем естественном обличье, мужчины и женщины, или же в полном одеянии и где они в таком случае взяли

платья; вернулись ли они к своим прежним жилищам и потребовали ли своих жен, мужей и собственность и как их приняли; вступили ли они в тяжбу за возвращение своего имущества или же предприняли *преступные* действия против соперников; остались ли они на земле и вернулись ли к своим прежним занятиям проповедников или тружеников; умерли ли снова или живыми вернулись в свои могилы и похоронили себя сами.

Странно, конечно, что армия святых воскресла, а никто не знает, ни кто они, ни кто их видел, и что ни слова более не сказано о этом предмете. Да и сами святые ничего не имеют нам сказать!

Если бы то были пророки, которые (как нам говорят) прежде пророчествовали о таких вещах, у них много было бы о чем сказать. Они могли бы все нам рассказать, и у нас были бы посмертные пророчества с замечаниями и комментариями к первым, по меньшей мере несколько лучшими, чем те, которыми мы обладаем. Если бы то были Моисей и Аарон, и Иисус [Навин], и Самуил, и Давид, в Иерусалиме не осталось бы ни одного необращенного еврея. Если бы то был Иоанн Креститель или святые того времени, всякий знал бы их и они затмили бы всех других апостолов. Но вместо того этих святых заставили вскочить, как растение Ионы, посреди ночи, без иного назначения, как иссохнуть утром. Но хватит об этой части истории.

Сказка о воскресении следует за сказкой о распятии, и в обоих случаях авторы, кто бы они ни были, расходятся друг с другом так сильно, что с очевидностью доказывают свое отсутствие на месте действия.

Книга Матфея утверждает, что, когда Христос был положен в гроб, евреи обратились к Пилату с просьбой поставить охрану у гроба, чтобы тело не было украдено его учениками; и что вследствие этой просьбы гробница *была завалена камнем*, который закрывал дверь и был опечатан, а также выставлена стража.

Но другие книги ничего не говорят ни об этой просьбе, ни об опечатывании, ни о страже. Согласно их рассказам, ничего подобного не было. Однако Мат-

фей добавляет к этой части истории о страже еще и вторую часть, которую я упомяну в заключение, поскольку она служит разоблачением ложности этих книг.

Книга Матфея продолжает свое повествование и говорит (гл. 28, ст. 1), что по прошествии субботы, на рассвете первого дня недели, пришла Мария Магдалина и другая Мария посмотреть гроб. Марк говорит, что то было при восходе солнца, а Иоанн утверждает, что было темно. Лука говорит, что ко гробу пришли Мария Магдалина, и Иоанна, и Мария, мать Иакова, и другие женщины. Иоанн же утверждает, что Мария Магдалина пришла одна. Но как они единодушны относительно своей первой очевидицы! Все они как будто больше всего знали о ней; она была женщина с широким кругом знакомств, и была бы уместна догадка, что она попросту занималась [в это время] своим ремеслом.

В книге Матфея далее говорится (ст. 2): «И вот сделалось великое землетрясение; ибо ангел господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба и сидел на нем». Но другие книги ничего не говорят ни о землетрясении, ни об ангеле, отвалившем камень и сидевшем на нем. Согласно их рассказам, там не сидел никакой ангел. Марк говорит, что ангел был в гробнице и сидел с правой стороны. Лука говорит, что их было двое и оба стояли. А Иоанн говорит, что оба они сидели, один у изголовья, а другой у ног.

Матфей говорит, что ангел, сидевший на камне у входа в гробницу, сказал двум Мариям, что Христос воскрес, и женщины поспешно удалились. Марк говорит, что женщины, увидев, что камень отвален, и удивившись этому, вошли в гробницу и увидели ангела, сидящего с правой стороны, который и сказал им, что Христос воскрес. Лука говорит, что это сказали им два ангела, представшие перед ними. А Иоанн говорит, что это сказал Марии Магдалине сам Иисус и что она не входила в гробницу, но только наклонилась и заглянула туда.

Если бы авторам этих четырех книг довелось по-

пасть в суд и доказать алиби (ибо здесь надо доказать алиби, а именно отсутствие мертвого тела вследствие сверхъестественного вмешательства), если бы они давали при этом такие же противоречивые показания, какие содержатся здесь, они оказались бы под угрозой, что им обрежут уши за лжесвидетельство, и поделом. Однако таково доказательство и таковы книги, навязываемые миру как боговдохновенные и как неизменное слово божье.

Автор книги Матфея, рассказав это, сообщает историю, не содержащуюся ни в одной из остальных книг. Это та самая история, на которую я только что ссылался.

«Когда же они шли,— говорит он (т. е. после разговора, который женщины имели с ангелом, сидевшим на камне),— то некоторые из стражи» <имеется в виду стража, о которой сказано, что она была поставлена у входа в гробницу>, «вошедши в город, объявили первосвященникам о всем бывшем. И сии, собравшись со старейшинами и сделав совещание, довольно денег дали воинам, и сказали: скажите, что ученики его, придя ночью, украли его, когда мы *спали*. И если слух об этом дойдет до правителя, мы убедим его, и вас от неприятности избавим. Они, взяв деньги, поступили, как научены были» <сказали, что его ученики украли его>; «и пронеслось слово сие между иудеями до сего дня».

Выражение *до сего дня* свидетельствует, что книга, приписываемая Матфею, не была написана Матфеем и что она была сочинена намного позже времени и событий, на описание которых претендует. Ведь выражение это подразумевает большой промежуток протекшего времени. Непоследовательно было бы говорить таким образом о чем-либо случившемся в наше время. Для того чтобы придать этому выражению разумительное значение, мы должны предположить, что сменилось по меньшей мере несколько поколений, ибо такой способ выражения переносит нас к старинным временам.

Следует отметить также нелепость самой истории, ибо она показывает, что автор книги Матфея был

чрезвычайно слабоумным и глупым человеком. Он рассказывает историю, которая противоречит самой себе с точки зрения вероятности; ибо хотя стражу, если таковая и была, могли заставить сказать, что тело унесли, поскольку она *спала*, и выдать это за основание того, почему стража не помешала похищению, тот же самый сон должен был помешать им узнать, кто и как это сделал, и, однако же, их заставили сказать, что это сделали ученики.

Если бы человеку предложили дать показание о чем-либо, что он должен засвидетельствовать, и о том, как это было сделано, а также о лицах, которые это сделали, в то время как он спал и ничего не мог знать об этом деле, такое показание не могло бы быть принято. Его достаточно для Евангелия, но не для истины.

Теперь я подхожу к той части свидетельств, содержащихся в этих книгах, которые касаются мнимого явления Христа после его мнимого воскресения.

Автор книги Матфея сообщает, что ангел, сидевший на камне у входа в гробницу, сказал двум Мариям (гл. 28, ст. 7): «И пойдите скорее, скажите ученикам его, что он воскрес из мертвых и предвещает вас в Галилее; там его увидите. Вот, я сказал вам». А в следующих двух стихах (8, 9) тот же писатель заставляет самого Христа сказать этим женщинам о том же сразу после того, как это сказал им ангел, чтобы они побежали рассказать это его ученикам. В 16-м стихе сказано: «*Одиннадцать же учеников пошли в Галилею, на гору, куда повелел им Иисус. И, увидев его, поклонились ему*».

Однако автор книги Иоанна рассказывает совершенно иное, ибо он говорит (гл. 20, ст. 19): «В тот же первый день недели вечером» <т. е. в тот самый день когда, как сказано, Христос воскрес>, «когда двери *дома*, где собирались ученики его, были заперты из опасения от Иудеев, пришел Иисус и стал посреди».

Согласно Матфею, эти одиннадцать шли в Галилею, чтобы встретить Иисуса на горе, согласно его собственному повелению, в то самое время, когда, согласно Иоанну, они собрались в другом месте, и не по повелению, но тайно, опасаясь иудеев.

Автор книги Луки противоречит автору книги Матфея в еще большей мере, ибо он ясно говорит, что встреча состоялась в Иерусалиме вечером того же дня, когда он воскрес, и все *одиннадцать* были там (см. Лук., гл. 24, ст. 13, 33).

Если мы не допустим, что эти мнимые ученики преднамеренно лгали, невозможно, чтобы авторы этих книг были из числа одиннадцати лиц, называемых учениками. Ибо если, согласно Матфею, эти одиннадцать шли в Галилею, чтобы встретить Иисуса на горе по его собственному повелению в тот же самый день, когда, по словам Матфея, он воскрес, то Лука и Иоанн должны были быть двумя из этих одиннадцати. Однако Лука ясно говорит и Иоанн также подразумевает, что встреча состоялась в тот же день в доме в Иерусалиме. С другой стороны, если, согласно Луке и Иоанну, *одиннадцать* собрались в доме в Иерусалиме, то Матфей должен был быть одним из них; однако Матфей говорит, что встреча состоялась на горе в Галилее. Следовательно, показания, содержащиеся в этих книгах, опровергают друг друга.

Автор книги Марка ничего не говорит о встрече в Галилее; но он говорит (гл. 16, ст. 12), что Христос после воскресения явился в ином образе двум из них, шедшим в селение, и что эти двое возвестили прочим, но им не поверили.

Лука также рассказывает историю, в которой он держит Христа занятым весь день его мнимого воскресения, вплоть до вечера; эта история полностью обесценивает рассказ о хождении на гору в Галилее. Он говорит, что двое из апостолов, не указывая, кто именно, шли в тот же самый день в селение Эммаус, в шестидесяти стадиях (семь с половиной миль) от Иерусалима, и что Христос, переодетый, шел с ними до самого вечера и ужинал с ними, а затем исчез с их глаз и появился снова в тот же самый вечер при встрече одиннадцати в Иерусалиме.

Такова противоречивая манера излагать свидетельства об этом мнимом явлении Христа. Единственный пункт, в котором все эти писатели согласны,— это скрытность его явления. Ибо будь то в глубине гор в

Галилее или в запертом доме в Иерусалиме, оно было одинаково скрытым. Какой же причине мы должны приписать эту скрытность? С одной стороны, она прямо противоречит предполагаемой цели — убедить мир, что Христос воскрес; а с другой стороны, утверждение публичности явления разоблачило бы авторов этих книг, а потому им необходимо было сделать его тайным.

Что касается рассказа о том, что Христа видели сразу более пятисот человек, то он принадлежит только Павлу, а не тем пятистам людям, которые сказали бы это о себе самих. Значит, это свидетельство только одного человека, причем такого, который сам не поверил в истинность этого явления в то время, когда оно якобы произошло.

Его свидетельство, если предположить, что он был автором 15-й главы Послания к коринфянам, где содержится этот рассказ, подобно показанию человека, который приходит в суд, чтобы поклясться, что то, в чем он клялся раньше, ложно. Человек часто может найти основание изменить свое мнение и всегда имеет на то право. Но свобода эта не простирается на факты.

Теперь я подошел к последней сцене — к вознесению на небеса. Здесь необходимо должен быть исключен всякий страх перед иудеями и все прочее: вознесение, если оно было на самом деле, должно было бесспорно подтвердить всю историю, и на нем должна была основываться, как на доказательстве, вся реальность будущей миссии его учеников.

Слова, будь то заявления или обещания, произнесенные скрытно, в горах Галилеи или в запертом доме в Иерусалиме, даже если предположить, что они произнесены, не могли быть публичным доказательством. Поэтому необходимо было, чтобы эта последняя сцена исключала возможность отрицания и оспаривания и чтобы она, как я утверждал в первой части «Века разума», была столь же публичной и всем видимой, как солнце в полдень; по меньшей мере вознесение должно было бы быть столь же публичным, каким было, согласно сообщениям, распятие. Но перейдем к делу.

Прежде всего автор книги Матфея не говорит о

вознесении ни слова, не говорит о нем и автор книги Иоанна. В таком случае возможно ли предположить, что писатели, которые в других случаях претендуют на точность даже в мелочах, промолчали бы о нем, будь оно истинным?

Автор книги Марка упоминает о нем вскользь, небрежно, одним росчерком пера, как будто он устал фантазировать или стыдится этой истории. То же делает автор книги Луки. Но даже между ними обоими явно нет согласия относительно места, где, как говорят, произошло последнее расставание с ним.

Книга Марка говорит, что Христос явился одиннадцати, когда они «возлежали на вечери», подразумевая их собрание в Иерусалиме; затем он передает разговор, который, как он говорит, состоялся на этом собрании. И сразу вслед за этим (как школьник окончил бы скучную историю): «*И так*, господь после беседования с ними, вознесся на небо и воссел одесную бога» [ст. 19].

Автор же книги Луки говорит, что вознесение произошло в Вифании; что он (Христос) «вывел их вон из города до Вифании и, подняв руки свои, благословил их. И, когда благословлял их, стал отдаляться от них и возноситься на небо». Так же обстояло дело с Магометом; что до Моисея, то о нем апостол Иуда говорит (ст. 9): «Михаил Архангел... говорил с дьяволом, споря о Моисеевом теле». Веря этим басням и им подобным, мы недостойно мыслим о всемогущем.

Теперь я исследовал четыре книги, приписываемые Матфею, Марку, Луке и Иоанну. Если принять во внимание, что промежуток времени от распятия до так называемого вознесения составлял всего несколько дней, явно не более трех или четырех, и что, согласно рассказам, все события произошли вблизи от одного и того же места, Иерусалима, то невозможно, я думаю, найти в любой другой истории такого множества столь вопиющих нелепостей, противоречий и лжи, как в этих книгах. Они более многочисленны, чем я предполагал найти, приступая к этому исследованию, и тем более чем когда я писал первую часть «Века разума».

У меня не было тогда ни Библии, ни [Нового] заве-

та для ссылок, и я не мог достать их. Мое собственное положение, даже в смысле моего существования, стало делом дня ото дня все более ненадежным, а поскольку я хотел оставить по себе что-то по этому вопросу, я был обязан спешить и быть кратким.

Цитаты, которые я тогда приводил только по памяти, тем не менее верны; мнения же, которые я выдвинул в этой работе, явились следствием самого ясного и давно установившегося убеждения, что Библия и [Новый] завет обманом навязаны миру, что грехопадение человека, рассказы о том, что Иисус Христос является сыном божьим и умер ради умиротворения гнева божьего, и о спасении с помощью этого странного средства являются легендарными вымыслами, порочащими мудрость и силу всемогущего; что единственная истинная религия есть деизм, под которым я подразумевал тогда и подразумеваю сейчас веру в одного бога и подражание его нравственному характеру, или практику нравственной добродетели,— и только на этом (поскольку речь идет о религии) я основывал мои надежды на счастье в будущей жизни. Так я теперь говорю, и да поможет мне бог.

Но вернемся к предмету. Хотя за давностью времени невозможно установить как факт, кто были авторы этих четырех книг (одного этого достаточно, чтобы в них усомниться, а где мы сомневаемся, там не верим), нетрудно установить негативно, что они не были написаны лицами, которым приписываются. Противоречия в этих книгах доказывают две вещи.

Первое, что авторы их не были свидетелями событий, о которых рассказывают, иначе они рассказали бы о них без таких противоречий. Следовательно, книги не были написаны лицами, именующимися апостолами, которые, как предполагают, были такими очевидцами.

Второе, что авторы книг, кто бы они ни были, не стоваривались в своем обмане, но каждый [писал] отдельно и индивидуально, не зная об остальных.

Доказательство одного из этих пунктов обосновывает равным образом оба, т. е. что книги не были написаны людьми, называемыми апостолами, а также

что это был несогласованный обман. Что касается вдохновения [свыше], то оно также исключается; мы можем точно с тем же успехом попытаться объединить истину с ложью, как [божественное] вдохновение с противоречивостью.

Если четверо людей были очевидцами события, они безо всякого сговора между собой будут согласны в вопросе о времени и месте, когда и где это событие произошло. Их индивидуальное знание [об одном и том же] *событии*, когда каждый знает о нем сам, делает сговор совершенно излишним; один не скажет, что это произошло в горах за городом, а другой — в доме в городе; один не скажет, что это случилось на рассвете, а другой — когда было темно. Ибо где и когда бы то ни случилось, они знают одно и то же событие.

С другой стороны, если четыре человека согласовали между собой какую-либо историю, они будут рассказывать ее согласованно, так, чтобы подтверждать друг друга с целью поддержать целое. *Такой* сговор восполняет недостаток фактов, тогда как знание фактов делает излишней необходимость сговора.

Поэтому те же самые противоречия, которые доказывают, что сговора не было, доказывают также, что рассказчики не знали фактов (или скорее того, что они выдают за факты), а также разоблачают ложность их рассказов. Следовательно, эти книги не были написаны ни людьми, именуемыми апостолами, ни обманщиками, действовавшими по взаимному уговору. Как же тогда были они написаны?

Я не принадлежу к тем, кто убежден, что здесь много преднамеренной или изначальной лжи. Так обстоит дело только у пророков Ветхого завета, ибо пророк — лжец по профессии. Почти во всех других случаях нетрудно раскрыть процесс, посредством которого даже простое предположение с помощью легковесия со временем вырастает в ложь и в конце концов передается как факт. И когда мы можем найти простительное основание для подобной вещи, мы не должны позволять себе выдвигать более серьезное обвинение.

История Иисуса Христа, являющегося после своей

смерти, есть история о видении, какое усталое воображение всегда может создать, а легкое верие принять за действительность. Истории такого же рода рассказывались об убийстве Юлия Цезаря за несколько лет до того; и они вообще имеют своим источником насильственную смерть или казнь невинно осужденных.

В случаях этого рода сострадание предоставляет свою помощь и, побуждаемое благими намерениями, преувеличивает всю историю. Последняя понемногу заходит все дальше, пока не превратится в *самую достоверную истину*. Стоит появиться призраку, как легкое верие заполнит историю его жизни и определит причину его появления! Один рассказывает о нем так, другой иначе, пока не появится столько историй о призраке и его хозяине, сколько рассказывается их об Иисусе Христе в этих четырех книгах.

В истории явления Христа причудливо смешивается естественное и невозможное, что всегда отличает легенду от фактов. Иисус представлен как неожиданно входящий и выходящий, когда дверь заперта; он исчезает с глаз и появляется снова, словно бестелесное видение; затем он голоден, садится за трапезу и ест свой ужин. Но поскольку те, кто рассказывает нам истории такого рода, никогда не предусматривают всего, так обстоит дело и здесь. Они говорят, что, когда Христос воскрес, он оставил одежды в гробе. Но они забыли предоставить ему другие одежды, в которых он появляется снова, или сказать нам, что он сделал с ними, когда вознесся, — снял их с себя или вознесся во всей одежде.

В случае с Илией они были достаточно предусмотрительны, чтобы заставить его сбросить свой плащ; но как случилось, что он не сгорел в огненной колеснице, они также не сообщили нам. Поскольку воображение исправляет все недостатки такого рода, мы можем предположить, если нам нравится, что плащ был сделан из кожи саламандры.

Те, кто недостаточно знаком с церковной историей, могут предположить, что книга, именуемая Новым заветом, существовала со времен Христа, как они предполагают, что книги, предписываемые Моисею, суще-

ствуют со времени Моисея. Но исторически дело обстоит иначе. Свыше трехсот лет после того времени, когда, как говорят, жил Христос, не существовало такой книги, как Новый завет.

Когда начали появляться книги, приписываемые Матфею, Марку, Луке и Иоанну, совершенно неизвестно. Нет никаких сведений ни о том, кто были лица, написавшие их, ни о времени их написания. Они могли бы точно так же быть названы именем любого из мнимых апостолов, как и теми именами, которыми они теперь называются. Подлинниками не располагает ни одна из существующих христианских церквей, как не обладают иудеи двумя каменными скрижалями, написанными якобы перстом бога и данными Моисею на горе Синай. А если бы они и были, то и в том и в другом случае не было бы возможности доказать подлинность рукописи.

В то время, когда были написаны эти книги, книгопечатания не знали, и, следовательно, не могло быть публикации иначе, как в рукописных копиях, которые любой мог написать или заменить по своему вкусу, назвав их подлинниками *. Можем ли мы предположить, чтобы всемогущий вверил себя и свою волю таким ненадежным средствам, как эти, можем ли мы слепо полагаться на такие сомнительные вещи? Мы не можем ни сделать, ни изменить, ни даже воспроизвести один-единственный стебелек травы, созданный богом,

* Не прошло еще двух лет со времени опубликования первой части «Века разума», а в ней уже есть выражение, которое не принадлежит мне. Это выражение таково: «Книга Луки была проведена большинством всего в один голос». Может быть, это и правда, но я этого не говорил. Кто-то, возможно знающий это обстоятельство, добавил его в примечании, помещенном внизу страницы одного из изданий, напечатанного или в Англии, или в Америке; а впоследствии печатники поместили его в текст работы и сделали меня его автором. Если это случилось в такой короткий срок, несмотря на помощь книгопечатания, которое предотвращает изменение копий поодиночке, то чего не могло случиться за гораздо больший промежуток времени, когда книгопечатания не было и когда любой умеющий писать мог сделать рукописную копию и назвать ее подлинным писанием Матфея, Марка, Луки или Иоанна?

и, однако, мы можем изменять *слово божье* так же легко, как слова человека.

Около трехсот пятидесяти лет после того времени, когда, как говорят, жил Христос, в руках различных лиц [уже] имелось несколько разрозненных писаний того рода, о которых я говорю. Когда же церковь стала превращаться в иерархию, или церковное государство, наделенное светской властью, она взялась за то, чтобы собрать их в кодекс, в виде которого мы их теперь имеем, названный Новым заветом. Было решено голосованием, о чем я уже говорил прежде в первой части «Века разума», какие писания из собранной ими коллекции должны быть *словом божьим*, а какие нет. Относительно Библии тот же вопрос был решен голосованием еврейских раввинов еще раньше.

Поскольку целью христианской церкви, как и всех национальных церковных институтов, были власть и доходы, достигавшиеся средствами устрашения, естественно предположить, что самые чудесные и удивительные из писаний, собранных ими, имели наибольшие шансы получить большинство голосов. Что же касается подлинности книг, то *голосование заняло ее место*, ибо она не может быть прослежена дальше.

Однако среди людей, именующих себя христианами, шли ожесточенные споры не только относительно различных пунктов учения, но и относительно подлинности книг. В споре между лицами, именуемыми св. Августин и Фауст, около 400-го года⁵³, последний говорит: «Книги, называемые евангелиями, были сочинены намного позже времени жизни апостолов какими-то темными людьми; последние, боясь, что мир не поверит их рассказам о фактах, которых они не могли знать, опубликовали их под именем апостолов. Книги эти столь полны вздора и противоречивых сообщений, что между ними нет ни согласия, ни связи».

В другом месте, адресуясь к защитникам взгляда, согласно которому эти книги — слово божье, он говорит: «Случилось так, что ваши предшественники вставили в писания нашего господа много такого, что хотя и носит его имя, но не согласуется с его учением. Это не удивительно, *ибо мы уже часто показывали*, что эти

книги не были написаны ни им самим, ни его апостолами, но что они по большей части основаны на *сказках, смутных сообщениях* и соединены вместе — я не знаю кем, но, видимо, полуиудеями — в малом согласии друг с другом. Тем не менее они опубликованы под именем апостолов нашего господа, и, таким образом, авторы приписали им свои собственные *ошибки и ложь*» *.

Из этих выдержек читатель видит, что подлинность книг Нового завета отрицалась, а сами книги рассматривались как сказки, подделка и ложь в те времена, когда они ставились на голосование как слово божье **. Но интересы церкви с помощью костра сломили оппозицию и в конце концов подавили всякое исследование.

* Я заимствую эти две выдержки из книги Буланже «Жизнь Павла»⁵⁴, написанной по-французски. Буланже цитировал их по писаниям Августина против Фауста, на которые он ссылается.

** Буланже в своей «Жизни Павла» собрал из церковных историй и писаний так называемых отцов церкви несколько фактов, показывающих, что в то время, когда Новый завет, как мы его ныне знаем, голосовался как слово божье, среди различных сект христиан господствовали разные мнения. Следующие выдержки взяты из второй главы этой работы.

Маркиониты (христианская секта) признавали, что книги евангелистов наполнены ложью. Манихеи, которые образовали очень многочисленную секту в начале христианства, *отрицали весь Новый завет как ложный*, указывая в качестве подлинных совершенно другие писания. Керинфиане, как и маркиониты, не признавали Деяний апостолов. Энкратиты и севириане не признавали ни Деяний, ни Посланий апостола Павла. Хризостом в проповеди, которую он прочел в Деяниях апостолов, говорит, что в его время (около 400-го года) многие ничего не знали ни об авторе их, ни о самой книге. Св. Ириней, который жил раньше того времени, сообщает, что валентициане, как и несколько других сект христиан, осуждали писания за несовершенство, ошибки и противоречия. Эбиониты, или назаряне, которые были первыми христианами, отвергали все Послания Павла и считали его обманщиком. Между прочим, они сообщают, что Павел был вначале язычником, что он пришел в Иерусалим, где жил некоторое время, и, решив жениться на дочери высокопоставленного священника, совершил обрезание; но, оказавшись не в состоянии добиться ее, он поссорился с иудеями и стал писать против обрезания, соблюдения субботы и всех законных установлений.

Чудеса следовали за чудесами, если мы в то поверим, и людей научили говорить, что они верят, независимо от того, верили они или нет. Однако (открыв дорогу мысли) Французская революция лишила церковь власти совершать чудеса; церковь оказалась не в состоянии с помощью всех своих святых совершить после начала революции хотя бы *одно* чудо, а поскольку она никогда не испытывала большей нужды в чудесах, чем сейчас, мы можем и без божественной помощи заключить, что все ее прежние чудеса представляли собой фокусы и обман.

Если мы примем во внимание более чем трехсотлетний промежуток времени, прошедший со времени, когда якобы жил Христос, до того, когда Новый завет был сведен в одну книгу, мы и без помощи исторических свидетельств должны будем увидеть сомнительность его подлинности. Подлинность книги Гомера, поскольку речь идет об авторстве, гораздо лучше установлена, чем подлинность Нового завета, хотя Гомер на тысячу лет старше.

Написать книгу Гомера мог только чрезвычайно хороший поэт, а потому небольшое число лиц могло попытаться сделать это. Человек же, способный это сделать, не упустил бы свою собственную славу, уступив ее другому. Подобным же образом мало кто смог бы составить Евклидовы «Начала», ибо автором этой работы не мог быть никто, кроме чрезвычайно хорошего геометра.

Что же касается книг Нового завета, особенно тех частей, где рассказывается о воскресении и вознесении, то их мог написать любой, кто может рассказать историю о приведении или о *явлении человека*, ибо история рассказана прескверно. Поэтому имеется в миллион раз больше шансов в пользу подложности Нового завета, чем в случае с Гомером или Евклидом.

Каждый из многочисленных нынешних попов или проповедников, епископов и прочих может составить проповедь или перевести латинский отрывок, особенно если он был переведен уже раньше тысячу раз; но способен ли кто-нибудь из них написать так поэтично, как Гомер, или так научно, как Евклид? За малым

исключением, вся их ученость сводится к *a* и *b* есть *ab* и к *h*ic, *h*aec, *h*oc, а их знание наук — к тому, что трижды один — *один*. Этого более чем достаточно для того, чтобы они оказались способны написать все книги Нового завета, живи они в те времена.

Поскольку возможностей для подделки было больше, бóльшим был и соблазн. Нельзя извлечь никакой выгоды, если писать под именем Гомера или Евклида. Если уж человек смог написать произведение, равноценное тому, что написано ими, ему лучше было бы написать его под своим собственным именем. А если бы оно оказалось ниже их по достоинству, он не имел бы успеха. Гордость предотвратила бы первое, а невозможность — последнее. Но в отношении таких книг, которые составляют Новый завет, все побуждения склоняли к подлогу. Наилучшим образом придуманная история, которую можно сочинить только по прошествии двухсот или трехсот лет после события, не сошла бы за подлинную под именем реального автора; единственный шанс на успех коренился в подлоге, ибо церковь нуждалась в обмане для своего нового учения, а истина и таланты для этого не годились.

Но поскольку в обычае было (как мы уже замечали) рассказывать истории о лицах, *являющихся* после того, как они умерли, и о духах и привидениях тех, кто умер насильственной или необычной смертью; и поскольку люди тогда обычно верили в такие вещи и в явления ангелов и бесов, в то, что бесы входят в человека и трясут его, как в пароксизме лихорадки, и в то, что их можно выгнать как бы рвотным (книга Марка говорит нам, что Иисус изгнал из Марии Магдалины семь бесов), то нет ничего необыкновенного в том, что подобные истории распространялись о некоем Иисусе Христе, и они-то и стали впоследствии основой четырех книг, приписываемых Матфею, Марку, Луке и Иоанну.

Каждый рассказывал сказку так, как слышал ее или о ней, и давал своей книге имя того святого или апостола, которого предание выдавало за очевидца. Только на этой основе можно объяснить противоречия в книгах, а если это не так, то они — сплошной

обман, ложь и подлог, не имеющие даже извинения в легковерии.

Достаточно ясно, как упоминалось в предшествующих цитатах, что они были написаны какими-то полуиудеями. Частые ссылки на Моисея, этого главного убийцу и обманщика, и на людей, именуемых пророками, подтверждают это положение; с другой стороны, церковь завершила обман, допустив, что Библия и [Новый] завет отвечают друг другу.

Христианские иудеи и христианские язычники старательно выискивали и прилаживали друг к другу пророчества и то, о чем пророчествовали, символ и символизируемое, знак и обозначаемое, как отмычки к старым замкам.

Достаточно глупая история о Еве и змие, вполне естественная как объяснение вражды между людьми и змеями (ибо змея всегда кусает в *пятку*, так как не может достать выше, а человек бьет змею по *голове*, поскольку это наиболее действенный способ предотвратить ее укус*), эта глупая история, говорю, была превращена в исходное пророчество, символ и обещание. Живое пророчество Исаян Ахазу, что «дева во чреве примет и родит сына» в знак, что Ахаз победит, тогда как на деле он потерпел поражение (о чем уже говорилось в замечаниях на книгу Исаян), было искажено, и его заставили служить в качестве завязки.

Иона и кит также были превращены в знак или символ. Иона — Иисус, кит — могила; ведь говорится же (и они заставили Христа сказать это о себе): «Ибо как Иона был во чреве кита *три дня и три ночи*, так и сын человеческий будет в сердце земли *три дня и три ночи*» (Матф., гл. 12, ст. 40).

Но получилось достаточно неуклюже: Христос, согласно рассказам [апостолов], был в могиле всего один день и две ночи, около тридцати шести часов вместо семидесяти двух, т. е. ночь пятницы, субботу и субботнюю ночь. Ведь они говорят, что Христос воскрес в воскресенье утром на восходе солнца или раньше. Но

* «Он будет поражать тебя в *голову*, а ты будешь жалить его в *пятку*» (Быт., гл. 3, ст. 15).

поскольку это пророчество сходится, как сходятся *укус* и *удар* в книге Бытия или *дева* и ее *сын* у Исаяи, оно входит в разряд *ортодоксальных*. Этого хватит для исторической части [Нового] завета и ее свидетельств.

Послания Павла. — Послания, приписываемые Павлу, числом четырнадцать, составляют почти весь остальной Новый завет. Были ли эти послания написаны лицом, которому они приписаны, не имеет большого значения, ибо автор, кто бы он ни был, пытается доказать свое учение путем аргументации. Он не претендует на то, что был очевидцем какого-либо из происшествий, передаваемых в рассказах о воскресении и вознесении, и заявляет, что прежде сам не верил в них.

История о том, как он был поражен и упал на землю, когда шел в Дамаск, не содержит в себе ничего чудесного или необычайного; он потерял сознание, как это случается со многими, пораженными молнией; а что он на три дня потерял зрение и не был в состоянии есть или пить в течение этого времени, весьма обычно в таких случаях. Его спутники как будто не пострадали подобно ему, ибо они чувствовали себя достаточно хорошо, чтобы вести его остальную часть пути; они не претендуют на какое-либо видение.

Характер лица, именуемого Павлом, согласно рассказам о нем, отличался буйностью и фанатизмом. Он преследовал [христиан] с таким же жаром, с каким он впоследствии проповедовал [их веру]. Удар, который он испытал, изменил направление его мыслей, не изменив темперамента; иудей или христианин, он оставался фанатиком. В моральном отношении такие люди никогда не свидетельствуют в пользу учения, которое проповедают. Они всегда придерживаются крайностей — в действиях, как и в вере.

Учение, доказать которое он собирался своей аргументацией, есть воскресение того же самого тела [умершего], и он выдвигает это положение как доказательство бессмертия. Но люди столь различны в манере мыслить и в заключениях, которые они выводят из одних и тех же посылок, что это учение о воскресении того же самого тела, будучи весьма далеко от того, чтобы служить доказательством бессмертия, дает,

как мне кажется, доказательство против него. Ибо если я уже умер однажды в этом теле и должен вновь воскреснуть в том же теле, в котором я жил, то само собой разумеется, что я снова умру.

Такое воскресение дает мне не бóльшую гарантию от повторной смерти, чем конец приступа лихорадки предохраняет от следующего приступа. Поэтому для того, чтобы поверить в бессмертие, я должен иметь более возвышенную идею, чем та, что содержится в этой мрачной доктрине воскресения.

Кроме того, я предпочитаю и надеюсь иметь лучшее тело и более удобную форму, чем настоящая. Любое животное в мире превосходит нас в чем-либо. Крылатые насекомые, не говоря уже о голубях или орлах, за несколько минут с большей легкостью могут преодолевать бóльшие пространства, чем человек за час. Скользящая в воде рыбка несравненно превосходит нас в скорости движения, пропорционально ее размерам, и почти не устает.

Даже ленивая улитка может подняться со дна подземной темницы, где человек погиб бы, не обладая этой способностью. Спуститься с высоты для паука — игривая забава. Личные же силы человека столь ограничены, а его тяжелое тело так мало приспособлено к напряженному использованию, что ничто не побуждает нас пожелать, чтобы мнение Павла оказалось истинным. Оно слишком мелко, если иметь в виду все значение вопроса, и слишком убого, учитывая возвышенность предмета.

Но если отвлечься от всех других аргументов, *сознание существования* — единственная вразумительная идея, какую мы имеем о будущей жизни, и непрерывность этого сознания есть бессмертие. Сознание существования, или знание, что мы существуем, не необходимо приурочено к одной и той же форме или к одной и той же материи даже в этой жизни.

Не во всех случаях мы имеем одну и ту же форму, ни в коем случае не одна и та же материя составляла наши тела двадцать или тридцать лет тому назад, и, однако, мы сознаем себя теми же личностями. Даже руки и ноги, которые составляют почти половину

человеческого тела, не необходимы для сознания существования. Они могут быть потеряны или отняты, а полное сознание существования остается. А если бы их заменили крылья или другие придатки, нельзя представить себе, что это изменит наше сознание существования.

Короче, мы не знаем, как велико или, скорее, как мало и сколь неуловимо тонко то малое, что творит в нас это сознание существования. Все же прочее подобно мякоти персика, отличной и отдельной от зародышевого пятнышка в косточке.

Кто может сказать, каким тончайшим действием тончайшей материи производится мысль в том, что мы называем умом? И, однако, мысль, когда она произведена, как я сейчас произвожу мысль, которую излагаю пером, способна стать бессмертной и является единственным произведением человека, которое имеет эту способность.

Статуи из мрамора или меди исчезнут, а копии не являются оригинальными статуями, как не отличаются они тем же искусством изготовления. Так же и копия картины не является той же самой картиной. Но мысль, напечатанная и перепечатанная ее тысячу раз и на каком угодно материале — вырежь ее на дереве или высеки на камне, — мысль в любом случае останется всегда одной и той же. Мысль способна существовать, не повреждаясь, на нее не действует перемена материи. Она существенно отлична по природе от всего того, что мы знаем и можем воспринять.

А если нечто произведенное имеет способность быть бессмертным, это доказывает, что сила, его производящая, — а таковой является сознание существования — тоже может быть бессмертной, причем настолько независимой от той материи, с которой она была первоначально связана, насколько мысль независима от первичного способа ее выражения. Поверить в одно положение здесь не труднее, чем в другое, а мы видим, что одно из них истинно.

Что сознание существования независимо от одной и той же формы или материи открывается нашим чувствам в делах творения, насколько чувства способны

воспринять это открытие. Множество живых тварей гораздо лучше Павла проповедует нам веру в будущую жизнь. Их маленькая жизнь сходна с землей, с настоящим и будущим состоянием и заключает в себе, если можно так выразиться, бессмертие в миниатюре.

Самые прекрасные творения, доступные нашему взору, — крылатые насекомые, а они первоначально не были таковыми. Они приобрели эту форму и неподражаемый блеск путем следующих друг за другом изменений. Сегодняшний медленно ползущий червяк — гусеница через несколько дней переходит в неподвижную форму и в состояние, похожее на смерть; а при следующем изменении из него выйдет, во всем миниатюрном блеске жизни, великолепная бабочка.

Не осталось никакого сходства с прежним созданием, все изменилось; все силы новы, и жизнь для него — совсем другое. Мы не можем представить себе, что сознание существования в этом состоянии насекомого не то же, что и прежде. Почему же тогда я должен считать, что воскресение того же самого тела необходимо для того, чтобы мое сознание существования продолжалось после смерти?

В первой части «Века разума» я назвал творение (creation) единственным истинным и реальным словом божьим. Этот пример или этот текст в книге мироздания показывает нам не только, что дело может так обстоять, но и что оно так обстоит на самом деле. Вера в будущее есть рациональная вера, подтверждаемая фактами, видимыми в мироздании. Ибо не труднее поверить, что в будущем мы будем существовать в ином состоянии и форме, отличной от настоящей, чем поверить, что червяк должен стать бабочкой и покинуть навозную кучу для полета, не зная мы об этом как о факте.

Сомнительные высказывания, приписываемые Павлу в 15-й главе 4-го Послания коринфянам, которая составляет часть погребального обряда некоторых христианских сект, так же лишены смысла, как и колокольный звон на похоронах; они ничего не объясняют рассудку, ничего не освещают воображению, но оставляют читателю искать, если он может, какой-либо

смысл. «Не всякая плоть», <говорит он>, «такая же плоть. Но иная плоть у человеков, иная плоть у скотов, иная у рыб, иная у птиц». Что же из этого? Ничего. То же самое мог бы сказать повар.

«Есть», <говорит Павел>, «тела небесные и тела земные; но иная слава небесных, иная земных». Что же из того? Ничего. А в чем различие? Он не сказал ничего об этом. «Иная слава,— говорит он,— солнца, иная слава луны, иная звезд». Что же из того? Ничего, за исключением того, что он говорит: «...звезда от звезды разнится в славе», а не в дальности. Он точно так же мог бы сказать нам, что луна светит не так ярко, как солнце.

Все это не лучше, чем жаргон гадалея, жонглирующего фразами, которые он не понимает, с целью запутать легковверных людей, пришедших узнать свою судьбу. Попы и гадалея занимаются одним ремеслом.

Иногда Павел притворяется естествоиспытателем и доказывает свою систему воскресения из принципов растительной жизни. «Безрассудный! — говорит он, — то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет». На это можно возразить его же словами, сказав: «Безрассудный Павел, то, что ты сеешь, не оживет, если умрет; ибо зерно, которое умрет в земле, никогда не прорастет и не сможет произрасти. Только живые зерна произведут следующий урожай». Но образное выражение, с любой точки зрения, не аналогия. Оно говорит о преемственности, а не о воскресении.

Переход животного от одного состояния бытия к другому, как, например, от червя к бабочке, приложим к этому случаю, но пример зерна неприложим и показывает, что Павел сам был, как он говорит это о других, *безрассудным*.

Совершенно безразлично, были ли четырнадцать посланий, приписываемых Павлу, написаны им или нет. Они представляют собой либо доказательства, либо догмы. Но поскольку доказательства порочны, а догматическая часть представляет собой простое предположение, не имеет значения, кто их написал.

То же самое может быть сказано об остающихся частях [Нового] завета. Церковь, называющая себя

христианской, основана не на посланиях, а на том, что называется Евангелием и содержится в четырех книгах, приписываемых Матфею, Марку, Луке и Иоанну, а также на мнимых пророчествах. Послания зависят от них и должны разделить их судьбу; ибо если легендарна история Иисуса Христа, то всякое рассуждение, основанное на ней как на предполагаемой истине, должно пасть вместе с ней.

Мы знаем из истории, что один из главных руководителей этой церкви, Афанасий *, жил в то время, когда составлялся Новый завет; и мы знаем также из абсурдных фраз, которые он оставил нам под именем символа веры, характер тех лиц, которые составляли Новый завет. Из той же истории мы знаем также, что подлинность книг, из которых он был составлен, в то время отрицалась. Новый завет был провозглашен словом божьим именно потому, что за него голосовали такие люди, как Афанасий, и не может быть ничего более странного, чем установление слова божьего путем голосования.

Те, кто основывает свою веру на таком авторитете, ставят человека на место бога и не обладают истинными основаниями для будущего счастья. Легковерие — не преступление, но оно становится преступным, сопротивляясь убеждению. Оно в зародыше душит попытки, которые сознание делает к достижению истины. Мы никогда не должны силой навязывать себе веру во что бы то ни было.

На этом я кончаю рассмотрение Ветхого и Нового заветов. Свидетельства, которые я привел для доказательства их подложности, извлечены из самих книг и, как обоюдоострый меч, действуют двояко. Если отрицать свидетельства, то вместе с ними отрицается подлинность самого Писания; ибо это свидетельства из Писания; а если принять свидетельства, опровергается подлинность книг. Невероятные противоречия, содержащиеся в Ветхом и Новом заветах, ставят их в положение человека, который присягал бы сразу за и

* Афанасий⁵⁵ умер, согласно церковной хронологии, в 371 г.

против. Каждое из обоих свидетельств осуждает его за ложную присягу и одинаково губит его репутацию.

Если Библия и Новый завет после этого падут, не я тому причиной. Я просто извлек свидетельства из запутанной массы материала, с которым они были смешаны, и [как бы] расположил эти свидетельства на свету, так, чтобы их можно было ясно видеть и легко постигать. Сделав это, я предоставляю читателю судить самому, как судил я сам.

Глава третья ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первой части «Века разума» я говорил о трех видах обмана — *тайне, чуде и пророчестве*; а поскольку ни в одном из ответов на эту работу я не увидел ничего, что хоть сколько-нибудь повлияло бы на сказанное мной об этих предметах, я не буду загромождать эту вторую часть дополнениями, которые не нужны.

В той же работе я говорил также о так называемом *откровении* и показал абсурдное злоупотребление этим термином в применении к книгам Ветхого и Нового заветов, ибо откровение определенно исключается при изложении всего, участником или очевидцем чего был человек.

То, что человек сделал или увидел, не требует откровения, сообщаящего ему о том, что он это сделал или увидел, ибо он уже знает это, как не требуется откровения и для того, чтобы он смог рассказать или написать об этом. Прилагать термин «откровение» в таких случаях — невежество или обман. Однако Библия и Новый завет подводятся под это лживое определение как сплошное *откровение*.

Далее, поскольку термин «откровение» означает отношение между богом и человеком, он может быть приложен лишь к чему-либо, что бог открывает человеку по своей *воле*. Но хотя необходимо допустить, что всемогущий может сделать такое сообщение, поскольку ему все посылно, однако открытая таким об-

разом вещь (если даже что-либо было сообщено посредством откровения, что, кстати, невозможно доказать) является откровением *только для того, кому оно было сделано*.

Его рассказ другому лицу об откровении сам не является откровением, и каждый, кто в него поверит, тем самым поверит человеку, от которого исходит рассказ. А этот человек мог или быть обманутым, или видеть это во сне, или сам оказаться обманщиком и солгать.

Нет никакого возможного критерия для суждения об истинности того, что он рассказывает, ибо даже нравственный характер рассказа не будет доказательством того, что откровение действительно имело место. Во всех таких случаях надлежащим ответом было бы: «Когда откровение будет поведено мне, я поверю, что это откровение; но для меня не является и не может быть обязательным верить в то, что это когда-то раньше было откровением. Равным образом мне не следует принимать человеческое слово за слово божье и ставить человека на место бога».

В таком духе я говорил об откровении в первой части «Века разума», почтительно допуская возможность откровения, ибо, как раньше сказано, для всемогущего все возможно; такой подход предотвращает обман одного человека другим и исключает дурное использование мнимого откровения.

Но хотя я и допускаю возможность откровения, я совершенно не верю, что всемогущий когда-либо сообщил что-либо человеку посредством речи на каком бы то ни было языке путем видения или явления либо посредством каких бы то ни было средств, воспринимаемых чувствами, иных, чем всеобщее проявление им себя в делах творения или чем наше отвращение к дурным делам и расположение к хорошим.

Самая предосудительная безнравственность, самые ужасные жестокости и величайшие несчастья, причиняющие страдания человеческому роду, имеют своим источником так называемое откровение или религию откровения. Эта вера — самая оскорбительная для божества, самая разрушительная для нравственности

мира и счастья человека, которая когда-либо распространялась с тех пор, как существует человек.

Лучше, гораздо лучше было бы допустить, если бы это было возможно, чтобы тысяча чертей разгуливали на свободе и публично проповедовала свою дьявольскую доктрину, если бы таковая была, чем чтобы хоть один такой обманщик и чудовище, как Моисей, Иисус [Навин], Самуил и библейские пророки, явился с мнимым словом божьим на устах и пользовался среди нас доверием.

Откуда произошли все эти ужасные избиения целых народов, мужчин, женщин и детей, которыми полна Библия, кровавые гонения, смертные мучения и религиозные войны, которые с того времени не раз заливали Европу кровью и засыпали пеплом,— откуда произошли они, если не из нечестивой вещи, называемой религией откровения, и той чудовищной веры, что бог говорил с человеком? Библейский обман был причиной одной, а ложь [Нового] завета — другой.

Некоторые христиане утверждают, что христианство не было установлено силой меча. Но о каком времени они говорят? Невозможно, чтобы двенадцать человек могли начать с меча; у них не было для этого силы. Но как только исповедующие христианство стали достаточно сильны, они не замедлили использовать его [меч] так же, как и костер. Быстрее их не мог этого сделать и Магомет. Петр, побуждаемый тем же духом, в каком он отсек ухо слуге первосвященника (если эта история верна), отсек бы, если бы смог, и его голову, и голову его хозяина.

Кроме того, христианство первоначально основывает себя на Библии, а Библия была установлена мечом, причем в самом худшем его применении — не уращением, а истреблением. Иудеи не обращали [в свою веру]; они всех убивали. Библия — предок [Нового] завета, и обе книги называются *словом божьим*. Христиане читают обе книги; священники проповедуют по обеим книгам, и то, что именуется христианством, создано из обеих книг. Значит, ложно говорить, что христианство не было установлено мечом.

Единственная секта, которая не практиковала гоне-

ний,— квакеры, и единственное возможное основание этого — то, что они скорее деисты, чем христиане. Они не особенно верят в Иисуса Христа и называют Священное писание мертвой буквой. Если бы они называли его худшим именем, то были бы ближе к истине⁵⁶.

Каждый человек, почитающий творца и желающий сократить каталог искусственных несчастий и устранить причину, которая густо посеяла гонения среди человечества, обязан отвергнуть все идеи религии откровения как опасную ересь и нечестивый обман.

Что узнали мы из так называемой религии откровения? Ничего полезного человеку и все, что позорит его создателя. Чему учит нас Библия? Разбою, жестокости и убийству. Чему учит нас [Новый] завет? Верить, что всемогущий растлил обрученную женщину, и вера в это прелюбодеяние именуется верованием [в бога].

Что касается фрагментов, посвященных нравственности, которые редко и беспорядочно рассеяны в этих книгах, то они не относятся к этой так называемой религии откровения. Они естественно диктуются сознанием и являются узами, скрепляющими общество, без которых оно не может существовать, и они почти одни и те же во всех религиях и всех обществах.

[Новый] завет не учит нас ничему новому по этому предмету, а где он пытается превзойти уже известное, он становится жалким и смешным. Учение о прощении обид намного лучше выражено в Притчах, которые представляют собой сборник как языческих, так и еврейских пословиц, чем в [Новом] завете. Там сказано: «Если голоден враг твой, накорми его хлебом; и если он жаждет, напой его водою» * (Притчи, гл. 25, ст. 21).

* В так называемой нагорной проповеди Христа (в Евангелии от Матфея), где среди других хороших вещей много этой притворной морали, ясно сказано, что учение о прощении или воздержании от мщения за обиды не было частью иудейской доктрины. Но поскольку эта доктрина находится в Притчах, то, согласно этому утверждению, она должна была быть заимствована у язычников, от которых узнал ее Христос. Те, кого иудеи и христианские идолопоклонники называли язычниками, имели гораздо лучшие и более ясные идеи

Когда же в Новом завете говорится: «Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую», это убивает достоинство прощения и превращает человека в собачонку.

Любовь к врагам — другая догма притворной нравственности, и, собственно, она бессмысленна. Человек, как нравственное существо, обязан не мстить за обиду; это равно хорошо в политическом смысле, ибо возмездия нет конца; каждый мстит другому и называет это справедливостью. Но любовь, пропорциональная обиде, если бы ее и можно было проявить, была бы наградой, предлагаемой за преступление. Кроме того, слово *враги* слишком смутно и общо, чтобы быть использованным в качестве нравственного принципа, который всегда должен быть ясным и определенным, как пословица.

Если один человек является врагом другого по ошибке или из предрассудка, как в случае религиозных убеждений, а иногда и в политике, то такой человек отличается от врага, имеющего преступные намерения в сердце. Мы также обязаны — и это способствует нашему спокойствию — истолковывать все, насколько возможно, в лучшую сторону. Но даже этот его [врага] ошибочный мотив не представляет собой основания для любви со стороны другого. Сказать же, что мы можем любить по собственной воле, без оснований к тому, невозможно в нравственном и физическом отношении.

Нравственность оскорбляется предписанием ей обязанностей, которые, во-первых, невозможно выполнить, а во-вторых, если бы их и можно было выполнить, стали бы источником зла, или, как ранее говорилось, бы-

справедливости и нравственности, чем те, которые нам приходится находить в Ветхом завете, поскольку он является иудейским, и в Новом. Ответ Солона на вопрос, каково наиболее совершенное народное правление, так и не был превзойден кем-либо после него в смысле содержащейся в нем максимы политической нравственности. «То,— говорит он,— где малейшая обида, нанесенная последнему из граждан, рассматривается как оскорбление всему [государственному] *строю*». Солон жил примерно за 500 лет до Христа.

ли бы наградой за преступление. Принцип *все, чего вы хотите, чтобы люди делали вам, делайте им* не подразумевает странного учения о любви к врагам; никто не рассчитывает быть любимым за свое преступление или враждебность.

Те, кто проповедует учение о любви к своим врагам вообще, являются величайшими гонителями и поступают последовательно, действуя таким образом. Ведь учение это лицемерно, а поступать обратно тому, что проповедуешь, естественно для лицемерия.

Со своей стороны я отказываюсь принять это учение и рассматриваю его как притворную или вымышленную нравственность. При этом нет человека, который мог бы сказать, что я преследовал его или кого-либо еще или какую бы то ни было группу людей, будь то во время Американской революции или Французской, а также что я в каком-то случае воздал злом за зло. Но никто не обязан отвечать хорошим действием на дурное или воздавать добром за зло. А где это случается, там имеет место добровольный акт, а не обязанность.

Нелепо также предположить, что такое учение может составлять часть религии откровения. Мы подражаем нравственному характеру творца, прощая друг другу, как он прощает всем. Указанное же учение подразумевало бы, что он любит человека не пропорционально его хорошим качествам, а пропорционально дурным.

Если мы рассмотрим наше положение здесь, в этом мире, то должны будем увидеть, что нет никакого повода для такой вещи, как *религия откровения*. Что мы хотим знать? Разве мироздание, Вселенная, которую мы созерцаем, не проповедует нам о всемогущей силе, которая управляет целым? И не очевидно ли, что это мироздание несравненно сильнее впечатляет наши чувства, чем то, что мы можем прочесть в книге, которую каждый мошенник может написать и назвать словом божьим? Что же касается нравственности, то представление о ней существует в сознании каждого человека.

Так вот, существование всемогущей силы достаточно доказано нам, хотя мы и не можем постичь, по-

сколько это невозможно для нас, природу и способ ее существования. Мы не можем постичь, как появились мы сами, и, однако, мы признаем тот факт, что мы существуем.

Мы должны знать также, что сила, призвавшая нас к жизни, может, если ей будет угодно, призвать нас к ответу за то, как мы жили здесь. А посему, не ища других оснований для веры, разумно верить, что она призовет нас к ответу, если мы заранее знаем, что она может это сделать. Вероятность или даже возможность этого есть все, что мы должны знать. Ведь если бы мы знали это как факт, мы были бы просто рабами страха; наша вера не была бы заслугой, наши лучшие действия — добродетелью. Деизм учит нас, далее, — при этом исключается возможность того, что нас обманывают, — всему, что нам необходимо или положено знать. Мироздание — Библия деиста. Там он читает, в почерке самого творца, достоверность его существования и неизменность его силы. Все же другие библии и евангелия для него подложны.

Вероятность того, что впоследствии нас призовут к ответу, окажет на размышляющий ум влияние, равное влиянию веры, ибо не наша вера или неверие могут создать или уничтожить факт. Поскольку таково состояние, в котором мы находимся, и это то состояние, в каком нам и надлежит находиться как свободно действующим существам (agents), только глупец, а не философ или хотя бы просто благоразумный человек жил бы так, как будто бога нет.

Но вера в бога так ослаблена смешением ее со страстными баснями христианской веры, с дикими приключениями, рассказанными в Библии, с темной и непристойной бессмыслицей Евангелия, что ум человека как бы окутан туманом. Рассматривая все эти вещи смешанными воедино, он путает факт с басней, а поскольку не может верить всему, то склонен отбросить все.

Но вера в бога есть нечто отличное от всего другого и не должна ни с чем смешиваться. Понятие божественной троицы ослабило веру в одного бога. Умножение верований действует подобно разделению веры, а

пропорционально тому, как что-либо делится, оно ослабляется.

Религия посредством этого становится формальной вместо фактической, понятием вместо принципа; нравственность изгоняется, чтобы освободить место для воображаемой вещи, именуемой верой; а эта вера имеет источник в предполагаемом прелюбодеянии; вместо бога молятся человеку; казнь — объект благодарения; проповедники пачкают себя кровью, как шайка убийц, и претендуют на восхищение тем блеском, который она им придает. Они читают скучные проповеди о достоинствах мучений; хвалят Иисуса Христа за то, что он был казнен, и осуждают иудеев за эту казнь. Услышав всю эту бессмыслицу, сваленную в кучу в проповеди, человек спутывает бога мизодания с воображаемым богом христиан и живет, как будто нет никакого бога.

Изю всех когда-либо изобретенных систем религии нет более умаляющей всевышнего, менее поучительной для человека, более несовместимой с разумом и более противоречивой в самой себе, чем так называемое христианство. Слишком абсурдное, чтобы в него поверить, слишком неспособное кого-либо убедить и слишком непоследовательное, чтобы его осуществить, оно приводит сердце в оцепенение и производит только атеистов и фанатиков. Как машина власти, оно служит интересам деспотизма, а как средство обогащения — алчности попов. Что же касается блага человека вообще, оно не ведет ни к чему, ни сейчас, ни потом.

Единственная религия, которая не была вымышлена и божественное происхождение которой очевидно, есть чистый и простой деизм. Он должен был быть первым и, вероятно, будет последним, во что верит человек. Но чистый и простой деизм не отвечает целям деспотических правительств. Они не могут сохранить религию как машину, не смешав ее с человеческими выдумками и не сделав частью ее свой собственный авторитет. Религия не отвечает и алчности попов, если только они не включают самих себя и свои функции в эту систему и не станут, как и правительство, ее ча-

стью. Вот что образует непостижимую пначе связь церкви и государства, церкви человеческой и государства тиранического.

Если бы человек находился под таким сильным и полным влиянием веры в бога, как это должно быть, его нравственная жизнь регулировалась бы только силой этой веры. Он испытывал бы благоговейный трепет перед богом и самим собой и не делал бы ничего, что могло бы быть скрыто от обоих. Для того чтобы эта вера получила полную возможность действовать, необходимо, чтобы она действовала одна. Таков деизм. Но когда, согласно христианской схеме троицы, одна часть бога представлена смертным человеком, а другая, именуемая духом святым, — летающим голубем, невозможно, чтобы истинная вера могла сама принять столь дикие вымыслы*.

В программу христианской церкви, как и всех других систем религии, входило держать людей в невежестве относительно творца, как в программу правительств входило держать людей в невежестве относительно их прав. Первые системы так же ложны, как и вторые, и рассчитаны на взаимную поддержку.

Изучение теологии в том виде, как оно поставлено в христианских церквях, это изучение ничего; оно ни на чем не основано; оно не опирается ни на какие принципы; оно не исходит из каких-либо достоверных источников; оно не имеет данных; оно не может ничего доказать; оно не допускает никаких заключений. Ничто не может изучаться как наука, если мы не обладаем принципами, на которых оно основано; а поскольку в случае христианской теологии дело обстоит именно так, изучать ее — значит изучать ничто.

* Книга, именуемая Евангелием от Матфея, говорит (гл. 3, ст. 16), что *дух святой нисходил как голубь*. Точно так же могли бы сказать, что он нисходил как гусь; создания равно безобидные, и первое — такая же бессмысленная ложь, как и второе. Вторая глава Деяний апостолов говорит (ст. 2, 3), что он спускался подобно сильному *несущемуся ветру*, в образе *разделяющихся языков*; а может быть, то были раздвоенные копыта. Столь абсурдные пустяки подходят только для сказок о ведьмах и колдунах.

В таком случае вместо изучения теологии по Библии и [Новому] завету, смысл которых всегда спорен, а подлинность которых опровергнута, нам необходимо обратиться к Библии мироздания. Принципы, которые мы в ней открываем, вечны и имеют божественное происхождение. Они являются основанием всей науки, которая существует в мире, и должны быть основанием теологии.

Мы можем знать бога только через его деяния. Мы не можем иметь понятия ни о каком атрибуте, не следуя какому-то принципу, который к нему ведет. У нас будет лишь бессвязное представление о его силе, если у нас нет средств осознать хотя бы часть его необъятности. Мы не можем получить никакого представления о его мудрости, иначе как познавая порядок и способ, которым она действует. Принципы науки ведут к этому знанию, ибо творец человека — творец науки, и именно через такое посредство человек может видеть бога как бы лицом к лицу.

Если бы человек был поставлен в такое положение, что был бы наделен силой видеть, охватить одним взглядом и обдуманно созерцать структуру Вселенной, усматривать движения планет, причину изменения их видимости, безошибочный порядок их вращения, вплоть до отдаленнейшей кометы, их связь и зависимость друг от друга и знать системы установленных творцом законов, которые управляют целым и приводят его в порядок, он постиг бы тогда силу, мудрость, величие, щедрость творца гораздо лучше, чем может научить его любая церковная теология. Тогда он увидел бы, что все знание человека происходит из науки и что все механические искусства, с помощью которых он делает удобным свое положение здесь, происходят из этого источника. Его ум, возбужденный этим зрелищем и убежденный фактами, умножил бы свою благодарность, как умножил бы свои знания. Его религия или поклонение соединились бы с совершенствованием его как человека. Любое занятие, которому он посвятил бы себя, как-либо связанное с принципами мироздания, подобно сельскому хозяйству, науке и механическим искусствам научило бы его больше-

му о бoге и благодарности, которую он обязан к нему питать, чем любая проповедь христианских богословов, которую он сейчас выслушивает.

Великие предметы вызывают великие мысли, великая щедрость вызывает великую благодарность. Но унижительные сказки и учения Библии и [Нового] завета способны возбудить только презрение.

Хотя человек, по крайней мере в этой жизни, не может узреть той подлинной картины, которую описал, он может ее воспроизвести, ибо он знает принципы устройства мироздания*. Мы знаем, что величайшие механизмы могут быть представлены в модели и что Вселенная может быть представлена такими же средствами.

Те же самые принципы, с помощью которых мы отмеряем дюйм или акр, позволяют измерить миллионы их. Круг диаметром в дюйм имеет те же геометрические свойства, что и круг, который охватил бы Вселенную.

Те же самые свойства треугольников, которые покажут путь судна на бумаге, сделают это и в океане, а приложенные к небесным телам, определяют с точностью до минуты время затмения, хотя эти тела уда-

* Сочинители Библии предприняли, в первой главе книги Бытия, попытку рассказать нам о сотворении мира. Но они не продемонстрировали ничего, кроме своего невежества. Они сделали так, что до того, как появилось солнце, было три дня и три ночи, вечера и утра, тогда как причиной дня и ночи является наличие или отсутствие солнца, а его восход и закат — причиной утра и вечера. Кроме того, жалкая и детская мысль предполагать, будто всемогущий сказал: «...да будет свет». Эту повелительную маперу использует фокусник, когда он командует своим чашкам и шарам: живо, начнем! Вероятнее всего, она была оттуда заимствована, подобно тому как Моисей и его жезл суть фокусник и его волшебная палочка. Лонгин называет это выражение возвышенным. Согласно тому же правилу, речь фокусника также является возвышенной, ибо она обладает той же выразительностью и драматическим складом. Когда писатели и критики говорят о возвышенном, они не видят, как тесно граничит оно со смешным. Возвышенное критиков, как в некоторых частях «Возвышенного и прекрасного» Эдмунда Бёрка, подобно ветряной мельнице в тумане, которую воображение может превратить в летящую гору, архангела или стаю диких гусей.

лены от нас на миллионы миль. Это знание имеет божественное происхождение, и человек получил его из Библии мироздания, а не из глупой церковной Библии, которая не учит человека ничему.

Все знание науки и механики, принадлежащее человеку [знание], с помощью которого его существование на земле стало удобным и без которого он едва ли отличался бы по внешности и нраву от обычного животного, исходит из великого механизма и структуры Вселенной.

Постоянные и неустанные наблюдения наших предков за движениями и обращением небесных тел принесли это знание на землю. Не Моисей и пророки, не Христос и его апостолы совершили это. Всемогущий — великий механик мироздания, первый философ и подлинный учитель всякой науки. Так научимся же уважать нашего учителя и не забывать трудов наших предков.

Если бы мы сегодня не знали механики, но оказалось бы возможным обозреть, как описано мной, структуру и механизм Вселенной, мы скоро постигли бы идею конструкции по крайней мере некоторых механизмов, которыми мы ныне обладаем, а постигнутая таким путем идея постепенно внедрялась бы в практику. Или если бы человеку могла быть представлена модель Вселенной, подобная той, которая называется планетником, и приведена в движение, его ум пришел бы к той же самой идее.

Совершенствуя знание, полезное человеку и члену общества, подобный объект мог бы гораздо лучше доставить материал, чтобы преисполнить его знанием о творце, верой в него, уважением и благодарностью, какие человек должен питать к нему, чем глупые тексты Библии и [Нового] завета, из которых, при любом таланте проповедника, могут быть извлечены только глупые поучения.

Если человеку нужно поучать, пусть он проповедует нечто возвышенное и из текстов, заведомо истинных.

Тексты Библии мироздания неистощимы. Каждая часть науки, связана ли она с геометрией Вселенной,

с системами животной и растительной жизни или со свойствами неодушевленной материи представляет собой текст для благоговения, равно как и для философии, для благодарности, равно как и для человеческого усовершенствования. Возможно, скажут, что если произойдет такая революция в системе религии, то каждому проповеднику придется быть философом. *Несомненно*, и каждый храм станет школой науки.

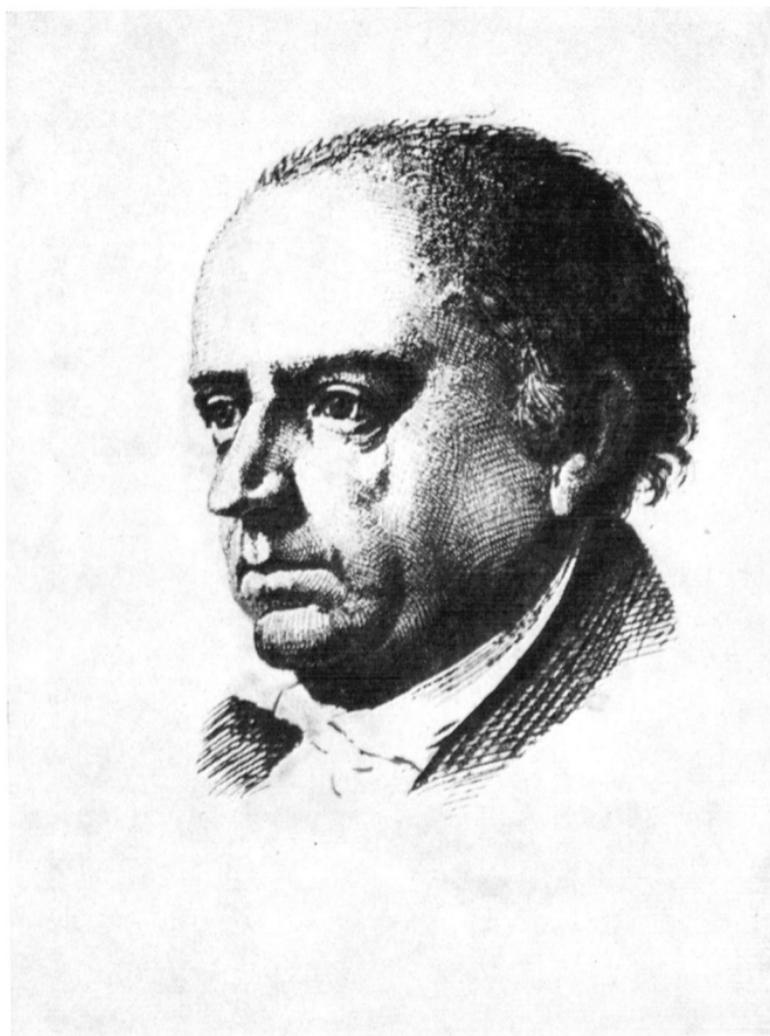
Как раз уклонение от неизменных законов науки и от света разума и учреждение вымышленной религии откровения привели к созданию столь многочисленных, диких и кощунственных вымыслов о всемогущем.

Иудеи превратили его в человекоубийцу, чтобы освободить место для иудейской религии. Христиане превратили его в самоубийцу, чтобы превзойти и изгнать иудейскую религию. А чтобы оправдать эту претензию и допустить подобные вещи, они должны были допустить несовершенство его силы или мудрости или непостоянство его воли. Непостоянство же воли есть несовершенство суждения.

Философ знает, что законы творца никогда не изменялись ни относительно принципов науки, ни относительно свойств материи. Почему же тогда следует допустить, что они изменились относительно человека?

На этом я кончаю. Во всех предшествующих частях этой книги я показал, что Библия и [Новый] завет — обман и подделка. Я предоставляю тому, кто может, опровергнуть свидетельства, которые я привел в основание этого. И я оставляю мысли, выдвинутые в этой работе, на усмотрение ума читателя. Я уверен, что свобода мнений в отношении форм правления и религии обеспечит в конечном счете торжество истины.

ТОМАС КУПЕР

ОБЗОР МЕТАФИЗИЧЕСКИХ И ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ АРГУМЕНТОВ В ЗАЩИТУ МАТЕРИАЛИЗМА

О душе

Аргумент в защиту отдельного существования нематериальной души, помещенной в человеческом теле и соединенной с ним, состоит в следующем.

Человек состоит из тела, которое, будучи живым, обнаруживает своеобразную организацию и некоторые связанные с ней явления, называемые интеллектуальными, такие, как восприятие, память, мышление, или размышление, и воление, или принятие решений (determining). Когда тело прекращает жить, оно распадается на углерод, азот, водород, кислород, фосфор и известь и, возможно, также еще на одно или два вещества. Все они сходны с тем, что мы находим в окружающих нас неодушевленных материальных телах. Судя на основании данных наших чувств, мы отличаемся от них ничем другим, кроме того, что обладаем своеобразной организацией, которой те тела не обладают. Но поскольку конфигурация или расположение частиц, из которых состоят наши тела, не могут образовать ничего другого, кроме разнообразия состояний — разнообразия материи и движения, у нас нет оснований приписать восприятие, память, мысль или волю какой-либо форме материи или движения, как бы они ни видоизменялись. Из материи и движения не может возникнуть ничего, кроме материи и движения. Феномены интеллекта слишком не похожи на материю и движение, чтобы допустить, что

первые являются продуктом или разновидностями последних. Поэтому мы должны обратиться к некоторому другому принципу как источнику интеллекта, и им не может быть тело. Им должно быть нечто отличное от простой материи и движения, нечто нематериальное, нечто не имеющее отношения к материи. Этим нечто, будь то отдельная сущность или отдельный принцип, есть душа. Может ли из соединения углерода, азота, водорода и кислорода возникнуть силлогизм? Этот источник интеллекта, не имея никакого отношения к материи, будучи по своей сущности имматериальным, не подверженным подобно материи разрушению и разложению, является поэтому бессмертным, не умирает со смертью тела. Он ставит поэтому будущее состояние вне сомнения, ибо он живет, когда тело больше не существует.

Таковы в общем взгляды на этот вопрос, принятые теми, кто верит, что существует отдельная нематериальная душа как причина и источник всех явлений, называемых психическими (mental) или интеллектуальными. Согласно им, нелепо приписывать тончайшие поэтические вымыслы или тончайшие изыскания Ньютона и Лапласа простому устройству грубых ассимилированных частиц, не обладающих до их поступления в тело и после удаления из него по выводящим сосудам ничем, что приближалось бы к природе интеллекта в любом из его проявлений.

Согласно современным взглядам на этот предмет, все аргументы теологического характера исключаются. Они могут быть рассмотрены отдельно. И в отношении них так же трудно в целом принять решения, как и в отношении аргументов, выведенных из естественных феноменов; и они так же продуктивны, как многие практические разногласия.

Современные имматериалисты идут еще дальше. Они говорят, что тенденция к самой организации и все результаты этой тенденции должны быть первоначально приданы и переданы инертной материи, в отношении которой нельзя предположить, что она может обладать этой тенденцией благодаря собственному усилию. Эта организация, жизнь и свойства, связанные

с жизнью, такие, как питание, пищеварение, ассимиляция, выделение и т. д., так же как явления, называемые интеллектуальными, не могут возникнуть из каких-либо известных свойств материи, как таковой, и поэтому первоначально должны быть запечатлены в ней той же самой сущностью, которой следует приписать все творения. Так, явления, называемые интеллектуальными, явно отличаются от других явлений живой организованной материи — они специфичны для человеческого рода, они необъяснимы из общих свойств организации или жизни и поэтому всем обязаны отдельной и особой связи с создателем всего нашего существования. Поскольку они не могут быть отнесены за счет какой-либо формы организации или рассмотрены как ее результат, они должны по необходимости быть приписаны некоторой особой сущности, имеющей особую и высшую природу, отличную от материальной, которой предназначено в настоящей жизни действовать посредством телесных органов.

Такой особой сущностью является *душа*. Считается само собой разумеющимся, что мы не должны вести доказательство от возможности какой-либо вещи к ее действительному существованию (*a posse ad esse non valet consequentia*¹), но, когда феномен не может быть объяснен каким-нибудь известным свойством организованной или неорганизованной материи, мы вынуждены гнаться за чем-то еще — чем-то вне материи, чем-то не являющимся материей, чтобы объяснить феномены, которые не материальны.

Я не знаю, как выразить лучше, совершеннее и убедительнее взгляды по этому вопросу тех авторов, которые отстаивают отдельное существование души как совершенно нематериальной и соответственно неразрушимой и бессмертной сущности.

С другой стороны, *материалисты*, которые приписывают все явления, называемые интеллектуальными, телу и рассматривают их как свойства организованной материи и результат этой организации, рассуждают следующим образом.

Их аргументы можно рассматривать как 1. *Метафизические* и 2. *Физиологические*.

Начнем с ПЕРВОГО класса.

1. Единственное основание, которое имеется у нас в любом случае для того, чтобы утверждать, что одна вещь есть свойство другой,— это несомненность или всеобщность, с которой, как мы находим, они всегда сопровождают друг друга. Так, мы говорим, что золото обладает ковкостью, ибо всегда находим его таким, если только оно чистое. Мы утверждаем, что удобрение питает растения, что мышечные волокна раздражимы, что нервы являются инструментами ощущений и т. д., на том же самом основании. Попросите читателя описать минерал по его характерным особенностям, и у читателя не будет никаких сомнений в истинности этого утверждения.

Более того, когда мы находим путем опыта, что каждая вещь, которую мы видим, имеет некоторую *причину* своего существования, это побуждает нас сделать вывод, что субстанция и какое-либо из ее качеств постоянно сопутствуют друг другу, что между ними имеется некоторая необходимая связь. Поэтому *несомненность и всеобщность сопутствия есть единственное основание утверждать или предполагать необходимую связь между двумя феноменами*. И мы не можем не поверить в то, что при похожих обстоятельствах сходные последствия неизменно будут вытекать из сходных предшествующих [условий]. Поэтому мы рассуждаем: если два обстоятельства или вещи всегда предстают перед нашим наблюдением как сопровождающие одна другую: одна всегда предшествует, а другая всегда следует за ней, то должно быть некоторое основание в природе вещей, приводящее именно к этому.

Имеется необходимая связь между такой структурой, как нервная система животных, и свойством ощущения, или, как его часто называют, восприятия (perception) *,— свойством чувствования, осознания впечатлений, произведенных на наши чувства. Ибо имеются те же самые основания для этого утвержде-

* Французские авторы называют его *сознанием* (conscience). Английские приняли [термин] *восприятие*.

ния, какие могут быть для любого другого бесспорного [утверждения], а именно несомненность и всеобщность, с которой (при нормальном состоянии системы) мы наблюдаем восприятие и нервную систему сопровождающими друг друга. Местоположение восприятия, насколько мы знаем из фактов анатомии и физиологии, расположено во внутренних чувствующих окончаниях нервов, испытывающих впечатление. Но независимо от того, находится ли оно там или где-либо еще, поскольку оно явно относится к нервной системе, этого для нашей цели достаточно. Оно должно где-то находиться. Пусть читатель соответственно его более удачному выводу из известных фактов поместит его там, где он считает наиболее подходящим, и это в такой же мере будет служить целям моего доказательства. Восприятие, ощущение, чувствование, осознание впечатлений (поскольку все эти термины употребляются как синонимы, я предпочитаю первый) является свойством нервных аппаратов, принадлежащих телам животных, которые обладают здоровьем и жизнью. Как только чувствующие окончания нерва возбуждаются или испытывают впечатление, немедленным результатом этого является восприятие — с такой же несомненностью, как особый вес, цвет, ковкость и химические свойства золота присущи золоту, когда оно получено в чистом виде. Эти свойства нераздельны. Вы должны определить золото *посредством* их; подобным образом вы должны определить свойства нервной системы *посредством* восприятия — ощущения.

Я рассматриваю это доказательство как решающее, пока не удастся показать, *как* восприятие возникает с необходимостью из чего-то отличного и независимого от нервной системы; впрочем, удастся ли это показать или нет, утверждение, будто восприятие возникает подобным образом, содержит противоречие и поэтому во всех случаях является неприемлемым. Что же касается [вопроса о] способе, образе действия, благодаря которому восприятие возникает из стимуляции нервной системы, [вопроса] о том, *как* или почему оно является функцией мозга, что мы видим,

то никто не может претендовать на то, чтобы показать или объяснить это; сделать это не более возможно, чем показать или объяснить, как нематериальная душа может действовать на материальное тело, не имея ни одного общего с ним свойства. В первом случае мы чувствуем сами и знаем путем наблюдения других, что восприятие, чувствование или сознание есть функция этого видимого органа, но о существовании отдельной души ничего не знаем, кроме предположения. Мы знаем, что раздражимость и сократимость — свойства мышечного волокна, но сверх простого факта их существования в качестве таковых мы ничего не знаем. Можем ли мы объяснить жизнь и рост травинки?

Эта несомненность и всеобщность сопутствия одного другому есть единственное основание для утверждения о необходимой связи между двумя феноменами. То, что одно является результатом другого, настолько верно, что, если бы это было ложным, никакое доказательство на основе индукции не было бы истинным, ибо все доказательства на основе индукции предполагают истинность этого. Поскольку невозможно даже попытаться показать наличие прямого противоречия в утверждении о том, что восприятие является результатом организации, и это, насколько могут судить наши чувства, фактически, бесспорно, обстоит так, и поскольку имматериалист никогда не сможет претендовать на то, чтобы объяснить, как восприятие возникает из нематериальной субстанции скорее, чем из материальной, то не требуется больше ничего, чтобы доказать, что восприятие действительно и истинно есть результат нашей организации. Доказательство в таком случае выступает в следующем виде: несомненность и всеобщность сопутствия одного другому двух или более феноменов являются единственными прямыми основаниями, которые мы имеем, чтобы утверждать или предполагать необходимую связь между ними. Свойство восприятия и нормальное состояние нервной системы при возбуждении с несомненностью и всеобщностью сопутствуют одно другому. Поэтому такое сопутствие предоставляет нам единственное прямое

основание для утверждения необходимой связи между восприятием и нервной системой. Но это основание является таким же, каким мы располагаем, утверждая необходимую связь между любыми другими феноменами. Стало быть, мы имеем такое же основание утверждать необходимую связь между свойством восприятия и нормальным состоянием нервной системы, какое мы имеем для того, чтобы утверждать то же самое в отношении любых других феноменов. Необходимо понять, конечно, что нервная система должна быть возбуждена, прежде чем возбуждение может быть воспринято. Примем ли мы фразеологию Юма или доктора Т. Брауна² из его «Трактата о причине и следствии», доказательство будет точно тем же.

Во всех случаях, где необходимая связь между двумя феноменами такова, что один называется *свойством*, а другой — *предметом*, свойством которого является первый [феномен], общепризнано, что свойство необходимо возникает из природы или сущности предмета, к которому оно относится. Но так как восприятие должно быть свойством чего-то и так как оно единообразно связано с нормальным состоянием нервной системы, восприятие является свойством этой системы и вытекает необходимо из ее природы или сущности.

Таково подлинное и прямое доказательство учения *материализма*, и, насколько я знаком с дискуссиями [в этой области], оно **ОСТАЕТСЯ НЕОПРОВЕРГНУТЫМ**. Но это учение получит дополнительное подкрепление, если может быть показано, что противоположное учение *имматериализма* невозможно или невероятно. Я попытаюсь показать то и другое.

О невозможности существования нематериальной, неразрушимой, бессмертной души.

2. — (а). Душа либо обладает *всеми* свойствами материи и никакими другими; либо она обладает некоторыми свойствами, *общими* ей с материей, и *некоторыми* другими, которых нет у материи; либо она не имеет *никаких* общих с материей свойств.

В первом случае она — материя и ничего более.

Во втором случае она частично материальна.

В третьем случае она ни в одном отношении и ни

в какой степени не является материальной. Этот последний случай — единственная альтернатива, которая может последовательно поддерживать гипотезу имматериализма, ибо, поскольку душа материальна, она должна быть так же, как и материя, разрушимой, смертной и разложимой.

(b). Но допустим, что душа не имеет свойств, общих с материей. Тогда я говорю: ничто не может действовать на другое иначе как посредством некоторого общего свойства. В этом случае мы не только полностью располагаем доказательством, которое может предоставить индукция на основе известных и признанных случаев, но также и дополнительным доказательством, которое возникает из невозможности представить, как противоположные суждения *могут* быть истинными. Вы не можете воздвигнуть Колизей в Риме, играя рондо Гайдна. Вы не можете приводить в движение луч света с помощью бильярдного кия и т. п. Это положение повсюду предполагается или принимается в натурфилософских трактатах.

Но, согласно [рассматриваемому] положению, душа не обладает свойствами, общими с материей. А между тем имматериалисты повсеместно признают, что душа действует на материальное тело и посредством него. Но это противоречие — предполагать, что душа может и не может действовать на материальное тело, делает это и не делает. Поэтому гипотеза, содержащая такое противоречие, должна потерпеть крах.

3. (a). Какой бы предмет нам ни был известен, он нам известен посредством его свойств. Во всяком случае ничто мы не знаем с такой уверенностью, как это. Так, золото является тяжелым, желтым, ковким, растворимым в царской водке и т. д. Предположим, что мы на какой-то момент лишили золото этих свойств. Будет ли золотом то, что останется? Если оно имеет другие свойства, оно является другой субстанцией. Если у него не осталось никаких свойств, оно ничто, ибо ничто и есть то, что не имеет никаких свойств. Итак, если какая-либо вещь потеряет все свои качества, она превращается в ничто, она прекращает свое существование.

(b). Стало быть, существование души выводится подобно существованию любой другой вещи из ее предполагаемых качеств, каковыми являются интеллектуальные феномены человеческого существа: восприятие *, память, суждение, воление. Но во всех случаях *полного* ста, действия сильных наркотиков, апоплексии, обморока, утопления, при котором жизненные силы еще не исчезли, сильного удара в затылочную часть головы и при всех других лейпотимических ³ потрясениях не имеется ни восприятия, ни памяти, ни суждения, ни воления все свойства души угасают, поэтому душа утрачивает на время свое существование; все свидетельства и следы ее существования исчезают *pro hac vice* ⁴, поэтому, пока продолжаются эти расстройства нервной системы, душа мертва, ибо все ее свойства действительно угасают. Душа поэтому не является бессмертной и, следовательно, не является нематериальной.

(с). Это исчезновение всех интеллектуальных феноменов вследствие расстройства нервных аппаратов человеческого организма легко объясняется, если они будут рассматриваться (как материалист рассматривает их) не иначе как явления, зависящие от нервной системы в ее обычном состоянии возбуждения, которое возникает либо под действием впечатлений *ab extra* ⁵, либо под влиянием движений, зависящих от чувствующих поверхностей внутренних органов, и ассоциаций, возникающих *ab intra* ⁶. При таком взгляде на предмет все естественно и все объяснимо. Но если эти интеллектуальные явления являются свидетельствами и свойствами особой нематериальной сущности (души), то возникает непреодолимая трудность. Где находится сам предмет (*the subject*), когда все его свойства, все свидетельства его существования исчезли хотя бы на день или на час? Материалист может легко объяснить оживление, происходящее при возобновленном возбуждении, исходя из непрекращающегося действия функций органической жизни.

* Чувствование, ощущение, сознание — синонимичные термины.

4. [(a).] Никакие законы разума не освободят нас от ограничений, накладываемых реальными фактами. Невозможно отрицать, что все эти интеллектуальные феномены, все эти специфические свойства нематериальной души, все эти единственные свидетельства ее существования являются также свойствами тела, ибо там, где нет нервных аппаратов, как, например, у растений, там они никогда не появляются, они не появляются также у зародыша и у ребенка, пока у него не разовьются большие полушария. Там, где нервная система расстроена в результате повреждения, болезни или воздействия лекарства, эти феномены также расстраиваются или даже исчезают. Когда умирает тело и нервная система вместе с ним, все эти феномены прекращаются и безвозвратно исчезают. Мы никогда не имеем, насколько сообщают [нам] наши чувства, ни малейшего свидетельства существования какой-либо остающейся сущности, которая, будучи связана с телом в течение жизни, отделилась бы от него при смерти. Это можно было бы утверждать, но не имеется ни единого факта, который мог бы это доказать: когда умирает тело, нет более ни восприятия, ни памяти, ни воления. Насколько мы можем видеть, они умирают вместе с телом и не проявляют никакого признака своего последующего существования. Эти феномены, стало быть, феномены тела: если бы они также были феноменами души, то и душа подобно телу была бы материальной, ибо она имела бы общие с ним свойства.

(b). Когда говорят, что душа может существовать после того, как тело стало мертвым и распалось, я отвечаю: душа может также и не существовать: одно предположение столь же верно, как и другое. Вспомните о том, что недопустимо при добросовестной аргументации считать само собой разумеющимся существование вещи только на том основании, что она, может быть, существует. Если вы утверждаете ее существование, мы должны доказать ваше утверждение. *Affirmantis est probare. A posse ad esse non valet consequentia*⁷.

(c). Если кто-либо скажет, что эти свойства толь-

ко *перестают существовать* на время, я хотел бы у него выяснить, какую идею он соединяет с этой временной приостановкой, имеет ли он в виду что-либо иное, кроме того, что *они* [свойства] *перестают существовать на это время*. Дело обстоит так, что либо ничего другого не имеется в виду, либо предполагается нечто прямо противоречащее фактам. Более того, если бы подразумевалось нечто большее, легко можно было бы доказать, что предполагается извечное предсуществование (archetypical existence) абстрактных идей. Это — приближение к платоновским нелепостям, видоизмененным предустановленной гармонией Лейбница, которую, как я полагаю, невозможно защищать в наши дни. Кроме того, можно показать, что подобный скрытый (ulterior) смысл противоречит максиме *impossibile est idem esse et non esse*⁸. Это влечет за собой грамматическую нелепость употребления прилагательного самого по себе без существительного.

(d). Если кто-либо скажет, далее, что «эти духовные (mental) феномены являются не составными частями, а действиями души и свидетельствами ее существования, так что душа может продолжать существовать и тогда, когда она больше не действует или не действует именно таким способом, ибо из того, что человек потерял орудия или инструменты, с помощью которых он обычно работает, вовсе не следует, что уничтожилась и его способность работать», то я на это отвечаю: 1. Всякий раз, когда свидетельства существования вещи возникают из ее собственной природы и структуры, они являются синонимами ее свойств. Таковыми являются феномены мышления по отношению к душе, они выражают ее истинную сущность. Я не могу дать более убедительное пояснение, чем уже предложенное; пусть мой читатель, если он является минералогом, опишет какой-нибудь минерал, а затем предположит, что все его характерные особенности исчезли. 2. Так как этими интеллектуальными феноменами исчерпываются *все* свидетельства, которые мы имеем о существовании души, то когда они разрушены или угасли, то же самое происходит и с выводом, который извлечен из них. Когда исчезают все

признаки существования *жизни*, каждый без колебания скажет, что исчезла и сама жизнь. 3. Инструменты, которые человек обычно употребляет работая, составляют только *малую часть, но не полностью все* свидетельства его способности работать. Когда он утратит свои чувства, свои руки, свою способность волеия и способность к произвольному движению, которые также являются общими свидетельствами его способности работать, каждый скажет, что он утратил и эту способность, т. е. что она больше не существует. 4. С таким же правом, например, можно было бы утверждать в отношении золота, что его свойства, называемые существенными и характерными, не более чем действия и свидетельства существования субстанции золота, которая-де *может* продолжать существовать несмотря на то что не обнаруживает больше ни одного из тех феноменов, которые называются его свойствами, но в действительности являются только временными свидетельствами его существования. Разве может какой-либо разумный человек признать справедливость этого аргумента? 5. Если допускается умозаключение *a posse ad esse— a potentia ad actum*⁹, извлеченное из отдаленнейших возможностей существования, тогда вообще можно доказывать существование любой вещи вопреки всем доказательствам противополого. Разве не станет рассматривать врач (a physician) как сумасшедшего того человека, который говорил бы перед разлагающимся телом, что, хотя и «несомненно, ни одно из действий, которые суть признаки жизни, в настоящее время не обнаруживается, жизнь может продолжать существовать»?

5. (a). Все соотносительные термины предполагают существование своих коррелятов: человек не может быть отцом, не имея ребенка, мужем — не имея жены и т. д. Но если один из двух коррелятов перестает существовать, то это же происходит равным образом и с другим.

(b). Все те идеи, которые образуют нашу идею души, или, иначе говоря, все те свойства, из которых мы выводим ее существование, соотносительны. Их коррелятами являются идеи. Таким образом, не может быть

восприятия без идей, которые воспринимаются, воспроизведения без идей, которые вспоминаются, суждения без идей, которые сравниваются, воли без идей объектов, по отношению к которым она осуществляется.

(с). Локк показал, что у нас нет врожденных идей, что все наши идеи являются идеями ощущения или рефлексии и что идеи рефлексии не что иное, как операции ума (*mind*), [производимые] с нашими идеями ощущения. Это значит, что все наши идеи происходят из впечатлений, произведенных на наши чувства, и основываются на этих впечатлениях. Учение древней школы было тем же самым: *nil inquam fuit in intellectu, quod non prius erat in sensu*¹⁰, включая внутренние чувства так же, как и внешние. Это не менее истинно, чем все другое, признанное истинным мудрейшими людьми древности*. Я знаю о «способ-

* То, что наиболее осведомленные *современные* писатели придерживаются того же самого учения и что все феномены, называемые психическими, являются лишь возбуждениями нервной системы, я утверждаю, опираясь на авторитет Кабаниса, Биша¹¹, Блюменбаха¹², Ришерана¹³, Мажанди¹⁴, так же как и Гартли, Дарвина, Пристли и Лоуренса¹⁵. Элементарные труды Биша, Ришерана, Блюменбаха и Мажанди обычно изучаются во всех наших медицинских школах... Читатель может обнаружить, что наиболее осведомленные и авторитетные писатели по физиологии принимают указанную в тексте латинскую аксиому дословно или по существу. Так, Галлер... описывает ощущения как аффектации воспринимающего мозга...

Ни один человек не вправе писать о метафизике и феноменах интеллекта, не имея основательных познаний в физиологии — той области знания, в которой шотландская школа метафизиков прискорбно не осведомлена.

Я не хотел бы включать д-ра Т. Брауна в эту тираду, направленную против его поверхностных и догматических предшественников. Я согласен с ним, что способность (*power*) и причинность суть только слова и неотделимы от реальных предшествующих и последующих [феноменов], к которым они относятся, и что наша вера в то, что в сходных обстоятельствах сходным предшествующим [явлениям] неизменно сопутствуют сходные последующие, есть скорее интуиция, чем [результат] процесса размышления. Я, однако, очень боюсь, что ему не удалось обойти трудности юмовского аргумента против чудес... Браун тем не менее ясно мыслящий и способный метафизик, однако метафизик шотландской школы, которую характеризует поразительное игнорирование всех физиологических фактов.

ностях духа» (mind) бесчисленного выводка шотландских метафизиков. Я не могу и не хочу отвечать на ужасающую бессмыслицу в этом вопросе, принимаемую д-ром Ридом¹⁶ и д-ром Битти¹⁷ за истину, равно как и на пустые софизмы д-ра Грегори¹⁸, на многословные страницы бессмыслицы д-ра Дугалда Стюарта, на невежественную наглость утверждений д-ра Барклея¹⁹ в его последнем исследовании. Мы все перед читателем, и для меня этого довольно. Тем временем попросим читателя спросить себя, как он может приобрести идеи зрения, не имея глаза и его аппаратов, запаха, не имея ноздрей, вкуса — без сосочков языка и нёба и т. д. Пусть он скажет, какими идеями может обладать человек, все чувства которого полностью отсутствуют. Этого достаточно.

И действительно, люди начинают сомневаться, может ли вообще человек иметь какую бы то ни было возможность получить убедительное свидетельство существования какой-нибудь вещи, не познаваемой ни одним из человеческих чувств.

(d). Но если все наши идеи происходят из впечатлений, произведенных на наши чувства, то, поскольку эти органы являются совершенно телесными, мы никогда не можем приобрести идеи вне тела; это значит, что вне тела не имелось бы никаких феноменов восприятия, воспроизведения (recollection), суждения или воли; это значит, что не имелось бы ни одного из тех феноменов мышления, из которых мы дедуцируем существование души, — ни одного из свойств души вне тела; другими словами, без тела не было бы и души. Таким образом, начало существования души зависит от начала существования тела. Таково фактическое положение.

(e). Но имматериалист говорит: душа, что касается ее существования, отлична и независима от тела; следовательно, она и зависит и не зависит от тела, а это значит, что она не существует, поскольку противоположности не могут сосуществовать.

Установив, что предшествующее бессмертие души ничто, рассмотрим ее бессмертие в будущем.

б. (а). Все впечатления, воздействовавшие на наши чувства, могут оставить след вплоть до внутренних чувствующих окончаний тех нервов, которые испытали впечатление, но не далее.

(b). Когда впечатление произведено на наши чувства посредством внешних объектов, мы сохраняем свойство восприятия действия впечатления в течение определенного периода и после того, как первоначальное впечатление прекратилось. Это — *память* и *воспроизведение*. Поэтому, хотя все наши идеи вызваны впечатлениями, первоначально воздействовавшими на наши чувства, мы можем утратить одно или два из наших чувств и все-таки вспоминать идеи, которые являются действиями впечатлений, прежде произведенных на эти чувства.

(с). Но без нервной системы идеи также не могут быть воспоминаемыми, как они не могут быть первоначально вызваны без [органов] чувств. Все это является очевидным.

(d). Когда наступает смерть, однако, разрушаются не только все наши чувства (единственный источник первоначальных идей), но и сама нервная система, являющаяся *sine qua non*²⁰ существования вызванных прежде идей. Поэтому, когда наступает смерть, разрушаются все наши идеи любого рода.

(е). Но без идей не могут существовать никакие свойства души, потому что они соотносительны и коррелятивны; а если разрушаются все свойства души, то разрушается и сама душа.

(i). Поэтому, что бы ни случилось при жизни тела, душа не существует до него и разрушается, когда оно разрушается.

(g). И когда признается, что в течение жизни многие обстоятельства могут полностью разрушить на время все свойства души, едва ли стоит спорить о том незначительном существовании, которое остается.

(h). Но когда, далее, признается, что естественное бессмертие души есть, как предполагается, необходимое следствие ее нематериальности, то из этого необходимо следует, что нематериальной души вообще не существует.

6. [(a)]. Если душа вообще существует, то она должна существовать где-то, ибо невозможно сконструировать идею какой-либо существующей вещи, которая нигде не существует, но действия которой ограничены пространством.

(b). Но если душа где-то существует, то, согласно понятию, она занимает пространство и поэтому является протяженной и, стало быть, имеет фигуру или форму, общую с материей.

(c). Кроме того, по предположению каждого имматериалиста (кроме Мальбранша, Лейбница и Беркли), душа действует на тело, т. е. на материю. Это значит, что она притягивает и отталкивает и подвержена притяжению и отталкиванию, ибо непостижимы другие действия материи, кроме основанных на притяжении и отталкивании и сводимых к ним. Если она подвержена притяжению и отталкиванию, то ее ответным действием должно быть притяжение и отталкивание. Это предполагает плотность.

(d). Душа, таким образом, обладает протяженностью, формой, плотностью, притяжением, отталкиванием. Но это охватывает все качества, которыми характеризуется материя, и поэтому душа, чем бы она еще ни была, является материальной сущностью.

(e). Но она не может быть материальной и нематериальной в одно и то же время, и поэтому ее не существует.

7. Те истины, которые мы извлекаем из тщательно наблюдавшихся и достаточное число раз повторявшихся свидетельств наших чувств, более вески, чем те, которые представляют простые дедукции разума или доказательства. Если я чувствую, что, ударяя по большому камню кулаком, я поврежу суставы пальцев, я не смогу сомневаться в этом после достаточного числа проб. Если я нахожу, что большая доза крепкого вина меня опьяняет, я не могу не верить в результат опыта. Я вижу, что духовные феномены действительно связаны с организацией человеческого тела посредством нервных аппаратов, являющихся его частью. Я знаю путем наблюдения и опыта, что, если я разрушу ту часть нервной системы, которая обеспечивает

[деятельность] какого-либо из органов чувств, например зрительный нерв глаза, органы этого чувства не будут снабжать меня прежними чувствованиями. Все это является реальным фактом, достоверным таким же образом, каким мы удостоверяемся в действии бутылки мадеры: путем употребления наших чувств. В этом мы можем сомневаться не более, чем в собственном существовании. Но какое свидетельство мы можем с вероятностью иметь о существовании души? Она нераспознаваема ни одним из наших чувств — ни одним из обычных входных путей знания; согласно гипотезе, она нематериальна, она не имеет отношения к материи. В силу самой ее природы мы не можем иметь никакого чувственного доказательства ее существования. Она — некая гипотеза, предполагаемая сущность, введенная для объяснения явлений, явно связанных с нашими телесными органами, явлений, которые, независимо от того, будут ли они душой или нет, не могут иметь места без этих органов. Мы знаем, что эта связь существует, мы ее видим, слышим, чувствуем, но мы не знаем точно, как ее проследить. Но души не существует для наших чувств. Она является сущностью, существование которой предполагается в силу того, что нынешнее состояние знаний не позволяет нам (возможно) объяснить точный способ связи между интеллектом и нашей нервной системой. Я вскоре покажу, что затруднения, с которыми мы сталкиваемся, когда объясняем рост травинки или жизнь дерева, ничуть не меньше затруднений, [возникающих] при объяснении рассудка животных.

Пусть читатель подумает и спросит себя: не является ли это гипотетическое введение нематериальной души с целью разрешения трудностей, которые создает наше неизбежное неведение, — не является ли оно явным нарушением признанной аксиомы, а *posse ad esse non valet consequentia*²¹. Это — простое прибежище для нынешнего незнания связи, которую будущее знание сможет или не сможет распутать.

Теория объясняет неизвестные факты посредством законов и свойств известных фактов. Ньютон применил причину, по которой камень падает на землю, к дви-

жению планет по отношению к Солнцу. В данном случае не предполагалось ничего нового, чтобы помочь рассуждению. Если бы он сказал, что невозможно объяснить движение планет по отношению к Солнцу какими-либо свойствами планет или Солнца и этим оно должно быть обязано некоему ангелу, обязанностью которого являлось приводить планеты в движение в надлежащем направлении, то это было бы *гипотезой*, совершенно подобной нашим понятиям о душе с целью объяснить феномены тела.

Таким образом, мы не только не имеем прямых и удовлетворительных свидетельств существования души, но, исходя из ее предполагаемой природы, никогда и не сможем их иметь. Но ясное, прямое и неоспоримое свидетельство наших чувств [открывает] совершенно другой путь.

Разве не является, кроме того, удивительным, что мы не можем говорить об этой нематериальной душе, ее свойствах, ее способе действия иначе как на языке, внушенном телесными чувствами и происходящем от них? Можем ли мы думать или говорить о нематериальных сущностях другими словами или выражениями, чем те, которые внушают нам наши чувства и которые относятся только к нашим телесным чувствам?

«Я вижу (говорит г-н Халле в своем рассуждении), что человек движется, и слышу его говорящим в течение нескольких лет. Из его речи я уверенно делаю вывод, что он *думает*, как и я. Я вижу, стало быть, что человек является существом, которое мыслит и действует. Через некоторое время человек на моих глазах падает, он становится безмолвным и холодным. Он более не говорит и не действует. Так как единственное основание, по которому я был уверен, что он мыслил, составляли его движения и речь, то теперь, поскольку они прекратились, я утратил единственный способ, который я имел, чтобы проверить, что он имел способность мыслить. После этой внезапной смерти одна видимая вещь, один человек испытал огромные изменения. Откуда же мог я вывести, что тот же самый *он* состоит из двух частей и что внутренняя часть продолжает жить и мыслить и улетает из тела, тогда

как внешняя часть прекращает жить и двигаться? Я вижу, что *целый человек* ушел и что все его способности перестали существовать в одно и то же время. Поскольку я могу различать, его движения и мысль умерли совместно.

Способности мыслить, говорить и двигаться в равной степени зависят от тела и испытывают тот же удел при старении человека. Когда он умирает от старости, я вижу, что его способности движения и мышления ослабевают и умирают совместно и каждая из них постепенно *. Момент, когда он перестает двигаться и дышать, представляется также моментом, когда он прекращает мыслить.

Когда я доверяюсь просто разуму, мне представляется, что моя способность мыслить так же зависит от моего тела, как моя способность видеть и слышать. Я не мог мыслить в детстве. Мои способности мыслить, видеть и чувствовать в равной степени склонны быть затрудняемы телом. Удар по голове лишает мышления человека, который еще может, однако, видеть, чувствовать и двигаться. Так что, естественно, представляется, что способность мышления так же относится к телу, как любая другая способность человека вообще. Кажется естественным, что то предположение, будто человек может *мыслить* помимо тела, имеет не больше оснований, чем то, будто он может слышать звуки или чувствовать холод помимо тела.

Если именно так обстоит дело (что отрицать невозможно), если ни из фактов, ни из природы самих вещей никогда не может быть получено какое-либо прямое доказательство существования нематериальной, отдельной, независимой души, если, далее, все прямые и позитивные доказательства, которые вообще могут быть получены о какой-либо вещи, все, что в данном случае может быть предположено в отношении ее природы, говорит *против* существования такого рода души,— то каким же тогда сильным, каким абсолютно неопровержимым и каким очевидным должно быть рассуждение, посредством которого выводится ее суще-

* Пусть читатель вспомнит толедского архиепископа из «Жиль Блаза»²².

ствование! Даже то, что честно и искренне спорят о возможности ее бытия, делает маловероятной убедительность [этого рассуждения]. Кто может честно и искренне спорить о зависимости мысли от тела?

8. Я предполагаю, что все феномены, называемые духовными или интеллектуальными, объяснимы как феномены тела. Гартли²³ и Дестют де Траси²⁴ убедили меня в этом. (Первый — в первом томе «О человеке», второй — в своей «Идеологии».) Я не могу входить в их размышления; они могут говорить сами за себя. Публика вскоре воздаст им по справедливости то, чего не хочет признать современная ортодоксия.

9. Мы не имеем ни малейшего доказательства какого бы то ни было рода, что идеи могут возникать или могут существовать независимо от телесной организации. Мы никогда не знаем их существующими в таком виде. Мы не знаем этого, и, исходя из фактов, мы не имеем ни малейшего основания верить, что так может быть. Но сама душа изобретена, чтобы объяснить их. Они [идеи] рассматриваются (теми, кто верит в отдельную душу) как существенное для этого существа — особенное свойство и результат действий души. Но где доказательство того, что идеи могут существовать в душе вне тела? Где мысль, когда тело умирает? Где была мысль до того, как тело начало существовать? *De non apparentibus et non existentibus eadem est ratio*²⁵. Все утверждения равно истинны как в отношении того, что не существует, так и в отношении того, для существования чего нет свидетельств.

Таковы аргументы абстрактного и метафизического характера, на которых я основываю мое мнение, что нематериальная, бессмертная, отдельная от тела душа не существует и не может существовать. И мне представляется на основании того, что уже было сказано, что имеется такое же доказательство истинности учения *материализма*, как и того, что золото — тяжелое, чернила — черные, вода — жидкая, и других бесспорных утверждений. Вместе с тем имеется и доказательство того, что противоположная доктрина *не может* быть истинной, ибо два таких противоречащих друг другу утверждения не могут быть оба истинными,

Теперь перехожу к группе аргументов скорее физиологических, чем метафизических. Но прежде вступления в эту область знания, я хотел бы выдвинуть некоторые положения физиологии относительно организма животного, касающиеся вопроса, о котором идет речь.

Окружающие нас объекты условно разделены на минеральное, животное и растительное царства. Частицы тел, из которых состоит каждый род субстанции, имеют своеобразные активные свойства, благодаря которым они располагаются — в тех случаях, когда они свободны от помех, создаваемых добавлением чужеродных тел, — в некоторые особенные формы.

Частицы *минеральной* субстанции в тех случаях, когда они имеют достаточное время и пространство, чтобы расположиться соответственно присущим им свойствам, предполагают определенные формы, обычно призматические, число сторон и величина углов которых детерминированы в определенных границах химическим составом (*constitution*) минерала, о котором идет речь. Следовательно, определение минералогических видов, проделанное за эти двадцать лет, в частности минералогами французской школы, основывается на форме кристалла. Этот общий факт неоспорим, но ограничения и точные отношения между химическим составом (*composition*) и формой минеральных зародышей (*nucleus*) [кристаллов] до настоящего времени не установлены с точностью.

Минералы возрастают в величине путем кристаллизации добавочных частиц вокруг откристаллизовавшегося зародыша, производя вторичные формы. Но им не свойственны поглощения, разложение, переваривание, ассимиляции, секрета, экскреция, рост и размножение. Представляется, что они не имеют какого-либо свойства, к которому может быть ясно приложен термин *жизнь*, и не страдают от чего-либо подобного тому, что мы называем *смертью*, хотя и невозможно сомневаться в том, что они наделены [некоторыми] активными свойствами*. Подобно всем другим субстан-

* Кристаллизация, химическое сродство, поляризация света, электрическое и магнитное притяжение и отталкивание являются активными свойствами.

циям они подвержены химическому разложению и последующей дезинтеграции. Они совершенно лишены ощущения и воления и не имеют аппаратов, связывающих их с окружающими телами.

Растения суть субстанции, которые имеют особую организацию или устройство плотных, трубчатых, клеточных и жидких частей, посредством которых они осуществляют свойственные им питание, переваривание, ассимиляцию, секрецию, экскрецию, рост и размножение. Они умирают от насильственного воздействия, болезни, старости. Будучи прикреплены своими корнями, они не передвигаются. До настоящего времени у них не открыто никакого нервного аппарата, но некоторые из их волокон являются раздражимыми и сократимыми. Не имея нервного аппарата, они не имеют восприятий (ощущения) или воли, они не мыслят. До настоящего времени ясно установлено, что растения не могут появляться иначе, чем путем порождения от предшествующего растения, и, хотя благодаря процессу ассимиляции неорганическая и безжизненная материя может превращаться в органическую и живую, растительная жизнь должна (насколько мы знаем) предсуществовать. Представляется, что главное назначение растений состоит в том, чтобы снабжать животных пищей и частично подготовить превращение безжизненной, неорганической материи в чувствительную, способную к наслаждению и страданию. За исключением меньше одной тысячной части веса, растения разложимы на углерод, водород, кислород, с небольшой порцией азота, калия и фосфора. Земли (earths), в них находимые, не представляются имеющими существенное значение для их устройства.

Животные суть субстанции, имеющие особенную организацию, или расположение, плотных, трубчатых, клеточных и жидких частей, посредством которых они осуществляют поглощение, переваривание, ассимиляцию, рост, секрецию, экскрецию и размножение. Они умирают от насильственного воздействия, болезни, старческого возраста. Когда они умирают, они разлагаются на азот, или nitrogen, углерод, водород, кислород, известь и фосфор. Они подвижны. Для этой цели

они имеют мышечные аппараты. И они имеют также нервные аппараты для целей ощущения и воления, посредством которых они связаны с окружающими объектами — одушевленными и неодушевленными. Благодаря ассимиляции они превращают неорганическую и безжизненную материю в органическую, живую и чувствующую*. До настоящего времени ясно не обнаружено, что какое-либо животное возникает иначе как преемник некоторого сходного животного, его непосредственного предшественника. Теория *nisus formativus*²⁶ Блюменбаха, теория Дарвина²⁷ и Ламарка не являются невозможными, но пока имеют мало приверженцев. *Представляется*, что против учения о самопроизвольном зарождении имеются веские факты. Зоофиты, маленькие инфузории, черви и другие паразиты, разрушающие внутренние части живых организмов, создают трудности [для этого учения], но не исключают его. Равным образом плесень, мхи и другие мельчайшие растения, изучаемые фитологией.

Все позвоночные животные имеют: а) органическую систему, предназначенную для поддержания простой жизни животного и являющуюся аналогичной органической системе растений; б) мышечную систему, предназначенную частично для внутреннего действия, частично для перемещения; в) нервную систему, частично предназначенную для ощущений и волений и наших отношений к другим существам.

Непроизвольно движущиеся мышцы обладают благодаря секреции, выделяемой органической системой, и соответствующим им нервным аппаратам, силой сокращения. Иначе говоря, они становятся в результате приложения раздражителя тоньше или толще. Раздражитель может быть либо естественным раздражителем нервной системы или крови, либо искусственным. Действия непроизвольно движущейся мышцы совершаются, не сопровождаясь чувствованием или восприятием. Произвольно движущиеся мышцы раздражаются есте-

* Как это происходит, мы не знаем и, возможно, никогда не узнаем. Но факт не перестает быть фактом оттого, что мы не можем его объяснить.

ственно, благодаря [действию] той части нервной системы, которая соответствует ощущению или волеию. Иначе говоря, благодаря мозгу и церебральной иннервации какая-либо часть или волокно нервного ствола передает иннервацию к мозгу, а другая [часть] — от мозга. Полагают, что гальванические процессы до некоторой степени могут быть заменителями нервных раздражителей мышц, движущихся как произвольно, так и непроизвольно.

Установлено, что мышечная сила пребывает в мышцах, является свойством мышечного волокна и отличается от нервной силы, действующей просто как один из стимулов нервной раздражимости. Мышечная раздражимость и сократимость могут существовать в отдельной мышце. Установлено, что нервная сила, предназначенная для целей непроизвольной, нечувствительной, органической жизни, отличается от нервной силы, предназначенной для целей ощущения и волеия, ибо каждая может быть продемонстрирована отдельно от другой. Весьма вероятно, что первая из названных частей нервной системы ограничена продолговатым мозгом и ганглиозными сплетениями, вторая, и более важная часть, — мозгом и его центром.

Мне известен ряд случаев, приводимых моим другом д-ром Ферриаром²⁸ в «Манчестерских известиях» и в письме ко мне, ряд случаев, приводимых сэром Эверардом Хоумом²⁹ в «Философских известиях», и многие другие случаи, не включенные в статьи этих господ, когда поражения мозга не сопровождаются видимыми поражениями интеллекта. Ни один физиолог не считает, что это свидетельствует против предположения о том, что мозг является тем центром нервной системы, которому свойственны ощущения и волеия. Ибо мы не знаем посредством эксперимента, какие именно части мозга являются исключительно таковыми. Всеобщий факт, установленный путем индукции из бесчисленных отдельных случаев, не может быть отменен, исходя из нескольких кажущихся аномалий, объяснение которых представляет трудности. Теория охватывает те части мозга, которые существенны для ощущений и волеий, а не простую общую мас-

су, которая представляется вспомогательной оболочкой.

Эксперименты сэра Эверарда Хоума о связи памяти с корковой субстанцией и еще более важные «Исследования» М. Флуранса³⁰ обещают пролить свет на этот трудный предмет, который требует терпеливого и настойчивого исследования. Должны иметься некоторые внутренние чувствительные окончания для каждой главной ветви чувствительных нервов. В связи с настоящим исследованием поместите их, куда хотите или куда указывают определенные факты.

Изложенные выше взгляды на минеральное, растительное и животное царство я представляю не как какую-либо дедукцию из теории, а как выражения различных и установленных фактов, которые хорошо осведомленный современный физиолог едва ли отважится отрицать, при условии ограничений, принятых мной при их изложении. Я сошлюсь на Биша, Ришерана, Мажанди, доктора Вильсона Филлипса, сэра Эверарда Хоума и физиологические исследования М. Флуранса в XX томе «Химического ежегодника», стр. 299.

Я перехожу ко *второй группе* аргументов.

1. Склонность мельчайших частиц кварца принять форму шестигранника, циркония — четырехгранника, алмаза и граната — двенадцатигранника, пирита — куба, карбоната кальция — ромбоида и т. д., в результате которой их частицы стремятся объединиться со смежными частицами не безразлично и беспорядочно, а специфическим способом, необходимым для того, чтобы образовать эти фигуры, либо является свойством самих материальных частиц, либо обязана своим существованием некоторой особой сущности или принципу, который в каждом случае придает частицам необходимую силу в необходимом направлении. Никто, однако, до сих пор не думал приписать эту склонность чему-либо, кроме как некоторому свойству, принадлежащему самим частицам и существенному для них.

Упорядочение питательного вещества, усваиваемого растением в специфической форме, воздействующей на это растение и служащей его отличительным признаком, обычно приписывается действию растительной

жизни как связанной с растительной организацией. Никто до сих пор не выдвинул гипотезу о вегетативной душе, отличной от растений, но регулирующей его и управляющей им,—некоей сущности, высшей по отношению к растению и переживающей его. Но не более затруднительно предположить, что восприятие—свойство нервной системы или кристаллизация — минеральной системы. Мы видим, что все эти свойства подобно другим свойствам теснейшим и существенным образом связаны — как предшествующее и последующее — с предметом, к которому они относятся, и мы относим их соответственно, как и во всех других случаях сходной связи. Как может какая-либо жизнь быть результатом простой материи и движения? Но факт остается неопровержимым. Разве она не существует при стимуляции?

Мы видим в человеческой организации нервный аппарат, который имеет существенную связь с ощущением и волеием и из которого возникают эти свойства,—он не служит никаким другим целям, кроме порождения этих свойств. Мы видим его в раннем детстве в таком состоянии, которое приближается к несуществованию (nonentity); формирующимся постепенно и медленно, растущим с ростом существа, которому он принадлежит, улучшающимся шаг за шагом,—мы видим его варьирующим по качеству и силе в соответствии с нашим образованием и природой общества, в которое мы брошены. Мы видим это зависящим почти во всех его характерных особенностях от того способа, которым эта часть нервной системы возбуждена извне; так что человек, родившийся и получивший образование в Константинополе, будет иметь один набор впечатлений, волеий и ассоциаций, привыкнет к одним ощущениям и волеиям, а человек со сходным устройством нервного аппарата, родившийся и получивший образование среди квакеров Филадельфии, будет иметь другой. Все это есть результат порождающих причин, внешних по отношению к системе. Специфические особенности возбуждения — вот что является причиной, по которой нервный аппарат действует именно таким способом скорее, чем другим, и усваивает раз-

личные навыки. Я утверждаю: мы видим, что так должно быть во всех случаях, что это неоспоримая реальность. Как же в таком случае мы можем отрицать, что ощущение и волеие должны быть результатом раздражения нервной системы? Здесь имеется та же самая связь феноменов, тот же самый единообразный результат этой связи, который представляет не больше трудности в случае ощущений и волеия, чем в случае секреции желез, или животной теплоты, или мышечного действия, или кровообращения, или [образования] смолы в шишке и сахара в клене из тех же самых флюидов. Все эти процессы одинаково необъяснимы исходя из какого-либо априорного устройства материи и известного нам движения. В объяснении с помощью нематериального принципа они испытывают одинаковую необходимость, ибо хотя мы ясно видим, что все они в каждом случае являются феноменами организованной материи, однако ни в одном случае мы не можем объяснить их рационально, посредством каких-либо известных свойств другой материи — неорганизованной.

Отсюда, согласно психологическим доктринам, мы должны прибегнуть к некоей особой присоединенной сверх того сущности: разумной, чувствующей и растительной душе древних или особым способностям шотландской школы метафизики — видам сущностей, наиболее услужливых, готовых к любой работе и всегда находящихся в ожидании, или к некоторой сущности аналогичного характера — нематериальной душе ортодоксов. Ибо я утверждаю, апеллируя к фактам, следующее: *то, что ощущение или восприятие и волеие суть свойства нервного аппарата человеческого организма, доказывается точно так же, как и то, что сокращаемость есть свойство мышечного волокна или зрение — свойство глаза.*

Мне хотелось бы (если это было бы необходимым), чтобы на истинности этого предположения покоился спор. В том или другом случае постоянное сопутствие одного другому есть единственное основание для того, чтобы приписать необходимую связь. Если этого достаточно в каком-либо одном из случаев, этого достаточно

и во всех. Нет необходимости в том, чтобы мы были способны объяснить *quomodo*³¹, достаточно того, что наши чувства при тщательном наблюдении убеждают нас в факте. Будущие факты и будущее усовершенствование человеческого интеллекта могут позволить нашему потомству сделать то, чего наше менее совершенное знание не позволяет нам достичь, точно так же как нынешнее поколение способно объяснить то, что оставалось загадкой для предков.

2. Я сказал выше, что наши восприятия, воление и фактически наши другие интеллектуальные способности начинаются от нуля в младенческом возрасте, растут одновременно с нашим ростом, совершенствуются с нашим опытом, изменяются с нашим образованием и различаются не просто в отношении к возбуждениям нервной системы, но вследствие привычных различий в применяемых раздражителях. Предположим, что первичный интеллект двух детей является одним и тем же. Воспитывайте одного среди воров в Лондоне, а другого среди высшего общества филаделфийских квакеров, окажется ли их интеллект тем же самым в год и в двадцать лет? Но не образуется ли и не изменяется ли душа таким образом? Не является ли душа такой же младенческой, как и тело?

3. Если бы интеллектуальные феномены зависели исключительно от души, тогда мы не могли бы их произвести, уничтожить или изменить посредством какого-либо простого способа действия, направленного только на тело.

Но наши идеи часто вызываются и обычно изменяются посредством [изменений] внутренних состояний наших телесных органов, в частности висцеральных, и посредством [изменения] состояний и условий нашей органической жизни: отсюда феномены грез, бреда, галлюцинаций при ипохондрии, а также изменения наших ощущений и идей, вызванные благодаря нашему состоянию выздоровления. Наши идеи вызываются также и изменяются с помощью веществ, прописываемых нам в лечебных целях: вином, опиумом и т. д. Как говорит судья Купер в своей «Судебной

медицине», можете ли вы прописать душе дозу глауберовой соли?

Если в таком случае ощущения, идеи, суждения и воления вызываются, изменяются или исчезают благодаря состоянию произвольных частей нашей органической системы, благодаря болезни или благодаря лекарству, если они (как мы знаем) в значительной степени находятся под управлением врачей, действующих только на тело, разве не являются эти действия, вызванные посредством тела, телесными действиями? Что может душа делать с ними? Не являются ли тем не менее эти действия единственными свидетельствами существования души — существенных, непередаваемых, согласно имматериалистам, свойств души? Однако они явно вызваны в теле и, насколько мы можем видеть, только в теле, посредством материальных раздражителей, которые, как полагают, могут действовать только на тело.

Если говорят, что тело не более чем инструмент души, которая может действовать только соответственно состоянию того тела, с которым она связана, а когда тело изменяется, то интеллектуальные феномены, которые, как считается, она обнаруживает, также изменяются, тогда из имеющихся свидетельств следует, что подлинная природа души изменяется при изменении состояния тела и душа поэтому находится под воздействием случая, болезни, лекарства и может оказаться просто тем, что хочет сделать из нее врач. Ибо, если врач может воздействовать на интеллектуальные феномены ощущения, памяти, суждения и воления (а он это действительно может), тогда все *существенные* свойства души сами являются предметом медицины и невольниками фармакопей.

4. Я уже сказал, что ни феномены простой материи и движения, ни принципы механической или химической философии не могут объяснить феномены жизни и ее раздражители в случае пищеварения, ассимиляции, секреции, воспроизведения. Они так же трудны [для объяснения], как ощущения, память или воление. Во вмешательстве нематериальной души в растительную жизнь есть такая же необходимость,

как и в [ее вмешательстве] в человеческие способности. Если это отрицается, покажите мне, где и кем они были объяснены, или объясните их, если можете.

5. Я обращаюсь к любому врачу, которому хорошо знакомы случаи умопомешательства, и я спрашиваю: разве все явления интеллекта при этом заболевании не являются явно результатом болезненного состояния телесных органов? Не является ли это случаем — от более сильных симптомов мании до почти незаметных отклонений, — от которого в той или иной степени едва ли кто-либо из нас свободен? И действительно, каково состояние нашего организма, таковы и психические феномены, нами обнаруживаемые. Последние — результат первых. Можете ли вы поместить мужской дух в женское тело и наоборот? Пусть родители решат этот вопрос. Они сразу же ответят «нет». Можете ли вы поместить старую голову на молодых плечах? Нет.

Если болезненный интеллект — результат болезненного состояния мозга, тогда на том же основании здоровый интеллект — результат здорового состояния. И интеллект есть то, чем является мозг.

6. Но нет таких духовных феноменов, обнаруживаемых человеческим родом, которые не обнаруживались бы также у животных. Их различию сопутствует различие в организации. Превосходство человеческого существа проистекает из его большего по размеру и более совершенного мозгового аппарата, из его прямой позиции, из умения использовать свои руки и из способности речи. Это порождает употребление ремесел и сохранение и распространение знания. Из-за отсутствия этого у животных одно их поколение не намного умнее другого. Они не располагают средствами накопления знаний.

Когда собака потеряет своего хозяина, разве она не ищет его на том месте, которое он обычно часто посещал? Я знаю на основании известных мне часто повторяющихся случаев, что она поступает именно так. Разве это не предполагает память, рассуждение, воление? Собрано такое большое количество данных о сообразительности животных, преимущественно со-

бак, и эти случаи так широко известны, что я не буду вступать в дискуссию с человеком, который наберется достаточно смелости, чтобы их отрицать. Все они являются интеллектуальными феноменами *того же самого рода*, что и проявляемые нами, различие только в сложности, в степени. Являются ли они, следовательно, свидетельствами нематериальной, бессмертной, особой души, которая их производит? Что вы скажете о бессмертной душе опоссума или устрицы?

Я не вижу возможности отрицать факты или избегать выводов, и я предоставляю преодолеть трудности тем, кто добровольно пожелает столкнуться с ними.

В заключение я отмечу, что феномены, называемые духовными, так хорошо объяснены Гартли, Кабанисом и Дестют де Траси, что каждый человек, знакомый с их сочинениями, согласится с ними без колебаний. Я утверждаю, что честный человек, сведущий в физиологии, не может отрицать, что ощущение, [возникающее] из новых впечатлений, и идея, [возникающая] из воспроизведения, — это движения в воспринимавшем мозгу (или общем чувствилище). Поскольку все наши интеллектуальные феномены состоят из ощущений или идей, которые являются материалом и субстратом памяти, суждения и воления, все они состоят из движений, передаваемых телесной нервной системе — общему чувствилищу посредством либо внешних впечатлений, либо ассоциаций, либо внутренних симпатических действий (иннерваций). Поэтому они — телесные феномены, и ничего более. Дестют де Траси с такой ясностью показал и настолько хорошо разъяснил, что феномены памяти, суждения, желания, воления — простые имена, даваемые различным состояниям и условиям нашего мозга, что я не думаю, что может быть представлено какое-либо опровержение принятому им взгляду на этот предмет. Ортодоксальная онтология занимает теперь авторитетное положение, но в конце концов правда возьмет верх ³².

О ДУХОВЕНСТВЕ

Гражданское общество предназначается для того, чтобы способствовать взаимному счастью его членов, поскольку они сообща живут на земле. Оно не распространяется на будущее существование, которое будет иметь место в соответствии с правилами, какие определит всемогущий.

Религия включает в себя все побуждения хорошего поведения в настоящем и все средства для счастья в будущем. Поэтому гражданское общество не имеет ничего общего с религией, кроме того, что оно стремится к взаимному счастью людей, пока мы вместе живем на земле. Отсюда та религия, которая делает человека наилучшим гражданином, является лучшей религией для общества. Религия, которая делает человека жестоким, преследующим [других] и нетерпимым, является плохой религией для общества. Учителя и проповедники любой такой религии — плохие люди и плохие граждане, истинны или лживы их мнения. Я хочу, чтобы кто-нибудь показал, как общественная нравственность поддерживается учениями о раскаянии на смертном одре, об избранничестве и осуждении, об окончательном спасении святых, ставших вероотступниками.

Мудрые люди, создавшие американскую конституцию, хорошо знали, что истина может быть раскрыта и установлена на твердой основе разрешением свободной дискуссии по любому вопросу. Если мнение ошибочно, оно требует дискуссии, чтобы его ошибки мог-

ли быть выставлены напоказ; если оно правильно, оно приобретает приверженцев пропорционально тому, как оно проверяется. Существует ли мнение столь явно ошибочное, что всякий должен это увидеть? Это не может причинить вреда. А если мнение настолько правдоподобно, что может ввести в заблуждение людей видимостью истины? Тогда тем более необходима открытая и свободная дискуссия, чтобы полностью показать его ошибочность.

Более того, поскольку американские законодатели хорошо знали слабость человеческой природы и были убеждены, что никакая группа людей не может претендовать на непогрешимость, они поставили все мнения на одно основание и предоставили истине господствовать благодаря ее собственной силе и присущим ей доказательствам. Ни в одной другой стране разумная терпимость не установлена законом так совершенно, как в этой. Но ни в одной стране дух преследования за мнения не преобладает так, как в Соединенных Штатах Америки. Эта страна — самая терпимая в теории и самая фанатичная на практике. Законы не контролируют мнения людей; они контролируют лишь их поведение. Они гарантируют свободу совести, вероисповедания и обсуждения всякой религии и формы богослужения; их создатели хорошо знали, что результатом столкновения мнений и открытой дискуссии может быть только истина и что мнение, которое не может защитить себя, не заслуживает защиты.

Священники этой страны — надеюсь, не всех сект, а главным образом кальвинистские — объединились в преследовании всякого, кто подвергает сомнению их метафизические представления, *кто намекает на их честолюбие и стремление к господству*. Они, конечно, не отваживаются напасть на него или сжечь его, но они поднимают лай, как бешеные собаки; они поносят его; дают ему меткие клички; они освистывают его как неверующего, деиста, атеиста; они подстрекают невежд обесчестить его личность, характер, поведение; они открыто оскорбляют его; они надоедают ему своей ЛОЖЬЮ и, насколько это возможно, препят-

ствуют каким бы то ни было его связям с обществом. Они рады, когда их тайная ложь подрывает его репутацию и их открытые обличения подрывают его перспективы в обществе. Есть отдельные исключения из этой картины, но она верно отражает суть. Я знаю и испытал их неспровоцированную враждебность и их злобные проделки. Их тайные махинации трусливы и жестоки, а их неприязнь непрощающая. Какое земное основание может иметь человек, чтобы бояться дискуссии, кроме той, что его мнение не вынесет ее? Что делает людей жестокими, как не их трусость? Кальвин обрек Сервета на сожжение. Кого сжигал Иисус Христос? Однако этот мрачный убийца из Женевы имеет в Соединенных Штатах больше фанатичных приверженцев его нетерпимой веры, чем в какой-либо другой части земли. Почему? Потому что это удобное орудие в руках духовенства, *в равной степени нетерпимое и непостижимое*. Недалекие умы придерживаются высокого мнения о знаниях тех, кто претендует на знакомство с истинами, кажущимися столь таинственными. Именно путами таинства духовенство связывает и покоряет дух и совесть своих невежественных слушателей. Религия Евангелия слишком ясна и проста для их целей; отсюда их рьяные усилия учредить свою собственную таинственную веру. В какой стране духовенство как организация не было жестоким и преследующим, боящимся противоречия, ненавидящим дискуссию и рассматривающим всякого сомневающегося как скрытого врага? Таково оно и здесь.

Сограждане — пресвитериане этой страны, конгрегационалисты, сектанты, а в некоторых местах баптисты, потянувшие за собой робких епископалианцев, — объединились и в течение многих лет с настойчивостью и усердием, достойным лучшего применения, неуклонно преследуют следующие цели. Они упорно домогаются установления государственной церкви; союза между церковью и государством, с тем чтобы привлечь гражданскую власть в помощь своим планам собственного возвышения. Они упорно домогаются, как это следует из их памфлетов и пропове-

дей, введения обязательной уплаты церковной *десятины* со всего, чем вы владеете, и узаконения ее. Это принесет им не только богатство, но и независимость от конгрегаций, которые они по праву рассматривают как зависимые от них, открыто взяв на себя роль божьих наместников и заклеив как богохульство всякую оппозицию своим честолюбивым планам. Они упорно домогаются полного контроля над всеми рассадниками образования, повсюду в Соединенных Штатах требуют права исключительного надзора над ними. Это делается с целью внушения подрастающему поколению слепого благоговения перед духовенством, преданности его взглядам и интересам.

Они с подозрением следят за всякой *научной* дискуссией, запрещая, *насколько они смеют*, научные исследования, которые не согласуются с их теологической верой. Новым и яростным было их вмешательство в физиологические, зоологические и геологические дискуссии. Ни один типографщик, ни один издатель научного журнала не осмелится поместить статью в пользу какого-либо мнения, которое духовенство объявило еретическим. Фанатизм в этой стране полностью подрезал крылья науке. Они разработали огромный план создания денежного фонда для поддержания своих притязаний, обирая карманы под следующими предложениями.

Обучение благочестивых (как их называют) молодых людей пастырству. А именно *берут тех*, кто должен обрабатывать землю, и при помощи теологического образования отдают их в пожизненное рабство для пропаганды догм, которые лучше всего способствуют выгодам и взглядам сект. После того как они обучены, *будто бы за счет сектантов*, а в действительности на средства, извлеченные у глупой, ленивой, робкой или добродушной публики, они связываются с учениями и интересами своих наставников и становятся воинствующей армией церкви.

Учреждение *миссионерских* обществ для снабжения пасторами восточных индейцев, американских индейцев, австралийцев и африканцев людьми, которые редко или совсем не интересуются жертвуемыми

ими суммами. Эти суммы находятся под полным контролем тех, кто готовит миссионеров; их цель не столько миссионерство, сколько воспитание людей, преданных их интересам, *когда они будут выступать в пользу государственной церкви и десятины.*

Общества, существующие для подготовки *проповедников отдельных конгрегаций* в качестве пожизненных опекунов этих миссионерских обществ и, конечно, для того, чтобы иметь голос при распределении сумм, извлеченных из пародного кармана. Что такое миссионеры и как они живут, получив средства, я надеюсь, кто-нибудь покажет на примере роскошного образа жизни миссионеров Серампура.

Общества молитвенных собраний, которые на средства посещающих их слабых и верующих женщин снабжают попов надежным источником влияния и информацией о домашней жизни, касающейся каждой семьи.

Женские благотворительные и миссионерские общества; женские общества посильных подающих, потому что любая сумма достаточна для них; *молодежные* общества детей, у которых выкупают их 6-центовые и 12-центовые монеты, мошеннически отнимают их пряничные деньги для учреждений, названия которых вряд ли им известны. Никакая сумма не мала для принятия и никакой способ не низок, чтобы получить ее. *Миссионерские поля* маиса, пшеницы и картофеля; миссионерские общества свиноводства. Для того чтобы наскрести деньги, самые ничтожные и презренные, все средства используются этими людьми: не отдельно, но корпоративно и en masse¹.

Но самым доходным их делом является авторство, печатание и продажа книг. Сочинение, восхваление, рекомендация религиозных трактатов, проповедей и календарей. Библейские общества, связанные с постоянным печатным делом, вкладывают в него не менее 150 тысяч долларов, что приносит хороший доход ведущим его людям.

Таковы средства удовлетворения страстного желания *денег, денег, денег*, используемые этой честолю-

бивой, жадной и хитрой группой людей. Во всех других отношениях они лишены полезных знаний больше, чем какой-либо другой класс или люди в обществе. Но они действуют сообща: они наложили оковы на умы людей, они терроризировали дух общества: образованные люди вынуждены уступать им — они ждут того дня, когда будут управлять Союзом своим собственным способом, а пока хорошо заботятся о том, чтобы поглубже запустить руки в карманы тех, кому они могут льстить или склонить к покорности и повиновению.

Если народ не будет держать ДУХОВЕНСТВО под контролем, оно навсегда ввергнет его в презренное рабство. Оно поступало так у всех наций на земле. Что изменит его характер здесь? В 1822 году духовенство Австрии уговорило монарха² сорока миллионов людей сказать: «Мне не нужны ученые, мне нужны только покорные подданные. Мне не нужно образование среди моих подданных, кроме того, которое дается священниками». Посмотрите на духовенство во Франции, Испании, Италии, Мексике, даже в Англии. Разве оно не одно и то же по своей сущности? Религиозное высокомерие этих людей уже соблазнило их взять на себя роль непосредственных агентов и заместителей бога и расположиться на огромной дистанции от стада низших существ, которые составляют их конгрегацию. Посмотрите, к примеру, газеты Нью-Йорка и Филадельфии. «По божьему велению тогда-то преподобный г-н А. совершит богослужение там-то». Еще недавно (на протяжении какого-нибудь месяца) этот стиль объявления не был столь частым, за год он стал почти модой.

Где в Новом завете Христос сказал, что вы не можете приблизиться к богу-отцу иначе как через посредство людей, избранных божеством с этой целью из вашей среды и хорошо оплачиваемых за свою службу? Не сказал ли он: «Где двое или трое собраны во имя мое, там я посреди них»?³ И, однако, эти люди не колеблются заявить, что любая проповедь, [прочитанная] мирянином, любая узурпация функций, обычно выполняемых папством и оплачиваемым по-

пом, не только непристойна и неоправдываема, но является *грехом!* А д-р Эшбел Грин, из Принстона, недавно осудил таких лиц как наглых и грешных самозванцев, покушающихся на права духовенства! Они считают своим правом быть исключительно нанимаемыми и хорошо оплачиваемыми; и мы терпеливо подчиняемся этому праву, как если бы бог любви, добрый отец и хранитель человеческого рода, был мрачным, высокомерным тираном, недостижимым иначе как через посредство этих самонадеянных священников, которые всячески заботятся, чтобы их вознаградили за их посредничество.

У меня нет ничего против духовенства, назначенного как группа людей, подходящих и пригодных [для выполнения определенной роли], потому что религиозные дела прихода должны быть в порядке, но только для этого; и хотя я предпочел бы для этой цели хорошо образованных и либеральных людей, я все же не вижу оснований отдавать им исключительное предпочтение. В чистые времена христианства старейшины церкви вели ее дела. Разве Иисус Христос выбирал своих учеников, апостолов, которых он назначил проповедовать Евангелие, из среды ученых и мудрых? Человечеству надоедают с *правами духовенства!* Права! Какие права? Кто им платит, кто их поддерживает? Кто пустил этих трутней в улей, чтобы жиреть за счет работы трудолюбивых пчел? Кто прославляется, будучи невежественным во всех полезных знаниях и искусным лишь в раздорах по разным вопросам и бессмысленном жаргоне метафизического богословия?

Праздность, гордыня, аристократизм знати и богатство — вот что сделало *необходимым духовенство.* Люди слишком ленивы или робки, чтобы молиться за себя, и они нанимают попа, чтобы он молился за них! Затем также их слух должен услаждаться красноречивыми проповедями, будто бы религия нуждается в красноречии, чтобы осуществлять ее! Конечно, все это не необходимо и несущественно для религии! Сограждане, вы помогаете этим мошенникам обманывать вас, делая их необходимыми для вас. Пусть они зна-

ют, что они ваши слуги; что они не те, кем претендуют быть — вашими хозяевами; пусть они знают, что вы нанимаете их и платите им; и что они ни на йоту не станут менее благочестивыми, если будут более скромными.

Эти взгляды на предмет сто́ят вашего размышления. Духовенство во все времена и в каждой стране запрещает дискуссии, не одобряет никакого исследования. Как и другие тираны, попы требуют пассивного послушания и непротивления. Они осуждают всякого, кто противится их взглядам — не только религиозным, но и мирским. Здесь, как и повсюду, их намерение, во-первых, надеть оковы на ваш дух, затем [надеть их] на ваши тела и, наконец, хозяйничать в ваших карманах.

Пора предупредить людей о том, что их свободы в опасности: хитрецы подкапываются под них, коварный враг упорно стремится нарядиться в импозантную одежду небесного друга. Пора воззвать к честным гражданам этой пока еще свободной страны и бросить клич: «Трубите трубою на Сионе!» (Иоиль, гл. 2, ст. 1).

ОБ АССОЦИАЦИИ ИДЕЙ

В последнее время так мало внимания обращается на глубокую и важную книгу Гартли «Наблюдения над человеком», впервые опубликованную в 2-х томах в 1749 г., что я попытаюсь сформулировать основные относящиеся к ассоциации идей факты, прекрасно изложенные в этом трактате. Д-р Дж. Пристли обратил внимание своих последователей на эту работу, а «Зоономия» Дарвина в основном базируется на учениях Гартли, Брауна¹ и Гиртаннера². Учению об ассоциациях уделяется также большое внимание в сочинениях Кондильяка, но я не обнаружил, чтобы на книгу Гартли обратил внимание кто-либо из современных французских идеологов³ или физиологов — Кабанис, Дестют де Траси, Ришеран⁴, Мажанди⁵, Аделон⁶ или Бруссэ⁷. Представляется, что французские физиологи также пренебрегают тем, что сделали англичане, как англичане тем, что сделали французы.

Нижеследующий короткий очерк ни в коем случае не отменяет необходимости того, чтобы каждый образованный физиолог или идеолог внимательно ознакомился с первым томом работы Гартли, которую, несмотря на ее ненужные гипотетические прибавления, едва ли превосходит какая-либо известная книга по языку, глубокому и точному рассуждению, обширности применений. Пристли сократил ее, но сама книга настолько содержательна по материалу и способу изложения, что она должна читаться такой, какой ее написал Гартли. Его теория вибраций, впервые пред-

ложенная сэром Исааком Ньютоном, неправильно понятая и неправильно интерпретированная поверхностными авторами, может быть верной или нет — я склонен соглашаться с ней, — но факты, относящиеся к обширным ассоциациям ощущений с ощущениями, ощущений с идеями, идей с идеями и тех и других с мышечными и другими телесными движениями — автоматическими и произвольными, инстинктивными и интеллектуальными, нормальными и болезненными, совершенно неоспоримы: это [ведь] не теория, а факты.

На ассоциацию идей впервые обратил внимание г-н Гей в диссертации, предпосланной «Происхождению зла» Кинга, а затем г-н Локк в его «Опыте о человеческом разуме» (кн. II, гл. 33)⁸. Книга Гартли была отмечена шотландскими метафизиками в такой поверхностной и легкомысленной форме, которую следовало ожидать от людей, не могущих или не умеющих позаботиться о понимании. Но г-да Рид, Освальд, Битти, Дугалд Стюарт и Томас Браун⁹ процветали. Как фавориты клира, ибо они принадлежат к ортодоксальной школе идеологии, они — онтологи и психологи, они не нарушают всеобщих предубеждений, они не идут против клерикальных учений, их ужасают тенденции еретической метафизики, стиль их сочинений большей частью хорош, часто отмечен изяществом и вкусом, в то время как догматизм, который пронизывает их пустопорожние страницы, хорошо рассчитан на то, чтобы обмануть многочисленных читателей, согласных читать не думая. Но прогресс точной физиологии разрушил их [построения]. Думаящая часть публики, которая в конечном счете задает тон той более обширной части, которая не думает, утомилась тем, что приходится тащиться через страницы, заполненные фигуральными словами и фразами, не имеющими определенного значения, и стала громко взывать к реальным фактам и точности языка. Я первоначально склонился к мысли набросать этот очерк, внимательно изучив критические замечания, высказанные д-ром Блейром¹⁰ и лордом Кеймсом¹¹ при чтении мной курса на эту тему в кол-

ледже, где я президентствую, и увидев, как можно было бы более удовлетворительно объяснить и проиллюстрировать принципы, которые они пытаются развить, если бы они что-нибудь знали относительно учения об ассоциации идей. Таким образом, вся путаница и темнота данного лордом Кеймсом объяснения хода идей, их связи с предшествующими идеями, его тяжеловесное и не очень вразумительное объяснение того, что он называет *идеальной презентацией*, — эмоций, страстей, симпатий и симпатических эмоций, эмоций, сходных между собой, эмоций, связанных с музыкой, и многих других — все это разъясняется как очевиднейшие случаи ассоциаций. Д-р Джозеф Пристли понимал значение этого учения для [уяснения] этих предметов и отметил его применение в своих «Лекциях о красноречии и критике», не прибавляющих ничего к Блеру и Кеймсу. Хотя он и понимал его полезность, в своих лекциях об этом учении он его мало использовал сравнительно с размерами его применимости, и я предполагаю, что это произошло из-за его недостаточного знакомства с физиологией.

В последующем очерке «Ассоциация идей» я не претендую на то, чтобы развить теорию — мою собственную или кого-либо другого. Я утверждаю очевидные, хорошо известные, неоспоримые факты, знакомые каждому физиологу, когда-либо обратившему свое внимание на сцепление раздражений и движений в нервных волокнах, но полностью игнорируемые компанией метафизиков-словоблудов, которым и не грезится, что феномены тела могут быть каким бы то ни было образом использованы при выяснении или объяснении феноменов духа. Этот разряд авторов довольствуется порицанием чьего-либо воззрения, если его тенденция, непосредственная или отдаленная, является тем, что духовенство называет еретическим и опасным, как всякое мнение, которое стремится уменьшить влияние клерикалов или разоблачить правление, с помощью которого они держат невежд в подчинении. «Что такое ортодоксия и что ересь?» — спрашивает лорд Сендвич в спорах о [религиозной] корпорации и определении [ортодоксальности]. «Ортодоксия, мой лорд,—

говорит епископ Уорбертон¹², — это мое мнение, а ересь — это мнение другого человека». Пора отбросить изучение тенденции какого-либо воззрения и поставить вместо этого вопрос, что является фактом и истиной. Последние никогда не могут иметь дурной тенденции, однако изуверы, заточившие в тюрьму Галилея и осудившие Лоуренса и Макартнея, думают иначе. Каково слово истины? Рассмотрим этот вопрос открыто и честно.

Очерк учения об *ассоциации идей* будет тогда выглядеть следующим образом.

Когда впечатление или стимуляция прилагаются к какому-либо чувствующему окончанию, они распространяются посредством некоторого рода движения по ходу нерва в мозг. Движение, распространяющееся таким образом по ходу нерва в направлении мозга, подчиняется следующим принципам.

1) Это — вибрационное движение, колебание тела или нервного ствола. Но имеется в виду не мнение сэра Исаака Ньютона, или д-ра Гартли, или какого-либо другого известного мне автора, хотя оно по неведению и приписывается Гартли и в таком виде неправдоподобно, так как нервы не являются чем-то вроде натянутых струн клавикордов. Они — относительно мягкие тела, находящиеся в мягких телах.

2) Мельчайшие частицы, из которых построены нервы, приводятся в вибрационное движение, которое распространяется *вдоль* всего вещества нерва в данном направлении. Таким представляется мнение Гартли. Может быть, так оно и есть, но мы не имеем достаточных доказательств для того, чтобы установить существование такого рода движения в нервах. Гартли обращается за помощью к понятию сэра Исаака Ньютона об эфире. Но это гипотеза.

3) Предполагается, что нервы выделяют очень нежную жидкость, которая является носителем этих последовательных пульсаций или вибраций. Но никто не мог обнаружить эту жидкость, или выяснить ее природу, или удовлетворительно объяснить способ получения ею впечатлений и их распространение.

4) Считается вероятным (но не несомненным), что

агентом происходящего является гальванпческая жидкость, исходя из [реакций] электрического скака (gymnotus electricus, silurus electricus), из экспериментов по пищеварению и дыханию д-ра Вильсона Филиппса, Дютроше¹³ и других и из наблюдений д-ра Легалуа¹⁴. Но это мнение является только мнением, более определенно основанным на фактах, чем другие, однако ни в коем случае не твердо установленным.

Однако, поскольку ствол не может (непосредственно) действовать на модулярное вещество, из которого состоит мозг, но [воздействует] только посредством передающегося движения, несомненно, что необходимо должно происходить то или другое движение. Оно *может* быть не движением, но чем-то движимым. Под мозгом я имею в виду те части так называемого модулярного вещества, которые, согласно наблюдаемым фактам, включают места локализации интеллекта: большие полушария, или переднюю часть мозга, мозжечок, или заднюю часть, и продолговатый мозг, образующие совместно головной мозг. Представляется, исходя из наблюдений над фактами, что головной мозг образуется постепенно путем продолжения спинного мозга. Нервы являются большей частью парными, и головной мозг также обычно состоит из парных частей, как наблюдали Галль¹⁵ и Шпурцгейм¹⁶. Пока что не могут быть прослежены аппараты, посредством которых электрическая или гальваническая жидкость выделяется или накапливается у наземных животных, подобно тому как это происходит у названных выше рыб. Когда где бы то ни было происходит движение, оно тем или другим образом передается, например, от чувствующего окончания, например пальца, к модулярному веществу мозга (как выше было объяснено), оно там *чувствуется* или, согласно недавно принятому выражению, *воспринимается*. Поэтому каждое ощущение является по своей сущности ДВИЖЕНИЕМ В ВОСПРИНИМАЮЩЕМ МОЗГУ. Это настолько истинно, что ясно признается и утверждается всеми знаменитыми физиологами последнего времени. Это можно найти в качестве определенно установленного у Ри-

шерана и Мажанди — двух наиболее ценимых среди нас основных авторов. Полагаю, что это показано и д-ром Дарвином в его «Зоономии», в третьем разделе и других местах. Движение, переданное таким образом, — где и благодаря чему оно чувствуется или воспринимается? По этому вопросу имеются два мнения, к которым может быть присоединено третье.

1). В связи с тем что очень трудно представить, каким образом восприятие, мысль или интеллект могут возникнуть из специфического устройства или расположения частей, первоначально не обладавших всеми этими свойствами и состоявших просто из инертной, бесчувственной, лишенной сознания материи, философы, в особенности духовные лица, склонились к гипотезе о сущности или принципе, отличном от тела, не имеющем никаких общих с ним качеств, нематериальном, не зависящем от него и не умирающем с ним, а переживающем его, присоединяющемся сверхъестественным образом к нашей системе организованной материи. Благодаря такому объединению мы приобретаем способность проявлять феномены интеллекта. Этой нематериальной сущностью или принципом является душа. Согласно этому мнению, движения, которые происходят в первой системе, воспринимаются или чувствуются душой и становятся объектом ее операций. Все явления, называемые духовными или интеллектуальными, происходят по существу от души как особой сущности. Из такого соединения души и тела они развиваются в составную сущность, называемую человеком. В нем *тело* является разрушимым и исчезающим, *душа* — неисчезающей, неразрушимой и бессмертной. Таким было на протяжении многих веков господствующее мнение образованных и мыслящих людей. Оно является мнением огромного большинства духовных лиц в наши дни и общим мнением среди пишущих по метафизическим вопросам, в частности в Шотландии. Этому мнению обучают как истинному во всех университетах и семинариях в Англии, в континентальной Европе и в нашей стране. Поэтому оно имеет решающую поддержку современных авторитетов. Но

оно поддерживалось искусственно и в настоящее время почти не имеет под собой почвы.

2). Другая категория философов, главным образом в Англии и Франции, придерживается мнения, что все духовные или интеллектуальные феномены могут быть объяснены из свойств организованного тела без вмешательства какого-либо особого нематериального принципа, вроде такого, как описанная душа, при условии, что свойства восприятия или чувствования относятся к нашей организации или возникают из нее, как во всяком случае *представляется* исходя из фактов. Они говорят, что жизнь и восприятие также являются результатом нашей особой организации, как и любое другое свойство — результатом какой-либо системы. Они говорят, что нет другого основания, кроме постоянного сопутствия одного другому, на котором мы могли бы вообще основывать какой-либо случай необходимой связи или утверждать в каком-либо случае, что одна вещь является свойством другой; что явления, называемые духовными, должны рассматриваться как возникающие и относящиеся к существенным свойствам животной организации, потому что они никогда не наблюдаются, кроме как в связи с телесной, организованной системой, всегда сопровождают ее, растут с ее ростом, чтобы быть более совершенными, поскольку организация животного более совершенна, зависят от здорового состояния нервной системы, становятся беспорядочными при первом заболевании или расстройстве, приходят в упадок при упадке телесной организации, стареют вместе с телом и исчезают вместе с ним. Они утверждают, что нет каких-либо свидетельств существования способностей души или какой-либо из них, кроме тех, которые возникают в теле и зависят от него. Ибо очевидно, что невозможно для наших материальных чувств и органов получать впечатления от сущности, не имеющей ни одного свойства материи. Все различия между человеком и другими животными с точки зрения интеллекта соответствуют различиям с точки зрения организации. Феномены, называемые психическими, также реально проявляются животны-

ми, как и человеком, только ими в значительно меньшей степени из-за значительно менее высокой организации у других животных. Во всех случаях они сводимы к телесным воздействиям. Кроме того, они утверждают как бесспорный факт то, что составные тела проявляют свойства и результаты, полностью отличные от свойств их компонентов.

Это мнение является господствующим среди многих анатомов и врачей в Англии и Франции и среди последователей религиозных принципов д-ра Пристли. В качестве очень серьезного аргумента против этого учения выдвигается то, что оно лишает нас доказательств будущего существования, выведенных из естественного бессмертия души. На это пристлианцы отвечают, что христианина это возражение не затрагивает. Ибо воскресение, о котором ясно учит Новый завет, это воскресение (не души, а) тела. Такова принятая в качестве статьи апостольской веры догма, признающая только воскресение тела. Язык Писания ничем не поддерживает существование отдельного, нематериального, бессмертного принципа, называемого душой. Это фактически признано учеными духовными лицами и высокими авторитетами английской епископальной церкви — Тиллотсоном¹⁷ и Шерлоком¹⁸, Уотсоном¹⁹ — епископом Ландафским, который рассматривает это как нерешенный вопрос, Лоу — епископом Карляйльским²⁰, который открыто отрицает, что Ветхий и Новый завет поддерживают это учение о душе. В отношении всего этого мне нечего сказать. Те, кто в действительности так верит, имеют на это право; кто верит иначе, имеет право верить иначе. Мы можем судить о самих себе, а не о них.

3). Другое мнение в отношении интеллектуальных феноменов, включая восприятие, состоит в том, что они действительно признаются феноменами организованной материи, но, поскольку мы не знаем ни одного вида материи, способного самоорганизоваться в животную форму иначе как в результате животной жизни, до того переданной через родителей, постольку мы не имеем оснований утверждать, что положение в действительности таково или во всяком случае

может быть таковым. Те, кто придерживается этого мнения, отрицают учение о *самозарождении* или о том, что жизнь является продуктом каких-либо форм организованной материи, которым она прежде не была свойственна. И они не признают, что некоторые сомнительные случаи, указанные д-ром Дарвином, Байлье²¹ и Ламарком, или восходящие формообразования профессора Блюменбаха, или последние микроскопические открытия достаточны для установления этого учения, противоречащего всем очевидным и определенным случаям, известным нам и явно указывающим на первично существующий жизненный принцип, который придается во всех *известных* нам случаях как растениям, так и животным, происхождение которых мы можем отнести только ко всемогущему творцу, наделившему нас этим принципом. Я чувствую сильные затруднения в этом вопросе, который, однако, при нынешнем состоянии наших знаний не может быть разрешен так, чтобы всех удовлетворить.

Д-р Гартли думает, что душа — это очень тонкая эфирная субстанция, присоединяющаяся к телу и переживающая его. Но это неподтвержденное мнение не продвигает нас ни на шаг. Если она имеет свойства материи или какое-либо из них, то тогда она материя, если нет, то вновь возникает старый вопрос: как одна вещь может действовать на другую, не имея общих с ней свойств? Это мнение оживил в последнее время Абернети²².

Рассмотрев, насколько я мог, вопросы, осаждавшие меня в ходе развития [моей мысли], я перешел к тому, чтобы очертить *факты*, относящиеся к обладающему организацией живому человеку, факты, которые подпадают под закон ассоциации идей. Во всех наших исследованиях, относящихся к феноменам духа, мы должны стремиться (как я думаю) к тому, чтобы установить, насколько они объяснимы простыми феноменами тела, и обратиться к гипотезе о присоединяющемся сверх того принципе интеллекта лишь тогда, когда известные свойства организованной материи уже больше ничего объяснить не могут. Насколько я могу видеть, каждый относящийся к интеллекту

факт, какой бы фразой или фигуральным выражением он ни описывался, — это не что иное, как нормальная функция или способ действия органа, называемого мозгом, некоторое движение в мозговом веществе и его модификация. Мысль, суждение, разум, рефлексия, воля, понимание, память и т. д. являются только словами, а не отдельными существами или сущностями. Они обозначают отдельные состояния, аффектации или функции церебральной массы, т. е. некоторые движения, совершающиеся в ней, которые мы сознаем, как говорят французы, которые мы чувствуем и воспринимаем, как говорят англичане. Склонность к фикциям, свойственная современным метафизикам, наделила эти слова самостоятельным существованием и персонифицировала их. Но эта поэзия метафизики, это олицетворение ортодоксии не есть разумное рассуждение.

Встает дополнительный вопрос: когда эти движения вдоль хода нервов передаются в мозг, имеется ли в этом органе общее чувствительное место — местоположение (seat) восприятий, локализованное в какой-либо отдельной части мозга? Согласно преобладающему мнению, такой пункт (spot) имеется. Этот взгляд приняли сэр Исаак Ньютон и д-р Гартли, а также Бруссэ. Мне неизвестно доказательство такой локализации. То, что движения, передаваемые соответственно нескольким органам чувств, изменяют друг друга в тех случаях, когда они ассоциируются одновременно или через некоторые короткие интервалы, представляется бесспорным фактом. Но у нас нет средств, чтобы установить, является ли это результатом их объединения в одной из конечных точек (point) мозга или вблизи такой точки. Я поэтому употребляю термин «мозг» для обозначения той части нервной системы внутри черепа и незначительной части позвоночного столба, где завершаются движения, пришедшие из чувствующих окончаний внешних или внутренних нервов, и откуда в свою очередь движения переходят в мышцы произвольных действий. Возможно, что в модулярной субстанции мозга, как я его определяю (большие полушария, мозжечок и продолговатый

мозг), и имеется отдельный пункт, но на основе анатомических и физиологических фактов это еще не установлено. По мнению д-ра Дарвина, им является вся нервная система, ее сенсорная способность сосуществует со всеми нервными разветвлениями.

Могут быть повреждения различных частей мозга, не вызывающие в той же самой пропорции ожидаемых повреждений жизни или интеллекта. Многие из подобных случаев собраны (не всегда с достаточной компетенцией) д-ром Ферриаром, многие — с несколько большей достоверностью Эверардом Хоумом²³. Неизвестно, зависит ли это от менее существенного характера поврежденных частей, или от того, что мозговые органы являются парными, или от отдельных функций каждой части мозга. Хорошо установлен *всеобщий* факт, что при повреждениях мозга поврежденным является также и интеллект. В качестве полного доказательства этого можно указать на большую часть случаев апоплексии, сомнамбулизма и маниакальности. Маршалл²⁴, Абернети и Аберкромби²⁵ приводят их в изобилии.

Проследим теперь — от чувствительных окончаний нерва до мозга — развитие ощущений, вызванных *внешними* объектами. Я должен указать на впечатления, которые могут быть произведены на мозг посредством *внутренних* состояний тела, действующих на этот орган и заслуживающих, как я полагаю, больших размышлений, чем им уделялось прежде. Бруссэ назвал этот вид нервной связи *иннервацией*.

Нервы, идущие от головного и спинного мозга, снабжают сердце, желудок и другие части тела, функции которых в здоровом состоянии осуществляются автоматически, интенсивно и не воспринимаются нами, не возбуждая никаких ощущений, которые сопровождали бы их действия. Но поскольку нервы снабжают эти части, обширно связанные со всей нервной системой, любое отклонение от обычного или здорового состояния в этих внутренних частях тела воздействует на состояние мозга и всей нервной системы. Так, сомнамбулизм и идиотия могут быть вызваны чрезмерной истеричностью, глистами в ки-

печнике, меланхолия в форме заболевания — ненормальностями в кишечнике и, наоборот, мания — стимулирующими напитками или травами, содержащими наркотики, и общее состояние нездоровья, ощущаемое тогда, когда у нас имеется некоторое труднообъяснимое внутреннее недовольство, несомненно, обязано [своим происхождением] серии болезненных состояний, которые происходят во внутренних органах и передаются мозгу, которым при их появлении то тут, то там мы не можем дать точного названия. Мы не имеем также средств для того, чтобы указать их точную локализацию внутри организма*. Все наши ощущения и идеи зависят как от объектов, которые их возбудили, так и от состояния органа, в котором происходит возбуждение. Если состояние нервной системы одного человека отличается от другого, те же самые возбуждающие причины произведут не точно те же самые внутренние движения и ассоциации, но видоизмененные, и притом не только благодаря необычайному многообразию синхронно ассоциирующихся обстоятельств, но также и соответственно возрасту, полу, конституции, предшествующим привычкам, внутренним возбуждениям и общему состоянию здоровья или болезни. Эти размышления хорошо объясняют различные точки зрения, с каких различные личности рассматривают являющиеся им одни и те же предметы и дают адекватное объяснение причины многих

* Поскольку вся нервная система органической жизни непосредственно связана с головным мозгом через спинной мозг, не может быть трудностей в том, чтобы отнести к этой связи и те действия, которые называются симпатическими. Так бывает, когда головной мозг частично парализован из-за алкогольного опьянения, или смертельно парализован сильной дозой синильной кислоты, или когда рана, произведенная ржавым гвоздем, вызывает столбняк и т. д. В последнем случае, например, затронута нервная сила, влияющая на произвольно действующие мышцы, и источник болезни необходимо должен быть скрыт в нервной связи, в том, что Бруссе называет иннервацией. В тех случаях, когда имеется явление, называемое симпатическим действием лекарств, установлено, что многие случаи зависят от всасывания, а другие — от нервной связи, в чем не может сомневаться никто, прочитавший очерк г-на Броди²⁶ о действии ядов.

различий в интеллекте и склонностях. Ибо буквально верна старая метафизическая поговорка: *quicquid recipitur, recipitur ad modum recipientis*²⁷. Все внутренние операции нашего организма, не воспринимающиеся при обычном состоянии полного здоровья, становятся источниками ощущений, когда они отклоняются от здорового состояния, так же как нечувствующая поверхность становится болезненной при ожоге. Здесь лежит источник кошмаров от несварения и вообще снов, которые являются источниками движения в мозгу, сходными с движениями, которые были вызваны внешними объектами, а затем восприняты в условиях нерегулярных ассоциаций из-за неполного бодрствования при неглубоком сне. Они между собой мало связаны или совсем не связаны, поскольку вызвавшее их болезненное состояние внутренних органов мало способствует тому, чтобы обеспечить такого рода связь. Поэтому закон ассоциации, который будет вскоре объяснен, действует только частично и несовершенно. В этой частичной и несовершенной ассоциации и состоит странность наших снов.

Тот же закон нервной передачи движения имеет место в наших внутренних органах так же, как и в других частях тела. Так, в последних экспериментах г-на Броди, д-ра Вильсона, Филиппа и других в случае, если 8-я пара нервов или же симпатический нерв перерезан или блокирован, функции желудка, легких и производство животной теплоты также затронуты и отчасти парализованы.

Я перехожу теперь к установлению нескольких общих законов ассоциации как простого реального факта и [результата] физического наблюдения, обращаясь в деталях к Гартли и Дарвину.

Под *ощущением* здесь подразумевается движение, вызванное некоторым внешним объектом в чувствительном окончании нерва, оттуда распространившееся по ходу нерва к мозгу и там чувствуемое или воспринимаемое. Это может быть также движение, возбужденное изнутри нервом, находящимся в теле, вследствие несколько необычных или болезненных действий в органе или части, снабжаемых этим нервом.

И это движение распространяется по ходу нерва в мозг, как при периодическом голоде, внутренних позывах, родах и т. д...

Под *идеей* здесь имеется в виду движение в мозгу, которое сходно по роду и локализации с предшествующим ощущением и посредством которого ощущение воспроизводится. Идеи суть непосредственные объекты воспроизведения и памяти. Идея поэтому является представителем предшествующего ощущения — больного или здорового, внешнего или внутреннего. Когда ребенок впервые видит персик — это ощущение, когда через некоторое время он вспоминает этот персик — это идея. О том, что это мозговое движение, см. *Дарвин*, «Зоономия», ч. 3.

Теорема 1. Любая группа ощущений А, В, С и т. д., ассоциированных друг с другом достаточное количество раз, приобретает такую силу над соответствующими идеями а, в, с и т. д., что любое из единичных ощущений (например, А), будучи одно запечатлено, окажется способным возбудить идеи в, с и др.

Предположим, мы оба читаем одну и ту же книгу за одним и тем же столом и что кот, прыгнув на стол и пройдя по книге, прервал наше чтение. Если через год вы меня встретите, ощущение моей личности вызовет у вас идеи стола, места и ситуации, кота и книги, т. е. вы их вспомните. Каким именно образом смешанные движения этих ощущений вызовут соответствующие изменения церебрального движения, которому мы даем имя идеи, я объяснить не могу. Это относится к тем многим реальным фактам, которые бесспорны, но необъяснимы. Обычный опыт устанавливает факт как вытекающий из общего закона нашей природы. Так, название, запах, вкус персика для того, кто ест его в темноте и кто видел и ел его прежде, вызовут форму и цвет персика, т. е. видимую идею, и наоборот.

Теорема 2. Если ощущения возникали только в определенном порядке следования, их способность вызывать идеи обнаружится только в той последовательности, в какой возникли первичные ассоциации. Если А, В, С, D, E, F встречаются в таком порядке, С вы-

зовет d, e, f, но не a, b. Мы можем прочитать молитву. Но кто из нас может прочитать ее наоборот?

Теорема 3. Простые идеи объединяются в комплекс посредством ассоциации.

Пусть A, B, C, D часто объединяются во всем многообразии комбинаций, тогда a, b, c, d восстановятся так мгновенно и механически, что образуют не последовательность идей, а смешанную комплексную идею. Пусть объем, форма, цвет, пушок, запах, вкус персика часто ассоциируются с его названием, как это и имеет место в действительности, тогда название будут вызывать все другие, смешанные таким образом идеи, образуя то, что мы называем абстрактной идеей персика. В этой смешанной комплексной идее обычно воспроизводятся те индивидуальные идеи, которые являются обычно выдающимися и характерными, а другие постепенно выпадают и становятся мимолетными или почти мимолетными. Так начинает формироваться, я думаю, то, что мы называем абстрактными идеями, к которым ради удобства письма и устной речи мы прибавляем наименования — письменные и устные, такие, например, идеи, как добродетель, порок, красота и т. д., которые сами по себе никакого реального существования не имеют и являются простыми изобретениями языка, чтобы помочь нашему рассуждению или исследованию.

Д-р Дарвин поясняет изменение церебральных движений в результате ассоциаций следующим образом. Вы желаете написать слово «человек». Вы пишете его, не думая об отдельных движениях пера, необходимых для написания каждой буквы, или о трудностях, испытанных вами, когда вы впервые учились писать. Теперь это совершается как одна простая, неанализируемая операция. Но подумайте о множестве мышечных движений руки и глаза, ассоциирующихся, чтобы позволить вам совершить эту операцию. Самый сложный случай ассоциации идей не является более трудным и непонятным. И одно и другое — равным образом неоспоримые факты.

Когда идея является очень сложной, эта комбинация может подавлять отдельные составные части, так

же как в хорошо приготовленном пунше мы не различаем в отдельности вкус кислоты, сахара, спирта или лимона — все они растворились в комбинации. Так, семь цветов солнечного спектра, вращаясь с большой скоростью, вызывают ощущение, которое мы называем [ощущением] белого. Так, в языке целое может быть разложено примерно на тридцать простых звуков, которые теряются в комплексности их почти бесконечных комбинаций.

В комплексных идеях наибольшую силу в вызове одной идеи другой имеют сперва зрительная идея, а затем слуховая. Гораций замечает об этом: *segnius irritant animos demissa per aures, quam quae sunt oculis subjecta fidelibus*²⁸.

Теорема 4. Язык является либо письменным, либо устным: это наиболее знакомый пример, которым мы располагаем в отношении ассоциации идей. Мать показывает ребенку персик, она все время повторяет: «Это — персик» — до тех пор, пока слово и ощущение не ассоциируются так прочно, что одно будет вызывать другое. То же самое и в письменной речи. Мы сперва выучиваемся связывать звук речи с написанным или напечатанным словом так часто, что одно при наличии другого появляется мгновенно и полностью. Поэтому при чтении описания слова благодаря ассоциации почти замещают перед умственным взором сами вещи. Это и есть *идеальное представление* лорда Кеймса. Допустим, я читаю описание боа констриктора или анаконды, давящей тигра. Из рисунка и описания змей и тигров я имею в основном правильную идею о них, хотя я никогда не видел ни того животного, ни другого. Идеи, возбуждаемые таким образом благодаря описанию, образуют то, что лорд Кеймс неудачно назвал идеальным присутствием (*presence*), а именно идеальное представление, возбужденное и вызванное ассоциациями, связанными с описанием.

Таким же образом ощущения и идеи вызываются благодаря взглядам, интонациям и жестам, ибо взгляды, интонации и жесты — это естественные знаки сильных эмоций. Отсюда преимущество драматиче-

ского представления перед простым чтением. В игру вступает больше ассоциаций, и идеи возбуждаются более живо. Взгляд, интонация и жест подобно метафорам и другим фигурам речи являются более распространенными на ранних стадиях развития общества, потому что их воздействия требовала бедность зарождающегося языка.

Теорема 5. Когда с каким-либо ощущением ассоциируется боль, она сильно увеличивает его живость. На этом принципе основана древняя практика пороть сына в каждом углу участка земли, на котором ему предназначается жить, с тем чтобы способствовать более точному запоминанию границ. И это соответствует как теории, так и фактам, каким бы грубым ни являлся такой обычай.

Тот же способ рассуждения применим и к ассоциации наслаждения. Эти две последние теоремы позволяют объяснить все трудности лорда Кеймса в отношении симпатических эмоций и эмоций и страстей вообще. Так, если слова, взгляды, интонации и жесты ассоциируются (как это и происходит в действительности) с эмоциями и страстями, то тогда эмоции и страсти ассоциируются со словами, взглядами, интонациями и жестами и одни могут вызывать другие. Нет необходимости иллюстрировать эти положения для тех, кто видел представление *балета* на французской или английской оперной сцене или кто вспомнит историю Цицерона и актера Росция²⁹.

Теорема 6. При ощущениях и идеях церебральное движение, переданное по возбужденным нервам, может быть таким слабым, что почти не воспринимается, или таким умеренным, что лишь слегка вызывает внимание, или таким живым, что вызывает удовольствие, или таким сильным, что вызывает страдание. Это дает основу для различия, проведенного лордом Кеймсом между эмоциями и страстями.

Теорема 7. Сила и живость идей зависят главным образом от следующих обстоятельств (не исключая другие, имеющие меньшее влияние): от первичной возбудимости нервной системы, от живости первичного ощущения, от количества сенсорной силы, как ее

называет Дарвин, от накопленной возбудимости, как ее называет Браун, т. е. накопленной системой в данное время, от силы и живости ассоциированных идей, объясняющей нам употребление соответствующего образного языка и эффекты интонации и жестов. Иногда в состоянии общего болезненного, лихорадочного возбуждения накопление в мозгу сенсорной силы, не поглощаемой мышечным действием, создает такую живость ощущения и восприятия, которая значительно увеличивает на некоторое время духовную способность, и когда оно чрезмерно или слишком длительно, то создает различного рода галлюцинации, свойственные помешательству. Это значит, что обычная и естественная стимуляция и возбуждение возрастают до такой степени, что становятся болезненным возбуждением.

Теорема 8. При обсуждении эффекта слов представляется полезным использовать классификацию Гартли.

Слова, имеющие только идеи, но не определения (сладкое, белое).

Слова, имеющие только описание или определение, но не имеющие идей (*monagupia*³⁰, аксиома, радиус).

Слова, имеющие описание или определение и идеи (персик, равнобедренный треугольник).

Слова, не имеющие ни того, ни другого (к, из, от).

Ясно, что слова первой категории производят наибольший эффект в изящных искусствах, являющихся объектом критики.

Есть основания сомневаться, имеют ли вообще какой-либо смысл те слова, которые не выражают реальности, распознаваемой нашими чувствами. Мы не имеем другого источника знаний, кроме наших ощущений — ощущений, возбужденных в мозгу либо внешними объектами, либо нашими внутренними нуждами и висцеральными аффектациями. Какой смысл может быть приписан таким словам, как душа, ангел, дьявол, дух и т. п. предполагаемым сущностям, не распознаваемым нашими материальными чувствами? Любое из них или все они могут быть заменены

словом «абракадабра». Какие доказательства можем мы иметь в отношении сущности, которую нельзя видеть, слышать, осязать или чувствовать, которая не есть объект, различимый вкусом или обонянием? Какой смысл может иметь слово, под которым не мыслится ничего, что мы могли бы проверить, ничего, что существует для одного из входных путей нашего знания?

Теорема 9. Г-н Юм в разделе об ассоциации идей (т. 2) разделяет все общие и абстрактные источники ассоциации на: *смежность* в пространстве или во времени, *сходство* и *причинность*. Постоянное внимание к первой группе ассоциаций формирует *историка*, ко второй — *поэта* и *драматурга*, к третьей — *государственного деятеля* и *мыслителя*.

Теорема 10. Вероятно, как говорит наблюдение, удовольствия от ощущения более многочисленны и в целом перевешивают страдания от *ощущения*. Конечно, часто это вопрос случая, здоровья или болезни. Но при *интеллектуальных* удовольствиях и страданиях — тех, которые зависят от наших *идей* и их комбинаций и которые в значительной степени находятся во власти нашего воления, перевес ощущений удовольствия у хорошо образованной личности является значительным и явным, и при обычной длительности жизни он достигает количества, далеко превосходящего наш обычный счет. Это является сильным аргументом в пользу интеллектуальных занятий, увеличивающих по числу и интенсивности все ассоциации, дающие идеальное удовольствие. Кроме того, наслаждение и страдание, зависящие от наших внешних чувств, будучи большей частью локальными, имеют большую тенденцию разрушать тело, чем *интеллектуальные* удовольствия и страдания, которые не раздражают в такой степени какой-либо отдельный орган, а в белом мозговом веществе вызывают скорее слабое изменение, чем какое-либо сильное и разрушительное движение.

Теорема 11. Несовершенство памяти и суждения у ребенка и старческое слабоумие могут быть объяснены несовершенными и ненормальными ассоциация-

ми, имеющими место при несовершенстве и вырождении мозгового аппарата. Отсюда склонность детей к ложным утверждениям, неосознаваемым как ошибки, и стариков — к забывчивости и повторению.

Теорема 12. Несовершенный, несвязанный и неправильный интеллект идиотов, лунатиков и маньяков явно зависит от неправильных ассоциаций в их мозговом аппарате, обусловленных возбуждением и болезненным состоянием этой части нервной системы. Точно так же можно объяснить болезненные ассоциации при ненормальном состоянии желудка и кишечника, из-за чего бы они ни возникали. Ибо болезненные возбуждения внутренних органов передаются по нервам мозговому центру и вызывают болезненные возбуждения (раздражения) в нем.

О мышечном движении. Теорема 13. Движения тела являются или инстинктивными (автоматическими), или произвольными, или ассоциативными. В первом случае они не сопровождаются ощущением. Таковы движения сердца и артерий, легких и диафрагмы, перистальтика кишечника и т. д.

Произвольные движения зависят от того состояния мозга, которое мы называем волеием. Поэтому необходимо изучить, в чем состоит волеие, каковы аффектации мозга, которые его сопровождают или составляют. Я говорю «сопровождают или составляют», потому что, согласно принятому способу выражения, воля ставится в зависимость от теории, принятой для объяснения феноменов восприятия. Психолог сказал бы «сопровождают». Я же предпочитаю последний способ выражения.

О желании и волеии. Теорема 14. Ребенок, который пробовал персик, знающий, что это такое, видит его на столе, но достать не может. Что происходит? Во-первых, он имеет ощущение видимой формы персика посредством лучей света, проходящих в его глаз, ударяющих по зрительному нерву в сетчатой оболочке. Движение, там возбужденное, распространяется по зрительному нерву к его другому окончанию в мозгу и там воспринимается, формируя зрительное ощущение персика. Так как ребенок уже пробовал

персик на вкус, зрительное ощущение вызывает по ассоциации идею вкуса персика, и это сопровождается желанием заполучить и съесть персик, виденный до того. Это состояние мозга, когда оно чувствуется, называется *желанием*, и оно так же реально существует в этом органе, как видимое ощущение или ассоциированная идея вкуса персика равным и сопутствующим образом чувствуется. Оно всегда сопровождает и составляет часть ощущения голода. Это желание, когда оно возбуждает усилие достать персик (церебральная иннервация), есть *воление*, а соответствующее движение является произвольным. Все эти состояния мозга воспринимаются как возбуждающиеся вместе и возникающие от той же самой причины. Но, явно отличая одно от другого, мы даем им различные названия. Если ребенок насытится персиком, то состояние мозга, называемое желанием, не возбуждается, желудок не будет иннервировать мозг или призывать его на помощь, и воление и произвольное движение не будут сопутствовать ему. Это показывает, что здесь имеется простое телесное чувствование, зависящее от состояния телесных органов. И не всегда ли голод таков? И не отсутствует ли или не присутствует ли в каждом таком случае желание и воление соответственно тому, отсутствует или имеется голод?

Предпринимаем ли мы усилие взять пищу, если наш аппетит уже удовлетворен?

Опять-таки: мой отец желает встретиться со мной дома в определенном часу. Когда приближается этот час, идеи моего обещания, моего отца, дома возбуждаются благодаря ассоциации. Я чувствую желание послушаться его и направляюсь встретиться с ним соответственно тому, как мы условились. Здесь желание, воление и произвольное движение ассоциируются с воспроизведенными идеями прежних ощущений. Все эти чувствования одновременны или приблизительно таковы, они связаны, они чувствуются или воспринимаются тем же способом и относятся (если вообще относятся) к тому же самому источнику, тому же органу, тому же месту чувствования. Произвольное движение

не может совершиться, если не существует желания. Желание — это одно из обстоятельств, относящихся к ощущению персика, или к идее моего отца, или к обещанию, ему данному.

Д-р Дарвин (разд. XI, 2, 2) наблюдает, что все наши эмоции и страсти происходят из ощущений и волений. Гордость, надежда, радость — это названия отдельных ощущений удовольствия; стыд, отчаяние, печаль — страдания. Любовь, честолюбие, скупость — это названия отдельных желаний, ненависть, страх, тревога — отдельных отращений. Страсть гнева включает боль от нанесенного оскорбления и ненависть к противнику, который его нанес. Сострадание — это боль, которую мы чувствуем при виде страдания совместно с желанием облегчить его.

Все они, в какой бы части внутренних органов ни возникали, в конечном счете сводимы к движениям церебральных органов — там они чувствуются, воспринимаются и возникают из различных усложнений ощущений и идей, на которые эмоции и страсти могут быть разложены. Возьмем, например, любовь. Молодой человек находится часто в компании с девушкой, чьи манеры, взгляды, интонация вызывают у него ощущения удовольствия и уважения к ее характеру и поведению. К этому присоединяется вера и сильная надежда на то, что и он сам находится в сходной ситуации относительно ее чувств к нему. Все это — ощущения и идеи, не представляющие трудностей для анализа. Они явно имеют ту же самую природу, как и другие ощущения и идеи, которые ассоциируются друг с другом при одновременном или последовательном появлении, изменяя аффектацию мозга, где происходит восприятие, подобно всякому другому комплексу ассоциаций. Когда к нему присоединяется естественное ощущение полового желания, основанного на внутреннем состоянии нашего организма, целостное ощущение этого комплекса называется любовью, которая есть не что иное, как сильное чувство дружбы к лицу другого пола, сопровождаемое половым желанием. Анализ этого комплексного ощущения или идеи (ибо это — либо первое, либо второе, в зависимости от наличия

или отсутствия объекта) не более труден, чем анализ комплексного ощущения лежащей передо мной книги, которое складывается из величины, формы шрифта, размера полей, цвета бумаги, окраски под мрамор или позолоты листов, вида переплета, его золотого орнамента, особенности шрифта, а также всего того, что ассоциируется в данный момент с параграфом, который я сейчас пишу.

Кроме того, в комплексном ощущении, называемом любовью, не видим ли мы ясно, что недостаток, паралич или органическое поражение телесных органов могут воспрепятствовать его появлению? Не может ли оно стать более живым благодаря половому воздержанию или даже благодаря возбуждающим средствам, так же как и благодаря ассоциациям, [вызванным] описанием любовника? И если простые животные ощущения становятся, таким образом, более живыми, то не становится ли также более живой и ассоциированная интеллектуальная часть этой страсти?

Поэтому желание и воление действительно являются ощущениями и идеями, а не просто сходны с ними: состояния мозга, чувствуемые или воспринимаемые, возбуждающие мышечные действия, вызванные имеющимся недостатком. Отвращение — это только другая форма желания. Это — желание избежать. Простое же желание — это желание получить. При *ощущении* начало лежит у окончания нерва, наиболее отдаленного от мозга, и оно заканчивается в мозгу. При *волении* начало лежит в мозгу, и оно заканчивается в мышечном органе произвольного движения.

Я полагаю, что изложил все это как хорошо известный неопровержимый факт, в котором не усомнится ни один физиолог, и совершенно независимо от какой-либо гипотезы, относящейся к причине, локализации и источнику восприятия, является ли это церебральной функцией, возникающей из нашей системы животной организации, как думают некоторые, или относится к особой сущности (душе), как думают другие.

Теорема 15. Таким образом, мы видим, каким путем автоматические и произвольные движения могут asso-

цироваться с ощущениями, идеями, желаниями и волевыми. Полезно несколько подробнее остановиться на этом предмете. Сперва в здоровом состоянии.

Они могут ассоциироваться с *ощущениями*, когда мы режем мясо, разливаем вино, идем из одной комнаты в другую, когда дама поет и играет одновременно, когда мы танцуем под звуки музыки, соблюдая ритм, и т. д.; с *идеями*, когда дама исполняет на фортепьяно мотив, который она вспоминает, когда мы идем к книготорговцу за нужной книгой, вызываем звонком слугу и т. д. (эти случаи настолько многочисленны и так часто встречаются, что нет необходимости их перечислять); с *желаниями* и *волевыми* — тем путем, который описан в 12-й теореме. Они действительно являются предшествующими причинами всех произвольных движений. Так, в состоянии болезни, когда я поворачиваюсь, чтобы избавиться от боли, это движение ассоциировано с (ощущениями); когда я спрашиваю, придет ли мой врач, — с (идеями); когда я, испытывая жажду, прошу пить — с (желаниями).

Многие, вероятно, большинство наших произвольных действий были первоначально автоматическими. Ребенок сжимает свою руку или двигает ногой в результате простой мышечной возбудимости при прикосновении. Движения хватания с намерением, ходьбы, бега, танца, лазания выучиваются постепенно, и они произвольны.

Автоматические движения либо прирождены, выполняются бессознательно, как движения сердца и артерий, либо происходят в результате постоянного повторения произвольных движений. Ребенок, учась ходить, шатается и падает, прилагая волевое усилие, чтобы совершить каждый шаг; так же поступают и молодой человек и девушка, когда учатся танцевать; так же ноты фортепьяно ассоциируются с музыкальными нотами в книге. Вскоре постоянное повторение позволяет совершать эти действия бессознательно, механически и не прилагая усилия. Таким образом, они становятся по своему характеру автоматическими. Эти же соображения приложимы к чтению, письму, речи и фактически ко всем нашим произвольным движениям.

ям *. Автоматические (непроизвольные) движения происходят также при болезненных состояниях нервной системы. Так, например, параличное дрожание

* Исходя из этого, мы можем объяснить забвение взрослыми людьми тех занятий, которыми их принуждали заниматься, когда они были молодыми. Так, когда девушка училась музыке, она после некоторой практики достигла умения играть в обычном концерте, но тем временем, возможно, она выходит замуж и перестает быть вынужденной делать то, что требует усилия в деятельности. Она забрасывает свою музыку, и ее фортепьяно становится просто частью обстановки в гостиной. Но если она принуждена упражняться до тех пор, пока все ее произвольные движения, сопровождающиеся в течение длительного времени усилием, не станут автоматическими, то побуждение к практике сохранится, и ассоциации исполнения с мучительным усилием преодолеваются. В этом случае она практикуется на протяжении всей жизни. Пока не достигается это состояние автоматического движения, вся предшествующая работа пропадает.

Сходным образом мальчика посылают учить латинский и греческий, и он продолжает этим заниматься, прилагая в течение всего периода усвоения мучительные усилия. Он бросает школу или колледж до того, как период обучения пройдет, тогда он с радостью забрасывает своего Гомера, Вергилия и Горация, решив не мучиться с ними больше. Все его предшествующие приобретения — все время, затраченное на них, все мучительные усилия при выполнении заданий — все отброшено. И в течение трех лет его классическая литература испарилась навсегда. Если же он продолжает [занятия] до тех пор, пока слова, фразы и идиомы до такой степени ассоциируются с их точным смыслом, что одно возникает из другого без усилий и мучений, то его классические занятия могут стать повседневным наслаждением, имеющим ни с чем не сравнимую ценность. Они могут образовать его вкус во всех последующих занятиях и соединяться с огромной пользой со всеми будущими литературными и научными занятиями. Так сформировались Лейбниц и Ньютон, Гук и Рей, Линней и Бергман, Гофман и Галлер, Норт, Бёрк, Фокс и Питт. Точное и глубокое классическое знание было основой образования — литературного, научного и политического. Этого никогда у нас не будет, пока молодежь в старших классах колледжа не станут принуждать переводить на правильную латынь страницу из какого-либо английского автора и сочинять по меньшей мере десять латинских стихотворений дважды или трижды в неделю. Чтобы наша молодежь была хорошо обученной, нельзя разрешать поступление в колледж до 17 лет, и школьная (классическая и математическая) предварительная подготовка должна быть высокой и строго взыскательной.

и возбужденные движения при пляске св. Витта. Таковым является также приступ озноба при малярии, предполагающий периодичность, который должен быть прекращен действием лекарства. Таковы также конвульсии эпилепсии, судорога в ноге, слезы боли, жалости, гнева, радости; искаженное выражение (лица) при боли или при стремлении отомстить и многие другие (движения), отмеченные д-ром Дарвином среди цепных (catenated) движений при заболевании. Но наиболее поразительные случаи ассоциаций движений с идеями происходят при психических заболеваниях. В случае этих расстройств успешное лечение не может вестись без успешного применения теории взаимной ассоциации ощущений и идей с мышечными движениями — нормальными или расстроенными. Д-р Дарвин, заимствовавший свои принципы у д-ра Гартли и элементы медицины у д-ра Брауна, убедительно показал весьма широкое применение всего учения об ассоциациях к рациональной теории медицины и представил многочисленные факты прямого приложения изложенных здесь принципов. Его «Зоономия» — труд могучего ума.

Ощущения могут ассоциироваться и в бесчисленном числе случаев действительно ассоциируются с другими ощущениями, идеями, волевыми и произвольными мышечными движениями — первично или вторично автоматическими — не только в здоровом, но и болезненном состоянии. Примерами могут быть случаи, когда, играя мелодию, мы ее напеваем, когда мы играем ее по памяти, когда я отправляюсь навестить друга. В последнем случае мы имеем пример произвольного движения, в первом — вторично автоматического движения, когда пальцы бессознательно движутся по клавишам. Можно представить в воображении другие примеры, сопровождающие перистальтику кишечника.

Побледнение и холодный пот при страхе, покраснение при гнев, взволнованные движения при большой радости, выкрики при горе и т. д. — все это также случаи автоматических и произвольных движений, сопровождающих ощущения и идеи.

Идеи, желания и воления могут также взаимно ассоциироваться со всем многообразием мышечных движений, примерами которых могут быть вышеприведенные и сходные, легко представляемые случаи. Они могут также ассоциироваться со словами, взглядами, интонацией и жестами.

Движения, первоначально автоматические и произвольные, как, например, движения ноги ребенка, бессознательно движущегося благодаря мышечной возбудимости, вызванной каким-либо раздражителем, могут стать произвольными, когда необходимо, чтобы они ассоциировались с желаниями и волениями. Так благодаря ассоциации с определенным временем дня мы можем превратить автоматические перистальтические движения в произвольные, как рекомендуют делать г-н Локк и вообще врачи.

Движения, первоначально произвольные, могут стать путем частого повторения вторично автоматическими, как, например, в случаях письма, чтения, игры на инструментах и т. д.

Движения в здоровом состоянии могут ассоциироваться с движениями при болезни и наоборот. Достаточное количество примеров содержит трактат д-ра Дарвина и врачей, объясняющих нервные и симпатические действия. Мания, меланхолия, лунатизм, идиотия, лихорадочный бред и т. д. дают очень яркие примеры.

Все *ощущения* — это движения, которые распространяются от чувствующих окончаний нерва по нерву к мозгу и там чувствуются или воспринимаются.

Все *идеи* — это сходные движения, возникающие в мозгу либо вследствие ассоциации, либо благодаря некоторым случайным состояниям этого органа или нервной системы в целом.

Все *воления* существуют как состояния мозга, ассоциированные с ощущениями или идеями, к которым они относятся, и составляют их часть. Отсюда движения распространяются к мышцам произвольного действия благодаря церебральной иннервации.

Мы не знаем положительно, что представляет собой орудие движения или вещество, в котором происходит

движение, — частицы нерва, неизвестную нервную жидкость или выделяющуюся гальваническую жидкость. Считается вероятным, что гальваническая жидкость до некоторой степени снабжает место нервной передачи. Но теория по этому вопросу еще не может быть выдвинута.

Нет никаких оснований предполагать, что эмоций, страсти, желания, отвращения, воления — это что-либо иное, чем движения, происходящие в мозгу и чувствуемые или воспринимаемые там, поскольку они могут быть разложены на ощущения и идеи и сопутствующие им восприятия, которые, несомненно, суть церебральные движения и ничего более.

Неизвестно, есть ли восприятие или чувствование свойство организации у тех животных, которые обладают нервной системой, или они по существу относятся к жизни или к тому свойству организованных существ, благодаря которому они питаются, переваривают пищу, растут, ассимилируют и обновляются и совершают действия, обычно называемые жизненными функциями. Неизвестно также, обязана ли жизнь своим существованием организации, с которой она связана, или дару, происходящему от нашего творца, в каком случае организация должна быть свойством или продуктом первоначально приданной жизни, а не жизнь свойством или продуктом организации, и не следовало ли бы приписать восприятие и чувствование некоторой особой имматериальной сущности, связанной с телом по указанию творца, — господствующее мнение, к которому влекутся философы-метафизики из-за трудности представить, как простая модификация немыслящей материи может стать мыслящей материей. Эта трудность, несомненно, уменьшается с ростом наших знаний. Но само существование факта может быть несомненным и очень часто действительно таково, хотя мы и не можем объяснить, почему и как это происходит. Таков общий очерк учения об ассоциации идей.

Далее даются примеры того способа, каким с его помощью могут быть объяснены некоторые из основных психических феноменов.

О памяти. Теорема 16. Память — это термин, при-

меняемый к возвращению идей, представляющих прежние ощущения. Эти идеи возвращаются вследствие того, что некоторым образом ассоциируются с идеями, уже имеющимися налицо, кроме тех случаев сна или болезни, когда внутренние состояния тела порождают автоматические непроизвольные движения и аффектации в мозгу, сходные с идеями, там уже существующими. Но эти исключения редки и не подрывают общее замечание, поэтому я полагаю, что истинно учение лорда Кеймса, согласно которому идеи постоянно следуют вереницей. Идея отца вызывает идею матери и т. д. Идея какого-нибудь персика вызывает идею того персика, который я ел в последний раз, место, обстоятельства и т. д. Из повседневных наблюдений реальных фактов ясно, что это вереница, к которой возвращаются идеи. Это возвращение есть *память*. Какой другой причине, кроме здесь предполагаемой, можем мы приписать наличие новой идеи? Она не может возникнуть без причины. Пусть читатель попытается найти какую-либо другую (причину). То, что является ясным и бесспорным в огромном большинстве случаев, составляющих все то, что нам известно, должно быть принято за истинное во всех случаях, соответственно общему и известному правилу философствования. Память, стало быть, не более как частный случай общего закона ассоциации идей.

Воспроизведение. Этот термин употребляется тогда, когда мы прилагаем волевое усилие, чтобы вызвать идею посредством ассоциации. Когда появляется желание воспроизвести, все движения в мозгу становятся сильнее и живее и таким образом возбуждается больше ассоциаций, чем это имело бы место в других случаях. Опять-таки только благодаря ассоциации с личной идеей могут быть вызваны другие идеи. Пусть кто-либо произведет опыт и выяснит, в его ли власти вызвать какую-либо идею иначе как посредством какой-либо связанной с ней ассоциации. Путем проб он найдет, что других средств для этого не имеется. Поэтому воспроизведение — это также один из случаев ассоциации. Оно сильно ухудшается благодаря действию возбуждающих веществ на мозг. Случаи таких за-

болеваний, как *белая горячка*, дают решающие доказательства не только того, что церебральные движения нарушаются и расстраиваются из-за внутренних состояний тела, но также и того, что возникают новые движения, принимающие формы, которые соответствуют гневу, ужасу, видению странных людей и фигур, не имеющих иного существования, кроме как в расстроенных движениях [мозга], вызванных посредством раздражения спиртным напитком нервов желудка, передающих свое болезнетворное действие мозгу. Некоторые страсти, эмоции и переальные образы часто сопутствуют мании, ипохондрии и другим формам мозговых расстройств, свойственных общей аффектации нервной системы, вызванной большей или меньшей степенью раздражения и последующими болезненными действиями внутренних органов или некоторых из них (см. очень серьезные подтверждения в «Демонологии» сэра Вальтера Скотта³¹ о помешательстве, вызванном посредством ассоциации). Так же происходит и в случае тех галлюцинаций, которые сопровождают бред при лихорадке. Ни один врач не сомневается, что в его власти изменить с помощью питания или лекарства состояние тела и что он может изменить существующую вереницу идей (т. е. церебральных движений), вызвать новую, возбудить эмоции, страсти, желания и воления, которые не могли бы иначе иметь место, кроме как в результате его действий. Пусть врач подумает на мгновение о возбуждающей силе опиума, дурмана, алкоголя и т. д. — он признает, что все расстройства, свойственные мании, в его силах вызвать искусственно, в то время как очищающие, успокаивающие и противовозбуждающие лекарства действуют равным образом, когда возникают те же расстройства. Интеллектуальные феномены, чувства боли и удовольствия, желания, воления, мысль, галлюцинации и т. д. находятся, таким образом, во власти лекарств и режима. Что же они такое еще, если не телесные феномены?

О суждении. Теорема 17. Оно совершается тогда, когда ты сравниваешь две идеи или две группы идей с целью выяснения их согласия или несогласия. Так,

если я определяю, что Александр — это та же личность, которая победила Дария, или что запретительные и покровительственные пошлины нецелесообразны, я выношу суждение на основании сравнения этих групп идей. Их согласие или несогласие есть предмет восприятия совместно с самими идеями. Подобно им оно есть церебральная аффектация. Когда я вижу на столе яблоко и мушкетную пулю, не является ли их различие столь же ясным, видимым и ощущаемым, как и сами эти вещи? Поэтому суждение подобно ощущениям и идеям есть возбуждение, стимуляция, движение в воспринимающем мозгу. Ибо различия этих движений так же реальны и так же являются церебральными аффектациями, как и сами движения. Когда я чувствую или воспринимаю это различие, чем оно может быть еще, как не аффектацией мозга, которую я чувствую или воспринимаю? Какой еще другой смысл вы можете придать различию или тождеству?

О мысли. Теорема 18. Мыслить или рефлексировать — это значит осуществлять воспроизведение и суждение. Никаких других элементов в том, что мы называем мышлением, не содержится. Следовательно, каковы воспроизведение и суждение, такова и мысль.

О воле. Теорема 19. Воля — это такое состояние мозга, которое сопутствует живым ощущениям или идеям, сосуществует с желаниями и отвращениями и возбуждает нас к действию. Она так же реальна, как ощущения или идеи, и так же реально телесна. То, например, ощущение, которое мы называем голодом, не возникает тогда, когда желудок полностью удовлетворен, и поэтому оно зависит от состояния телесных органов. Я вижу перед собой на столе кусок ростбифа, нож, вилку и тарелку. Если мой желудок испытывает нужду в пище, ощущения, сопровождающие эти зрительные образы, ассоциируются с голодом, если желудок удовлетворен — не ассоциируются. Только сопровождаясь голодом, желание, воля или воление, хотение есть, а также последующие действия, реализующие это воление, имеют место. Поэтому это желание есть состояние мозга, зависящее от возбужденного состояния телесных органов, которое действует путем

передачи возбуждения, т. е. путем иннервации, на большие полушария. Это своеобразное состояние мозга, ассоциированное со своеобразным состоянием желудка. Все стремления и отвращения, желания и воления, если их проанализировать сходным образом, окажутся не более как модификациями церебрального движения, возникающего в результате обстоятельств, которые возбуждают сами движения.

О моральном чувстве. Совесть. Теорема 20. Оно долго рассматривалось как внутренняя способность духа (mind) или души, данная нам для того, чтобы мы могли руководить собой, и веления которой управляют нашим поведением. Те, кто предлагает это понятие, не объясняют, *когда* оно в нас вселяется, *как* его веления становятся нам известны и *почему* оно не является однообразным у всех людей и во всех местах.

Рассмотрим, является ли оно телесной аффектацией.

Что такое мораль? Такое направление поведения у индивидов, которое считается в целом наиболее благоприятствующим счастью общества. Во всех своих компонентах он соотносится с обществом; ибо не существует правил морального поведения, применимых к совершенно изолированному индивиду, не связанному с другими живыми существами.

Дети не имеют никакой идеи о правильном и неправильном, истинном и ложном или об обязательствах человека стремиться к одному и избегать другого до тех пор, пока не обучатся этому с большими страданиями сперва у родителей, затем у своих наставников, затем постепенно у своих компаньонов, из законов общества, из бесед с почтенными людьми и из книг. Это — источники морального чувства. Каждый, кто знаком с очень маленькими детьми, знает, что они не имеют понятия о различии между истиной и ложью до тех пор, пока они не обучатся этому*, что они

* Сэр Вальтер Скотт в своей истории демонологии делает следующее замечание (стр. 185). Истина меланхолии, согласно которой «человеческое сердце заблуждается в отношении всех вещей и является безнадежно испорченным», ничем так силь-

бьют своих нянек и животных, с которыми играют, пока они с большим трудом не научатся тому, что это неправильно, и пока не будут наказываться за то, что они это делают. Сходным образом они научаются

но не доказывается, как обнаруживаемым у детей несовершенным чувством святости моральной истины. Но джентльмен и людская масса, поскольку они прогрессируют с годами, научаются презирать ложь и избегать ее. Первый — из гордости и происходящего со времен рыцарства и сохранившегося чувства того, что характер лжеца является смертельным пятном на его чести, вторая — исходя из некоторого общего размышления о необходимости сохранить честность характера в ходе жизни и из чувства истинности обычной поговорки: «честность — лучшая линия поведения». Но это — приобретенные привычки мышления. Ребенок не имеет естественной любви к истине, как это известно всем, кто хоть немного знаком с детьми. Когда их обвиняют в каком-нибудь проступке, хотя они едва еще могут говорить, первые слова, которые они произносят, запинаясь, — это ложь, направленная к тому, чтобы их простили. И это не все. Соблазн, привлекающий внимание, желание избегнуть неприятное задание или провести праздник в любой момент превозмогают чувство истины — так еще слабо оно у них.

Если бы существовало врожденное моральное чувство — какое-либо приданное природой и свойственное конституции человека чувство морального обязательства, не зависящее от всякого наставления, оно было бы найдено более чистым и беспримесным у детей, еще не испорченных общением с эгоистическим миром.

Если бы имелось какое-либо моральное предписание, являющееся более всеобщим обязательством, чем другое, то им была бы обязанность воздерживаться от лжи и говорить правду. Но как отличаются факты от такой теории!

И в самом деле, предполагаемое моральное чувство — одно из многочисленных онтологических мечтаний шотландской школы метафизики, чья персонификация слов населила область воображения бесчисленными сущностями — туманными, призрачными формами, невидимыми, неслышимыми, неосязаемыми, непостижимыми! Не удивительно, что эти люди слов с таким презрением рассматривают физиологическую метафизику. Дугалд Стюарт отвергает Гартли на одной-двух страницах, и умный человек, который составил статью о метафизике для Эдинбургской энциклопедии Брюстера, приводит своих читателей (стр. 93) в смятение, утверждая, что «Пристли не заслуживает упоминания как метафизик!». Я осмелюсь утверждать, что господа Рид, Освальд, Битти думают так же. Все это естественно: *quicquid recipitur, recipitur ad modum recipientis*³².

с не меньшими мучениями навыкам чистоплотности, необходимым для их благополучия; это требует неперестанного усердия в течение нескольких лет. Они не сделают в этом никакого прогресса, если временами не будет вводиться награждение, когда они делают то, что им предлагают, и — что еще более эффективно — страдание не ассоциируется с действиями, которых их учат избегать. Таким образом формируется первоначально моральное чувство, и в детстве оно распространяется только на домашние отношения. Затем ребят посылают в школу, где те же самые страдания приучают их к тому, чтобы учить свои уроки, подчиняться своим учителям, избегать лжи, обмана, ссор, и многому они учатся также благодаря общению с другими детьми в школе, повсеместно чувствуя, что наказание обычно следует за тем, что является, как их учат, неправильным поведением. Той же линии следуют в старших классах школы и в колледже, и та же самая постоянная и суровая дисциплина абсолютно необходима, чтобы утвердить у них, пока они молоды, те навыки, которые сделают их полезными членами общества, когда они вырастут, и искоренят у них склонности, потворство которым сделает из них предмет недовольства и недоверия со стороны их сограждан. Но даже после окончания школы постоянно закреплявшиеся моральные навыки редко формируются так прочно, что могут преодолеть силу юношеских страстей, и необходимы долгие годы общения с лучшей частью общества, прежде чем моральный характер человека так закрепится, что станет безоговорочно надежным. Более того, даже в цивилизованном обществе теория морали столь неопределенна, что в некоторых пунктах она различна в различных странах. Законы, которые регулируют ее, не имеют общей нормы у всех цивилизованных наций, и даже у одной и той же нации они в каждом веке сильно изменяются. Они создаются и предписываются благодаря непредвиденным обстоятельствам, и, как мне представляется, они улучшаются. Несомненно, манеры и обычаи в Европе стали в настоящее время лучше, чем они были два столетия назад. Выше стал и уровень морали. По-

чему? Потому что опыт постепенно учит нас, каких правил поведения общество должно настойчиво требовать для достижения своих целей.

Таким образом, мораль, которая сопровождает постепенное образование идей на всех ступенях и которая изменяется соответственно существующему состоянию знаний в каждую эпоху, в каждой стране, у каждого индивида, не может быть продуктом прирожденной, с самого начала совершенной способности. Если мы обучаемся этой морали у наших преподавателей и из книг после долгого ученичества, так же как мы изучаем языки и математику, то почему нужно искать какой-либо другой источник моральных приобретений? Ограничимся причинами, которые истинны сами по себе и которые достаточны, чтобы объяснить эти феномены. Я не знаю ничего, что напоминало бы удовлетворительное доказательство существования какого-либо прирожденного морального чувства. Это одна из грез онтологистов и метафизиков.

Теорема 21. О превращении эгоистических аффектаций в социальные и благожелательные. Все ассоциации детей эгоистические. Дети учатся доброжелательности по отношению к другим благодаря постоянным наставлениям и примеру родителей и друзей. Они поощряются за добрые действия, совершенные в отношении друг друга, и всяческими путями побуждаются действовать таким образом по отношению к любому человеку. Они получают выговор, если действуют иначе. Добрые чувства, которые постепенно ассоциируются с их родителями, отношениями и друзьями, побуждают их делать то, что, по их мнению, окажется приятным и получит одобрение. Руководствуясь этим, они и во всех последующих жизненных ситуациях находят, что им самим выгодно, а также приятно приносить счастье другим, что эта линия поведения порождает доброту и уважение по отношению к ним самим и что язык добрых чувств является языком цивилизованного общества. Это еще более поддерживается, когда они женятся и приобретают детей, которые являются постоянным объектом проявления доброжелательных чувств. Соответственно, когда они при-

нимают участие в общих интересах общества, к которому они принадлежат, они стремятся пожертвовать своими собственными интересами ради интересов общества. Таким путем возникает и развивается патриотизм, который хотя часто и симулируется, но часто и подлинен. Благодаря указанным средствам у многих людей развивается привычка, делая добро своим ближним, самим получать от этого удовольствие во всех случаях, где предписания общего благоразумия полностью не запрещают этого. Эта привычка благодаря ассоциированию приятных идей с добрыми делами дает многое для счастья человека в культурном обществе, и даже внешние формы и тон благожелательности, обычно предполагаемый в высших слоях общества, вызывая приятные чувства, ассоциированные с ними, прибавляют многое к взаимному удовлетворению, которое испытывают собеседники в отношении друг друга, даже тогда, когда они знают, что эти формы и тон совершенной любезности мало что значат в смысле реального великодушия и даже доброй воли.

Теорема 22. Об изящных искусствах и критицизме. Из того, что было сказано выше, и из того, что все наши интеллектуальные удовольствия и страдания, т. е. все наши удовольствия и страдания, связанные с нашими ощущениями, идеями, эмоциями, страстями и желаниями, зависят от ассоциаций, представляется, что устные и письменные проявления (*representations*), направленные на то, чтобы вызвать их, должны следовать обычно наблюдаемым курсом ассоциации, который имеет место при тех же обстоятельствах, и что их правильность в этом отношении образует естественную характерную особенность описания, и отклонение будет недостатком. И поэтому фигуры, эпитеты, умственные картины, которые выступают благодаря искусству сочинителя, должны состоять из тех ассоциированных обстоятельств, которые наиболее живо возбуждают требуемые чувства и идеи. Это представляется общим правилом, применимым ко всем частностям, которые мы находим в работах критиков.

Теорема 23. Об интеллектуальных способностях грубых животных. Они отличаются от человека острой формой лицевой части черепа, сравнительно меньшим мозгом, наличием небольшого количества артикулированных звуков или вообще отсутствием таковых, неспособностью из-за структуры своих органов изобрести или использовать механизм языка, меньшим количеством средств для приобретения идей посредством зрения и тех чувствований, которые зависят от кожи, неспособностью писать, неспособностью изобрести или употреблять орудия и инструменты искусства, неспособностью усовершенствовать знание с помощью знания, полученного предшествующим поколением, поскольку они не имеют средств для накопления или передачи, постоянным вниманием к тому, что необходимо для обеспечения их животных нужд, от чего многие люди свободны. Поэтому их интеллектуальные идеи, удовольствия и страдания действительно мало сравнимы с человеческими, в то время как их инстинктивные или автоматические движения и ощущения могут быть в этом плане более совершенными.

Этих обстоятельств, состоящих в различии организации или зависящих от этого различия, совершенно достаточно, как мне представляется, чтобы объяснить, почему животные находятся ниже человека в интеллектуальном отношении. Посмотрим, какие духовные феномены у них фактически есть. Прежде всего они имеют ту же самую систему животных частей, что и человек. Они имеют и сходный нервный аппарат. Эксперименты на позвоночных животных показывают, что перерезка, перевязка и другие способы воздействия на нерв производят тот же самый эффект, что и у человека. Поэтому оправдано отнесение их ощущений и идей к тому же самому общему органическому механизму. Очень многие случаи, сообщаемые Бинглеем в «Биографии животных»³³ и в 12-м томе избранных мыслей Бронсона, показывают, что грубых животных можно учить так же, как мы учим детей: они действуют на основании тех же ассоциаций и тех же мотивов наслаждения и страдания. Если мы хотим удерживать маленького ребенка или щенка от того, чтобы

гадить там, где нельзя, разве мы в обоих случаях не ассоциируем боль с обстоятельствами, так же как с угрозами голосом, интонацией, жестом, которые мы хотим, чтобы они поняли? Как ребенка учат урокам или как удерживают собаку... от того, чтобы броситься на стаю куропаток, если не путем ассоциации с наказанием или путем стимулирования вознаграждением, когда они действуют правильно? Имеется ли другой способ обучить танцевать собак, медведей или свиней? Они умеют, стало быть, ощущения, идеи и их ассоциации с произвольными движениями. Они имеют, стало быть, волеия. Имеют ли они разум? Образуют ли они суждение, исходя из обстоятельств, и действуют ли соответственно? Давайте рассмотрим. Разве не является известным фактом в отношении собак и кошек то, что они крадут пищу лишь тогда, когда предполагают, что за ними не наблюдают? Разве кошка прыгнет на стол украсть мясо, когда за столом находятся люди? И не сделает ли она это тогда, когда комната пуста? Кто не видел этого? Когда птица отвлекает змею от гнезда со своими птенцами — разве это не рассуждение? Когда собака, потеряв своего хозяина, последовательно движется к привычному месту его нахождения, чтобы встретить его (с моей собакой это случалось пятьдесят раз), — какой в этом случае происходит интеллектуальный процесс, если не рассуждение? Разве щенки в стае не сообразуются с опытом старших? Когда волки, охотясь за ланью, располагаются таким образом, чтобы их добыча не могла ускользнуть, и гонят ее к реке, охраняемой другими волками, что, как хорошо знают охотники, ими практикуется, когда вороны или гуси имеют в своей стае сторожа, сигнализирующего о приближении постороннего, — что это такое, если не рассуждение? Когда собака, будучи неспособной съесть всю пищу, прячет ее, как я часто наблюдал, — разве это не рассуждение? «Собака часто теряет и находит свой путь домой. Ее *восприятие* осуществляется на всех окружающих объектах, о ее *памяти или воспроизведении* говорит восприятие того, что это не ее дом, и стремление идти туда, о ее *суждении, или рассуждении*, — нахождение

своего пути домой и выбора одной дороги, а не другой, о ее *волеии* — то, что она идет скорее домой, чем не домой. Это и сходные факты настолько очевидны, что некоторые авторы, как, например, Локк, сводят различие между людьми и животными к тому, что первые способны, а вторые не способны образовывать общие или *абстрактные* идеи.

Собаки вообще идут на зов, кто бы их ни позвал, во всяком случае они прислушиваются к голосу и, кажется, учитывают, должны они идти или нет. Я полагаю, что нельзя отрицать, что, когда собаку зовут, она приписывает голос, если это не голос ее владельца, другому человеку. Теперь предположим, что чужой человек произносит кличку собаки голосом, отличным от голоса ее хозяина, и собака бежит по направлению к тому месту, откуда раздался голос. Станет ли кто-либо утверждать, что собака в этом случае не имеет идеи некоторого *человека*, зовущего ее, если по самому существу предположения она не может иметь идею какого-либо *отдельного* человека, поскольку голос принадлежит чужому? А если так, то собака способна образовывать общие или абстрактные идеи» (трактаты Купера). Так, если собакой будет услышен шум у дверей, сопровождаемый голосами чужих людей, и она начнет лаять, имеет ли она частную или абстрактную идею, если она не знает и не видела этих людей?

Эти факты укрепляют мое положение о том, что у животных могут быть психические феномены того же рода, что и у человека, только более низкие по степени и в меньшем количестве и разнообразии; поэтому они почти лишены интеллектуальных удовольствий и страданий, которые, как кажется, собака испытывает больше, чем другие животные; их автоматические движения и некоторые органы чувств являются иногда более совершенными, чем у человека; они не имеют средств накопления или передачи приобретенных знаний или усовершенствования своих интеллектуальных способностей, разве только в очень незначительной степени; и все это зависит от очень большого и явного несовершенства (*inferiority*) их телесной орга-

низации, которая не предоставляет аппаратов для этой цели.

Поскольку доказано с известной долей правдоподобности, что нет каких-либо свидетельств существования человеческой души, кроме тех, которые предоставляет человеческое тело, поскольку все так называемые способности души сводимы к состояниям тела, феноменам нервной системы, и поскольку у животных есть феномены того же самого рода, хотя и не такие же удивительные и сложные, то имеется столько же оснований приписать низшую нематериальную бессмертную душу животным, как человеку, ибо в обоих случаях ее существование выводится из того же самого класса феноменов. Но где мы можем провести [разграничительную] линию? Готовы ли мы предположить существование души у москитов или устриц?

Совершенно очевидно, как я представляю, что медицинское образование ни в коем случае не может быть завершенным, если оно не охватывает правильное воззрение на ассоциацию идей. Укажем на те ассоциации церебральных и мышечных движений, которые зависят от здорового и болезненного состояния, в частности на ассоциации, связанные с болезненным состоянием внутренних органов, действия которых в нормальном состоянии являются инстинктивными, автоматическими, невоспринимаемыми и не производят воспринимаемого воздействия на церебральные движения. Таковы различные формы лунатизма. Укажем на многообразие ассоциаций и изменение наших способов мышления и действия, обязанные различным причинам, происходящим от темперамента и пола. Истерия представляет такие случаи.

Укажем и на различные сцепления движений — произвольных и автоматических, — изменяемые здоровьем или болезнью, как это сделано Дарвином. Проследим ход его рассуждений по этому вопросу. Мне представляется, что они ведут к источнику цикличности заболевания. По всем этим вопросам следует изучать 1-й том Гартли «О человеке», «Зоономию» Дарвина и превосходный труд Кабаниса «Отношение между физической и нравственной природой человека».

Лекции д-ра Раша содержат много интересных фактов, явно собранных с этой точки зрения, с которыми он обращается осторожно, но с большой силой и талантом и большим интересом для всех. Медицинская школа в Филадельфии действительно имеет глубокие основания сожалеть по поводу потери этого воистину великого человека. Другие также хорошо знают, как и я, что гипотеза о душе при объяснении духовных феноменов отвергалась д-ром Рашем.

Совершенно очевидно, что метафизическое исследование феноменов, называемых духовными, не приведет ни к чему, кроме словесной войны игнорирующих факты спорщиков, пока эти исследования сперва не выяснят, что мы можем объяснить с помощью известных феноменов и знакомых свойств нашего организма, прежде чем мы введем какую-либо гипотезу в этих целях. Без колебаний я скажу, что ни один хороший физиолог, каков есть или должен быть каждый врач, не может без отвращения читать ни один метафизический трактат древней или современной клерикальной школы — от св. Августина до д-ра Копплстона³⁴. Я не отрицаю большой талант и проницательность таких людей, как Гоббс, Бремхолл³⁵, Кларк³⁶, Джексон³⁷, Коллинз³⁸, Эдвардс³⁹, Тукер, Копплстон, Браун и др., но они не начинают с основ, не устанавливают определенно, что представляют собой телесные феномены, относящиеся к нашему предмету, насколько далеко они намереваются идти в объяснении фактов и где они остановятся. Они не понимают, что функции организованной части [тела] являются существенными свойствами этого органа, возникающими из него, зависящими от него и существенным образом относящимися к нему. Они трудятся, явно полностью игнорируя большинство материальных фактов, относящихся к этому предмету, и поэтому, когда они правы, они правы случайно. Современное знание не может удовлетвориться назойливыми и упорными утверждениями, основанными на полуинформации. Логомахия не может представлять ценности для физиологии.

Это очевидно из предшествующего беглого очерка об *ассоциации идей*, который, надеюсь, должен по-

будить к изучению трудов Гартли и Дарвина, а не заменить это изучение.

Он состоит из перечисления фактов, совершающихся в тканях, из которых построено наше тело, зависящих от законов животной организации.

Мы знаем о способе возникновения ассоциаций между церебральными и мышечными движениями не больше, чем о том, как совершаются пищеварение, ассимиляция, секреция и т. д. Постепенное накопление и сравнение наблюдаемых феноменов нашими потомками, может быть, даст дальнейшее понимание этих тайных операций природы, а может быть, и не даст. Факты, однако, остаются фактами и останутся таковыми [независимо от того], сможем ли мы или наше потомство объяснить их или нет.

Ассоциация идей удовлетворительно объясняет, каким путем мы приобретаем знания благодаря ассоциации взглядов, тонов, жестов, слов и фраз с природными объектами всякого рода, с интеллектуальными функциями нервной системы, с телесными эмоциями, страстями и другими феноменами. Она объясняет также, каким образом свойства, общие для многих объектов, становятся источником происхождения абстрактных терминов, используемых для выражения связи реальных свойств, объединенных значением [этих терминов], а также используемых для сокращения рассуждения, подобно буквам в математических положениях или положительным и отрицательным знакам в алгебре.

Если в алгебре и математике точное значение (value) употребляемых знаков является всегда фиксированным и строго установленным, так что при сокращении никакие дефекты в цепи рассуждений возникнуть не могут, то абстрактные термины, которые вносят путаницу современной логомахии в идеологию, онтологию, психологию и другие отрасли метафизики, не фиксированы так и применяются не так строго, поэтому один автор вкладывает в употребляемое выражение, например такое, как «идея», один смысл, другой автор — иной. Ни один из метафизиков не прослеживает происхождения употребляемых им абстрактных

терминов до их корней и не определяет и не применяет их строго, с тем чтобы избежать этого всеобщего источника неточности и смещения. Это происходит из-за того, что они персонифицируют абстрактные идеи, которые являются только словами, но не вещами, а также из-за употребления ими выражений, подразумевающих анатомические и физиологические факты, без достаточного знакомства с анатомией и физиологией. Как на пример противоположной и заслуживающей похвалы практики я мог бы сослаться на предшествующую работу Бруссэ «О раздражении и безумии».

Таким образом, *учение об ассоциации идей* объясняет полностью, ясно и удовлетворительно реальное происхождение и формирование идей и привычек, называемых моральным чувством, совестью, естественным чувством правильного и ложного и т. д., и показывает окончательно, что они постепенно формируются в процессе нашего образования, нашего изучения явлений и взаимодействия с миром, а не инстинктивны у человеческого рода, как пытается научить нас шотландская школа после отца Бафффера. Ибо, если бы было так, этот инстинкт был бы повсюду одним и тем же. Отсюда мы имеем ключ к реальному смыслу терминов, моральных обязательств, правильного, ложного, добродетелей, порока, обязанностей и т. д. благодаря отчетливому прослеживанию класса действий, к которому эти слова прилагаются и с которыми ассоциируются, иначе говоря: тех действий и правил поведения, которые подкрепляют друг друга в интересах человека в обществе и благодаря действию законов и силе общественного мнения позволяют каждому индивиду в обществе привести свой собственный постоянный интерес в соответствие с ними. Во всех произведениях живописи, скульптуры, архитектуры, литературы, в риторике, поэзии, критицизме основное правило состоит в том, чтобы открыть, какие естественные или обычные ассоциации могут считаться производящими предполагаемый эффект. Ибо, если сочинитель отстает от них, он нарушает соответственно это правило хорошего вкуса...

На основе этого учения может быть объяснена естественная связь взглядов, интонации, жестов в драме и риторике, в частности в миме и балете. К этому может быть отнесен весь здравый критицизм в отношении троп, метафор, аллегорий, сравнений и всех видов украшения (embellishment) в литературе и искусстве. Все искусство планировки садов и парков зависит от принципов, которые обеспечиваются этим разделом физиологии, обучающим нас необходимости гармонии во всех наших группировках и выдумках и предостерегающим нас от всех несоответствий и непоследовательного воображения, в которое склонны впадать поэты и художники, от смешения в одной ассоциации вещей возможных и невозможных, естественных и искусственных, священных и нечестивых и других бесчисленных нарушений естественной уместности и исторического стиля, о которых здесь нет возможности говорить.

Я мог бы перейти теперь к отдельному разбору некоторых других выводов из должного рассмотрения феноменов, о которых идет речь: о свободе и необходимости. Но этот вопрос не представляет трудности для тех, кто читал Бруссэ и мои замечания по этому вопросу в трактате о материализме. Кто пожелал бы опровергнуть то, что по невежеству называется «свободой воли», мог бы обратиться к 1-му тому Гартли «О человеке» (стр. 500), к трактату Антони Коллинза «О свободе и необходимости», к размышлениям Гоббса по этому вопросу, к книге Пристли «О свободе и необходимости», к сочинениям Джонатана Эдвардса из Новой Англии. Но для физиолога все это чтение будет излишним.

Но как, благодаря какому органическому механизму происходит эта ассоциация и сцепление ощущений, идей, волений и церебральных движений друг с другом, какова непосредственно основная причина этого процесса — кто может сказать? Я не претендую на то, чтобы представить какое-нибудь объяснение этого или каких-либо других феноменов нервной системы. Но факты останутся фактами, независимо от того, объяснены они или нет. Комбинации соединяемых нами ма-

терии и движения могут объяснить жизнь растений не в большей степени, чем воление человека. Но ни в одном, ни в другом случае мы не видим какой-либо еще иной вещи, не имеем ни малейшего доказательства того, что еще какая-либо иная вещь здесь замешана. Сказать, будто невозможно, чтобы материя и движение могли вызвать незаметное отклонение растения или отстранение ребенка от нежелательного объекта, есть по меньшей мере очень самопадеянное ограничение сил природы в границах, установленных нашим собственным невежеством.

ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

ТОМАС ДЖЕФФЕРСОН

Джефферсон (Jefferson, Thomas, 1743—1826) — государственный и общественно-политический деятель США, ученый, яркий представитель американского Просвещения. Происходил из семьи состоятельных плантаторов и получил юридическое образование в колледже Уильяма и Мэри, где изучал также философию, естественную историю и другие науки. С начала самостоятельной деятельности Джефферсон выделялся как выразитель интересов революционных сил молодой американской буржуазии. В 1769—1779 гг., являясь членом Вирджинского законодательного собрания, он выступал за пересмотр устаревшего феодального законодательства, поддерживавшегося английскими властями, и за освобождение колоний от английской зависимости. Свои убеждения о необходимости вернуть народу «права, полученные по законам природы», Джефферсон изложил в 1774 г. в памфлете «Общий обзор прав Британской Америки». В годы войны за независимость от Англии Джефферсон — один из самых видных революционных деятелей. В сентябре 1775 г. Вирджинский комитет безопасности назначил его командующим милицией графства Олбермейл. Как делегат от Вирджинии на 2-м Континентальном конгрессе, собравшемся в 1775 г. и по существу явившемся революционным правительством, Джефферсон был избран в комитет по подготовке проекта Декларации независимости. Составленный Джефферсоном проект был принят в июле 1776 г. и провозгласил создание независимой американской республики. Как писал Ф. Энгельс, Соединенные Штаты «были основаны мелкими буржуа и крестьянами, бежавшими от европейского феодализма с целью учредить чисто буржуазное общество» (Соч., т. 39, стр. 128). Во время революции, исходя из теории «естественного права», Джефферсон вел борьбу за свободу каждого исповедовать любую религиозную веру, за отделение церкви от государства, за лишение англиканской церкви ее положения государственной церкви. Результатом этой деятельности Джефферсона явилось принятие в 1786 г. разработанного им статута о религиозной свободе. В 1779—1781 гг. Джефферсон был губернатором штата Вирджиния, а в 1784—1789 гг. вместе с Дж. Адамсом он

был помощником Франклина в его дипломатической миссии во Франции. В 1790 г. Джефферсон был назначен государственным секретарем США — министром иностранных дел. Демократические идеи Джефферсона снискали ему большую популярность, и в 1796 г. он был избран вице-президентом США (на четыре года), а в 1800 и 1804 гг. дважды избирался президентом США. В последний период жизни (с 1809 по 1826 г.) Джефферсон отошел от государственной деятельности и проводил время на своей ферме в Монтичелло.

В период американской революции и некоторое время после нее Джефферсон выступал как буржуазный демократ, идеолог фермеров и мелкой буржуазии, высказывался за расширение политических прав народа, его право на революцию, развивал утопические мечты о демократической республике мелких землевладельцев, был противником рабства негров. Впоследствии в мировоззрении Джефферсона начинают преобладать умеренные идеи либеральной буржуазии, и, став президентом, он укреплял власть буржуазии и плантаторов.

Общественно-политический деятель, Джефферсон был энциклопедически образованным человеком и сыграл важную роль в становлении американской буржуазной демократии, в развитии прогрессивных тенденций в американском Просвещении, культуре и науке. Трудно назвать такую область экономической и политической, общественной и культурной жизни молодой республики, которая не интересовала бы его. Влияние Джефферсона было огромным. В 1797—1815 гг. как президент Американского философского общества он выступал поборником свободного научного исследования, не зависящего от религиозных санкций. Джефферсон придавал большое значение развитию химии, медицины, минералогии, ботаники и особенно сельского хозяйства и изобретательства.

Мировоззрение Джефферсона отмечено сильным влиянием английского деизма и французского материализма. У Джефферсона нет специальных трудов, всесторонне отражающих его социально-политические, социологические и философские взгляды. Его философское наследие заключено в отдельных произведениях по вопросам политики и экономики, в составленных им государственных актах, в его «Автобиографии» и особенно в колоссальной переписке со множеством современников — видных деятелей науки и культуры Америки и Европы.

Сочинения и письма Джефферсона издавались неоднократно. Полностью его литературное наследие впервые будет опубликовано в издании, рассчитанном на 52 тома, начатом в 1950 г. и продолжающемся в настоящее время: «The Papers of Thomas Jefferson», ed. J. Boyd. Princeton — New Jersey.

ОБЩИЙ ОБЗОР ПРАВ БРИТАНСКОЙ АМЕРИКИ

«A summary view of the rights of British America». — Точная дата написания «Обзора» не установлена. Вероятно, он был написан в июле, а опубликован в августе 1774 г. в виде анонимной

брошюры в Уильямсбурге в Вирджинии как обращение к английскому королю Георгу III (правившему в 1760—1820 гг.). Первоначально работа предназначалась как инструкция для делегатов Вирджинии (в числе которых Джефферсона не было) на 1-м Континентальном конгрессе, открывавшемся в начале сентября 1774 г. Вскресте «Обзор» был переиздан в Филадельфии, Нью-Йорке, Бостоне и других городах Америки, а к концу года был дважды издан в Лондоне. По имевшимся у Джефферсона известиям из Англии, за этот памфлет он был включен в принятый палатой лордов список опасных для государства лиц. В Америке автор памфлета сразу приобрел большую популярность.

«Обзор» переводится на русский язык впервые. Перевод осуществлен Н. Л. Залкинд по изд. «The papers of Thomas Jefferson», vol. 1, 1760—1776. Princeton — New Jersey, 1950.

Сверка этой и всех остальных работ, помещенных в настоящем томе, осуществлена Н. М. Гольдбергом (за исключением тех статей, которые переведены самим Н. М. Гольдбергом. Эти статьи сверены Н. Л. Залкинд).

¹ Имеется в виду английская династия Стюартов, правившая с 1603 г. и свергнутая в 1649 г. в результате буржуазной революции, начавшейся в 1640 г.— 9.

² Население американских колоний Англии к 1775 г. составляло 2,6 млн. человек.— 14.

³ Речь идет о «Бостонском чаепитии» — событии, происшедшем в декабре 1773 г.: группа бостонских патриотов проникла на стоявшие в гавани английские корабли с чаем и выбросила его в море. В качестве репрессивной меры английские власти закрыли для торговли порт Бостон.— 15.

⁴ Трезилиан (Tresilian, Robert, ум. в 1388 г.) — главный королевский судья при Ричарде II, один из участников расправы над восставшими в 1381 г. крестьянами под руководством Уота Тайлера. В 1388 г. парламентом был обвинен в измене и казнен.— 20.

⁵ Аллод — в раннем средневековье свободно отчуждаемая земельная собственность. Впоследствии аллодиальные владения превратились в зависимые. В Англии и некоторых других государствах аллод сохранялся более длительное время.— 22.

⁶ Во время битвы при Гастинсе в 1066 г. войска нормандского герцога Вильгельма I разбили войска англосаксов.— 22.

⁷ Феод в отличие от аллода (см. прим. 5) участок земли, принадлежавший владельцу при условии выполнения им установленных повинностей по отношению к вышестоящему сеньору.— 22.

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ, СОБРАВШИХСЯ НА ОБЩИЙ КОНГРЕСС

«A declaration of the representatives of the United States of America, in General Congress assembled».— 4 июля 1776 г. 2-й Континентальный конгресс одобрил Декларацию независимости, в основе которой лежал проект, составленный Джефферсоном. Текст «Декларации» приведен Джефферсоном в его «Авто-

биографии». Перевод взят из книги: «Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII—XIX вв.», под ред. проф. П. Н. Галанзы. М., 1957. Перевод текстов Джефферсона, исключенных конгрессом из Декларации, выполнен Н. М. Гольдбергом, кроме пункта о рабстве, данного в переводе А. В. Ефимова в книге «Новая история в документах и материалах», под ред. Н. М. Лукина и В. М. Далина, изд. 2, вып. II. М., 1934, стр. 175—176. Примечания из этих книг использованы при составлении нижеприводимых примечаний.

¹ В угловые скобки заключены те места составленной Джефферсоном «Декларации», которые были вычеркнуты конгрессом. Курсивом выделены вставки, сделанные конгрессом.— 27.

² Т. е. с английским парламентом.— 29.

³ Имеется в виду оправдание в 1768 г. английских моряков, совершивших убийство двух граждан в Аннаполисе.— 29.

⁴ Закон 1774 г. предусматривал судебное рассмотрение в Англии дел американцев по обвинению в мятеже и сопротивлении властям.— 30.

⁵ Речь идет о Канаде.— 30.

⁶ При учреждении колоний король давал им хартии, а затем нарушал их, вводя свой контроль над деятельностью чиновников и т. п.— 30.

[ЗАМЕТКИ О РЕЛИГИИ]

Заметки, объединенные под рубрикой «Заметки о религии», не датированы и современными исследователями относятся к октябрю 1776 г. Представляют собой подготовительные материалы, составленные Джефферсоном в связи с обсуждением в законодательном собрании Вирджинии вопроса об отмене привилегий англиканской церкви как церкви государственной и закона о религиозной свободе. Публикуются в порядке, принятом в «The Papers of Thomas Jefferson», vol. 1. Princeton — New Jersey, 1950. Переводятся на русский язык впервые. Перевод по указанному изданию осуществлен Н. Л. Залкинд.

¹ Заметки и извлечения сделаны по кн.: Дж. Локк. Письмо о веротерпимости, 1689. Джефферсон пользовался II томом Сочинений Локка, изданным в Лондоне в 1714 г.— 34.

² Арм и н а н е — см. примечание 2 к стр. 87 т. 1 настоящего издания.— 37.

³ А р и й — см. примечание 1 к стр. 87 т. 1 настоящего издания. А ф а н а с и й — см. примечание 19 к стр. 345 т. 1 настоящего издания. Под «нашими правителями» понимаются английские короли Генрих VIII, правивший в 1509—1547 гг., Эдуард VI (1547—1553), Мария Тюдор (1553—1558) и Елизавета I Тюдор (1558—1603).— 38.

⁴ Далее идут заметки по работе А. Шефтсбери (Купера, Антони Эшли) «Письмо об энтузиазме» («A Letter concerning enthusiasm», 1708). Джефферсон пользовался книгой: A. Shaftesbury. Characteristics of men, manners, opinions, times. London, 1711.— 40.

⁵ Имеется в виду библейский текст — 2-е послание апостола Павла коринфянам.— 41.

⁶ Имеется в виду 2-я глава книги Нового завета — Соборное послание св. апостола Иакова, повествующая о том, что «вера без дел мертва». В английской Библии эта книга отсутствует, так как считается апокрифической, а не канонической.— 41.

⁷ В русском тексте Библии ст. 15, а не 13.— 42.

⁸ Приводятся слова из Деяний св. апостолов, гл. 4, ст. 12.— 42.

⁹ Акт о веротерпимости (Act of toleration) был принят английским парламентом в 1689 г., после так называемой славной революции 1688 г., в первый год правления Вильгельма III, с целью отменить легальную неправоеспособность протестантских сектантов, не соглашавшихся с англиканской церковью. Акт не распространялся на католиков и неверующих.— 43.

¹⁰ Гигин (Huginus) был папой римским в 136—140 гг.— 43.

¹¹ Здесь и далее Джефферсон цитирует трактаты английского мыслителя и поэта Мильтона (1608—1674): «The reasons of church government urg'd against prelaty» и «Of the reformation in England» (*J. Milton. Works. Amsterdam, 1698*).— 43.

¹² Ориген (185—254) — крупнейший богослов и писатель раннего христианства, составил комментарии на Библию, множество различных сочинений; хорошо зная греческую философию, пытался сблизить христианство с неоплатонизмом, защищал христианство от Цельса, критиковавшего его. Церковь объявила Оригена еретиком за попытку примирения христианства с гностицизмом.— 43.

¹³ Игнатий Богоносец (II в.) — епископ Антиохии, один из «апостольских мужей», с именем которого связано несколько посланий, в которых защищается сложившаяся организация церкви.— 44.

¹⁴ Ссылку на сочинение У. Камдена (Camden, William, 1551—1632) «Britannia» (London, 1586) Джефферсон делает по Мильтону.— 44.

¹⁵ Дионисий был папой в 259—269 гг.— 44.

¹⁶ Киприан (III в.) — епископ карфагенский, один из «св. отцов», ревностный защитник сильной центральной власти.— 44.

¹⁷ Уотерленд (Waterland, Daniel, 1683—1740) — автор теологических трактатов.— 44.

¹⁸ Никейский собор происходил в 325 г. Джефферсон ссылается на трактат протестантского богослова Чиллингворса (Chillingworth, William, 1602—1644) — «The religion of protestants...». London, 1638.— 45.

¹⁹ Иринеи (II—III вв.) — один из «св. отцов», епископ лионский, распространявший христианство в Галлии, боролся с гностицизмом.— 45.

²⁰ Савеллианцы — раннехристианские сектанты-еретики, последователи пресвитера и богослова Савеллия (III в.), видного представителя антитринитариев. Согласно учению Савеллия, единый бог, выходя для творения и становясь словом говорящим, выступает в трех формах — отца, сына и духа.— 45.

²¹ Социниане — см. примечание 25 к стр. 380 т. 1 настоящего издания.— 45.

²² Армяне.— см. примечание 2 к стр. 87 т. 1 настоящего издания.— 45.

²³ Ариане — см. примечание 1 к стр. 87 т. 1 настоящего издания. Имеются в виду гуманисты Эразм Роттердамский (1467—1536) и Гуго Гроций (1583—1645).— 45.

²⁴ Последователи епископа Аполлинария Младшего из Лаодикеи (310—392).— 46.

²⁵ Македонец — приверженцы ересиарха константинопольского Македония (IV в.), составляли одну из групп арианской ереси и преследовались императором Феодосием.— 46.

²⁶ Джефферсон ссылается на кн.: *Th. Broughton. A historical dictionary of all religions. London, 1742.*— 46.

БИЛЛЬ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ РЕЛИГИОЗНОЙ СВОБОДЫ

«A bill for establishing religious freedom».— С начала американской революции в колониях развернулась открытая борьба за отмену англиканской государственной церкви. В Вирджинии эту борьбу возглавил Джефферсон, который в 1779 г. выступил с законопроектом о религиозной свободе. Билль этот был опубликован в печати, вероятно, по частной инициативе, так как законодательное собрание не публиковало его. Борьба вокруг билля шла несколько лет, и лишь в январе 1786 г. он стал законом. Американский историк Г. Аптекер оценивает его так: «Закон 1786 года представлял собой предел достижений революционной эры в области отношений между церковью и государством, рассматриваемых в плане гражданских прав» (Г. Аптекер. История американского народа. Американская революция. 1763—1783. М., 1962, стр. 302). Под давлением народных масс после острой политической борьбы в 1791 г. были приняты поправки к конституции США 1787 г., первая из которых провозглашала свободу религии.

Билль впервые переводится на русский язык. Перевод осуществлен Н. Л. Залкинд по кн.: «The Papers of Thomas Jefferson», ed. J. Boyd, vol. 2. Princeton — New Jersey, 1950.

¹ Здесь и далее слова, набранные курсивом, были изъяты при обсуждении в палате представителей и сенате Вирджинии. Билль, ставший законом, начинался так: «Поскольку всемогущий бог...» — 47.

² В своей «Автобиографии» Джефферсон писал, что в сенате была попытка вставить в этот текст слова «Иисусом Христом», но ее удалось отвергнуть.— 47.

ЗАМЕТКИ О ШТАТЕ ВИРДЖИНИЯ

«Notes on the state of Virginia».— Одно из важных сочинений Джефферсона. Было написано в 1780—1781 гг., исправлено и расширено в 1782 г. и представляло собой ответы на вопросы

секретаря французского посольства в Филадельфии Барбе-Марбуа, собиравшего информацию о США. В мае 1785 г. Джефферсон, будучи в Париже с дипломатической миссией, отпечатал свой труд в 200 экз. для распространения лишь среди близких и знакомых. Однако, когда в 1786 г. без его ведома «Заметки о Вирджинии» были изданы на французском языке, Джефферсон решил сделать их достоянием широкого круга читателей и издал их в 1787 г. в Лондоне. Впоследствии книга неоднократно переиздавалась. Заметки состоят из XXIII глав: описание границ штата, его рек, гор, водопадов, портов, климата, населения и т. д. Публикуемые фрагменты работы переводятся на русский язык впервые. Перевод осуществлен Н. Л. Залкинд по изданию: *Th. Jefferson. Notes on the state of Virginia. Second american edition. Philadelphia, 1794.*

¹ По усмотрению (лат.).— 57.

² Война всех против всех (лат.).— 57.

³ Джефферсон стремился к ликвидации рабства, что было его несомненной заслугой, но он не был полностью свободен от предрассудков по отношению к неграм, хотя и высказывал их только как гипотетические.— 61.

⁴ Предложение отделить негров от белых, чтобы воспрепятствовать их смешению, основано на предрассудках и носит объективно реакционный характер.— 62.

⁵ Средняя школа (grammar school) включает с V по VIII классы.— 62.

⁶ Колледж Уильяма и Мэри—второй по старшинству американский колледж, основанный в Уильямсбурге (Вирджиния) в 1693 г.— 62.

⁷ Диссиденты—см. примечание 1 к стр. 100 т. 1 настоящего издания.— 66.

⁸ Об истреблении еретиков (лат.).— 67.

⁹ Критику нравов (лат.).— 70.

[О НЕОБХОДИМОСТИ ВОССТАНИИ]

Письмо это (извлечение) переводится на русский язык впервые. Перевод сделан по кн.: «The Papers of Thomas Jefferson», ed. J. Boyd, vol. 11. Princeton—New Jersey, 1955, выполнен Н. М. Гольдбергом.

¹ Медисон (Madison, James, 1751—1836)—американский государственный и общественный деятель, бывший в президентство Джефферсона государственным секретарем, а в 1809—1817 гг.—президентом США.— 76.

² Имеется в виду восстание бедноты, вспыхнувшее в 1786 г. в Массачусетсе под руководством Даниэля Шейса.— 76.

³ Предпочитаю опасную свободу спокойному рабству (лат.).— 77.

[ОБРАЗОВАНИЕ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА]

Приводимое письмо было послано Джефферсоном из Парижа своему племяннику Питеру Карру в мае 1788 г. Вместе с

письмом Джефферсон послал список литературы, где под рубрикой «нравственность» названы: «...диалоги Сократа, философия Цицерона, «Принципы естественной религии» Кеймса, «Об уме» и «О человеке» Гельвеция, «Опыты» Локка, трактат Лукреция о морали». В рубрике «Религия» названы: «Локк о поведении ума, сочинения Мидлтона, философские сочинения Болингброка, эссе Юма, сочинения Вольтера, Битти».

Письмо это переводится на русский язык впервые. Перевод выполнен Н. М. Гольдбергом по кн.: «The Papers of Thomas Jefferson», ed. J. Boyd, vol. 12. Princeton — New Jersey, 1955.

¹ У а й т (Wythe, George, 1726—1806) — участник американской революции. Как делегат Вирджинии на 2-м Конинентальном конгрессе подписал Декларацию независимости. Юрист по образованию, Уайт по тем временам был в Америке весьма образованным человеком. Этому способствовала его дружба с профессором математики Смоллом, губернатором Фокье и позже с Джефферсоном.— 78.

² Нравственно прекрасные (греч.).— 79.

³ С т е р н (Sterne, Laurence, 1713—1768) — известный английский писатель-сентименталист. В своих произведениях осуждал ханжество и эгоизм, насмеялся над «здравым смыслом».— 79.

⁴ На кресте (лат.).— 81.

⁵ Ф а б р и ц и у с (Fabricius, Johann Albert, 1668—1736) — знаменитый библиограф. Имеется в виду его «Codex Aposcraphys Novi Testamenti». Hamburg, 1703.— 82.

[СИЛЛАБУС ОЦЕНКИ ДОСТОИНСТВ УЧЕНИЯ ИСУСА ХРИСТА ПО СРАВНЕНИЮ С УЧЕНИЯМИ ДРУГИХ МОРАЛИСТОВ]

«Syllabus of an estimate of the merit of the doctrines of Jesus, compared with those of others».— В 1798—1799 г. Джефферсон неоднократно беседовал с Рашем по вопросу о христианской этике и обещал письменно изложить свои взгляды. Свое обещание он выполнил через четыре года в доверительном письме Рашу 21 апреля 1803 г. Несмотря на высокую оценку Джефферсоном социального значения морали и личности Иисуса, она противоречила ортодоксальным представлениям, и Джефферсон опасался, что она станет известной. После смерти Раша в 1813 г. он обратился к семье Раша с просьбой вернуть ему «Силлабус». Еще до того Джефферсон послал черновик этого документа Дж. Пристли. Изложенные здесь идеи держались им в тайне, и лишь после его смерти «Силлабус» стал известен.

Переводится на русский язык впервые. Перевод «Силлабуса» выполнен Н. М. Гольдбергом по кн.: «The complete Jefferson». Assembled and arranged by S. Padover. N. Y., 1943.

¹ Р а ш (Rush, Benjamin, 1745—1813) — см. стр. 504—505 т. I настоящего издания.— 84.

² «Об утешении в гневе», «О спокойствии [духа]», «О постоянстве мудреца», «О спокойствии мудреца», «О блаженной жизни», «О кратковременности жизни» (лат.).— 84.

³ «О кротости», «О добрых делах». — 84.

⁴ «О провидении». — 84.

⁵ «О целях», «Тускуланские [беседы]», «Академическое», «Парадоксы», «О старости» (лат.). — 84.

⁶ «Об обязанностях» (лат.). — 85.

⁷ «О дружбе» (лат.). — 85.

⁸ «О природе богов», «О прорицании», «О судьбе» (лат.). — 85.

⁹ «Сон Сципиона» (лат.). — 85.

¹⁰ А р р и а н (Arrianus), Флавий — греческий писатель II в., ученик и последователь стоика Эпиктета, изложил его учение в «Лекциях Эпиктета» и в «Руководстве». — 85.

[ПОВЕДЕНИЕ И МАНЕРЫ]

«Conduct and manners». — Письмо это (извлечение) переводится на русский язык впервые. Перевод Н. Л. Залкинд.: «The complete Jefferson». N. Y., 1943.

¹ Р а н д о л ь ф (Randolph, Thomas Jefferson, 1792—1875) — внук Джефферсона. В 1808 г. пятнадцатилетний Рандольф, до того воспитывавшийся в Монтчелло, был послан в Филадельфию для продолжения образования. Джефферсон проявлял большой интерес к его развитию и воспитанию. — 88.

[ПРИНЦИПЫ ИСУСА]

Письмо это (извлечение) переводится впервые на русский язык. Перевод Н. М. Гольдберга по кн.: «The Adams — Jefferson Letters», vol. II. Chappell Hill, 1959.

¹ А д а м с (Adams, John, 1735—1826) — американский государственный деятель, второй после Вашингтона президент США. Адамс был лидером консервативной партии федералистов, выступавшей против демократической партии Джефферсона, и, будучи президентом в 1796—1800 гг., провел ряд реакционных, антидемократических законов. В философско-религиозных взглядах придерживался умеренного деизма. — 91.

² М и ш н а — толкование «моисеева закона» (пятикнижия) — и Гемара — толкование Мишны — образуют иудейский религиозный сборник — Талмуд, появившийся в IV—V вв.; к а б а л а (букв. «полученное по преданию») — еврейское религиозно-мистическое учение, распространившееся в средние века и изложенное в двух литературных памятниках — Сефер Иецирах (Книга создания) и Зогар (Сияние). — 91.

³ Речь идет о труде немецкого историка философии Брукера (Brucker, Johann Jakob, 1696—1770) «Historia Critica Philosophiae» (5 B-de. Leipzig, 1742—1744). — 91.

⁴ Э н ф и л ь д (Enfield, William, 1741—1797) — английский богослов, автор упоминаемого Джефферсоном труда «The English preacher, or Sermons on the principal subjects of religion and morality», 9 vol. London, 1773—1779. — 91.

⁵ С т а г и р и т ы — последователи Аристотеля. Г а м а л и е —

литы — последователи ученого раввина Гамалиеля, упоминаемого в Новом завете, который разрешал своим ученикам читать языческую литературу. Эклетики — подразумеваются последователи Филона Александрийского (ок. 20 г. до н. э.—50 г. н. э.), пытавшегося соединить иудейскую теологию с платонизмом и неопифагорейством. Гностики — последователи религиозно-философского направления I—II вв., пытавшиеся сочетать основы возникшего христианства с элементами античной философии, с восточной магией и мистикой.— 92.

⁶ Эоны — имеется в виду учение гностика Валентина (II в.) о мире эонов, из которого возникает и куда возвращается все, способное к восприятию истины. Совершенный эон — пратец, первоначало.— 92.

⁷ Ебиониты (от древнееврейского «бедные») — первые христиане из евреев, продолжавшие держаться ветхозаветных иудейских обрядов. Церковь считала их еретиками. Беггарды — члены средневековых (XIII—XIV вв.) еретических мужских сект, состоявших из ремесленной бедноты.— 93.

[АРИСТОКРАТИЯ И СВОБОДА]

Письмо это (извлечение) переводится на русский язык впервые. Перевод Н. Л. Залкинд по кн.: «The Adams — Jefferson Letters», vol. II. Chapel Hill, 1959.

¹ Феогнид из Мегар — греческий поэт (VI в. до н. э.) — представитель и защитник аристократии. В своих стихотворениях, обращенных к молодому другу Кирну (на одно из которых ссылается далее Джефферсон), он поучал его не смешиваться с народом, дабы не обесчестить аристократию.— 94.

² Окелл (Ocellus) Луканский (VI—V вв. до н. э.) — древнегреческий философ пифагорейской школы.— 94.

³ Вырождением человеческого рода (греч.).— 95.

⁴ Библейское предание об Иакове и его дяде Лаване (см. Быт., гл. 28—30) повествует о безнравственном поведении членов семьи, обманывавших друг друга.— 97.

⁵ Имеется в виду духовенство англиканской церкви, находившейся на положении государственной, которому прихожане обязаны были платить церковную десятину.— 97.

⁶ Речь идет о деятельности Джефферсона в созданной при вирджинском законодательном собрании комиссии по пересмотру дореволюционного полуфеодалного законодательства и замене его законодательством буржуазно-демократическим.— 98.

⁷ См. стр. 47 данного тома.— 99.

⁸ Курнис, добрые люди никогда не приносили вреда никакому городу (греч.).— 99.

⁹ Этим автором был Тэйлор (Taylor, John, 1753—1824) из графства Каролина в Вирджинии, писавший по политическим вопросам, поддерживавший Джефферсона и выступавший против консервативных взглядов Дж. Адамса.— 101.

[БЕССМЫСЛИЦА ПЛАТОНА]

Письмо это (извлечение) переводится на русский язык впервые. Перевод выполнен Н. М. Гольдбергом по изд.: «The Adams — Jefferson Letters», vol. II. Chapell Hill, 1959.

¹ Так называемый (фр.).— 102.

² Имеются в виду французские писатели Лафонтен (La Fontaine, Jean de, 1621—1695) и Фонтенель (Fontenelle, Bernard Le Brovier de, 1657—1757).— 104.

[МОРАЛЬНЫЙ ИНСТИНКТ]

«The moral instinct».— Письмо это (извлечение) переводится на русский язык впервые Н. М. Гольдбергом по изд.: «The complete Jefferson». N. Y., 1943.

¹ Волластон (Wollaston, William, 1660—1724) — автор известной книги «Религия природы...» («The religion of nature...», 1722).— 105.

² См. примечание 2 к стр. 79 настоящего тома.— 106.

³ Кеймс (Kames, Home Henry, 1696—1782) — шотландский юрист и философ. В 1751 г. опубликовал «Опыты о принципах морали и естественная религия» («Essays on the principles of morality and natural religion»), в которых поддерживал учение о врожденных идеях и считал, что у человека есть лишь видимость свободы воли.— 108.

[ПРОТИВ ПОЛИТИКИ НА ЦЕРКОВНОЙ КАФЕДРЕ]

«No politics in the pulpit».— Письмо это (извлечение) переводится на русский язык впервые. Перевод Н. М. Гольдберга по изд.: «The complete Jefferson». New York, 1943.

¹ Речь идет о Маклеоде (McLeod, Alexander, 1774—1833), священнике пресвитерианской церкви и авторе церковно-богословских трактатов.— 110.

² Имеются в виду священники: Париш (Parish, Elijah, 1762—1825), политический противник Джефферсона, федералист Огден (Ogden, Uzal, 1744—1822), выступавший против деизма и в частности против «Века разума» Т. Пейна, и Гардинер (1765—1830), написавший злобную книгу против французских революционеров-якобинцев.— 113.

[НАРОДНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО]

«Government by the people».— Письмо это переводится на русский язык впервые. Перевод Н. Л. Залкинд по кн.: «The complete Jefferson». N. Y., 1943.

Письмо, адресованное другу Джефферсона Сэмюэлю Керчевалю, последним было размножено в копиях и разослано близким знакомым. Когда Джефферсон узнал, что один список по-

пал в руки типографщика, он просил вернуть все копии и не упоминать его имени в связи с этим письмом.

¹ Война всех против всех (лат.).— 120.

[ЛИЧНАЯ ВЕРА]

«Personal creed».— Письмо это (извлечение) переводится на русский язык впервые. Перевод Н. М. Гольдберга по кн.: «The complete Jefferson». N. Y., 1943.

¹ Письмо жене Смита (Smith, Samuel Harrison, 1772—1845), издателя газеты «Нейшнл интеллидженсер», поддерживавшей Джефферсона и ставшей официальным органом при его президентстве.— 124.

² Т. Джефферсон, как и Т. Пейн далее *¹, называет Библией Ветхий завет, а Новый завет — просто Заветом.— 124.

[Я ТОЖЕ ЭПИКУРЕЕЦ]

Письмо к Уильяму Шорту переводится (в извлечении) на русский язык впервые. Перевод выполнен Н. М. Гольдбергом по кн.: «The essential Jefferson». N. Y., 1963.

¹ В оригинале на английском языке явная опечатка: presents (представляют) вместо следующего по смыслу prevents (препятствуют).— 128.

² Корреа (Correia, Jasé Francisco, 1750—1723) — известный португальский ученый, посол Португалии в США.— 128.

³ Кондорсе (Condorcet, Jean-Antoine, 1743—1794) — французский просветитель, во время революции был близок к жирондистам. В марте 1794 г. был арестован якобинцами и в тюрьме отравился.— 129.

⁴ Высшее благо (лат.).— 129.

[О МАТЕРИИ И МЫШЛЕНИИ]

Извлечение из письма приводится на русском языке впервые в переводе Н. М. Гольдберга по кн.: «The Adams — Jefferson Letters», vol. III. Chapell Hill, 1959.

¹ Речь идет о философе Стюарте (Stewart, Dugald, 1753—1828), видном представителе шотландской школы «здравого смысла», и французском философе Траси (Tracy, Antoine Destutt de, 1754—1836), испытывавшем влияние физиологического учения Каваниса.— 131.

[О МАТЕРИИ И ВОСПРИЯТИИ]

Письмо это (извлечение) переводится на русский язык впервые. Перевод Н. М. Гольдберга по кн.: «The Adams — Jefferson Letters», vol. II. Chapell Hill, 1959.

¹ Примечания, обозначенные звездочкой, взяты из кн.: *Th. Paine. The complete writings. Td. with introduction by F. Focher. vol. I—II. N. Y., 1945.*

¹ Пирронизм — учение древнегреческого философа Пиррона (365—275 гг. до н. э.), скептицизм.— 134.

[УЧЕНИЕ ИИСУСА]

«The doctrines of Jesus».— Извлечение из письма Бенджамину Уотерхаузу (Waterhouse, Benjamin, 1754—1846), профессору медицины Гарвардского университета, переведено на русский язык впервые. Перевод Н. Л. Залкинд по кн.: «The complete Jefferson». N. Y., 1943.

¹ Афанасий — см. примечание 19 к стр. 345 т. 1 настоящего издания.— 135.

² Акелдама — название кладбища в окрестностях Иерусалима; по преданию, место было куплено Иудой Искаротом на его «кровавые деньги». Отсюда фигуральное выражение: акелдама — место кровопролития, жестокости.— 136.

РЕЛИГИОЗНАЯ СВОБОДА В УНИВЕРСИТЕТЕ ШТАТА ВИРДЖИНИЯ

«Freedom of religion at the university of Virginia».— Фрагмент письма Джефферсона, публикуется на русском языке впервые в переводе Н. Л. Залкинд по кн.: «The complete Jefferson». N. Y., 1943.

[ПРОИСХОЖДЕНИЕ САМОУПРАВЛЕНИЯ]

«Origins of self-government».— Письмо английскому публицисту майору Картрайту (Cartwright, John, 1740—1824), борвавшемуся за конституционные свободы, переводится на русский язык впервые. Перевод Н. Л. Залкинд по кн.: «The complete Jefferson. N. Y., 1943.

¹ Имеется в виду книга Картрайта «The English constitution produced and illustrated» (1823), присланная автором Джефферсону.— 140.

² См. примечание на стр. 423 настоящего тома.— 140.

³ См. примечание на стр. 417 настоящего тома.— 140.

⁴ Первый вариант (фр.).— 143.

⁵ Закон законов (лат.).— 144.

ТОМАС ПЕЙН

Пейн (Paine, Thomas, 1737—1809) — революционный мыслитель и общественный деятель. Родился в Англии в семье бедного ремесленника. Тринадцати лет из-за нужды в семье вынужден был бросить обучение в школе и начал помогать отцу, работая в его мастерской. Через пять лет Пейн ушел из семьи и предпринял много попыток выбиться из бедственного материального положения. Пейн был матросом, ремесленником-корсетником, учителем, сборщиком налогов... Несмотря на то что в житейских делах неудачи преследовали Пейна, он постоянно занимался самообразованием. В 1772 г. Пейн впервые выступил как общест-

венный деятель. По просьбе своих товарищей он написал обращение в парламент, в котором изложил жалобы акцизных чиновников на их тяжелую долю. Бюро акцизов уволило беспокойного чиновника, и в 1774 г. Пейн в поисках работы приехал в Лондон. Здесь он познакомился с Франклином, по совету которого и снабженный им рекомендательным письмом и деньгами отправился в Соединенные Штаты Америки. Пейн прибыл в американские колонии в самый канун их войны за независимость, а как только война началась, включился в активную революционную деятельность. В 1775 г. Пейн редактировал газету «Пенсильванский журнал», пропагандируя в ней радикальные взгляды: отмену монархии, рабства негров. В начале 1776 г. Пейн опубликовал знаменитый анонимный памфлет «Здравый смысл», где убедительно доказывал необходимость войны против Англии за независимость ее американских колоний и призывал народ взяться за оружие. Летом того же года Пейн вступил добровольцем в революционную армию американцев. В годы войны Пейн написал ряд ярких революционных памфлетов «Американские кризисы», направленных против английской монархии и в защиту молодой американской республики. После войны он продолжал выступать в печати по общественно-политическим вопросам и одновременно обратился к научным занятиям и изобретательству. В 1787 г. Пейн отправился во Францию, а затем в Англию. Он надеялся найти там средства для постройки сконструированного им одноарочного железного моста. Из Лондона Пейн часто выезжал в Париж, где в доме Джефферсона, бывшего американским послом, встречался с видными деятелями французского Просвещения. Когда началась французская буржуазная революция, Пейн немедленно выступил в ее защиту: в 1791—1792 гг. он опубликовал памфлет «Права человека», где разъяснял события французской революции, осуждал монархию, избличал апологета английской короны Бёрка, клеветавшего на революцию. В конце 1792 г. английское правительство обвинило Пейна в заговоре против монархии; против него было начато судебное дело. Объявленный в Англии вне закона, Пейн, спасаясь от ареста, бежал во Францию. В том же году законодательное собрание предоставило Пейну как выдающемуся революционеру французское гражданство и он был избран депутатом конвента. С приходом к власти якобинцев положение Пейна ухудшилось. Сыграли свою роль интриги против Пейна его политического и идейного противника посла США во Франции Г. Морриса, а также осуждение якобинцами его связей с жирондистами. В декабре 1793 г. на основании закона о враждебных иностранцах, имевшего в виду англичан, Пейн был арестован. Он пробыл в тюрьме свыше десяти месяцев и лишь случайно спасся от казни на гильотине. В заключении Пейн написал первую часть своего труда против религии и церкви «Век разума». Затем Пейн опубликовал свою политико-экономическую работу «Аграрная справедливость» (1797) и др. В 1802 г., лишь после вступления Джефферсона на президентский пост, Пейну удалось вернуться в США. Последние годы жизни Пейн провел

в Америке. От него отвернулись друзья по революции — Раш и др. Они не могли ему простить критику правящих буржуазно-плантаторских кругов и того, что он продолжал выступать с антиклерикальными памфлетами. После смерти Пейна квакерская община запретила похоронить его на своем кладбище.

Томас Пейн — выходец из народа, революционер и общественно-политический деятель, публицист, передовой мыслитель и энциклопедист-ученый — оставил заметный след в философии американского Просвещения. Его труды до настоящего времени издаются в США и других странах. Из последних изданий трудов Пейна представляет интерес подготовленный американским историком Ф. Фонером двухтомник: *Th. Paine. The complete writings. Ed. with Introduction by F. Foner, vol. I—II. N. Y. 1945.*

ВЕК РАЗУМА

«The age of Reason». — Первая часть основного философского произведения Пейна «Век разума» была написана в 1793 г. и опубликована в 1794 г., вторая часть была написана в 1794 г., в Люксембургской тюрьме, закончена после освобождения автора в конце 1794 г. и опубликована в 1795 г. на английском языке. В то же время книга вышла на французском языке в переводе жены Кондорсе. Вскоре книга была издана в США и затем переиздавалась неоднократно. В СССР «Век разума» был впервые опубликован в издании: Т. Пейн. Избранные сочинения. М., 1959, в переводе А. С. Богомолова.

В настоящем двухтомнике «Век разума» печатается по «Избранным сочинениям». Перевод сверен с оригиналом.

¹ Фома Близнаец — евангельский персонаж, один из двенадцати апостолов, учеников Христа. — 155.

² Разговор с глазу на глаз (фр.). — 157.

³ См. примечание 2 к стр. 124 настоящего тома. — 162.

⁴ Т. е. так называемых поэтических книг Библии **¹. — 163.

⁵ «Слушайте, небеса, и внимай, земля; потому что господь говорит» [гл. 1, ст. 2] (англ.). — 164.

⁶ «Об этом плачу я; око мое, око мое изливает воды» [гл. 1, ст. 16]. Я открую путь могучему потоку, плач мой будет потоком роду людскому (англ.). — 164.

⁷ Между русским и английским переводами Библии существуют расхождения как в составе, так и в текстах. Пейн пользовался переводом, осуществленным в Англии при Якове I в начале XVII в. Перевод на русский язык приводимых Пейном библейских текстов дается в соответствии с русским переводом Библии 1908 г., все расхождения оговариваются. 1-й и 2-й книгам Самуила в английском тексте соответствуют 1-я и 2-я книги Царств русского текста. — 164.

⁸ 19-й псалом английского текста соответствует 18-му псалму русского текста Библии. — 175.

¹ Примечания, обозначенные двумя звездочками, взяты из упомянутого советского издания сочинений Т. Пейна (1959), где составлены А. Ф. Кисловой.

⁹ Об Аддисоне см. примечание 21 к стр. 149 т. 1 настоящего издания.— 175.

¹⁰ Сведения о Виргилии, которыми пользовался Пейн, нуждаются в уточнении. Виргилий (Virgilius, или Fergil, ум. в 785 г.) — ирландский аббат и ученый, вел споры с епископом Бонифацием. Последний в одном из своих доносов папе римскому Захарии сообщал, между прочим, что Виргилий в своих лекциях учил, что существует другой мир по ту сторону земли и там есть люди, т. е. что земля круглая. Захарий осудил его теорию как ошибочную и опасную и приказал Бонифацию созвать церковный совет, лишить Виргилия священства и изгнать из церкви. Есть предположения, что папа собирался вызвать Виргилия в Рим. Вскоре, однако, и Бонифаций, и Захарий умерли, а Виргилий был назначен епископом Зальцбурга, в Германии. Впоследствии католическая церковь канонизировала Виргилия, т. е. провозгласила его «святым». — 186.

¹¹ Мартин (Martin, Benjamin, 1704—1782) — английский математик и астроном. В своих лекциях по натурфилософии пропагандировал ньютоновское учение.— 190.

¹² Фергюсон (Ferguson, James, 1710—1776) — английский ученый-астроном.— 190.

¹³ Бэвис (Bevis, John, 1693—1771) — английский ученый, астроном и врач.— 190.

¹⁴ Т. Пейну, вероятно, не было известно об открытой английским ученым В. Гершелем в 1781 г. седьмой планете — Уран **. — 195.

¹⁵ Т. Пейн преуменьшал расстояния от Солнца до планет, за исключением расстояния до Сатурна, которое, согласно современным данным, несколько больше, чем считал Пейн **. — 197.

¹⁶ Пейн имеет в виду парижский паноптикум — выставку восковых фигур **. — 205.

¹⁷ Имеется в виду королева Великобритании и Ирландии Анна Стюарт, правившая в 1702—1714 гг. **. — 207.

¹⁸ Барлоу (Barlow, Joel, 1754—1812) — американский поэт и дипломат, автор поэмы «Колумбиада», с конца 80-х годов жил в Англии, где сблизился с прогрессивными мыслителями и деятелями — Пристли, Горном Туком и особенно с Пейном. Имя Барлоу было весьма популярно и во Франции, где он находился в 90-х годах. Барлоу вместе с Джефферсоном (последний это скрывал) перевел на английский язык атеистический труд Вольнея «Руины». — 211.

¹⁹ Клоотс (Cloots, Anacharsis, 1755—1794) — голландец по происхождению, активный участник французской революции. Клоотс выступал против всякой религии, особенно христианской *, призывал к войне с Германией, уверяя, что революционная Франция разобьет врагов. В 1794 г. якобинцы казнили его вместе с Эбером и другими левыми якобинцами.— 213.

²⁰ О'Хара — английский офицер, который замещал Корнуэльса во время капитуляции при Йорктауне (в США, в 1781 г.). Он находился в тюрьме вместе с Пейном, и последний дал ему взаймы около 1500 долларов, когда О'Хара был освобожден из тюрьмы раньше Пейна **. — 214.

²¹ Каррье (Carrier, Jean-Baptiste, 1756—1794) и ле Бон (Le Bon, Joseph, 1765—1795) — комиссары якобинской диктатуры, известные своей крайней жестокостью к врагам революции. После термидорианского переворота оба были гильотинированы.— 217.

²² Пейн имеет в виду английские захваты и грабежи в Индии, совершавшиеся колонизаторами под предводительством Роберта Клайва.— 217.

²³ В действительности Евклид жил в IV—III вв. до н.э.— 218.

²⁴ Имеются в виду библейские рассказы о беседе Моисея с богом на Синайской горе и о том, как по знаку Иисуса Навина якобы остановилось солнце, в то время когда израильский народ воевал против пяти аморейских царей **.— 219.

²⁵ В русском тексте Библии 120 лет **.— 222.

²⁶ В русском тексте Библии местоимения «он» нет **.— 223.

²⁷ Пейн имеет в виду то, что в английских изданиях Библии перед каждой главой помещается оглавление (перечень) наиболее важных стихов.— 224.

²⁸ В русском тексте Библии первая глава Паралипоменон начиная с 43-го стиха повторяет начиная с 31-го стиха главу 36 книги Бытия **.— 228.

²⁹ В русском тексте Библии совпадение не буквальное. В 1-й кн. Паралипоменон (гл. 1. ст. 43): «Сии суть цари, царствовавшие в земле Едома, прежде нежели воцарился царь над сынами Израилевыми».— 228.

³⁰ В русском тексте Библии это место (ст. 11) дается в утвердительной форме: «Вот одр его, одр железный, и теперь в Равве, у сынов Аммоновых» (Второзаконие 3, 11) **.— 232.

³¹ См. примечание 30 к стр. 232 настоящего тома.— 232.

³² В араб — один из израильских военачальников, который, по библейскому рассказу, руководствовался в своих действиях предсказаниями пророчицы Деворы **.— 235.

³³ Фокс (Fawkes, Guy) — один из участников «порохового заговора» в Англии (1605 г.), имевшего своей целью убийство короля Якова I и всех членов парламента **.— 235.

³⁴ В английском тексте Библии выражения: «Now after the death...» — совпадают буквально.— 236.

³⁵ Т. е. третья книга по русскому тексту Библии **.— 237.

³⁶ См. примечание 4.— 238.

³⁷ В английском тексте Библии после двух книг Самуила следуют две книги Царств. В русском тексте это третья и четвертая книга Царств. Ссылки (когда не оговорено обратное) даются по русскому тексту, и в скобках указывается наименование книги **.— 241.

³⁸ При переводе текст абзаца приведен в соответствие с русским текстом Библии **.— 243.

³⁹ Питер Пиндар — псевдоним известного английского поэта-сатирика Уолкота (Wolcot, John, 1738—1819).— 245.

⁴⁰ Имеется в виду сочинение французского историка Рапена (Rapin, Paul, 1661—1725) «История Англии» (1724) в 8-ми томах.— 250.

- ⁴¹ В русском тексте Библии «две тысячи сто семьдесят два». — 250.
- ⁴² В русском тексте Библии «из сорока двух тысяч трехсот шестидесяти человек». — 251.
- ⁴³ Абенезра (или Ибн-Эзра, Авраам бен-Меир, 1093—1167) — еврейский мыслитель, один из зачинателей рационалистической критики Библии, которая была впоследствии использована и развита Спинозой в «Богословско-политическом трактате». — 252.
- ⁴⁴ В русском тексте Библии: «Слова Агура, сына Иакова». — 253.
- ⁴⁵ В русском тексте Библии соответствует псалму 136. — 254.
- ⁴⁶ Эммануил — «с нами бог». — 261.
- ⁴⁷ В русском тексте Библии: «В десятый год... в девятый месяц». — 265.
- ⁴⁸ Еврейское слово, означающее провидца в 1-й кн. Самуила (Царств), гл. 9. Chozeh — пристально смотрящий (the gazer). — 268.
- ⁴⁹ В русском издании Библии гл. 13. — 270.
- ⁵⁰ «Притчу против преследования», написанную Франклином в 1759 г., и примечание к ней см. в томе I настоящего издания. — 278.
- ⁵¹ Т. е. католическая церковь **. — 278.
- ⁵² Селькирк (Selkirk, Alexander, 1676—1721) — английский моряк. Его пребывание в течение пяти лет на необитаемом острове явилось предметом нескольких описаний и сам он — прототипом «Робинзона Крузо», написанного Дефо в 1719 г. — 279.
- ⁵³ Имеется в виду спор между одним из «отцов» христианской церкви, Августином (354—430), и представителем манихейской ереси Фаустом из Милевы, с 383 г. поселившимся в Карфагене. Манихейство — религиозно-синкретическое течение, близкое к гностицизму. — 298.
- ⁵⁴ Имеется в виду французский философ-просветитель Буланже (Boulanger, Nikolas-Antoine, 1722—1759). В издании его «Recherches sur l'origine du despotisme oriental», вышедших в 1761 г., были включены «Dissertation sur saint Pierre», а также «Dissertation sur saint Paul» (последняя представляла собой перевод Гольбахом на французский язык сочинения английского деиста Питера Аннета «The history and character of St. Paul examined», опубликованного между 1739—1749 гг.). Возможно, Пейн пользовался сочинением Буланже, изданным в 1792 г. — 299.
- ⁵⁵ Афанасий — см. примечание 19 к стр. 345 т. I настоящего издания. — 308.
- ⁵⁶ Отличие между квакерами, к которым принадлежал отец Пейна, и деистами состоит в том, что квакеры верят в некое мистическое «внутреннее озарение», «внутренний свет» (отождествляемый ими с Христом), помогающий им «познать» бога сердцем, деисты же «познают» бога разумом. — 312.

ТОМАС КУПЕР

Купер (Cooper, Thomas, 1759—1839) — ученый и общественный деятель-просветитель. Родился и получил образование в Англии. В Оксфорде и Лондоне он изучал право, философию, медицину и химию. В 1781 г. Купер сблизился с философом-материалистом Джозефом Пристли, который оказал большое влияние на развитие его мировоззрения. С 80-х годов научная и общественная деятельность были связаны с Манчестером. Здесь он был принят в Литературное и философское общество, явился одним из создателей Общества по запрещению работорговли. В докладах и статьях на философские и политические темы Купер выступал как просветитель за распространение знаний, за демократические реформы, против «тиранических» (т. е. феодальных) режимов, против «системы политического угнетения». Молодой Купер заслуженно приобрел славу смелого ученого и прогрессивного мыслителя. Именно его радикальные взгляды, по мнению Пристли, послужили препятствием для принятия его в члены Королевского общества (Академии наук). Французская революция послужила сильным толчком для роста демократического движения в Англии. Купер явился активным деятелем Манчестерского конституционного общества, которое направило его в 1792 г. в Париж для установления связей с якобинским клубом. Энергичные выступления Купера в защиту французской революции, против Э. Бёрка и в поддержку Пейна послужили причиной яростных нападков на него со стороны реакционных элементов. В 1791 г. Купер был изгнан из Манчестерского литературного и философского общества. В 1792 г. в Манчестере была разгромлена редакция газеты, которую редактировал Купер, а сам он едва избежал ареста. В 1794 г. Купер и Пристли вместе с семьями из-за преследований вынуждены были покинуть Англию и уехать в США.

В Соединенных Штатах Купер присоединился к республиканской партии Джефферсона и как редактор нортумберлендской газеты отстаивал демократические завоевания американской войны за независимость от посягательств крупной буржуазии и плантаторов, проводником политики которых была партия федералистов. За критику в печати реакционной политики правительства Дж. Адамса Купер был обвинен в «подстрекательстве к мятежу» и осужден на шестимесячное тюремное заключение и денежный штраф. В избирательной кампании 1800 г. Купер решительно поддержал Джефферсона, и это способствовало укреплению их дружбы. Джефферсон потом не раз помогал Куперу.

В 1804—1811 гг. Купер служил окружным судьей в штате Пенсильвания. Уже в эти годы обнаруживается поправление его политических взглядов. Постепенно Купер отказывается от старого демократизма и поддерживает установившееся в США господство буржуазии и плантаторов. Он выступает против расширения избирательных прав, за усиление исполнительной власти, а затем и с поддержкой плантационного рабства на юге.

Что касается философских взглядов Купера, то они по-

прежнему оставались материалистическими и были направлены против попыток духовенства мешать развитию в США научного исследования. Воинственный антиклерикализм Купера, его слабо прикрытый атеизм явились причиной многих трудностей, с которыми ему пришлось встретиться на своем жизненном пути. В 1811 г. Купер лишь благодаря помощи влиятельного Бенджамина Раша получил работу в Карлейль-колледже в Пенсильвании, где до 1815 г. читал лекции по химии. В 1816—1819 гг. Купер был профессором химии и минералогии в Пенсильванском университете. В 1819 г. он был избран профессором основанного Джефферсоном Вирджинского университета, но в том же году клерикальные круги штата добились отстранения его от работы. Джефферсон писал, что это решение его огорчило, так как в Купере он видел «краеугольный камень» университета. Купер уехал в Южную Каролину, где оставался до конца жизни, как профессор колледжа преподавал химию, политическую экономию, изящную словесность и другие науки и в продолжение двенадцати лет был президентом колледжа. Все эти годы работы в Южной Каролине Купер неустанно пропагандировал естественнонаучные материалистические представления и вследствие этого находился в конфликте с церковными кругами штата, отношения с которыми нередко принимали острый характер.

В истории американской общественной и научной мысли энциклопедически образованный Купер известен благодаря своим сочинениям в различных областях знания. Его «Лекции об элементах политической экономии» (1826), явившиеся первым американским учебником, были отмечены К. Марксом и Ф. Энгельсом; широкой известностью пользовались лекции Купера по химии и др. Еще в бытность в Англии Купер опубликовал доклад «Обзор споров о материализме», позже включенный в его сборник «Трактаты этические, теологические и политические» («Tracts ethical, theological and political». Warrington, 1789). В 1806 г. совместно с сыном Дж. Пристли Купер публикует «Воспоминания Дж. Пристли» и снабжает их своими обширными комментариями («Memoirs of Dr. Joseph Priestley, to the year 1795, written by himself: with a Continuation, to the time of his decease, by his Son, Joseph Priestley: and Observations on his writings, by Thomas Cooper, president judge of the fourth district of Pennsylvania, and the Rev. William Christie», 2 vols.) В 1823 г. в Филадельфии были изданы трактаты Купера «Обзор метафизических и физиологических аргументов в защиту материализма» и «Материализм Священного писания» («The scripture doctrine of materialism»). Оба этих трактата и два других своих сочинения Купер включил в качестве приложения к своему переводу на английский язык труда французского врача Ф. Бруссэ «О раздражительности и сумасшествии» (*F. J. Broussais. On irritation and insanity. Columbia, South Carolina, 1831*).

Многочисленные труды Т. Купера, пионера материалистической мысли в США, публиковавшиеся при его жизни открыто или анонимно, после его смерти не были собраны воедино и изданы. Исключение составляют фрагменты из «Обзора аргументов», публикуемые в хрестоматиях по истории философии.

**ОБЗОР МЕТАФИЗИЧЕСКИХ И ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ
АРГУМЕНТОВ В ЗАЩИТУ МАТЕРИАЛИЗМА**

«A view of metaphysical and physiological arguments in favor of materialism». — Работа Купера публикуется с незначительными сокращениями на русском языке впервые. Перевод осуществлен М. Г. Ярошевским по кн.: *F. J. Broussais. On irritation and instantly. Appendix. Columbia, S. C., 1831.* Купер посвятил трактат «врачам Соединенных Штатов как наиболее компетентным судьям аргументов, содержащихся в нем».

¹ Из возможного не следует заключение о действительном (лат.). — 327.

² Браун (Brown, Thomas, 1778—1820) — шотландский философ, врач и писатель. Мироззрение Брауна сложилось под влиянием идеалистической шотландской школы «здорового смысла», и в частности Дугалда Стюарта, лекции которого Браун слушал и которого заменил как лектора по нравственной философии в Эдинбургском университете. Воззрения Брауна испытали французское влияние (Кондильяка и де Траси). Купер имеет в виду работу Брауна, опубликованную в 1814 г., «О сущности и тенденции учения Юма об отношении причины и следствия» (*Observations on the nature and tendency of the doctrine of mr. Hume concerning the relation of cause and effect*). — 331.

³ Лейпотимических — связанных с потерей сознания. — 333.

⁴ На это время (лат.). — 333.

⁵ Извне (лат.). — 333.

⁶ Внутри (лат.). — 333.

⁷ Утверждающему надлежит подтверждать. Из возможного не следует заключения о действительном (лат.). — 334.

⁸ Невозможно, чтобы одно и то же и было и не было (лат.). — 335.

⁹ От возможности до действительности, от потенции к акту (лат.). — 336.

¹⁰ Нет ничего в интеллекте, чего бы не было прежде в чувствах (лат.). — 337.

¹¹ Биша (Bichat, Marie-François-Xavier, 1771—1802) — известный французский врач, физиолог и анатом. Купер имеет в виду его работу «*Recherches physiologiques sur la vie et la mort*»; вышла в Филадельфии в 1809 г. — 337.

¹² Блюменбах (Blumenbach, Johann Friedrich, 1752—1840) — немецкий ученый, физиолог, профессор медицины в Геттингенском университете. Автор «*Geschichte und Beschreibung der Knochen des menschlichen Körpers*» (1786), «*Institutiones physiologicae*» (1787) и др. — 337.

¹³ Ришеран (Richerand, Balthasar Anselme, 1779—1840) — французский ученый, физиолог и хирург, один из организаторов во Франции Академии медицины. Купер имеет в виду один из его главных трудов — «*Nouveaux éléments de physiologie*», вышедший в Париже в 1801 г. и в Филадельфии в 1813 г. — 337.

¹⁴ Мажанди (Magendie, François, 1783—1855) — французский физиолог, автор многочисленных трудов, и в частности

экспериментальных исследований в области различия двигательных и чувствительных нервов. Его и Чарльза Белла открытия были важным этапом (по выражению И. М. Сеченова, «анатомическое начало») в физиологии нервной системы.— 337.

¹⁵ Лоуренс (Lawrence, William, 1783—1867) — английский физиолог и хирург, профессор хирургического колледжа в Лондоне. Опубликовал курсы лекций: «An introduction to comparative anatomy and physiology» (1816), «Lectures on the physiology, zoology, and natural history of man» (1819), вызвавшие возмущение теологов, усмотревших в них подрыв религии и Священного писания.— 337.

¹⁶ Рид (Reid, Thomas, 1710—1796) — шотландский философ, профессор университета в Глазго, основатель школы «здорового смысла», дуалистического религиозно-философского направления, отрицавшего материализм, но подвергавшего критике субъективный идеализм. Главный труд Рида «An inquiry into the human mind on the principles of common sense» вышел в свет в 1764 г. и несколько раз переиздавался.— 338.

¹⁷ Битти — см. примечание 6 к стр. 403 т. 1 настоящего издания.— 338.

¹⁸ Грегори — см. примечание 19 к стр. 418 т. 1 настоящего издания.— 338.

¹⁹ Возможно, имеется в виду работа анатома Баркля (Barclay, John, 1758—1826) «An inquiry into the opinions, ancient and modern, concerning life and organization» (1822).— 338.

²⁰ Непременным условием (лат.).— 339.

²¹ См. примечание 1 к стр. 327 настоящего тома.— 341.

²² Купер имеет в виду эпизод из романа французского писателя А. Р. Лесажа (1668—1747) «Жиль Блаз», где описывается смерть гренадского (а не толедского, как ошибочно пишет Купер) архиепископа.— 343.

²³ Гартли — см. примечание 3 к стр. 436 т. 1 настоящего издания.— 344.

²⁴ См. примечание 1 к стр. 131 настоящего тома.— 344.

²⁵ О том, что не дано в явлении, и о том, чего не существует, мы можем судить на равных основаниях (лат.).— 344.

²⁶ Восходящее формообразование (лат.).— 347.

²⁷ См. примечание 12 к стр. 447 т. 1 настоящего издания.— 347.

²⁸ Ферриар (Ferriar, John, 1761—1815) — английский врач, друг Купера со времени их совместной деятельности в Манчестерском литературном и философском обществе.— 348.

²⁹ Хоум (Home, Everard, 1756—1832) — английский профессор анатомии и хирургии.— 348.

³⁰ Флуранс (Flourens, Pierre-Jean-Marie, 1794—1867) — выдающийся французский ученый-физиолог, академик. Автор многих трудов, в частности о строении и возбудимости нервной системы. Отец Гюстава Флуранса, члена Парижской коммуны, видного ученого и революционера.— 349.

³¹ Каким образом (лат.).— 352.

³² Опушено окончание работы, которое содержит многочисленные цитаты из упомянутых лекций (1819 г.) Лоуренса

(см. примечание 15), а также из книги Эндрю Маршалла о функциях мозга и нервной системы (*A. Marshall. Morbid anatomy of the brain. London, 1815.*)— 355.

О ДУХОВЕНСТВЕ

«On the clergy».— Анонимный памфлет Купера был опубликован в 1823 г. Переводится на русский язык впервые Н. М. Гольдбергом по приложениям к кн.: *F. J. Broussais. On irritation and insanity. Columbia, S. C., 1831.*

¹ Сообща (фр.).— 360.

² Купер имеет в виду императора Австрии Франца II, правившего в 1792—1835 гг., известного своей крайне реакционной внутренней и внешней политикой, укреплением неограниченной монархии.— 361.

³ См. евангелие от Матфея, гл. 18, ст. 20.— 361.

ОБ АССОЦИАЦИИ ИДЕЙ

«On the association of ideas».— Тракта́т Купера был опубликован в приложении к переведенной им на английский язык книге *F. J. Broussais. On irritation and insanity. Columbia, S. C., 1831.* На русский язык переводится впервые по указанному изданию М. Г. Ярошевским.

¹ Браун — см. примечание 5 к стр. 437 т. 1 настоящего издания.— 364.

² Гиртаннер — см. примечание 4 к стр. 437 т. 1 настоящего издания.— 364.

³ Идеологи — так по инициативе Дестют де Траси (см. примечание 1 к стр. 131 настоящего тома) именовала себя группа поздних французских просветителей конца XVIII в., в которую входили Кабанис, Траси, Шасбеф, Вольней и Гарат. Продолжателями их явились Биша, Бруссэ и другие ученые-физиологи и общественно-политические деятели и писатели. Сам Траси придавал этому понятию особый смысл. Будучи согласен со взглядами Кабаниса, внимание которого было сосредоточено на физиологии человека, Траси уделял больше внимания психологии, или, как он говорил, «идеологии» человека. Соответственно свой основной труд Траси назвал «Элементы идеологии» («*Éléments d'idéologie*», 5 vol. Paris, 1801—1815). Наполеон Бонапарт пользовался этим термином, вкладывая в него отрицательное содержание; для него идеологи вообще и данная группа в частности представляли собой опасных философских и политических вольнодумцев.— 364.

⁴ Ришеран — см. примечание 13 к стр. 337 настоящего тома.— 364.

⁵ Мажанди — см. примечание 14 к стр. 337 настоящего тома.— 364.

⁶ Аделон (*Adelon, Nicolas-Philibert, 1782—1862*) — французский врач и физиолог. Опубликовал «*Physiologie de l'homme*» в 4-х томах (1823—1824 гг) и ряд других работ.— 364.

⁷ Бруссэ (Broussais, François-Joseph-Victor, 1772—1838) — знаменитый французский врач, автор многих трудов и среди них главного: «De l'irritation et de la folie, ouvrage dans lequel les rapports du physique et du moral de l'homme sont considérés d'après les bases de la doctrine physiologique». Paris, 1828, переведенного на английский язык Купером.— 364.

⁸ Купер ошибается: сочинение Локка «Об ассоциации идей», как 33-я глава 2-й книги «Опыта о человеческом разуме», впервые было опубликовано в четвертом издании этого труда, вышедшем «с различными поправками и дополнениями» в 1700 г. Диссертация Гея была предпослана главному труду Уильяма Кинга (1650—1729), архиепископа Дублинского, написанному на латинском языке «De Origine mali» («О происхождении зла») и вышедшему в 1702 г. в Дублине и Лондоне. Автор, исходя из локковского учения, пытался примирить существование зла, и особенно нравственного, со «всемогущим и благим богом». Вокруг книги Кинга разгорелись споры: против нее выступили Лейбниц, критиковавший учение Кинга о свободе воли, а также Пьер Бейль (1647—1706). В защиту Кинга во Франции выступил Жан Бернар. На английский язык книга Кинга была переведена Эдмундом Лоу (см. ниже прим. 20) в 1729 г. и оказала влияние на сочинение английского писателя Поупа «Опыт о человеке» («Essay on man», 1733—1734).— 365.

⁹ См. примечание 2 к стр. 331 настоящего тома.— 365.

¹⁰ Возможно, имеется в виду шотландский богослов Блейр (Blair, Hugh, 1718—1800) — друг лорда Кеймса, влияние которого он испытал.— 365.

¹¹ Кеймс — см. примечание 3 к стр. 108 настоящего тома.— 365.

¹² Уорбертон (Warburton, Willam, 1698—1779) — епископ Глостерский, писатель по религиозным вопросам, особенно резко критиковавший свободомыслие в трудах Болингброка, Поупа и др. Купер имеет в виду спор между Уорбертоном и лордом Сендвичем в английской палате лордов в 1763 г. в связи с выходом книги «Опыт о женщине» английского либерального политического деятеля Джона Уилкса (1727—1797).— 367.

¹³ Дютроше (Dutrochet, Rene-Joachim-Henri, 1776—1847) — французский ученый — врач и физиолог.— 368.

¹⁴ Легалуа (Le Gallois, Julien-Jean-Cesar, 1774—1814) — французский врач, автор трудов по различным вопросам медицины.— 368.

¹⁵ Галль (Gall, Franz Joseph, 1758—1828) — немецкий врач, основатель френологии — учения о связи между умственными способностями человека и формой (выступами) черепа. Наиболее известная его работа «Anatomie et physiologie du système nerveux en général, et du cerveau en particulier» вышла в Париже в 1809 г. в 4-х томах и была переведена на немецкий язык в 1833 г.— 368.

¹⁶ Шпурцгейм (Spurzheim, Johann, 1776—1832) — немецкий френолог, в течение нескольких лет был помощником Галля во время обучения в Вене. Наряду с Галлем был одним из круп-

ных пропагандистов френологии, с лекциями о которой выступал в Англии, Франции и США, где и умер. Ему принадлежат «Anatomie et physiologie du système nerveux» (1810) и многие другие работы.— 368.

¹⁷ Тиллотсон (Tillotson, John, 1630—1694) — архиепископ, видный деятель англиканской церкви, энергично выступавший против атеизма и католицизма.— 371.

¹⁸ Шерлок (Sherlock, Thomas, 1678—1761) — английский богослов, епископ, опубликовал сборник проповедей против книги деиста А. Коллинза «Основания христианской религии» и трактат против книги деиста Т. Вулстона «Рассуждение о чудесах».— 371.

¹⁹ Уотсон (Watson, Richard, 1737—1816) — английский богослов и ученый-химик, епископ Ландафский. Особую известность приобрел благодаря своим выступлениям против свободомыслия и атеизма. Он подверг нападкам антицерковный и антихристианский труд историка Э. Гиббона (1737—1794) «История упадка и разрушения Римской империи», а в 1796 г. в ответ на «Век разума» Пейна написал «Апологию Библии». «Ответ Уотсону, епископу Ландафскому», который Пейн намеревался опубликовать как третью часть «Века разума», был издан в 1810 г., уже после смерти Пейна.— 371.

²⁰ Лоу (Law, Edmund, 1703—1787) — епископ Карляйля. В 1754 г. публично защищал на степень доктора богословия сочинение о душе, которую он рассматривал как по своей природе не бессмертную, а находящуюся в период между смертью и воскресением в состоянии сна. К одному из изданий своего труда, «Theory of religion» (1745), Лоу присоединил «Appendix concerning the use of the words soul and spirit in the Holy Scripture», который и имеется в виду Купером.— 371.

²¹ Байлье (Baillie, Mathew, 1761—1823) — шотландский врач, автор «The morbid anatomy of some of the most important parts of the human body». London, 1793, посмертно изданного «Lectures and observations on Medicine». London. 1825.— 372.

²² Абернети (Abernethy, John, 1764—1831) — английский хирург. Его книга «Surgical observations on the constitutional origin and treatment of local diseases» (1817) в свое время была весьма популярной.— 372.

²³ О Ферриаре и Хоуме см. примечания 28 и 29 к стр. 348 настоящего тома.— 374.

²⁴ См. примечание 32 к стр. 355 настоящего тома.— 374.

²⁵ Аберкромби (Abercrombie, John, 1780—1844) — шотландский врач. Купер имеет в виду его работу «Pathological and practical researches on the diseases of the brain and the spinal cord», 1828.— 374.

²⁶ Броди (Brodie, Benjamin Collins, 1783—1862) — английский физиолог и хирург, слушал лекции упомянутых выше Аберкромби и Хоума.— 375.

²⁷ Все, что воспринимается, воспринимается в соответствии со способом восприятия (лат.).— 376.

²⁸ Что к нам доходит через слух, то слабее в нас трогает

душу, нежели то, что само представляется верному глазу (лат.). См. Гораций. Наука поэзии, стих 180—181.— 379.

²⁹ Росций, Квинт (ок. 126—62 до н. э.) — римский актер-мим, по рождению раб, друг Цицерона, сравнивал театральное искусство с искусством красноречия.— 380.

³⁰ Один из классов растений (пестиковые) в ботанической системе Линнея.— 381.

³¹ Имеется в виду сочинение английского писателя Вальтера Скотта (Scott, Walter, 1771—1832) «Письма о демонологии и колдовстве, адресованные Дж. Локкарту» («Letters on demonology and witchcraft, addressed to J. G. Lockhart». London, 1830; есть русский перевод).— 393.

³² См. примечание 27 к стр. 376 настоящего тома.— 396.

³³ Речь идет о популярном компилятивном сочинении английского писателя Бинглей (Bingley, William, 1774—1823) «Animal biography» (1804), имевшем целью пробудить интерес читателя к естественной истории.— 400.

³⁴ Коплстон (Copleston, Edward, 1776—1849) — английский богослов, епископ Ландафский, консерватор по своим взглядам.— 404.

³⁵ Бремхолл (Bramhall, John, 1594—1663) — архиепископ англиканской церкви в Ирландии.— 404.

³⁶ Кларк (Clarke, Samuel, 1675—1729) — английский богослов и философ, идеалист, активный противник вольнодумства.— 404.

³⁷ Джексон (Jackson, John, 1686—1763) — английский теолог, автор трактатов о человеческом уме, о душе, сочинений в защиту Сэмюэля Кларка и против свободомыслящих.— 404.

³⁸ Коллинз (Collins, John-Anthony, 1676—1729) — английский деист.— 404.

³⁹ Имеется в виду американский теолог и философ, близкий к берклианству, Эдвардс (Edwards, Jonathan, 1703—1758).— 404.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абенезра (Ибн-Эзра), Авраам
 бен-Меир 252
 Аберкромби 374
 Абернети 372, 374
 Августин, Аврелий 298, 299, 404
 Адамс, Джон 91, 94, 131, 133
 Аддисон, Джозеф 175
 Аделон 364
 Александр Иерусалимский 43
 Анна Стюарт 207
 Антонин 84
 Арий 45
 Аристотель 219, 220
 Арриан, Флавий 85
 Архимед 218
 Афанасий 135, 308

 Байлье, Мэтью 372
 Барклей 338
 Барлоу, Джоэл 211, 213
 Бастини, Шарль 214
 Баффьер 406
 Бенуа 213
 Бергман 388
 Беркли, Джордж 340
 Бёрк, Эдмунд 319
 Бинглей 400
 Битти, Джеймс 338, 365, 396
 Биша, Мари Франсуа Ксавье
 337, 349
 Блейр, Хью 365, 366
 Блэкдэн 211
 Блюменбах, Иоганн Фридрих
 337, 347, 372
 Бонд 214
 Браун, Джон 364
 Браун, Томас 331, 337, 365

 Бремхолл, Джон 404
 Броди, Бенджамин Коллинз
 375, 376
 Бронсон 400
 Брукер, Иоганн Якоб 91
 Брутон 46
 Бруссэ, Франсуа Жозеф Вик-
 тор 364, 373—375, 406, 407
 Брюстер 396
 Буланже, Никола Антуан 299
 Бэвис, Джон 190

 Вадье 214
 Ваннюль, Джозеф 214
 Вашингтон, Джордж 211
 Веспасиан 219
 Вильгельм Нормандский 22, 23
 Вильгельм III (Оранский) 20
 Виргилий (ирландский аббат)
 186
 Волластон, Уильям 105

 Галилей, Галилео 69, 186, 367
 Галлер, Альбрехт 337, 388
 Галль, Франц Иосиф 368
 Гардинер 113
 Гартли, Давид 337, 344, 355,
 364, 365, 367, 372, 373, 376,
 381, 389, 396, 403, 405, 407
 Гассенди, Пьер 127
 Гей 365
 Гельвеций, Клод Адриан 107
 Генрих VIII 38
 Георг II 12
 Георг III 25
 Геродот 219
 Гиртаннер, Кристоф 364

- Гоббс, Томас 404, 407
 Гольбах, Поль-Анри 106
 Гомер 60, 219, 220, 229, 247, 300, 301
 Гораций, Квинт 379
 Гофман 388
 Грегори, Джоз 338
 Грин, Эшбел 362
 Гроций, Гуго 45
 Грэхэм 214
 Гук, Роберт 388
 Даламбер, Жан Лерон 106
 Дарвин, Эразм 337, 347, 364, 369, 372, 374, 376—378, 381, 385, 389, 390, 403, 405
 Декарт, Рене 69, 187
 Демосфен 102, 219
 Джексон, Джон 404
 Джефферсон, Томас 211
 Дидро, Дени 106
 Дионисий 44
 Дютроше, Рене Иоахим Анри 368
 Евклид 218, 220, 300, 301
 Елизавета Тюдор 38
 Игнатий 44
 Иосиф 219
 Иринея 45, 299
 Иустин 45
 Кабанис, Пьер Жан 131, 337, 355, 364, 403
 Кальвин, Жан 135, 358
 Камден 44
 Карл I 10
 Карл II 11
 Карр, Питер 78
 Каррье, Жан-Батист 217
 Кеймс (Хоум, Генри) 108, 365, 366, 379, 380, 392
 Керчеваль 114
 Кинг, Вильям 365
 Киприан 44
 Кларк, Сэмюэль 404
 Клоотс, Анахарсис 213
 Коллинз, Антони 404, 407
 Кондильяк, Этьен Бонно де 364
 Кондорсе, Жан Антуан де 106, 129
 Коплетон 404
 Корреа, Хозе 128
 Ксенофонт 85, 126
 Купер 352, 402
 Ламарк, Жан Батист 347, 372
 Лаплас, Пьер Симон 326
 Лафонтен, Жан 104
 Ле-Бон, Жозеф 217
 Легалуа, Жюльен Жан Цезарь 368
 Лейбниц, Готфрид Вильгельм 335, 340, 388
 Ливий, Тит 80
 Линней, Карл 388
 Локк, Джон 34, 39, 131, 132, 134, 337, 365, 390, 402
 Лонгин 319
 Лоу, Эдмунд (епископ Карляйльский) 371
 Лоуренс, Уильям 337, 367
 Лютер, Мартин 189
 Мажанди, Франсуа 337, 349, 364, 369
 Макартней 367
 Маклеод 113
 Мальбранш, Никола 340
 Малькольм 44
 Марбуа 140
 Мария Тюдор 38
 Маркоски 214
 Мартин, Бенджамин 190
 Маршалл 374
 Медисон, Джеймс 76
 Мильтон, Джон 43, 44
 Мингей 189
 Никифор Фока 44
 Норт 388
 Ньютон, Исаак 69, 187, 326, 365, 367, 373, 388
 Окелл 94
 Одибер, Аршиль 211
 Ориген 43
 Освальд, Джеймс 365, 396
 О'Хага 214
 Окелл 94
 Пейн, Томас 140, 215
 Пиндар, Питер 245

- Питт 388
Пифагор 84
Платон 85, 102—104, 126, 136,
219, 220
Пристли, Джозеф 127, 337, 364,
366, 371, 396, 407
Рандольф, Томас Джефферсон
88, 90
Раш, Бенджамин 84
Рей 388
Рид, Томас 338, 365, 396
Ришеран, Бальтазар Ансельм
337, 349, 364, 368
Ричард II 20
Робеспьер, Максимилиан 214,
217
Росций, Квинт 380
Рубенс, Мишель 214
Селькирк, Александр 279
Сендвич 366
Сенека, Луций Анней 84, 127
Сервет, Мигель 358
Скотт, Вальтер 393, 395
Сократ 84, 85, 104, 126
Солон 313
Спиноза, Бенедик 252
Стерн, Лоуренс 79
Стюарт, Дугалд 338, 365, 396
Тацит, Корнелий 80, 219
Тиллотсон, Джон 371
Томпсон, Чарльз 124
Траси, Дестют де 131, 134, 344,
355, 364
Трезилиан, Роберт 20
Тукер 401
Уайт, Джордж 78
Уорбертон, Уильям 367
Уотерленд, Даниэль 44
Уотерхауз, Бенджамин 135
Уотсон, Ричард 371
Уэндовер 410
Фабрициус, Иоганн Альберт 82
Фауст из Милевы 298, 299
Феогиид из Мегар 94, 95, 99
Феокист Кессарийский 43
Фергюсон, Джеймс 190
Ферриар, Джон 348, 374
Филипс, Вильсон 349, 368, 376
Флуранс, Мари Жан Пьер 349
Фокс 388
Фонтенель, Бернар 103
Франклин, Бенджамин 89, 163,
211, 256, 278
Хале 342
Хоум, Эверард 348, 349, 374
Хризостом, Иоанн 299
Цезарь, Гай Юлий 53, 296
Цицерон, Марк Туллий 84, 102,
126, 219, 380
Чиллингворс, Уильям 45
Шерлок, Томас 371
Шефтсбери, Антони Эшли Ку-
пер 34, 40
Шпурцгейм, Иоганн Кристоф
368
Эдвардс, Джонатан 404, 407
Эдуард VI 38
Эзоп 229, 247
Энфильд, Уильям 91, 92
Эпиктет 84, 85, 126, 127
Эпикур 84, 126—129
Эразм Роттердамский 45
Юм, Давид 141, 331, 382

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Англикане 66
 Аполлинаре 46
 Ариане 45
 Аристократия
 — искусственная и естественная 95, 96
 Арминиане 45
 Ассоциация (ассоциации) 350
 — эгоистические 398
 — законы 376
 — идей 364—408
 — ощущений 365, 384, 387—389
 — эмоций 380
 Атеизм 105, 178
- Бог 80, 81, 135, 176, 177, 202, 209
 — как первопричина 175
 — атрибуты 174, 177
 — и человек 129, 309, 310
 Брак 94, 95
- Вера 35, 39, 41, 42, 45, 81, 155, 186, 209, 308, 310, 315
 — и разум 47
 — и сомнение 282
 (см. государство)
 Вещь (предмет)
 — и свойство 331
 Воля (воление) 337, 353, 373, 387, 390
 — определение 351, 394
 — и движение 387, 390
 — и мозг 355, 383, 384, 386, 390
 — у животных 401, 402
 Восприятие (сознание, чувствование) 328, 333, 334, 337, 338, 346, 347, 350, 352, 370, 390, 394
 — и мозг 373
 — и нервная система 329—331
 Время
 — и пространство 175, 345
 Вселенная 129, 181, 182, 186, 195, 198, 199, 314, 318—320
- Гипотеза 342
 Гностики 92
 Государство 71
 — определение 35
 — и вера 69
 — и народ 116
 (см. религия, церковь)
- Деизм 85, 86, 175, 192, 240, 282, 294, 315—317
 Деист 210, 357
 Деспотизм (тирания) 12, 13, 16, 31, 52, 57, 72, 117
 Диссиденты 66
 Добро
 — и зло 107, 108
 Добродетель 95, 96, 106, 108, 129, 130, 315
 Догма (догмат) 44, 371
 Дух
 — и тело 366, 372
 Духовенство (священники, попы) 40, 43, 48, 97, 124, 125, 156, 224, 243, 261, 272—275, 278, 300, 307, 311, 316, 356—358, 362, 363
 (см. народ)
 Душа 333, 336, 343
 — определение 326, 340, 372
 — как гипотеза 341

- как источник психических явлений 326
 - как особая сущность 327
 - бессмертие 339, 371
 - и материя 331, 332, 340
 - и мышление 335
 - и пространство 340
 - и тело 325, 334, 338, 344, 352, 353, 369, 370
 - и чувство 341, 342
- Ересь 67, 136
- Еретик
- определение 44
- Жизнь 330, 336, 353, 370
- определение 372
 - органическая 348
 - и смерть 345
- Закон (законодательство) 12, 18, 30, 98, 118
- и власть 57
 - и свобода совести 357 (см. права)
- Зло 96
- нравственное 151, 186, 187 (см. добро)
- Знание 181, 184, 185, 197—199, 320
- распространение 62
- Идеализм (имматериализм) 332
- Идеалисты (имматериалисты) 326, 330, 338, 340, 353
- Идея (идеи) 336, 339, 352, 353, 382, 390
- определение 377, 390
 - врожденные 337
 - простые и сложные 378
 - и нервная система 380
 - и тело (телесная организация) 338, 344
- Индукция 330
- Интеллект 326, 372
- и мозг 354
- Интуиция 337
- Искусство 407
- Истина 207, 280, 281, 296, 367
- как основа нравственности 105
 - нравственная 202
 - и дискуссия 356, 357
 - и ложь (заблуждение) 39, 49, 395, 396
 - и мнения 112
 - и религия 187
- Квакеры 66, 136, 192, 312
- Керинфиане 299
- Конституция 121—123, 140—144
- Ложь 286, 357, 358 (см. истина)
- Любовь 385, 386
- Македоне 46
- Манихейцы (манихеи) 299
- Марциониты (маркиониты) 299
- Математика 256, 405
- Материализм 331
- истинность 344
- Материалист (материалисты) 131, 327, 333
- Материя 129, 193, 198, 321, 326, 327
- определение 133
 - мыслящая 391
 - организованная и неорганизованная 351
 - органическая и неорганическая 346, 347
 - и движение 325, 350, 353, 407, 408
 - и дух 134
 - и мысль (мышление) 131, 132, 305 (см. душа)
- Метафизика 337, 373, 405
- Механика 256, 320
- Мир (миры, мирозданье) 173, 177, 188, 209
- множество 198, 199
 - и пространство 194
- Мифология 153, 157, 187
- христианская 192
 - и христианство 154
- Мифотворцы (мифологи) 158
- христианские (церковные) 157, 160, 168, 169, 188
- Мораль 312, 397, 398

- определение 395
- Мысль (мышление) 394
- определение 133
- и тело 343
- (см. душа, материя)
- Народ
- нравы 71
- привилегии 73
- и власть 55
- и восстание 77
- и духовенство 361
- и законодательство 117
- и правительство 65
- (см. государство, права)
- Натурфилософия 256
- Наука 100, 189, 318
- и гражданская власть 41
- и религия 111, 112, 138
- и философия 184
- и человек 179, 180
- Необходимость 32, 55
- и свобода 407
- Нравственность 74, 79, 85, 86, 92, 105, 127, 150, 154, 313
- и эгоизм 106
- Образование 98, 99, 102, 183
- и религия 63
- и свобода 64
- Общество 23, 76, 312
- Онтология 355, 405
- Опыт 328
- Ощущение 353, 377, 379, 382
- определение 351, 376, 390
- как движение в мозгу 368
- как телесный феномен 355
- и мозг 337, 348, 374, 376, 386
- и нервная система 351
- у животных 401
- (см. ассоциация)
- Память 339, 373, 382, 391
- как ассоциация идей 392
- и мозг 355, 392
- у животных 401
- Права
- гражданские, политические 31, 48
- естественные 49
- народа 25, 141
- и закон 58, 60
- Причинность 382
- Пространство 195, 197, 200
- бесконечное 193, 198
- и движение 133
- (см. время, душа, мир)
- Протестанты 43
- Рабство 72
- Разум 69, 82, 172, 186
- и заблуждение 68
- и совесть 79
- (см. вера)
- Религия 35, 40, 48, 70, 80, 110, 124, 127, 149, 150, 152, 178, 188, 191—193, 202, 203, 210, 321, 358, 362
- единство и многообразие 200—202
- откровения 312, 314
- софизмы 169
- управление 43
- формальная 316
- и государство 378
- и общество 356
- и политика 111
- и разум 135
- и человек 203
- и чудеса 203—207, 219, 235
- и церковь 170
- (см. истина, наука, образование)
- Республика 50, 119, 143
- и монархия 114, 115
- Савеллианцы 45
- Свобода 24, 26, 27, 37, 100
- религиозная 36, 47, 48, 59, 66, 67, 99, 137, 139
- исследования 70
- личности 142
- совести 68
- (см. необходимость, образование)
- Священное писание (Писание, Библия, Ветхий завет, Новый завет) 162, 163, 166, 167, 179, 216, 228, 230, 237, 315, 321
- авторитет 67, 68, 219, 248
- аутентичность (авторство,

- подлинность) 220, 221, 223, 225—229, 236, 238, 255
- достоверность, недостоверность 226, 232, 258, 266
- нравственные принципы 91
- противоречия (противоречивость) 233, 241, 262, 264, 280, 281, 290, 291, 293, 295, 298, 301, 308
- и откровение 161, 309, 310
- и пророчества (пророки) 164, 165, 208, 209, 244, 260, 261, 268—271, 274, 277, 278, 287, 295, 302, 309
- и хронология 241, 245, 247, 253, 257, 259
- и церковь 171
- Севениане 299
- Секты 127
- Смерть 339
 - (см. жизнь, сознание)
- Сознание 304, 305
 - и смерть 306
 - (см. также восприятие)
- Социннани 45
- Спор
 - и спорщики 89, 90
- Справедливость (справедливое)
 - нравственная 171, 217
 - и несправедливость (несправедливое) 25, 27, 28, 79
- Субстанция 346
 - и свойства (качества) 328, 332, 336, 345
- Суждение 337, 353, 373, 382, 393
 - и мозг 355
 - у животных 401
- Теизм 187, 188
- Теология 317, 318
 - истинная 159, 178, 256
- Теория 341
- Термин 405, 406
- Терпимость (веротерпимость) 36, 39, 40, 66, 70
- Удовольствие 107
 - и страдание 128, 382, 399
- Философ (философы) 84, 87, 369, 370
- Философия 40, 87, 128, 193, 212
 - нравственная (нравственности) 79, 126
 - (см. наука)
- Христианство 34, 41, 42, 69, 70, 103, 145, 156, 187, 189, 311
 - (см. мифология)
- Церковь 36, 45, 150, 152, 298, 299
 - определение 35
 - и государство 151, 317, 358
 - и общество 360
 - и французская революция 300
 - (см. вера, религия, Священное писание)
- Человек
 - и животное 354, 355, 400, 402, 403
 - (см. также бог, наука, религия)
- Чувство 338, 339, 352
 - моральное 395, 397, 406
 - и речь (слова) 381
 - (см. душа)
- Эбиониты 299
- Энкратиты 299
- Эоны 92
- Этика 84, 85, 91, 94
- Явление (феномен)
 - интеллекта 325, 369
 - психические (духовные) 337, 340, 344, 352, 355, 370, 371, 393, 404
- Язык 173, 379, 380
 - изучение 184, 185
 - и мироздание 174

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМАС ДЖЕФФЕРСОН

Общий обзор прав Британской Америки	7
Декларация представителей Соединенных Штатов Америки, собравшихся на общий конгресс	27
Заметки о религии	34
Заметки по Локку и Шефтсбери	—
Заметки о епископстве	43
Заметки о ереси	44
Билль об установлении религиозной свободы	47
Заметки о штате Вирджиния	50
Вопрос XIII. Конституция штата и ее отдельные пункты	—
Вопрос XIV. Отправление правосудия и описание законов	54
Вопрос XVII. Различные религии, принятые штатом	66
Вопрос XVIII. Особые обычаи и нравы, которые могут быть приняты в этом штате	71
Вопрос XIX. Состояние промышленности, коммерции, внутренней и внешней торговли	73
[О необходимости восстаний]. Письмо Д. Медисону	76
[Образование молодого человека]. Письмо П. Карру	78
[Силлабус оценки достоинств учения Иисуса Христа по сравнению с учениями других моралистов]. Письмо Б. Рапу	88
[Поведение и манеры]. Письмо Т. Рандольфу	88
[Принципы Иисуса]. Письмо Д. Адамсу	91
[Аристократия и свобода]. Письмо Д. Адамсу	94
[Бессмыслица Платона]. Письмо Д. Адамсу	102
[Моральный инстинкт]. Письмо Т. Лоу	105
[Против политики на церковной кафедре]. Письмо Уэндоверу	110

{Народное правительство}. Письмо С. Керчевалю	114
[Личная вера]. Письмо С. Г. Смит	124
[Я тоже эпикуреец]. Письмо У. Шорту	126
[О материи и мышлении]. Письмо Д. Адамсу	131
[О материи и восприятии]. Письмо Д. Адамсу	133
[Учение Иисуса]. Письмо Б. Уотерхаузу	135
Религиозная свобода в университете штата Вирджиния	137
[Происхождение самоуправления]. Письмо Д. Картрайту	140

ТОМАС ПЕЙН

Век разума	149
Часть первая	—
Часть вторая	212

ТОМАС КУПЕР

Обзор метафизических и физических аргументов в за- щиту материализма	325
О духовенстве	356
Об ассоциации идей	364
Примечания	411
Указатель имен	437
Предметный указатель	440

А61

Американские просветители. Избранные произведения в двух томах. Т. 1—2. Сост. Н. М. Гольдберг. Под общ. ред. Б. Э. Быховского. Пер. с англ. М., «Мысль», 1968—1969.

(АН СССР, Ин-т философии. Философ. наследие).
Т. 2. 1969. 445 с., 3 л. портр.

Второй том включает важнейшие произведения выдающегося государственного деятеля и мыслителя Т. Джефферсона («Общий обзор прав Британской Америки», «Декларация представителей Соединенных Штатов Америки, собравшихся на общий конгресс», «Заметки о штате Вирджиния» и др.), передового общественного деятеля, революционера Т. Пейна («Век разума») и видного ученого Т. Купера («Обзор метафизических и физиологических аргументов в защиту материализма», «О духовенстве», «Об ассоциации идей»).

1Ф

1-5-1

П. в.

АМЕРИКАНСКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ
Избранные произведения в 2-х томах
Т о м 2

Редактор *А. В. Мамонтов*
Младший редактор *В. М. Кузнецова*
Оформление художника *В. В. Максина*
Художественный редактор *С. М. Полесицкая*
Технический редактор *В. Н. Корнилова*
Корректор *С. С. Новицкая*

Сдано в набор 3 октября 1968 г. Подписано в печать 10 апреля 1969 г.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂, № 1. Усл. печ. л. 23,835 с вкл.
Уч.-изд. л. 21,44 с вкл. Тираж 13 000 экз. Цена 1 р. 56 к.
Заказ № 324.

Издательство «Мысль».
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 20 Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Москва, 1-й Рижский пер., 2.

